

пространство въ 25 верстѣ покрывается водою. Особеннаго вниманія заслуживаютъ на Пымѣ такъ называемыя *ломы*, то есть заносы рѣки. Они образуются слѣдующимъ образомъ: весеннія воды разрыхляютъ берега, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, обваливаясь, такъ суживаютъ рѣчное русло, что оно легко заграждается пловучимъ лѣсомъ. Таковой намось, разъ начавшись, расширяется и увеличивается съ каждымъ годомъ, покрывается слоємъ земли и наконецъ этотъ естественный мостъ порастаетъ даже деревьями. Мыъ назвали два такихъ лома на Пымѣ: одинъ въ 10 верстахъ выше устья, другой въ разстояніи трехъ дней пути вверхъ во рѣкѣ. Первый, какъ мыъ сказывали, въ двѣ версты длиною, о послѣднемъ жители береговъ Оби не могли сообщить точныхъ свѣдѣній. Равнымъ образомъ я не могъ узнать, есть ли еще такіе ломы и выше къ верховью. Мелководье, стремнины и эти ломы дѣлаютъ плаваніе по Пыму почти невозможнымъ, хотя иногда Остяки и ѣздятъ по немъ въ маленькихъ своихъ лодкахъ. Кромѣ того Пымъ и малорыбень. Самое даже звѣроловство по берегамъ его не вознаграждаетъ труда, потому что лѣтъ 20 тому назадъ пожаръ истребилъ все лѣса. Пожаръ этотъ лишилъ Остяковъ и всего ихъ имущества; они оставили Пымъ и почти все до послѣдняго человѣка перѣбрались на маленькіе его притоки, которые въ настоящее время представляютъ больше выгоды, чѣмъ главная рѣка какъ въ отношеніи къ рыболовству такъ и къ звѣроловству. Кромѣ этихъ промысловъ, единственныхъ у сургутскихъ Остяковъ, пымскіе Остяки занимаются и оленеводствомъ; но такъ какъ стада ихъ невелики, то имъ нѣтъ надобности вести кочующую жизнь: они живутъ цѣлую зиму на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ обыкновенныхъ остяцкихъ юртахъ, сложенныхъ изъ дерева или изъ торфа. Другаго скота кромѣ оленей у нихъ вовсе нѣтъ: нѣтъ ни коровъ, ни овецъ, ни лошадей. Сосѣди ихъ, ламинскіе Самоѣды называютъ ихъ Paritscheä (*); это названіе они перенесли и на городъ Сургутъ (Paritscheä kaguat), куда пымскіе Остяки привозятъ подать; Самоѣды же доставляютъ свою подать въ Березовъ.

4) Б а л ы к ѣ (по остяцки Падакъ), незначительная рѣчка, впадающая съ юга, между Салымомъ и Юганомъ, въ такъ называемую малую или Юганскую Обь. Она во всемъ сходна съ сосѣдними рѣчками. Немногіе жители береговъ ея все Остяки и приписаны къ *Юганской погороднѣ*. Цѣлое лѣто они живутъ на малой или Юганской Оби; осенью же воз-

(1) Собственно на самоѣдскомъ языкѣ Остякъ называется Паби (Kabi), что въ буквальномъ смыслѣ значитъ рабъ. Слово Paritschea (черный) собственно эпитетъ, который кондинскіе Самоѣды придаютъ вообще Остякамъ, ѣроятно по пристрастію сихъ послѣднихъ къ синнимъ платямъ.

вращаются большею частью въ зимнія жилища, на берега Балыка и его не большихъ притоковъ.

5) Выѣтъ съ Вахомъ Юганъ (по Остяцки Юган) самый большой и во всѣхъ отношеніяхъ самый значительный изъ всѣхъ притоковъ Оби въ сургутскомъ округѣ. Онъ впадаетъ въ Юганскій рукавъ, и вытекаетъ изъ озера Барабинской степи, называемаго у сургутскихъ Остяковъ Jig-waja-teuch, т. е. медвѣжьимъ озеромъ. Очевидцы рассказывали мнѣ, что озеро это очень длинно, но въ ширину не болѣе полторы версты; что оно состоитъ изъ семи заливовъ раздѣленныхъ косами, и столь широкихъ, что стоя на одной косѣ едва размотришь другую. Суевѣрные Остяки боятся этого озера; они думаютъ, что въ немъ живетъ страшный мамонтъ и дѣлаетъ опасною ѣзду по этому озеру не только лѣтомъ но и зимою, потому что оно въ многихъ мѣстахъ не замерзаетъ и ледъ проламывается часто безъ всякой видимой причины. Въ этой же сторонѣ берутъ также начало свое рѣки Васьюганъ и Демьянка, изъ коихъ первая впадаетъ въ Обь, а послѣдняя въ Иртышъ. По всѣмъ этимъ рѣкамъ живутъ Остяки, находящіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ вслѣдствіе далекихъ охотничьихъ разъѣздовъ. Остяки, живущіе по Югану, числомъ до 1240 душъ, раздѣлены на нѣсколько волостей. Большая ихъ часть, какъ уже сказано, проводятъ лѣтніе мѣсяцы на Оби, гдѣ богатые ловятъ рыбу на собственныхъ угодьяхъ, а бѣдные нанимаются въ работники къ тобольскимъ и сургутскимъ купцамъ, которые на лѣто обыкновенно нанимаютъ рыбацкія лодки Остяковъ. Въ образѣ жизни юганскіе Остяки ничѣмъ не отличаются отъ другихъ остяцкихъ племенъ, живущихъ въ сургутскомъ округѣ. У нѣкоторыхъ есть одомашненные сѣверные олени; изъ остальныхъ же домашнихъ животныхъ держатъ только собакъ. Юганскіе Остяки живутъ въ обыкновенныхъ юртахъ; всѣ они крещены и при устьи Югана имѣютъ свою церковь, близъ коей поселилось нѣсколько русскихъ крестьянъ. Какъ въ этнографическомъ такъ и въ гидрографическомъ отношеніи, Юганъ отличается отъ вышеописанныхъ рѣкъ только размѣрами. Длина его отъ 500 до 600 верстъ, ширина около 50, а при устьи 100 сажень. Весною Юганъ очень глубокъ и повсюду судоходенъ; но лѣтомъ большіе суда не могутъ проходить даже и устье его, отъ мелей и песчаныхъ косъ. Изъ его притоковъ самый значительный—такъ называемый Малый Юганъ (по Ост. Ai jogan).

6) Три-Юганъ (Ост. Тогн Юган), небольшая рѣка, которая, пробѣжавъ около 300 верстъ, впадаетъ съ сѣвера въ Санинской рукавъ Оби (Санинскій протокъ), верстахъ въ 20 выше Сургута. Съ запада она принимаетъ въ себя Аганъ, которая на всѣхъ мнѣ извѣстныхъ картахъ обозначается главною рѣкою, между тѣмъ какъ и Русскіе и Остяки считаютъ

ее притокомъ Три-югана, называя рѣку послѣднимъ именемъ и при самомъ ея впаденіи въ Обь. Въ гидрографическомъ отношеніи Три-юганъ одинаковъ съ сосѣдними ему рѣками; что же касается до этнографіи, то мнѣ рассказывали, что къ истокамъ Агани приходятъ на лѣтнее время казымскіе Самоѣды. Большую и болѣе осѣдлую часть народонаселенія составляютъ Остяки, живущіе и лѣто и зиму по берегамъ своихъ рѣкъ и промысляющіе звѣроловствомъ, рыбною ловлею и олениводствомъ. Число Остяковъ по Тормъ-югану и Аганѣ, какъ говорятъ, простирается до 300 душъ, изъ коихъ только 96 принадлежатъ къ Аганьской волости.

ПИСЬМА.

1.

Статскому совѣтнику А. И. Шёгрёну.

Торопкова 4 (16) іюля 1843.

Отрѣшенный отъ всего остального человѣчества, прожилъ я почти цѣлую недѣлю на маленькомъ островкѣ въ неизмѣримомъ устьѣ верхней Оби, и потому не могъ отвѣчать на ваше письмо отъ 16 (28) мая, которое нагнало меня только на пути къ моему теперешнему мѣстопробыванію. Отвѣтъ мой я могъ бы, конечно, отправить изъ Самаровой, но не успѣлъ, и потому пользуюсь теперь не совѣмъ вѣрной окказіей, отправляя его съ рыбакомъ изъ Тобольска. Но путевыхъ замѣтокъ не присоединяю, потому что мой Меркурій отплываетъ сію минуту, да и я самъ черезъ часъ отправляюсь въ остяцкое селеніе, находящееся въ 15 верстахъ отъ русскаго, въ которомъ теперь пребываю. Путевой же отчетъ постараюсь между тѣмъ держать въ готовѣ, чтобы отправить его при первомъ удобномъ случаѣ. Но этотъ удобный случай едва ли встрѣтится раньше мѣсяца.

Дѣло въ томъ, что здѣсь, при устьѣ верхней Оби, я открылъ, совершенно неожиданно, нѣсколько не большихъ самоѣдскихъ племенъ, говорящихъ нарѣчіемъ значительно уклоняющимся отъ того, которымъ говорятъ прочіе Самоѣды. До сихъ поръ постоянныя занятія остяцкимъ языкомъ мѣшали мнѣ заняться серьёзно самоѣдскимъ, и потому раньше мѣсяца, вѣроятно, я не вырвусь отсюда. На пути изъ Тобольска въ Торопкову

(названіе деревни, въ которой я теперь обрѣтаюсь), я пробылъ три недѣли только въ Цингалинскихъ юртахъ и никуда не сворачивалъ въ сторону. Отсюда я предполагаю отправиться въ Сургутъ. Заѣзжать въ Кондинскъ теперь не за чѣмъ, потому что въ настоящее время Самоѣдовъ тамъ нѣтъ, да сверхъ того здѣшніе принадлежатъ именно къ кондинскимъ или казымскимъ Самоѣдамъ, о которыхъ я такъ много слышалъ еще въ первое мое путешествіе. Наконецъ я добрался таки до нихъ и совершенно случайно. Ихъ здѣсь такъ мало и они такъ перемѣшались съ Остяками, что никто о нихъ и не знаетъ. Въ Самаровой, которая отсюда не далѣе 80 или 90 верстъ, знали только, что въ Топорковой есть одинъ какой-то работникъ изъ Самоѣдовъ; ради его-то я и свернулъ сюда, вмѣсто того, чтобы ѣхать прямо въ Силарскъ, какъ располагалъ прежде. На первые мои разспросы о немъ, мнѣ отвѣтили рѣшительнымъ увѣреніемъ, что здѣсь нѣтъ никакихъ Самоѣдовъ; по счастію, вѣкорѣ по моемъ приѣздѣ, я наткнулся на нѣсколько лицъ, очевидно самоѣдскихъ, и когда я указалъ на нихъ—стали говорить, что дѣствительно есть здѣсь и кочующіе и живущіе въ работникахъ Самоѣды; наконецъ сообщили, что по окрестностямъ бродятъ еще и другія племена. Но обо всемъ этомъ, вообще и въ частности, передамъ въ путевыхъ отчетахъ...

Отъ работы и душливаго зноя, грудь моя пострадала порядочно, а желудокъ сильно протестуетъ противъ русскихъ кушаньевъ. Въ Сургутѣ, гдѣ я располагаю быть въ концѣ августа или началѣ сентября, можетъ-быть мнѣ удастся нѣсколько отдохнуть и запасти силы на зиму.

2.

КЪ АССЕССОРУ РАВБЕ.

Чебакова. 23 іюля (6 августа) 1845.

Хотя гребцы, которые должны перевезти меня въ ближайшее остяцкое и самоѣдское гнѣздо, уже наняты, я не могу однакожь отправиться въ путь, не поблагодаривъ тебя отъ всего сердца за письмо твое отъ 30 іюня, полученное мною вчера въ деревнѣ Чебаковой, при верхней Оби, между Самаровой и Сургутомъ.—Вообще говоря, положеніе мое теперь во всѣхъ отношеніяхъ порядочно. Правда, грудь иногда побаливаетъ, но оно такъ и должно, потому что во первыхъ наездилъ себя работою, во

вторыхъ жилъ нѣсколько времени на покрытыхъ иломъ островкахъ, сажень въ семь длиною—единственныхъ мѣстахъ, остававшихся надъ водою, во время страшнаго половодья, заливающего при-обьскую страну на неизмѣримое пространство. Главнымъ занятіемъ моимъ въ продолженіе лѣта былъ остяцкій языкъ, а въ послѣднее время самоѣдскій, не говоря уже о тысячахъ другихъ, менѣе важныхъ дѣлъ. Хотя иногда кожа и горитъ, но все таки теперь я веселъ и доволенъ, ибо вижу, что многіе изъ моихъ теорій оправдаются и будутъ приняты.—

Между прочимъ, благодаря нѣсколькимъ малочисленнымъ самоѣдскимъ племенамъ, которые оставались до сихъ поръ неизвѣстными и на которыхъ я неожиданно наткнулся на верхней Оби, — алтайское происхожденіе Финновъ приобрѣло математическую достовѣрность. Въ слѣдствіе этого открытія теперь можно прослѣдить почти непрерывающуюся цѣнь самоѣдской семьи народовъ отъ Архангельска и Мезени вплоть до при-байкальской страны. Но что же тутъ общаго съ финляндскими дѣлами? спрашиваешь ты меня. На этотъ вопросъ я думаю въ скоромъ времени послать отвѣтъ въ С. Петербургскую академію наукъ; но не могу удержаться, чтобы не выболтать тебѣ слѣдующаго: языкъ новооткрытыхъ Самоѣдовъ обнаруживаетъ, встрѣчающимися въ немъ измѣненіями буквъ и другими особенностями, такое близкое средство между финскимъ и самоѣдскимъ, что если послѣдній и нельзя считать членомъ финскаго корня, то во всякомъ случаѣ нельзя не признать языкомъ, находящимся въ ближайшемъ средствѣ съ финскимъ. Изъ этого слѣдуетъ, что оба народа должны имѣть общую точку исхода; а что этою точкою можетъ быть только Алтай—это доказывается еще и нѣкоторыми другими фактами. Въ продолженіе лѣта я нѣсколько ознакомился и съ татарскимъ языкомъ и открылъ, что финскій и татарскій языки не только въ грамматическомъ отношеніи, но и множествомъ словъ обнаруживаютъ такія важныя сходства, что близкое средство ихъ не можетъ подлежать никакому сомнію. А Татары, какъ извѣстно, принадлежатъ также къ числу древнѣйшихъ алтайскихъ народовъ, равно какъ и Монголы, которыхъ въ послѣднее время начали считать отраслью тюркескаго племени, имѣющей и по языку средство съ Турками или Татарами. Слѣдовательно и этотъ путь приводитъ насъ къ Алтаю, какъ къ первоначальному отечеству Финновъ. Къ этому присоединяется еще и то, что Остяки, составляющіе несомнѣнную вѣтвь финскаго племени, распространены почти до помянутаго хребта. Наконецъ, не лзя также не замѣтить, что многія названія мѣсть въ Алтайскихъ странахъ—финскаго происхожденія. Такъ какъ все вышесприведенное невольно приводитъ меня къ предположенію, что нашъ языкъ и наша древнѣйшая исторія находятся въ самой тѣсной связи съ языкомъ и съ

исторію Татаръ и Монголовъ, а, можетъ-быть, и Тибетяиъ, и Китайцевъ, то со временемъ, если Богъ пошлетъ мнѣ здоровья и силъ, я думаю обратиться свои изслѣдованія и на этотъ предметъ.

Мой спутникъ также имѣлъ намѣреніе заняться изученіемъ монголо-татарскихъ языковъ, и полагаетъ, согласно со мною, что самое удобное мѣсто для этого—Казань, богатая источниками и въ историческомъ отношеніи. Такъ какъ вслѣдствіе этого Бергстади можетъ выѣхать изъ Сибири раньше меня, то я желалъ бы знать, не соблазняется ли Казанецъ-магистръ Альцениусъ, или студентъ, г. Боргъ на поѣздки въ Сибирь. Въ случаѣ крайности я удовольствовался бы любымъ молодымъ, добрымъ и веселымъ студентомъ, лишь бы только онъ зналъ нѣмецкій языкъ. Даровой проѣздъ и столъ—единственные выгоды, которыя я могу предложить ему. Впрочемъ объ этомъ поговоримъ еще въ послѣдствіи. — — —

3

Статскому Совѣтнику А. И. ШЁГРЕНУ.

Сургутъ 12 (24) августа 1845.

Въ деревнѣ между Сиярскимъ и Сургутомъ, нагналъ меня десятникъ и вручилъ мнѣ, вмѣстѣ съ другими, и ваше письмо. Это было съ недѣлю тому назадъ.—Теперь я посылаю только замѣтки о путешествіи изъ Тобольска въ Самарову. О поѣздкѣ изъ Самаровой въ Сургутъ я не написалъ еще ничего; надѣюсь однакожь до отъезда отсюда что-нибудь приготовить. Здѣсь въ Сургутѣ я думаю пробыть еще недѣли три для изученія нѣкоторыхъ остяцкихъ нарѣчій, сходящихся въ здѣшнихъ мѣстахъ. Куда отправлюсь отсюда—не могу еще сказать: городъ въ настоящую пору почти пустъ, и я не нашелъ никого, кто бы могъ указать мнѣ прямой путь къ Енисею. Я спросилъ о немъ засѣдателя, и получилъ въ отвѣтъ: «мы дороги не запираемъ». Священникъ утверждаетъ, что до сихъ поръ никто прямой дорогой къ нему не ѣздилъ еще, но предполагаетъ, что если такой путь возможенъ, то онъ очень будетъ интересенъ. Дьяконъ говоритъ, что отецъ его, живущій священникомъ на рѣкѣ Вахѣ, когда-то ѣздилъ къ рѣкѣ Тазу, но какъ и въ какое время года, не знаетъ. Изъ здѣшнихъ

же жителей ни одинъ не предпринималъ еще такого путешествія. И такъ въ этомъ отношеніи, я нахожусь въ совершеннѣйшихъ потемкахъ. Прозвѣтъ—я не премину увѣдомить васъ о своихъ намѣреніяхъ.

Здоровье мое, вслѣдствіе пристальной работы и малаго движенія, въ послѣднее время было не совсѣмъ хорошо. Какъ вамъ извѣстно, въ теченіи этого лѣта я занимался то остяцкимъ то самоѣдскимъ языкомъ. Остяцкаго я нашолъ уже нѣсколько нарѣчій. Одно изъ нихъ распространено по всему Иртышу и по верхней Оби до рѣки Салымъ. У сей послѣдней оно нѣсколько измѣняется и составляетъ переходъ къ нарѣчію, которое распространено отъ Салыма или правильнѣе отъ Пыма до Сургута и слѣдовательно по рѣкамъ: Балуку, большому и малому Югану, Агану и Тормъ-югану, такъ какъ и по многимъ малымъ рѣчкамъ, впадающимъ въ Обь. Въ настоящее время я ревностно занимаюсь остяцкимъ нарѣчіемъ, которымъ говорятъ отсюда до Нарымской границы, а также и по нижнему теченію Ваха. По верхнему Ваху господствуетъ, какъ мнѣ сказывали, другое нарѣчіе; равнымъ образомъ и по Тазу и т. д. Замѣчательно, что нахожденіе здѣсь тымьскихъ и нарымскихъ Самоѣдовъ рѣшительно отрицаютъ. Не преобразовались ли они въ Остяковъ? Что ихъ нѣтъ по Ваху и въ блажайшихъ къ нему мѣстахъ, это говорили мнѣ за вѣрное; во всякомъ случаѣ положительно вѣрно то, что по тобольской части Ваха дѣйствительно ихъ нѣтъ. Скажите г. Кешпену, что въ слѣдующемъ отчетѣ я скажу кое-что и о Ляминъ-Сорѣ. Мнѣ пріятно подтвердить его предположенія объ этой рѣкѣ, къ которымъ могу присоединить еще нѣсколько новыхъ.

4.

Сургутъ, 28 августа (9) Сент. 1845.

Недавно нашелся наконецъ одинъ человѣкъ изъ Ларьятскаго прихода на Вахѣ, который сообщилъ мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, вовсе впрочемъ неутѣшительныя, касательно пути черезъ Тазъ къ Енисею. Человѣкъ этотъ, казакъ и смотритель магазиновъ въ Ларьятскомъ, полагаетъ, что путь этотъ почти что невозможенъ, потому что вся страна пустынна и рѣдкіе обитатели ея бѣдны оленями. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ нарядуютъ заранѣе изъ разныхъ юртъ нужное число оленей или собакъ

на подставу; но тутъ и этого нельзя сдѣлать, потому что бдльшая и именно самая трудная часть пути по Енисейской губерніи, куда, разумѣется, не простирается власть здѣшнихъ чиновниковъ. Пуститься же отъ Ваха до Енисея на однихъ и тѣхъ же оленяхъ, если бы даже и удалось нанять достаточное число ихъ, было бы безумной тратой времени и здоровья. Во всякомъ случаѣ, лучше пробраться къ Тазу и Ваху отъ Енисея, потому что тамъ можно найти и нужное вспомошествованіе и добыть необходимыя свѣдѣнія отъ Остяковъ и Самоѣдовъ, которые со всѣхъ сторонъ собираются на зимнюю ярмарку въ Туруханскъ. Добрался съ этой стороны до границы Тобольской губерніи—и дѣло, какъ говорится, въ шляпѣ, потому что отъ нея недалеко уже до Ларьятской дерквн. Кромѣ того путешествіе отъ Енисея представляетъ еще ту выгоду, что тамъ можно напередъ разузнать, какія именно мѣста и племена слѣдуетъ посѣтить. Такимъ образомъ и благоразуміе и плохое состояніе моего здоровья требуютъ, чтобъ я не сѣшилъ слишкомъ поѣздкой къ Тазу. На первый случай позволительно развѣ только завернуть въ Ларьятское, чтобы нѣсколько оглядѣться. Но и это сопряжено со многими неудобствами. Во первыхъ, теперь тамъ кромѣ священника и нѣсколькихъ Русскихъ поселенцевъ нѣтъ ни одной человѣческой души; во вторыхъ, если придется отъ Ваха вернуть назадъ, то другой дорогой никакъ уже не посѣтешь на Туруханскую ярмарку, которая бываетъ въ декабрѣ; наконецъ, въ третьихъ, по Тобольской части Ваха встрѣчаются только Остяки, да и тѣ по языку почти нисколько не отлпчаются отъ обьскихъ. По всему этому поѣздка къ Ваху, если не продолжить ее до Таза и Енисея—чего до сихъ поръ не могу еще рѣшить,—совершенно бесполезна. Во всякомъ случаѣ, до наступленія зимы нечего и думать о какой-нибудь поѣздкѣ въ этомъ направленіи, потому что изъ чего жъ жить цѣлую осень на Вахѣ. Лучше употребить это время на поѣздку къ Нарыму—на пути къ нему можно еще встрѣтить дорогою Самоѣдовъ. Отъ Нарыма, смотря по обстоятельствамъ, можно и вернуться зимнимъ путемъ къ Ваху, и направиться вдоль Кета прямо къ Енисею. Поѣздка къ Нарыму выгодна и тѣмъ, что я могу узнать и ваше мнѣніе касательно этого и получить деньги отъ академіи.

Здоровье мое во время пребыванія въ Сургутъ было такъ плохо, что я принужденъ былъ сѣсть на овсяную похлебку. Но болѣзнь не оставила мнѣхъ филологическихъ занятій, только путевыхъ замѣтокъ до сихъ поръ я не могъ еще привести въ порядокъ. Посланныя съ послѣдней почтой вѣроятнo уже у васъ. Изъ Нарыма я можетъ быть пришлю продолженіе.

ПУТЕВОЙ ОТЧЕТЪ.

Какъ преданія, такъ и исторія единогласно свидѣтельствуютъ, что дикіе народы Сибири были уже, по своему, опыты въ кровавыхъ потѣхахъ войны еще задолго до времени, когда пришли къ нимъ толпы Ермака и принудили ихъ бороться *pro aris et focis*. Самыя тѣ мѣста, на которыхъ Ермакъ одержалъ большую часть побѣдъ своихъ, были уже издавна поприщемъ войнъ, которыя вели Остяки и Вогулы то между собою, то съ соседними Самоѣдами и Татарами. Но кромѣ этой борьбы разныхъ народовъ, кровь часто лилась и вслѣдствіе междоусобій различныхъ родовъ одного и того же племени. Нужда, хищничество, месть, возстановляли одно племя на другое и порождали иногда страшныя кровопролитія. Кромѣ того въ пѣсняхъ Самоѣдовъ, Остяковъ и многихъ другихъ Сибирскихъ народцевъ сохраняется и память о герояхъ, отправалявшихся на войну, чтобъ добрымъ мечемъ своимъ добыть сердце и руку любимой дѣвушки. Такъ жили народы, племена, и отдѣльныя лица въ постоянной войнѣ. По всей странѣ царилъ общая вражда—*bellum omnium contra omnes*. Опасность постоянно сторожила всякаго за дверью, потому что никакіе договоры не обезпечивали отъ внезапнаго нападенія. Это побудило нѣсколько отдѣльныхъ семействъ одного и того же рода или племени, сблизиться тѣснѣе и избрать себѣ главу или князя всего племени. Остяцкія племена въ защиту отъ вражескихъ нападеній строили даже нѣкотораго рода укрѣпленія (*wosch, wasch*). Какъ эти, такъ называемыя Чудскіе городки были устроены, теперь, конечно, нѣтъ никакой возможности разузнать; преданіе говоритъ только, что они помѣщались на высокихъ, утесистыхъ мысахъ и другихъ трудно-доступныхъ мѣстахъ. Тамъ, гдѣ нѣкогда находились эти городки, теперь видны только земляныя насыпи, да находятъ иногда обломки стрѣлъ, заржавленные копыя, кольчуги и другіе воинскіе остатки.

Одинъ изъ такихъ остяцкихъ городковъ находился во время завоеванія Сибири на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ послѣдствіи воздвиглись зубчатая стѣна города Сургута (*). Тогда жилъ тамъ одинъ остяцкій князь, по имени Пардакъ, коего могущество и храбрость еще и донынѣ прославляются у Остяковъ. Несмотря на то, что Ермакъ сломилъ уже Кучума, покорилъ Вогуловъ и все остяцкія племена по Иртышу, Пардакъ не побоялся вступить съ нимъ въ борьбу. Оружіе Остяковъ, какъ обыкновенно, были

(*) Сургутъ находится при верхней Оби, около 300 верстъ выше устья Иртыша.

лукъ и стрѣлы; казаки имѣли пушки. При такомъ неравномъ оружіи первые естественно должны были уступить послѣднимъ: крѣпость сдалась, но память Пардака еще славится и чтится у его соплеменниковъ и въ его собственномъ родѣ, который и доселѣ удерживаетъ за собой княжеское имя. На мѣстѣ взятаго городка побѣдитель построилъ острогъ и основалъ городъ, названный, по близкому рукаву Оби, Сургутомъ. Городъ этотъ въ короткое время сдѣлался для казаковъ сильнѣйшей охраной и точкой отправленія дальнѣйшихъ операцій. Отсюда выходили по временамъ хищныя казачія ватаги, покорившія и обложившія данью все остяцкія и самоѣдскія племена отъ Ледовитаго моря, на сѣверѣ, до рѣки Кета, на югѣ. Рѣшительно не много мѣстъ въ Сибири, которыя, въ эпоху завоеванія ея, играли бы такую важную роль, какъ отважный казачій городъ Сургутъ (¹). Тѣмъ грустнѣе теперешній видъ его. Отъ прежняго могущественнаго города осталось только нѣсколько жалкихъ лачугъ, безпорядочно разбросанныхъ посреди пожарищъ (²); ни одной порядочной улицы, ни одного хорошаго строения, даже рѣдко гдѣ есть стекла въ окнахъ, а цѣльная оконница уже почти исключеніе. Въ послѣднія десятилѣтія нищета Сургута дошла до того, что онъ не могъ выплачивать даже и податей. Вслѣдствіе этого онъ утратилъ свои привилегіи и утѣшается теперь только однимъ названіемъ города.

Я прожилъ въ немъ прошлаго года весь августъ и часть сентября, занимаясь изученіемъ разныхъ парчій окружныхъ остяцкихъ племенъ. Изъ Сургута я предполагалъ пробраться внизъ по Ваху и Тазу, къ Енисею, но по невозможности этого переѣзда, по крайней мѣрѣ въ то время года, мнѣ пришлось продолжать путь свой вверхъ по Оби. Главной цѣлью сдѣлался Нарымъ, небольшой городокъ Томской губерніи, до котораго отъ Сургута водою считается около 800 верстъ. Страна между этими двумя городами — пустыня, покинутая Русскими и очень слабо населенная туземцами. На этомъ пути нѣтъ даже и временныхъ станцій, очень обыкновенныхъ въ Сибири. Поэтому я долженъ былъ записаться въ Сургутѣ всемъ нужнымъ для дороги, и главное — порядочной лодкой, потому что плаваніе въ остяцкихъ корытахъ и безпокойно и опасно. Не менѣе важно было и прискаканіе Остяка, который могъ бы быть въ одно и тоже время и толмачемъ, и слугою, и поваромъ, и учителемъ, и рассыльнымъ, и вмѣстѣ со всемъ этимъ замѣнялъ бы собою и подорож-

(1) И доселѣ казаки составляютъ большую часть жителей Сургута.

(2) Пожары часто опустошали Сургутъ, и послѣдній, въ 1840 году, обратилъ весь городъ въ одно огромное пепелище.

ную. Окончивъ благополучно все сборы я выѣхалъ 12 (24) сентября изъ Сургута бодрый и полный надеждъ. Меня безпокоило только позднее время года, обѣщавшее скорѣе дожди и снѣгъ, стужу и оттепели, туманы и почные морозы. Нѣкоторую, хотя и несовершенную защиту, противъ всеѣхъ этихъ золъ, представляла мнѣ и товарищу моему Бергстади добытая въ Сургутѣ ладья, которая, какъ все обьскіе суда, была снабжена каютой; но каюта эта была такъ устроена что, вобравшись въ нее ползкомъ, въ ней можно было только лежать. Она занимала всю середину судна и освѣщалась слабымъ отблескомъ дневнаго свѣта, пробравшагося только сквозь мачтовое отверстіе, хотя и имѣла на обонхъ концахъ по двери; но двери эти должны были оставаться постоянно затворенными, потому что иначе не было бы мѣста ни гребцамъ, ни кормчему. Это жилище мрака было и нашей столовой, и спальней, и кабинетомъ. Ящикъ замѣнялъ столъ, стульевъ было не нужно, потому что обѣдали по Римски: самоваръ былъ нашимъ каминемъ. По всему этому нельзя сказать, чтобы наша каюта была слишкомъ роскошна и великолѣпна; несмотря однакожь на то, сургутскій смотритель магазиновъ, человекъ весьма ученый и хорошій христіанинъ, утверждалъ, что Діогенъ, который, по его мнѣнію, «одинъ изъ лучшихъ философовъ въ мірѣ и даже лучшій христіанинъ чѣмъ Платонъ», не имѣлъ такого прекраснаго жилища. Впрочемъ днемъ мы вползали въ каюту только въ такомъ случаѣ, когда дождь и непогода не давали возможности сидѣть на палубѣ, или бродить по берегамъ. Для послѣдняго удовольствія, берега Оби однакожь не слишкомъ удобны. Они не очень высоки, но по большей части такъ круты и глинисты, что взбираясь на нихъ безпрестанно подвергаешься опасности скатиться въ рѣку. Осенью мѣстами встрѣчаются конечно большія песчанья равнины; но и тутъ подъ пескомъ большею частью мягкая глина, скоро надѣдающая путнику. Ближайшія къ берегамъ пространства—или трясины, или нескошенные луга, поросшіе густой осокой и еще чаще непроницаемымъ ракитникомъ. Тутъ не отыщешь никакой тропинки; единственные человѣческіе слѣды—погасшіе огни и покинутыя мѣста растаховъ. Рѣдко встрѣтишь человѣческое жилище. Отъ Сургута до русской деревни Лохосовой считаютъ 90 верстъ, и на всемъ этомъ пространствѣ только двѣ остояція деревушки, да и тѣ не на самой Оби, а, какъ обыкновенно, на ея рукавахъ (*). На нашемъ пути видѣли мы только нѣсколько русскихъ рыбацкихъ лачугъ уже оставленныхъ и до того ветхихъ,

(*) Обь имѣетъ безчисленное множество большихъ и малыхъ Рукавовъ. Русскіе раздѣляютъ ихъ: на 1) протоки, или обыкновенные рукава и 2) старицы, т. е. рукава, которые лѣтомъ по большей части высыхаютъ, но прежде составляли главное русло.

что даже птицы небесныя и звѣри лѣсные какъ будто пренебрегали ими. По удаленіи рыбаковъ, приходящихъ сюда во множествѣ, всюду воцаряется могильное молчаніе и однообразіе, изрѣдка нарушаемое только быстрымъ бѣгомъ какой нибудь остяцкой лодки. Странствуя по такой пустынной и безлюдной сторонѣ естественно желаешь ѣхать скорѣе, въ надеждѣ увидать что либо новое; но, какъ ни спѣши, больше трехъ верстѣ въ часъ не сдѣлаешь. Сначала скука, наводимая пустынной природой и такимъ медленнымъ плаваніемъ, умѣрялась по крайней мѣрѣ хоть нѣсколько хорошей погодой, пѣніемъ птицъ, зеленью луговъ и деревьевъ, сверкавшей отъ блеска солнечныхъ лучей водной поверхностью. Особенныхъ приключеній съ нами не было, только что въ первую же ночь плаванія судно наше пошло въ рядъ мелей и до разсвѣта не могло выбраться изъ нихъ. Точно тоже случилось и слѣдующимъ вечеромъ, но на этотъ разъ, благодаря Остякамъ, намъ удалось таки высвободиться, и мы ночевали въ вышеупомянутой деревнѣ Лохосовой. На слѣдующее утро, проснувшись, я съ изумленіемъ увидѣлъ, что вчера еще зеленѣвшія поля были покрыты бѣлымъ саваномъ, а свѣтлое ясное небо задернуто сѣрою мантиєю зимы; что люди закутались въ шубы, и вся природа оцѣмѣла, омрачилась и опечалилась. Несмотря на это, мы рано утромъ отправились въ нашу каюту, затворили двери ея и поплыли далѣе. Въ каютѣ было темно какъ въ гробу; на меня напалъ невольный страхъ. Мнѣ казалось, что за дверями свирѣпствуетъ страшная буря, и тотчасъ же вспомнились все непріятности сѣверной осени, испытанныя мною два года тому назадъ у подошвы Урала. Сердце сжималось при мысли о томъ, что все это придется испытывать снова. Я воображалъ уже себя покинутымъ на пустынномъ берегу, мерзнущимъ, преодоливаемымъ болѣзнію и всевозможными бѣдствіями непріязненной сѣверной природы. По счастью все эти томительныя и совѣмъ не нужныя опасенія разсѣялись вѣкорѣ; потому что, когда мы пристали къ Ювашкинскимъ юртамъ и я выползъ изъ нашего душнаго зимняго гнѣзда—солнце сіяло опять свѣтло и ярко на безоблачномъ небѣ, земля опять зеленѣла, люди скинули шубы, и птицы расцвѣвали, радостно порхая по деревьямъ; я отправился въ ближайшую юрту. Къ ней вела ровная узенькая дорожка, съ обѣихъ сторонъ окаймленная красивыми, стройными ракетами. На концѣ ея видѣлась чистая и какъ бы приглашающая къ себѣ юрта. Испуганные моимъ появленіемъ жители ея разбѣжались и тѣмъ самымъ дали мнѣ возможность осмотрѣть поподробнѣе остяцкое лѣтнее жилище. Оно имѣло обыкновенную четырехугольную форму, низкія стѣны и высокую, остроконечную крышу, все это изъ бересты. Предварительно разваренныя полосы бересты, сшиваются, какъ ковры, въ большія полети, которыя легко скатывать и такимъ образомъ переносить съ одного мѣста

на другое. Изъ таковыхъ-то берестяныхъ полетей дѣлаются и стѣны и крыша слѣдующимъ простымъ способомъ. Вбѣваютъ въ землю нѣсколько ракетовыхъ шпелъ для поддержки берестяныхъ стѣнъ какъ со внѣ, такъ и снутри; на нихъ удерживаютъ стропилы, также изъ ракушки; и, покрывъ сѣи послѣднія берестой, укрѣпляютъ ее и совнѣ рядомъ жердей. Столбы, стропилы и жерди связываются гибкими ракушечными прутьями. Въ кровлѣ оставляется отверстіе для дыма, а ко входу привѣшиваютъ дверь изъ досокъ, или изъ бересты же. Вотъ и все, что нужно для лѣтней остяцкой юрты. Окно, пола, скамеекъ и столовъ въ ней никогда не бываетъ. Не забудемъ однакожь объ очагѣ — главномъ условіи благосостоянія Остяка. Высшія наслажденія въ его жизни, сытная ѣда и пріятный покой—соединены именно съ этой простой принадлежностью, состоящей изъ небольшой, окруженной камнями, ямы посреди юрты. Для покойнаго же отдыха необходима, разумѣется, и мягкая постель, которую онъ приготовляетъ изъ рогожъ, оленьихъ шкуръ, шубъ и другихъ частей своей одежды. Въ котелки и берестяныя плетушки Остяка намъ нечего заглядывать, мы знаемъ, что они почти всегда наполнены ухой, молочною кашею, кашей, пирогами изъ черемухи, и т. п. Подлѣ большей части остяцкихъ юртъ бываютъ небольшіе бревенчатые амбары или кладовыя, стоящіе, какъ въ Лапландіи, на высокихъ столбахъ. Такихъ амбаровъ здѣсь не было однакожь, и хозяйственные запасы сохранялись на помостѣ, устроенномъ на четырехъ столбахъ и употребляемомъ обыкновенно для сушки мелкой рыбы. Впрочемъ, въ соседнемъ лѣсу мы, вѣроятно, нашли бы и еще кое-что; но черныя тучи, поднимавшіяся на западѣ заставили насъ поспѣшить отъѣздомъ. Въ Сибири рѣдко случается ошибиться, толкуя атмосферическія примѣты къ худу; такъ и въ этотъ разъ—бура была въ полномъ разгарѣ, когда, ночью, мы пристали къ небольшой остяцкой деревушкѣ. Какъ бы симпатизируя съ природою, я выползъ на нѣсколько минутъ изъ каюты. Кругомъ не было видно низги, вѣтеръ завывалъ страшно, дождь лилъ ливнемъ. Это была одна изъ тѣхъ ночей, въ которые, по мнѣнію дикихъ народовъ Азіи, умершіе не могутъ оставаться въ могилахъ, дико и страшно рыскаютъ по землѣ. Все живое лежитъ тихо и трепещетъ, потому что призраки принимаются за ночные игры свои. Кровожадныя тѣни Шамановъ носятся надъ спящими и устрояютъ гибель всякому, кто пороками и преступленіемъ отогналъ отъ себя духовъ-хранителей жизни. Въ такую-то ночь судьба привела насъ къ тремъ юртамъ, составлявшимъ упомянутую деревушку. Самыхъ юртъ, отъ страшной темноты нельзя было разсмотрѣть; видѣлись только три отворенные входа, освѣщенные изнутри разведеннымъ огнемъ. Стоя передъ ними можно было подумать, что видишь передъ собою три огненные жерла, извергающія облака дыма и міриады трещащихъ искръ. Въ дымѣ

и пламени мелькали маленькія, полунагія, фантастическія фигуры. По временамъ изъ жерлъ этихъ раздавались дикіе, непонятные звуки, заглушаемые тотчасъ же шумомъ дождя и всемъ вѣтра. Но передать вполне все ужасное этой ночной сцены съ ея темью, огнями, призраками, неистовымъ вѣтромъ и ливнемъ—нѣтъ никакой возможности.

За-ночь буря утихла, и къ утру мы добрались до Магіонскихъ юртъ, находящихся при устьѣ Магіона, небольшой рѣки, впадающей въ Обь съ правой стороны. Миновавъ ихъ, я уѣхалъ на палубѣ и занялся рѣкой и дикими ея окрестностями. Но ни то, ни другое не представляло ничего новаго, ничего необыкновеннаго. Всѣ рукава и заливы рѣки были одинаково быстры, одинаково дики и пустынные. Всяду тѣже низкіе, глинистые, обрывистые берега, поросшіе вѣчнымъ ракиитникомъ, и за ними луга, болота, и глинисто-песчанья равнины. Для Европейца Обь—пустынная и страшно однообразная рѣка, наводящая только тоску и грусть; но спросите о ней обжившагося здѣсь Русскаго, и онъ скажетъ вамъ коротко, но многозначительно: «Обь—мать наша». Обратитесь съ этимъ вопросомъ къ сѣдому Остаю, который сидитъ у руля и, безъ сомнѣнія, чтитъ еще вѣру и обычай отцовъ своихъ,—если онъ искрененъ, онъ непременно отвѣтитъ вамъ почти такъ: «Обь—богъ, котораго мы чтимъ больше всѣхъ боговъ нашихъ, къ которому возсылаемъ самыя теплыя молитвы, которому приносимъ самыя богатыя жертвы». Для туземцевъ—Обь дѣйствительно подательница всѣхъ благъ, и безъ нея, конечно, ни одно человѣческое существо не поселилось бы въ этой бѣдной странѣ. И такъ примиримся же и мы съ Обью и утѣшимъ себя пріятною надеждою, что близко, можетъ-быть, время, когда берега ея представятъ другія, болѣе отрадныя картины.

Подобныя размышленія занимали мою голову, когда громкій собачій лай возвѣстилъ о прибытіи нашемъ къ Лехлисовскимъ юртамъ. Я вышелъ на берегъ и обошелъ всѣ юрты, но не встрѣтилъ ни одного живаго существа, кромѣ нѣсколькихъ привязанныхъ собакъ. Остаки вѣрно увидали меня еще издали, и отъ страха скрылись въ лѣсъ. Мы отправились далѣе къ остаткой деревнѣ Ермаковой, проплыли въ тотъ же день мимо Вонтпугольскихъ и Вартуйскихъ юртъ и ночью добрались до устья Ваха, который уже потому обращаетъ на себя вниманіе путешественника, что онъ одинъ изъ самыхъ большихъ притоковъ Оби. Начинаясь далеко, въ Енисейской губерніи, онъ протекаетъ, безпрестанно извиваясь, по крайней мѣрѣ 700 верстъ; а по словамъ туземцевъ около 1000 верстъ, и на этомъ длинномъ пути принимаетъ въ себя множество притоковъ, изъ коихъ главнѣйшіе: Куль-йоганъ, Сабунъ, Лавазинъ-йоганъ и Калехъ-йоганъ. Всѣ эти притоки, за исключеніемъ только Лавазинъ-йогана, впадаютъ въ него съ правой стороны. Большая

часть рѣчной области Ваха пустынна, болотиста и безлюдна; берега низки и потому заливаются (1). Нижнее теченіе его вездѣ судоходно: суда съ мукою, поднимающія до 2000 пудовъ груза, проходятъ по немъ каждую весну до устья Сабунь-йогана, гдѣ, въ селѣ Ларьятскомъ (2), устроены казенные магазины. Меньшія суда ходятъ безпрепятственно до впаденія Куль-йогана; но верховья проѣзды только для небольшихъ остяцкихъ лодокъ, что, весьма вѣроятно, и заставило издавна уже бросить сообщеніе между Обью и Енисеемъ черезъ Вахъ и Елогуй. Касательно населенія рѣчной области Ваха я узналъ навѣрное только то, что въ предѣлахъ Тобольской губерніи оно состоитъ изъ Остяковъ. По Куль-йогану, вѣроятно, начинается уже самоѣдское населеніе, но распространяется ли оно до верховьевъ Ваха—миѣ неизвѣстно еще. Вахскіе Остяки Тобольской губерніи сходны по языку, обычаямъ и образу жизни, съ обьскими, выше Сургута. Они живутъ въ юртахъ, построенныхъ изъ бревень, бересты и торфа; промышляютъ звѣроловствомъ и рыбною ловлею, не имѣютъ ни лошадей, ни коровъ, но имѣютъ за то небольшія стада оленей. Лѣтомъ они живутъ близъ самаго Ваха; зимой же—въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него.

Отъ устья Ваха берега Оби постоянно пустынны и необитаемы. Кое-гдѣ попадались намъ только лѣтнія остяцкія юрты, но большей части изъ древесной коры, а иногда и изъ необтесанныхъ бревень. Но и въ бревенчатыхъ юртахъ не было ни половъ, ни оконъ, ни печей, ни даже самыхъ обыкновенныхъ домашнихъ принадлежностей; въ серединѣ находился очагъ точно такъ же, какъ и въ берестянныхъ, да и вообще все устройство ихъ почти ничѣмъ не отличалось отъ сихъ послѣднихъ. Въ каждомъ мѣстѣ стояло не болѣе трехъ, шести юртъ. При необходимости, вълѣдствіе возрастающаго населенія, увеличить число ихъ, каждое изъ такихъ поселеній тотчасъ же раздѣляется, чтобъ имѣть больше мѣста для звѣроловства и рыбной ловли, составляющихъ единственные промыслы сургутскихъ Остяковъ. Изъ юртъ, видѣнныхъ нами за тѣмъ какъ мы миновали устье Ваха, заслуживаютъ вниманіе: Вахпугольскія, Калымскія, разбросанныя въ четырехъ мѣстахъ, Калтагорскія (отъ самоѣд. слова *kolda* (3)—Обь) и Мыгаленскія. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ я замѣтилъ, что въ воскресный

(1) Правый берегъ Ваха, какъ почти весь рѣкъ сибирскихъ, выше и бесплоднѣ лѣваго. На лѣвомъ берегу есть только одна возвышенность, называемая *Ланки* (по Ост. *Lastkaei*). Она находится на нижнемъ теченіи Ваха, недалеко отъ устья Калехъ-йогана.

(2) Въ этомъ селѣ есть старинная церковь и недавно заведенное дѣтское училище. Народонаселеніе Ларьятскаго, кромѣ коронныхъ и церковныхъ служителей, состоитъ только изъ немногихъ русскихъ поселенцевъ.

(3) Это обыкновенное названіе у томскихъ Самоѣдовъ, такъ же, какъ и *Kuai* (собственно *Kual*, отсюда *Kualda*, *Kolda*), т. е. духъ, душа.

день Остяки умываются, расчесывают свои черные волосы и наряжаются въ праздничныя одежды. Обыкновенная верхняя одежда ихъ, какъ у мужчинъ такъ и у женщинъ, нѣчто въ родѣ полукафтаныя или пальто, похожаго на финское *mekko*, только покороче сего послѣдняго. Будничное полукафтаные это изъ грубой шерстяной ткани; праздничное — изъ сукна или изъ какой-нибудь другой, болѣе тонкой матеріи, по большей части синяго или зеленаго цвѣта; воротникъ и отвороты непременно другаго цвѣта, и сверхъ того, нѣкоторые, для большей красоты, окаймляютъ его еще краснымъ сукномъ или мѣхомъ. Оно всегда, по крайней мѣрѣ въ будни, стягивается широкимъ кожанымъ поясомъ, за которымъ заткнутъ ножъ съ черенкомъ обложеннымъ оловомъ. Мужчины носятъ высокія, остроконечныя шапки съ широкими, свѣшивающимися на уши лопастями. Женскій головной уборъ состоитъ изъ длиннаго, спускающагося до пятокъ платка, оставляющаго шею большею частію обнаженной; иногда онъ однакожь обертываютъ ее особеннымъ боа изъ бѣличьихъ хвостиковъ. Перчатки шьются изъ разноцвѣтныхъ оленьихъ шкурокъ, или суконныхъ полосокъ. Щеголихи убираются множествомъ ожерельевъ и разнаго шитья бусами на воротникѣ, обшлагахъ, перчаткахъ, башмакахъ и поясѣ; къ сему послѣднему, къ длиннымъ фальшивымъ косамъ и головному платку онѣ прицѣпляютъ еще желѣзныя, жестыя и мѣдныя бляшки, вѣроятно для того, чтобы звономъ и бречаніемъ ихъ обратить на себя вниманіе молодыхъ парней, т. е. покупателейъ. Въ праздничныхъ одеждахъ Остяки, казалось, были веселѣе и чистосердечнѣе обыкновеннаго. Ихъ гостепріимство и радушіе превосходили всякое ожиданіе. Они выбѣгали на берегъ прежде чѣмъ пристанемъ, притаскивали къ нему наше судно, настилали деревья въ топкихъ мѣстахъ, или переносили насъ черезъ таковыя на рукахъ. Изъ опасенія не угодить, въ юртахъ намъ ничего не предлагали, но при отъѣздѣ обременяли всевозможными остатками лакомствами: свѣжей и сушеной рыбой, ягодами, пирогами изъ ягодъ и т. п. И мы принимали все эти дары, какъ ни были они излишни, не желая обидѣть отказомъ простодушныхъ и гостепріимныхъ хозяевъ, потому что умоляющіе взгляды и жесты ихъ показывали ясно, что они дѣлали это отнюдь не изъ расчета или какой либо корысти.

Вскорѣ, по отъѣздѣ изъ Мыгагенскихъ юртъ, стемнѣло, полилъ дождь, поднялась буря. Гребцы напрягали послѣднія силы, чтобы добраться до ближайшей юрты; но буря преодолѣла—пришлось пристать къ пустынному берегу. Съ разсвѣтомъ буря утихла; мы отправились дальше, и вскорѣ прибыли къ Киселовскимъ юртамъ, миновали Ларингскія и Кичемгинскія и въ тотъ же день добрались до деревни Нижній-Лумпокольскъ, не встрѣтивъ въ продолженіи четырехъ сутокъ ни одного Русскаго, ни одного порядочнаго жилища. Но и Нижній-Лумпокольскъ жалкая, маленькая де-

ревушка, состоящая изъ полуразвалившейся церкви, трехъ ветхихъ, русскихъ избъ и трехъ остяцкихъ юртъ, построенныхъ на русскій ладъ. Податные обыватели ея—четыре Остяка и трое Русскихъ. И тутъ, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ, я замѣтилъ, что Остяки, хотя и обрусьли во всѣхъ отношеніяхъ, ставили однакожъ юрты свои въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ русскихъ избъ; имѣли даже свое особенное кладбище. Остяцкое кладбище находится въ прекрасной рощѣ: русское—на пустынномъ берегу, гдѣ весеннее половодье каждый годъ размываетъ могилы и разноситъ кости покойниковъ. Прежде въ Нижнемъ-Думпокольскѣ былъ и священникъ; но теперь въ здѣшней церкви бываютъ только однѣ вороны; жители же, по собственнымъ словамъ ихъ, ѣздятъ молиться Богу въ Верхній-Думпокольскъ. Хозяйство, разумѣется, въ величайшемъ упадкѣ, что приписывается тому, что въ последнее время и рыбныя ловли, и звѣроловство были весьма плохи. Скотоводствомъ и не хотятъ и не могутъ заниматься, отчасти изъ боязни опустошительныхъ падежей, отчасти и отъ того, что для большого стада трудно заготовить здѣсь кормовъ на десять мѣсяцевъ (*). Жалобы на это вы услышите по всей Оби, и онѣ не прекратятся до тѣхъ поръ, пока воздѣлываніе страны не распространится далѣе внутрь, пока не вырубятъ лѣсовъ и не осушатъ болотъ, заражающихъ воздухъ вредными испареніями.

Отъ Нижняго до Верхняго-Думпокольска считается около 70 верстъ. Мы плыли ихъ слишкомъ день, и на этомъ протяженіи встрѣтили нѣсколько лѣтнихъ юртъ, а именно: Панковскія, Тобалкинскія, Васпугольскія. Нахрадинскія и Магюнскія; зимнихъ же—ни одной. Зимняя юрта—осѣдлое жилище, настоящая родина Остяка, и какъ ни бѣдна и ни плоха она, ему не хочется подвергать ее ярости весеннихъ разливовъ, и потому онъ ставитъ ее на возвышенныхъ, не заливаемыхъ мѣстахъ, въ большемъ или меньшемъ отдаленіи отъ главной рѣки. Но такъ какъ рыбная ловля и въ зимнее время года составляетъ важный источникъ пропитанія, то онъ избираетъ эти мѣста большею частью все-таки при небольшихъ притокахъ или рукавахъ Оби, нерѣдко въ глухомъ, живописномъ лѣсу. Весьма основательная боязнь наводненій во многихъ мѣстахъ отдалила отъ Оби даже и Русскихъ. Такъ Обдорскъ находится на рѣкѣ Полуѣ, Березовъ на Сосвѣ, Сургутъ на ручьѣ Бардабовкѣ и т. д. Нижній-Думпокольскъ расположенъ на высокомъ берегу самой Оби, а Верхній на небольшомъ рукавѣ ея; но такъ какъ этотъ рукавъ осенью пересыхаетъ, то мы и должны были

(*) Весенніе разливы затопляютъ все пастбища, и часто приходится корить скотъ прошлогоднимъ сѣномъ до самаго іюля.

держаться главнаго теченія, а потому въ Верхній Лумпокольскъ и не попали. Въ немъ, сказывали, есть церковь, четыре русскія избы, но ни одной юрты; кромѣ того устроена недавно, какъ на Вахѣ, Юганѣ и во многихъ другнхъ мѣстахъ, школа для обученія остяцкихъ дѣтей. Кстати расскажу здѣсь, что со мною случилось по поводу именно этой школы, когда мы пристали къ Магіонскимъ юртамъ. Я только что заснулъ въ своей каютѣ, какъ вдругъ меня разбудили какіе-то громкіе, безсвязные крики. Я тотчасъ же послалъ толмача своего узнать, что была за причина такой странной серенады. Не успѣлъ онъ еще воротиться, какъ судно наполнилось шумящими Остяками, дверь каюты растворилась, и кто-то, ломанымъ русскимъ языкомъ, объявилъ мнѣ, что Остяки изъ ближайшихъ юртъ явились на судно, съ тѣмъ, чтобы просить у меня защиты противъ какихъ-то притѣсеній. За тѣмъ все они заговорили вдругъ, перебивали другъ друга, одинъ говорилъ по-остяцки, другой ломанымъ русскимъ, но ни одинъ не могъ объяснить, въ чемъ было дѣло. Наконецъ, съ помощью толмача, я узналъ, что Остяки пришли ко мнѣ жаловаться на своего священника и духовнаго пастыря, который всемъ прихожанамъ велѣлъ отдать ему дѣтей для надлежащаго обученія и воспитанія; что они никакъ на это не соглашались и что, несмотря на это, онъ все-таки взялъ въ школу двухъ мальчиковъ изъ Магіонской волости. Я сталъ, было, объяснять имъ, что это дѣлается для ихъ же пользы, но они не хотѣли слушать, цовторяли только, что и отцы ихъ и они сами вѣрно служили царю, не умѣя ни читать, ни писать. Предполагая, что, кромѣ любви къ старинѣ, можетъ, есть и другая какая-нибудь болѣе важная причина такого страшнаго ожесточенія добродушныхъ Остяковъ противъ школы, я поручилъ моему толмачу разспросить ихъ хорошенько, и вотъ что узналъ я: 1) Они боялись, что человекъ, выучившійся читать и писать, не останется при прежнемъ дикомъ образѣ жизни отцовъ своихъ, и слѣдовательно школа лишитъ родителей опоръ ихъ старости, 2) имъ издавна извѣстно, что Остяки, получившіе «русское» воспитаніе, дѣлаются не друзьями, а врагами своихъ соплеменниковъ, и за частую ведутъ жизнь распутную. Что это почти такъ—весьма понятно, но не такъ-то легко устранимо. Я, съ своей стороны, думаю, что много выиграли бы уже и тѣмъ, еслибъ священники и школьные учителя старались внушать ученикамъ своимъ уваженіе къ ихъ соплеменникамъ, и не осуждали, не позорили, какъ это обыкновенно дѣлается, всякую національную особенность названіемъ: «чертовщины»—припѣвъ, который, и безъ нихъ, бѣдные туземцы слишкомъ часто слышатъ отъ простаго русскаго народа.

На Магіонскаго священника были впрочемъ и другія жалобы. Жаловались, между прочимъ, и на то, что онъ, созвавъ ихъ косить сѣно, про-

держалъ на строгой діетѣ, выдумавши, будто былъ постъ, что огорчило Остяковъ почти такъ же сильно, какъ и заведеніе школы. Жалобами и просьбами своими они измучили меня до такой степени, что, не зная какъ отъ нихъ отдѣлаться, я приказалъ плыть далѣе, несмотря на темноту и дождливость ночи. Дождь не переставалъ и весь слѣдующій день. Въ каютѣ сдѣлалась течь, подмочившая и платья, и съѣстные припасы, и всѣ остальные вещи. Какъ хорошо было бы теперь пріютиться гдѣ-нибудь, но, какъ нарочно, на пути нашемъ попадались только жалкія берестяныя юрты. Изъ нихъ я записалъ слѣдующія: Оккозенскія, Мугтенскія, Ярганскія (отъ Ярганъ—Самоѣдъ), Вартуйскія, Чигаскинскія, Калымскія и Панинскія. Наконецъ, почти черезъ двое сутокъ, въ остяцкой деревнѣ Пирчинной мы нашли между берестяными юртами такую, въ которой можно было кое-какъ переночевать и поправить, произведенныя дождемъ поврежденія. На слѣдующій день мы продолжали наше плаваніе, которое становилось весьма неприятнымъ, благодаря продолжавшемуся дождю и наступившему холоду. Было очевидно, что пришло время борьбы лѣта съ зимою. Борьба эта кончается здѣсь обыкновенно въ иѣсколько дней, но за то такихъ дней нигдѣ въ другихъ странахъ не бываетъ. Дождь льетъ безперестанно, какъ во времена потопа; вѣтры Ледовитаго моря воютъ по пустыннымъ степямъ въ запуски съ волками; густой туманъ покрываетъ все; грязныя ручьи шумятъ вездѣ по размокшей почвѣ. И не смотря на все это, я долженъ былъ выходить на берегъ, посѣщать юрты, чтобъ не пропустить какого-нибудь, весьма возможнаго, различія въ языкѣ, правахъ, или образѣ жизни Остяковъ. Относительно языка въ южной части Сургутской области я дѣйствительно замѣтилъ небольшое отклоненіе. Придыхательное *t* (*tl*) переходитъ здѣсь въ *j*; такъ напр. *jâbet* вмѣсто *tâbet*; (*tlâbet*)—семь; *jâgem* вмѣсто *tâgem* (*tlâgem*)—топоръ; *o* часто переходитъ въ *a*, напр. *sôgam* вмѣсто *sôgom*—сухой; мягкія согласныя замѣняются часто твердыми напр. *attem* вм. *âdem*—злой и т. д. Оказалась небольшая разница и въ постройкѣ юртъ: четырехугольная форма начала уступать мѣсто круглой, господствующей въ Томской губерніи и принадлежащей, кажется, по преимуществу самоѣдскому населенію. Въ нравахъ же и образѣ жизни я не замѣтилъ ничего особеннаго, кромѣ развѣ того, что съ приближеніемъ къ томской границѣ вообще народъ становился какъ будто бы образованнѣе. Отъ Пирчинной до этой границы мы плыли съ небольшимъ днемъ, миновали юрты Панинскія, Лимтинскія, Рогорскія и Мураскія.

Такъ какъ въ новой губерніи, въ которую мы теперь вступаемъ, безъ сомнѣнія встрѣтятся и новые языки и новые народы, то я и полагаю нелишнимъ взглянуть еще разъ на остяцкое племя, доселѣ главнымъ образомъ занимавшее насъ. Сосредоточенное въ рѣчной области, образуемой Обью и

Иртышемъ, оно многочисленнѣйшее изъ всѣхъ туземцевъ Тобольской губерніи. По официальнымъ отчетамъ, число Остяковъ простирается здѣсь до 18,657 душъ, мужеска и женска пола; Вогуловъ же только 4,325 а Самѣдовъ—3,977 душъ. Остяки живутъ большею частью въ Березовскомъ округѣ и въ его трехъ отдѣлахъ: Обдорскомъ, Кондинскомъ и Сургутскомъ. Всѣ эти Остяки принадлежатъ Оби и распространены по ней отъ границы Томской губерніи на югъ до Обьской губы на сѣверъ. Только одна небольшая вѣтвь березовскихъ Остяковъ живетъ на Надымѣ, въ рѣчной области Оби. Остяки, живущіе въ рѣчной области Иртыша, всѣ приписаны къ Денщиковой части Тобольской губерніи, хотя встрѣчаются и въ предѣлахъ этой части, а именно: нѣсколько южнѣе, по рѣкѣ Алымъ и при ея устьѣ; здѣсь они смѣшаны съ Татарами и вписаны въ народную перепись подъ названіемъ ясачныхъ. Немного пониже Алыма въ Иртышъ впадаетъ рѣка Демьянка, начинающаяся въ Барабинской степи, не-вдалекѣ отъ истоковъ Васьюгана, притока верхней Оби. Рѣки Демьянку и Васьюганъ можно принять за южную границу всего остяцкаго племени. Къ сѣверу отъ этой границы даже и Барабинская степь населена почти одними Остяками; на югъ же отъ нея живутъ Татары и Самоѣды. На западной сторонѣ этой степи иртышскіе Остяки перемежаются только кое-гдѣ русскими поселенцами, а на восточной или обьской—Самоѣды занимаютъ, по Тыму, Лямину Сору и въ деревнѣ Чебаковой, такую ничтожную часть этого огромнаго пространства, что, при общемъ обзорѣ распространенія остяцкаго племени, о нихъ и упомянуть не стоить. По нижнему теченію Оби Остяки владѣютъ почти всеми водами; Самоѣды же кочуютъ частію по огромнымъ тундрамъ между Обью и Тазомъ, частію и преимущественно по берегамъ Ледовитаго моря. Какъ къ ниже-обьскимъ, такъ и къ иртышскимъ Остякамъ примыкаютъ на западъ Вогулы, а также Ляпинскіе и кочующіе по берегамъ Ледовитаго моря Самоѣды. На югъ, какъ сказано выше, иртышскіе Остяки граничатъ съ Татарами; живущіе же по верхней Оби, окружены съ востока, съ сѣвера и съ юга Самоѣдами.

Въ лингвистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, страну, общія границы которой мы сейчасъ обозначили, можно раздѣлять на три меньшія области: Иртышскую, Верхне-обьскую и Нижне-обьскую. Къ первой принадлежитъ, какъ уже замѣчено выше, Денщикова часть Тобольской губерніи; ко второй—Сургутская часть, а къ третьей—части Кондинская и Обдорская. Каждая изъ этихъ остяцкихъ областей имѣетъ довольно определенный характеръ. Мы обозначимъ его здѣсь вкратцѣ.

Въ лингвистическомъ отношеніи, тремъ упомянутымъ областямъ соотвѣтствуютъ три главныя нарѣчія: иртышское, сургутское и обдорское

Первое нарѣчіе господствуетъ по всей рѣчной области Иртыша и простирается еще вверхъ по Оби до рѣки Салыма въ сургутской части. На Салымѣ существуетъ особый оттѣнокъ его, составляющій переходъ отъ главнаго иртышскаго нарѣчія къ сургутскому. Сіе послѣднее начинается собственно на рѣкѣ Пымѣ, и отсюда распространяется по Оби и по ея притокамъ до томской границы; встрѣчается еще и далѣе въ Тогурскомъ округѣ Томской губерніи, по рѣкѣ Васьюгану. На этомъ огромномъ пространствѣ есть еще, сверхъ того, и нѣсколько оттѣнковъ или мелкихъ нарѣчій, а именно: 1) нижнее или такъ называемое юганское, 2) среднее или вахское, 3) верхнее и 4) васьюганское. По нижней Оби обыкновенно предполагають два нарѣчія: кондинское и обдорское (1); но первое, кажется, не имѣетъ рѣзко-особнаго характера и составляетъ только одно изъ срединныхъ звеньевъ между тремя, главными нарѣчіями. Въ отношеніи особенности характера ихъ, мы должны напомнить, что разности между разными нарѣчіями одного и того же языка порождаются по преимуществу вліяніемъ на него другихъ, чуждыхъ языковъ. Этимъ отнюдь мы не отрицаемъ возможности и самостоятельнаго развитія нарѣчій, вслѣдствіе усвѣховъ цивилизаціи народа; но чтѣ же цивилизуетъ отдѣльные племена одного и того же народа болѣе, чѣмъ другія родственныя имъ, какъ не соприкосновеніе съ другими образованными народами? Несмотря на это, вліяніе, которому подвергались финскіе языки въ Россіи, мало способствовало къ развитію и усовершенствованію ихъ. Такъ какъ русское образованіе для говорящихъ ими народовъ, никогда не шло далѣе заученнаго наизусть урока, то и самыя языки не только что нисколько не развились отъ русскаго вліянія, но даже и заимствованнаго не усвоили себѣ какъ слѣдуетъ. Въ отношеніи остяцкаго языка, это замѣчаніе относится по преимуществу къ иртышскому нарѣчію. Въ немъ множество словъ и выраженій не только не нужныхъ для языка, но и совершенно не соединимыхъ ни съ духомъ, ни съ сущностью его. Многіе звуки, окончанія, слова и формы словъ частью исчезли, частью уступили мѣсто другимъ, заимствованнымъ изъ русскаго языка. Кажется, что даже и синтаксическое построеніе во многомъ видоизмѣняется русскимъ. Точно также и татарскій языкъ сильно вліялъ на это нарѣчіе; но татарское вліяніе не такъ инородно, потому что остяцкій и татарскій языки въ сущности проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ. Это двойное вліяніе обнаруживается и въ двухъ остальныхъ главныхъ остяцкихъ нарѣчіяхъ, но въ далеко меньшей степени, по крайней мѣрѣ относительно русскаго. Обдорское нарѣчіе заимствовало, сверхъ того, много и изъ языковъ самоѣдскаго и зырянскаго, чѣмъ въ особенности отличается отъ сургутскаго, которое, безъ со-

(1) Впрочемъ по рѣкамъ Лямшу и Сосвѣ есть здѣсь и оттѣнки Вогульскаго нарѣчія.

мнѣнія, всѣхъ чище, хотя, можетъ-быть, и грубѣе, и въ грамматическомъ отношеніи не имѣть такой опредѣленности, какъ иртышское.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о степени образованности Остяковъ въ упомянутыхъ трехъ областяхъ. Такъ какъ русское господство утвердилось прежде всего на Иртышѣ и отсюда уже мало по малу распространялось на сѣверъ и на востокъ; то, естественно, иртышскіе Остяки усвоили себѣ плоды русской цивилизаціи далеко лучше остальныхъ соплеменниковъ своихъ. Они давно уже крещены и строго соблюдаютъ всѣ предписанія греческой церкви. Христіанскаго ученія они, разумѣется, почти совсѣмъ не понимаютъ, но вѣрятъ безусловно въ истину его, и большею частью совсѣмъ уже забыли свою прежнюю языческую религію. И сургутскіе Остяки носятъ крестъ на шеѣ, вѣшаютъ образъ на стѣну, но кромѣ этого вы уже не откроете въ нихъ ничего христіанскаго. Остяки, живущіе по Пыму, Югану, Трюгану и другимъ притокамъ Оби, сильно придерживаются язычества. По нижней Оби, кондинскіе Остяки находятся на одной степени образованности съ сургутскими; изъ принадлежащихъ же къ Обдорской волости всѣ, живущіе ниже Обдорска, до сихъ поръ даже и не крещены еще.

Въ нравственномъ отношеніи все остяцкое племя славится строгою честностью, необыкновенною услужливостью, добродушіемъ и челоуѣколюбіемъ. Но иртышскіе Остяки, по мѣрѣ успѣховъ своихъ въ образованности, начали утрачивать эти прекрасныя свойства; да и въ другихъ мѣстахъ, около городовъ и въ большихъ деревняхъ, встрѣчаешь уже между ними и ложь и обманъ даже чаще, чѣмъ между поселенцами.—Пьянство общій остяцкій порокъ, и, вмѣстѣ съ лѣнью—главное пренятствіе благосостоянію ихъ. Супружескія связи вообще соблюдаются строго, хотя браки и рѣшаются волей родителей, и невѣста покупается. Дѣтей вскармливаютъ съ любовью и заботливостью; но съ пасынками и надчирицами обращаются иногда съ необыкновенной жестокостью (1). И въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ, обнаруживается, что нравственные поступки Остяка опредѣляются болѣе инстинктомъ, чѣмъ сознаниемъ права. По счастью этотъ инстинктъ тѣмъ вѣриѣе, чѣмъ менѣе челоуѣкъ образованъ. Сравнимъ перечни преступленій въ трехъ остяцкихъ областяхъ—увидимъ, безъ сомнѣнія, что обдорскіе Остяки, наиболѣе дикіе, наиболѣе и нравственные; что за ними въ этомъ отношеніи слѣдуютъ сургутскіе; что самая боль-

(1) Въ Сургутѣ живетъ и теперь молодой Остякъ, котораго вотчимъ его, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, хотѣлъ убить; но, склонившись на мольбу матери, отвелъ на пустой берегъ Югана. Три дня бѣдный, голодный мальчикъ сидѣлъ на берегу, не зная, что ему дѣлать. На четвертый день онъ замѣтилъ дерево, пльвшее по рѣкѣ возлѣ самаго берега. Онъ съѣлъ на него, поплывъ внизъ по рѣкѣ и благополучно приставъ къ одной рыбацкой хижинѣ, гдѣ его радушно приняли.

шая часть преступлений между иртышскими, которые несомненно образованнѣе всѣхъ. При этомъ должно однакожь взять въ расчетъ и то, что, гдѣ образованность мала, гдѣ мало потребностей, не такъ-то легко удовлетворяемыхъ, тамъ спягъ и страсти, а потому самому мало и поводовъ къ преступленіямъ.

Что касается до внѣшней образованности, то иртышскіе Остяки, какъ мы уже сказали, далеко выше всѣхъ остальныхъ. У нихъ порядочныя, на русскій ладъ устроенныя жилища; они занимаются скотоводствомъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и земледѣіемъ, торговлею и другими промыслами цивилизованной жизни. Звѣроловство и рыболовство для нихъ только вспомогательные промыслы. Сургутскіе Остяки занимаются, напротивъ, почти исключительно только этими двумя промыслами, ведутъ доселѣ полукочующій образъ жизни, перемѣняютъ жилища каждую осень и весну, а зимою отправляются далеко въ лѣса охотиться. Они живутъ въ жалкихъ юртахъ изъ бревенъ, торфу и древесной коры (*). Почти таковъ же образъ жизни, таковы же жилища и кондинскихъ Остяковъ. Между обдорскими же много еще настоящихъ кочевниковъ, живущихъ въ чумахъ и бродящихъ по огромнымъ пространствамъ съ своими многочисленными стадами оленей.

Наконѣцъ, относительно общественнаго устройства Остяковъ замѣчу здѣсь только, что они раздѣляются на множество небольшихъ волостей или участковъ (по Остяцки *міг, шогі*), имѣютъ своихъ собственныхъ начальниковъ, свой судъ въ незначительныхъ тяжбахъ, свои, отъ отцовъ унаслѣдованные законы и уставы, а равно и нѣкоторыя, дарованныя имъ правительствомъ льготы, какъ напр. меньшая подать, освобожденіе отъ рекрутской повинности и т. д. Обдорскіе Остяки придерживаются еще своего первоначальнаго, патриархальнаго устройства, основывающагося на раздѣленіи на роды или колѣна. Остяки, живущіе по Иртышу, съ уничтоженіемъ раздѣленія на роды, забыли свои древнія постановленія и въ настоящее время почти во всемъ слѣдуютъ русскому судебному порядку, сохраняя впрочемъ свои общія льготы. Остяки сургутскіе, какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, занимаютъ середину между иртышскими и обдорскими. Такъ какъ мнѣ придется еще говорить объ этомъ предметѣ, то я и ограничусь здѣсь только перечнемъ всѣхъ остяцкихъ участковъ, находящихся въ четырехъ отдѣлахъ Тобольской губерніи, съ точнымъ показаніемъ числа жителей мужеска и женска пола.

(*) Во всѣхъ этихъ юртахъ нѣтъ ни половъ, ни оконъ. Первые замѣняются сѣномъ, рогожами, оленьими шкурами и т. п.; вторые—отверстіемъ въ стѣнѣ, закрываемымъ льдомъ, пузыремъ, наливною шкурою; иногда это отверстие дѣлается и въ крышѣ. Въ бревенчатыхъ юртахъ бываетъ или очагъ въ углу, или мѣсто для огня по серединѣ. Первый преимущественно употребляется зимою, второе лѣтомъ. Въ торфяныхъ юртахъ или землянкахъ живутъ только зимою и потому они всегда съ очагомъ. Юрты изъ бересты—лѣтнія жилища Остяковъ; и потому въ нихъ по серединѣ мѣсто для огня.

I. ДЕНЩИКОВСКИЙ ОТДѢЛЪ.

1. <i>Туртаскiя волость</i> , Остяц. Turtas-mir (на рѣкахъ Туртаѣ и Иртышѣ)	117
2. <i>Назымская</i> , по Остяц. Nasum - mir (на рѣкахъ Назымѣ и Иртышѣ).	302
3. <i>Верхнедемьянская</i> , по Остяц. Num-mir (на Демьянѣ и Иртышѣ).	286
4. <i>Нарымская</i> , по Остяц. Tjaraq-mir (на Иртышѣ).	443
5. <i>Тарханская</i> , по Остяц. Wodsch-itpa-mir (на Иртышѣ).	701
6. <i>Малая Кондинская</i> , по Остяц. Chunda-mir (на устьи Конды и вверхъ по этой рѣкѣ до Нахрачинской волости, гдѣ начинаются Вогулы).	828
7. <i>Темляцевская</i> , по Остяц. Térek-mir или Uchar-mir (при слиянii Оби и Иртыша).	305
	<hr/>
	2,982

II. СУРГУТСКИЙ ОТДѢЛЪ.

1. <i>Зеларовская в.</i> , Остяц. As-mir (на Оби, близъ русской деревни Зеларовой).	134
2. <i>Салымская в.</i> , Остяц. Sódom mir (на рѣкѣ Салымѣ и на Салымскомъ рукавѣ Оби).	326
3. <i>Пымская в.</i> , Остяц. Pung-mir (на рѣкѣ Пымѣ).	166
4. <i>Подгородная в.</i> , Остяц. As-Torm-jogan-mir (на Оби, недалеко отъ Сургута).	362
5. <i>Больше-Юганская в.</i> , Остяц. Enl-jógan-mir (на Большомъ Юганѣ и на Юганскомъ рукавѣ Оби).	592
6. <i>Мало-Юганская в.</i> , Остяц. Ai - jógan - mir (на Маломъ Юганѣ).	286
7. <i>Трiюганская в.</i> , Остяц. Torm jógan-mir (на Трiюганѣ)	297
8. <i>Аганская в.</i> , Остяц. Agan-mir (на Аганѣ).	96
9. <i>Вахская в.</i> , Остяц. Wash-mir (на Вахѣ и Оби).	706
10. <i>Лумпокольская в.</i> , Остяц. Lung-pugotl-mir (на Оби, близъ Лумпокольскихъ деревень).	808
11. <i>Салтыковская в.</i> , Остяц. Saltik-mir (на Оби, выше Верхняго Лумпокольска).	359
12. <i>Пирчинская в.</i> , Остяц. Pirtji-mir (на Оби, близъ томской границы).	360
	<hr/>
	4,492

III. КОНДИНСКІЙ ОТДѢЛЪ.

1.	<i>Кодскія Городки</i> (на нижней Оби, выше города Березова)	2,628
2.	<i>Подгородная</i> (при Березовѣ)	328
3.	<i>Сосвинская в.</i> (на рѣкѣ Сосвѣ)	968
4.	<i>Ляпинская в.</i> (на рѣкѣ Ляпинѣ)	1,585
5.	<i>Казымская</i> (на рѣкѣ Казымѣ)	1,274
		6,853

IV. ОБДОРСКІЙ ОТДѢЛЪ.

1.	<i>Куноватская в.</i> (между Обдорскомъ и Березовымъ, близъ деревни Куноватъ)	1,630
2.	<i>Обдорская в.</i> (близъ Обдорска)	2,700
		4,330

Примч. этотъ перечень составленъ по офиціальному раздѣленію Остякаго округа. По собственному же ихъ раздѣленію число участковъ гораздо больше, особенно въ Кондинскомъ и Обдорскомъ отдѣлахъ.

За симъ мы оставимъ Тобольскую губернію и будемъ продолжать наше путешествіе въ Томской. Первые, встрѣтившіяся намъ здѣсь юрты были Каглеакскія, верстахъ въ 20 отъ сургутской границы. Въ нихъ мы не замѣтили почти ничего такого, чего бы не видѣли уже у Остяковъ Тобольской губерніи. Юрты, за исключеніемъ круглой формы, во всемъ прочемъ совершенно одинаковы съ сургутскими. Точно такъ же нѣтъ никакой разницы ни въ одеждѣ, ни во внѣшнихъ обычаяхъ, ни въ нравахъ. Физиологъ, можетъ-быть, и открылъ бы нѣкоторыя специфическіе оттѣнки, но для обыкновеннаго наблюдателя они не замѣтны. Справився съ учеными—Клапротъ скажетъ намъ, что жители береговъ Чулыма, Нарыма, Верхняго Тыма и Кети—Самоѣды; но при устьѣ Тыма, гдѣ мы теперь находимся, они рѣшительно сливуться Остяками. Остяками называютъ ихъ и Русскіе, и они не отказываются отъ этого названія, хотя на своемъ языкѣ и называютъ себя: ниже Нарыма—Tschûmel-gor, выше Нарыма—Schösch-kom, по Кети—Sysse-gom, по Чулыму—Tjûje-gom, то есть *человѣкъ страны* (отъ tschu, tju, sye—глина, земля, страна). Но несмотря на все это, филологъ отнюдь не задумается причислить ихъ къ Самоѣдамъ. Хотя языкъ ихъ и имѣетъ много особаго ублающагося отъ сѣвернаго нарѣчія; но законы его и масса словъ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ его родствѣ съ Самоѣдскимъ.

Къ самоѣдскому племени принадлежитъ въ Томской губерніи, за исключеніемъ обитателей береговъ Васьюгана (большою частью Остяковъ), все туземное народонаселеніе страны, отъ сургутской границы на сѣверѣ до рѣчи Чулыма на югѣ. Но не будемъ забѣгать впередъ, и продолжимъ разсказъ о нашемъ путешествіи. Проплывъ нѣсколько верстъ отъ Каглеакскихъ юртъ, мы прибыли къ устью Тыма, называемаго туземцами Каселку, т. е. Рѣка-окунь (отъ каба, kasa, kassa—окунь и ку—рѣка). Рѣка эта вытекаетъ изъ енисейскихъ болотъ, не въ далека отъ истоковъ Сыма⁽¹⁾, текущаго въ противоположномъ Тыму направленіи. Тымъ рѣка довольно значительная и, какъ говорятъ, въ низовьяхъ имѣетъ до 50 сажень ширины. Берега его низки, а прилегающая къ нему страна полна болотъ. По всему его теченію живутъ Самоѣды, въ обыкновенныхъ юртахъ, и промышленяють звѣроловствомъ и рыбною ловлею. Они всѣ крещены и имѣютъ свою церковь на Оби, въ двадцати верстахъ выше устья Тыма, въ маленькой деревушкѣ, называющейся, по церкви, Тымской. Отъ самаго Лумпокольска, эта деревенька—первое русское поселеніе, встрѣченное нами на пути.

Переночевавъ здѣсь, мы безостановочно продолжали наше путешествіе, и вскорѣ прѣбыли къ русской рыболовнѣ, состоявшей по крайней мѣрѣ изъ двадцати юртъ, въ беспорядкѣ разбросанныхъ по широкому песчаному берегу. Между ними не было и двухъ сходныхъ: одні круглыя, другія четырехугольныя, третьи пирамидальныя, четвертыя конусообразныя, большая же часть неправильной формы. Почти всѣ онѣ берестяныя, но устроены такъ дурно, что осеннія бури не только погнули ихъ, но и вырвали порядочныя части стѣнъ. Кромѣ того, онѣ такъ малы и низки, что въ дверь надо вползать на четверенькахъ, а внутри можно только сидѣть, либо лежать. Всѣ онѣ принадлежали частью Самоѣдамъ, частью васьюганскимъ Остякамъ, загнаннымъ крайнею нуждою въ батраки къ съемщику этой рыбной ловли, кажется, купцу Нарымскому. За этими юртами поднималось, далеко превышавшее ихъ, огромное, пирамидальное жилище, устроенное изъ сѣна, ракутника и земли. Оно принадлежало надсмотрщику, который въ это самое время тихо шелъ по полю съ большою палкою въ рукѣ. Окладистая борода и синій кафтанъ показываютъ, что онъ Русскій. Отъ его жилища тянулася длинный рядъ амбаровъ, устроенныхъ изъ того же матеріала. Неподалеку отъ нихъ находилось еще жилье, котораго только крыша видѣлась надъ землею. Мы спустились по лѣстницѣ въ это подземелье. «Милости, милости просимъ!» крикнуло намъ въ одинъ голосъ

(1) Въ древнія времена, рѣки Тымъ и Сыма, какъ извѣстно, служили путемъ сообщенія между Обью и Енисеемъ.

многочисленное веселое общество съ пестрыми рукавами, вѣроятно кузнецкихъ прикащиковъ, сидѣвшее вокругъ кипящаго самовара. Хозяинъ встрѣтилъ насъ низкимъ поклономъ, посадилъ на почетное мѣсто и подбавилъ дровъ въ огонь, не теша рада, а ради освѣщенія. Свѣтъ отъ огня далъ намъ возможность замѣтить, что это подземелье имѣетъ почти всѣ принадлежности порядочнаго человѣческаго жилища: четыре стѣны, впрочемъ земляныя и покрытыя толстымъ слоемъ плесени, крышу, снаружи обложенную торфомъ, очагъ, сложенный изъ глины съ сѣномъ, скамью, дверь, нѣсколько образовъ и т. д. Хозяинъ, несмотря на то, что онъ Русскій и горожанинъ, увѣряетъ, что лучше этого жилища и желать не для чего; что гораздо лучше спать съ сытымъ желудкомъ здѣсь, чѣмъ съ тощимъ въ любомъ городскомъ домѣ. Оно можетъ быть и такъ; но у кого, кромѣ требованій желудка, есть еще потребность дышать свѣжимъ воздухомъ, видѣть свѣтъ Божій, тотъ поспѣшитъ вмѣстѣ со мною покинуть и эту блаженную юрту.

Но прежде, чѣмъ оставимъ рыболовню, бросимъ на нее еще одинъ бѣглый взглядъ. Тутъ мы видимъ сборъ людей, принадлежащихъ къ тремъ разнымъ націямъ. Посмотрите на Русскаго, какъ онъ разыгрываетъ господина, бодро и смѣло похаживая въ своемъ тепломъ овчинномъ тулупѣ; тогда какъ Остякъ и Самоѣдъ, какъ угнетенный рабъ, бродитъ съ согнутой выей, съ подгибающимися колѣнами. Конечно и между Русскими видимъ мы и господъ и рабовъ; но Русскій и подъ гнетомъ рабства не утрачиваетъ своей веселости и бодрости. Съ юношеской отвагой бѣжитъ онъ по полю, поетъ, прыгаетъ и затрогиваетъ все, что ни попадется на пути. Для встрѣчнаго товарища у него готова шуточка; къ угрюмому туземцу онъ пристаетъ, какъ оводъ къ лошади, даетъ ему толчки и пинки, срываетъ съ него шапку и заставляетъ бѣгать за собою изъ стороны въ сторону до конца поля.—Но вотъ вниманіе наше обращаетъ на себя группа дряхлыхъ женщинъ, оборванныхъ ребятишекъ и косматыхъ собакъ, видѣющаяся въ отдаленіи. Удалившись сюда съ «крушицами со стола богатаго», состоящими въ мелкой рыбѣ всякаго рода, женщины эти заняты чисткою и развѣшиваніемъ ея для сушки. Ребятишки кричатъ, какъ голодное воронье вокругъ добычи, и собаки во все горло вторятъ этому дисгармоническому концерту. Нѣсколько поодаль отъ этого мѣста онѣ бѣгаютъ вокругъ мальчишекъ, которые вѣшались другъ другу въ волосы. Мальчишки шалютъ, но сабаки кажется не понимаютъ этого. Болѣе взрослые заняты: одни борьбою и другими тѣлесными упражненіями, другіе игрой въ дураки и въ три листика. Кругомъ раздаются ибени и звуки гармоникъ, которая и здѣсь въ такой же модѣ, какъ и на улицахъ Москвы, Петербурга и Казани.

Темнѣло уже, когда мы оставили рыболовню. Вѣсть съ темнотою возрастала и непогода. преобразовавшаяся ночью въ страшную бурю съ ливнемъ. Лежа въ своей темной каютѣ я вскорѣ сталъ замѣчать, что судно наше то и дѣло касается дна. Несмотря на многократные приказанія кормчаго, чтобы держали подалеже отъ берега, толчки продолжались. Въ подобныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ болѣе строгимъ мѣрамъ, и, благодаря имъ, судно поплыло наконецъ свободнѣе. Но плыло ли оно вверхъ по рѣкѣ или внизъ, этого никто не могъ рѣшить; и самъ кормчій, на вопросъ объ этомъ, отвѣчалъ, что онъ можетъ конечно отвести судно подалеже отъ берега, но безсиленъ противъ вѣтра и волнъ на разъяренной рѣкѣ. Посоветовавшись, мы рѣшились причалить къ берегу и переждать непогоду, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ гребцовъ была женщина съ груднымъ ребенкомъ, требовавшимъ въ такую ночь попеченій матеря.

На слѣдующій день, по минованіи бури, мы проѣхали, при холодной и туманной погодѣ мимо юртъ Аскинскихъ, Канаскинскихъ, Искинскихъ и Кашкинскихъ, и къ вечеру добрались до устья Васьюгана (1), по Остяц. Elle-jógan—большая рѣка, или Watj-jógan—узкая рѣка, по Самоѣд. Warku (отъ warg—большой и ku—рѣка). Онъ беретъ свое начало въ болѣе обширныхъ Барабинскихъ болотахъ, не-подалеку отъ истоковъ Туи и Демьянки, впадающихъ въ Иртышъ, и Югана, впадающаго въ Юганскій рукавъ Оби. Васьюганъ, какъ говорятъ, протекаетъ болѣе 600 верстъ, весьма извилистъ, тихъ и вездѣ судоходенъ. Важнѣйшіе изъ его притоковъ: Квенелька, Пурелька, Нюрелька (Ост. Jargan-jógan, т. е. рѣка Самоѣдовъ, Халатъ или Салатъ, Чежабка (Сам. Tschadschap-ku, Ост. Wai-jógan—рѣка-лосей) и др. Какъ мы упоминали уже, эта рѣчная область населена Остяками, за исключеніемъ Чежабки, по нижнему теченію которой живутъ кое-гдѣ Самоѣды; верховья же совершенно безлюдны. Зѣвшіе Остяки и Самоѣды стоятъ почти на той же ступени образованности, какъ и обьскіе. Они живутъ въ юртахъ съ мѣстомъ для огня по серединѣ; не держатъ ни лошадей, ни коровъ, и кормятся преимущественно звѣроловствомъ и рыбною ловлею. Около 200 верстъ выше впаденія Васьюгана есть давно уже выстроенная церковь, но безъ священника.

Отъ впаденія Васьюгана до Нарыма считается только 60 верстъ. Эта часть довольно густо заселена Русскими и Остяками, но селенія ихъ расположены не по самой Оби, а, какъ обыкновенно, по небольшимъ рукавамъ и притокамъ ея. При самой Оби на этою протяженіи одна только рус-

(1) Штувенбергъ ошибается, говоря, что Was значить большой, а Тортъ малый. Слово Тортъ по Остяцки значить Богъ, а Васьюганъ, по всей вѣроятности, русское искаженіе названія Watj-jógan.

ская деревня, Ильина, да нѣсколько юртъ, въ которыхъ, во время лова, живутъ одни рыбаки безъ семействъ. Окрестности постоянно цики и пустыны. Ничто не давало знать о близости стараго города, и какъ будто нарочно, самая нарымская пристань называется Камчаткою. Мы приплыли въ нее 25 сентября (7 окт.) въ самую пору, потому что чрезъ нѣсколько дней она покрылась уже льдомъ.

ПИСЬМА.

1.

Доктору Ленроту въ Каянъ.

Нарымъ 1 (13) ноября 1843.

Дружеское письмо твое отъ 4 сентября я получилъ уже болѣе мѣсяца тому назадъ, но по причинѣ постоянно дурнаго зимняго пути, прервавшаго всякое сообщеніе въ здѣшней пустынѣ, принужденъ былъ оставить его до сихъ поръ безъ отвѣта. Теперь, наконецъ, я имѣю возможность благодарить тебя за все безпокойства, которымъ подвергла тебя моя черемисская грамматика, и тѣмъ болѣе, что работа моя, по всей вѣроятности, вовсе не стоила ихъ. Мнѣ даже сдается, что эта грамматика была единственною причиною поѣздки твоей въ Куопіо. Хорошо еще, что Колланъ взялъ на себя корректуру и что ты могъ покойно возвратиться въ Каяну.

Слѣдующимъ моимъ произведеніемъ будетъ остяцкая грамматика, составленная почти по такому же плану, какъ и зырянская. По-шведски она уже написана и теперь остается только Бергстади перевести ее на латинскій языкъ. Я хочу приложить къ ней, по возможности полный, списокъ словъ, потому что остяцкій языкъ въ лексикальномъ отношеніи представляетъ замѣчательное сходство съ финскимъ. Въ грамматическомъ же отношеніи сходство между этими языками не такъ велико, и это влѣдствіе сильнаго на Остяковъ вліянія Русскихъ, Татаръ и Самоѣдовъ. Остяцкій языкъ чрезвычайно звученъ. Къ отличительнымъ его звукамъ принадлежатъ придыхаемыя *d* и *t*, которыя произносятся почти какъ *dl* и *tl*, и иногда переходятъ въ чистое *l*. Это, кажется, также весьма интересный фактъ и въ отношеніи къ финскому.

Что на верхней Оби я наткнулся на нѣсколько Самоѣдскихъ племенъ, доселѣ неизвѣстныхъ и говорящихъ нарѣчіемъ, которое очевиднѣйшимъ

образомъ доказываетъ сродство между финскимъ и самоѣдскимъ языками, — это новость, къ которой, конечно, и ты не останешься равнодушнымъ. Въ настоящую минуту я занимаюсь другимъ, весьма замѣчательнымъ самоѣдскимъ нарѣчіемъ, которое, безъ всякаго основанія, почитали остяцкимъ; оно начинается у Тобольской границы, на сѣверѣ, и распространено вверхъ ко Оби и по ея притокамъ во всемъ Нарымскомъ уѣздѣ до Томска. Не здѣсь, на Нарымѣ, я по неволѣ долженъ прекратить мои о немъ изслѣдованія и продолжать безостановочно путешествіе къ Енисею, составляющему настоящее поприще моей дальнѣйшей дѣятельности. Скольکو я могу теперь предвидѣть, мнѣ придется провести весь будущій годъ на нижней части этой рѣки, между городами Енисейскомъ и Туруханскомъ. Въ продолженіе этого времени всѣ письма ко мнѣ можно адресовать въ Енисейскъ. Русское имя, которымъ окрестила меня академія, — Александръ Христіановичъ; и прошу никакъ не забывать этого, потому что въ Сибири всякая бездѣлица принимается за важное.

Здоровье мое, которымъ я не могъ похвалиться лѣтомъ, значительно поправилось, съ тѣхъ поръ какъ я пересталъ вдыхать въ себя влажные туманы Барабинской степи. Посмотримъ, что-то скажетъ зима. Я съ своей стороны уже нѣсколько попривыкъ какъ къ тому, такъ и къ другому; но Бергстади все еще не можетъ акклиматизироваться здѣсь и его все тянетъ въ Финляндію.

2

Къ лектору Коллану въ Куопіо.

Нарымъ 4 (16) ноября 1843.

Недавно я получилъ отъ друга Ленрота письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ меня, что ты былъ такъ добръ и принялъ на себя корректуру моей черемисской грамматики. Вместе съ тѣмъ онъ упоминаетъ, что типографщикъ обѣщалъ высылать ко мнѣ, по мѣрѣ того, какъ она будетъ выходить изъ печати, — листа по два съ каждою почтою.

Начиная съ лѣта, я изучалъ не менѣе пяти различныхъ нарѣчій самоѣдскаго и остяцкаго языковъ, и для послѣдняго составилъ уже небольшую грамматику. Въ настоящее время я занимаюсь далеко распространеннымъ и весьма оригинальнымъ нарѣчіемъ самоѣдскаго языка, которое до сихъ поръ смѣшивали съ остяцкимъ. Это нарѣчіе распространено, съ различными видоизмѣненіями, отъ Тобольской границы на сѣверѣ, вдоль

по верхней Оби и по ея притокамъ до окрестностей Томска на югъ. Можетъ быть я еще встрѣчу это самое нарѣчіе гдѣ нибудь и въ Енисейской губерніи; на это предположеніе меня наводятъ таблицы Клапрота. Строган послѣдовательность должна бы, конечно, заставить меня продолжать изслѣдованія объ этомъ нарѣчій по однажды принятому направленію до Томска; но такъ какъ мнѣ еще придется возвратиться въ эти края, а между тѣмъ зимнее время можетъ быть употреблено съ гораздо болѣею пользою на Енисей, то я и располагаю, при первомъ удобномъ случаѣ, отправиться въ Енисейскую или Красноярскую губернію. Въ этой губерніи, какъ тебѣ извѣстно, господствуетъ необыкновенное смѣшеніе племенъ и языковъ; филологу хватило бы здѣсь работы на цѣлую жизнь, но чтобы кончить возложенную на меня задачу въ назначенный срокъ, я долженъ до истеченія будущаго года обследовать, по крайней мѣрѣ, всю сѣверную часть этой губерніи или страну по обѣимъ сторонамъ Енисея между Ледовитымъ моремъ на сѣверѣ и городомъ Енисейскомъ на югѣ. Послѣ этого я думаю отправиться въ окрестности Красноярска, Иркутска, и Томска для изученія Карагаскаго, Койбалъскаго (†) и другихъ остатковъ самоѣдскихъ нарѣчій въ южной Сибири. Здѣсь я приду въ соприкосновеніе съ Монголами и Тюрками или Татарами, которые особенно интересны, потому что мнѣ страшно хочется доказать сходство между ихъ языкомъ и финскимъ, а равно и самоѣдскимъ. А что это сродство дѣйствительно существуетъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, но чтобы доказать его вполне удовлетворительно, разумѣется, нужны трудъ и время. Весьма вѣроятно, что моею жизни и не хватитъ на окончаніе этого дѣла; какъ бы то ни было, чтобы не растеряться и не сбиться въ этой путаницѣ, мнѣ необходима опредѣленная цѣль. Чѣмъ выше цѣль ставить себѣ человекъ, тѣмъ ревностнѣе старается онъ достигнуть ея и тѣмъ больше можетъ онъ сдѣлать. Нисколько не полагаясь черезъ-чуръ на свои силы, я бодро работаю все-таки для своей цѣли, ибо увѣренъ, что это дѣло должно имѣть успѣхъ. Къ вѣчному позору нашему, Нѣмцы не замедлятъ обработать семью нашихъ языковъ и тѣмъ же самымъ сравнительнымъ способомъ, которымъ обработали свою собственную или Индо-германскую. Съ радостью и удивленіемъ прочелъ я, что Габеленцъ общаетъ уже сравнительную грамматику финскихъ и татарскихъ языковъ. Въ Россіи также сильно интересуются этимъ дѣломъ, и во Франціи Луи Луцианъ Бонапартъ хлопочетъ о томъ же. Только въ Финляндіи смотрять на это какъ-то недовѣрчиво; таковъ ужъ впрочемъ нашъ обычай. Этимъ я отнюдь не хочу сказать, чтобъ моею собственной особѣ не оказывали такъ называе-

(†) Изъ послѣдующихъ отчетовъ видно, что эти языки не имѣютъ ни чего общаго съ самоѣдскимъ.

мой справедливости. Напротивъ, мнѣ оказываютъ ея гораздо болѣе, чѣмъ я заслужилъ или когда нибудь заслужу; но на самое-то дѣло смотреть слишкомъ холодно и равнодушно; что доказывается уже и тѣмъ, что я до сихъ поръ не могу добыть постоянного сотрудника. Бергстади, конечно, нельзя упрекнуть въ равнодушіи, но онъ страдаетъ тоскою по родинѣ и замышляетъ возвратиться будущею весною или лѣтомъ, если не въ Финляндію, такъ по крайней мѣрѣ, въ Казань, гдѣ въ кругу финскихъ друзей и знакомыхъ, надѣется доканать голъ скорѣе, чѣмъ въ пустыняхъ Сибири. Посмотримъ кого-то, въ такомъ случаѣ, назначать на его мѣсто! — Въ другой разъ—болѣе.

3.

Къ статскому совѣтнику Шёгрёну.

Нарымъ 1 (13) декабря 1845.

— — — — Медленная и отъ дурныхъ дорогъ прекратившаяся почта доселѣ лишала меня удовольствія писать къ вамъ. Теперь, кромѣ письма, посылаю тетрадь сухихъ дорожныхъ замѣтокъ. Въ нихъ, все касающееся Финновъ и сродства ихъ съ Самоѣдами и другими народцами, можно и выбросить, если Академія найдетъ это излишнимъ. Собственно эта часть предназначалась мною для финской публки, которая и не предчувствуетъ этого; мнѣ хотѣлось возбудить ея вниманіе, потому что, по моему мнѣнію, для обработки этого сибирскаго поля мои соотечественники способны всѣхъ. Къ краткому же, въ концѣ, описанію рѣкъ, дала поводъ инструкція г. Кеппена, и я полагаю, что оно не только не лишнее, но даже и полезно, потому болѣе, что Штукенбергъ не говоритъ ничего, или говоритъ очень мало объ этихъ рѣкахъ, между тѣмъ какъ въ этнографическомъ отношеніи онѣ гораздо важнѣе самой Оби. Впрочемъ на пути отъ Самаровой до Сургута я не встрѣтилъ ничего замѣчательнаго; переѣздъ отъ Сургута до Нарыма далъ несравненно болѣе матеріаловъ, но я не успѣлъ еще привести ихъ въ порядокъ и изложить какъ слѣдуетъ....Напередъ расскажу вамъ о самомъ путешествіи.

До Сургута я не уклонялся отъ плана, начертаннаго мною въ Тобольскѣ. Для пріобрѣтенія необходимыхъ свѣдѣній въ остояцкомъ языкѣ, большая часть лѣта была проведена мною въ окрестностяхъ Самаровой, по рѣкамъ Оби и Иртышу. На верхней Оби я нашелъ нѣсколькихъ такъ называемыхъ Казымскихъ или Кондинскихъ Самоѣдовъ, и познакомился на сколько нужно съ ихъ нарѣчіемъ, которое представляетъ нѣкоторыя укло-

ненія отъ Обдорскаго. Такимъ образомъ мнѣ уже не зачѣмъ было въ другой разъ ѣздить въ Березовъ и отыскивать казымскихъ Самоѣдовъ въ *Юильскомъ городкѣ*, куда они, говорятъ, приходятъ къ Рождеству для платежа подати. Поэтому я продолжалъ путешествіе по принятому однажды направленію, вверхъ по Оби, и въ началѣ августа прибылъ въ небольшой, нынѣ упраздненный городъ Сургутъ. Въ его околodкѣ я нашелъ одно или даже два новыя остяцкія нарѣчія, на которыя не могъ не обратить вниманія, ибо они во многихъ отношеніяхъ были богаче и чище Иртышскаго, и я употребилъ остающую часть лѣта на изученіе ихъ. Долѣ заниматься остяцкимъ языкомъ я не позволилъ себѣ, потому только, что языкъ этотъ въ данной мнѣ вами инструкціи, занимаетъ весьма второстепенное мѣсто. Но такъ какъ у меня все таки набралось много замѣтокъ, то, чтобы не запутаться въ нихъ въ послѣдствіи, я еще въ Сургутѣ рѣшилъ привести ихъ въ порядокъ. Изъ нихъ мало по мазу образуется теперь Остяцкая этимологія, которую со временемъ буду имѣть честь представить въ Академію Наукъ (1).

Не помню, говорилъ ли я въ предшествовавшихъ письмахъ, что прежде я рассчитывалъ остаться въ Сургутѣ до зимы, потому что предполагалъ уже и въ окрестностяхъ его найти Самоѣдовъ и тутъ же приступить къ серьезному изученію языка ихъ. Предположеніе это не оправдалось, и я поспѣшилъ отъѣздомъ отсюда, чтобы добраться до нихъ прежде, чѣмъ стануть рѣки, и посвятить время продолжительной распутицы настоящему предмету моихъ изслѣдованій. И прежде и послѣ мнѣ говорили, что изъ Сургута можно проѣхать къ Самоѣдамъ двумя дорогами; одной—вверхъ по рѣкамъ Ваху и Кульюгану къ Корелкѣ, Тазу и Туруханску; другой—верхнимъ теченіемъ Оби къ Нарыму. Исправникъ увѣрялъ меня чество, что не преградить мнѣ ни той, ни другой дороги; но, по единогласному мнѣнію жителей, дорога къ Тазу была уже преграждена. Во всякомъ случаѣ было ясно, что лѣтнимъ путемъ я не проѣду дальше Ларьятскаго на Вахѣ, гдѣ пришлось бы прожить цѣлую осень безъ всякаго дѣла или ограничиться однимъ остяцкимъ языкомъ. Кромѣ того, еслибъ какія нибудь неблагоприятныя обстоятельства принудили меня повернуть отсюда назадъ—я потерялъ бы безъ всякой пользы почти треть года. Все это заставило меня предпочесть, далеко вѣрнѣе ведущую къ моей цѣли, дорогу вверхъ по Оби. Въ половинѣ сентября оставилъ я Сургутъ, и въ концѣ того же мѣсяца прибылъ въ Нарымъ.

Такимъ образомъ я, конечно, уклонился отъ перваго моего плана; но

(1) Она и вышла въ 1849 г. подъ заглавіемъ: Versuch einer Ostjakischen Sprachlehre ebst Kurzem Wörterverzeichnis.

это уклоненіе оказалось весьма полезнымъ, потому что не только привело меня къ Самоѣдамъ, но и кажется необходимымъ шагомъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Самоѣдское населеніе Томской губерніи гораздо многочисленнѣе и гораздо важнѣе во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ можно было предполагать по прежнимъ о немъ свѣдѣніямъ. Оно начинается тотчасъ отъ Сургутской границы на сѣверѣ, и отсюда распространяется къ югу по верхней Оби и ея притокамъ Тыму, Кету, Парабели, Чулыму, до Томска. Русскіе называютъ Самоѣдовъ Томской губерніи Остяками, тогда какъ Остяковъ здѣсь нѣтъ, за исключеніемъ небольшой вѣтви, живущей только по Васьюгану и примыкающей по языку къ соседнимъ Остякамъ Сургутскаго округа. Въ рѣчной области Васьюгана встрѣчаются впрочемъ и Самоѣды, и именно по Чежабкѣ (по Остяцки Wai-jögan). Что касается до томскаго самоѣдскаго нарѣчія— оно значительно отличается отъ обдорскаго, но, какъ обыкновенно, больше массой словъ, чѣмъ самымъ грамматическимъ построеніемъ. Нѣкоторыя изъ свойственныхъ ему словъ совершенно неизвѣстнаго для меня происхожденія, другія же заимствованы частью изъ татарскаго и остяцкаго языковъ. Приведенный остяцкими словами въ заблужденіе, Клапротъ причислилъ большую часть коренныхъ жителей Томской губерніи къ Остякамъ, и раздѣлилъ ихъ языкъ на два нарѣчія: Васьюганское и Нарымское. Гдѣ господствуетъ нарымское нарѣчіе мнимыхъ Остяковъ, Клапротъ не опредѣляетъ; но такъ какъ для Самоѣдовъ онъ отвѣлъ окрестности Нарыма и верхнее теченіе рѣкъ Кета и Тыма, то и можно было предполагать, что остальные части Нарымскаго округа заселены такъ называемыми нарымскими Остяками. Можете представить мое удивленіе, когда, проѣхавъ большую часть этихъ странъ, я не встрѣтилъ ни одного Остяка; когда въ каждой юртѣ находилъ только Самоѣдовъ. Но еще болѣе изумило меня то, что многія остяцкія слова, приведенныя Клапротомъ подъ рубрикою «Въ окрестности Нарыма», напр. названія чиселъ, вовсе не существуютъ въ нарымскомъ нарѣчіи. Изъ этого явствуетъ, какъ мало можно полагаться на приводимыя Клапротомъ списки словъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, я еще болѣе убѣдился, что крокъ, который я сдѣлалъ, поѣхавъ въ Нарымъ, самая прямая дорога къ моей цѣли. Я слышалъ отъ многихъ и въ разныхъ мѣстахъ, что Самоѣды, Тыма, Кульйогана и Таза находятся въ сношеніяхъ другъ съ другомъ и говорятъ почти однимъ и тѣмъ же языкомъ. По моему нѣтъ ничего естественнѣе этого; да и по Клапротовымъ таблицамъ нарѣчіе томскихъ Самоѣдовъ ближе къ нарѣчію тазовскихъ, нежели къ нарѣчію туруханскихъ. Если это все такъ, то мои здѣшнія занятія самоѣдскимъ будутъ полезнымъ приготовленіемъ для будущихъ изслѣдованій по Тазу и Кульйогану, гдѣ, безъ таковаго приготовленія, лингвистическія разысканія были бы почти невозможны, потому что тамошніе жители не

знають по-руски, не имѣють даже порядочныхъ жилищъ. Впрочемъ и въ случаѣ если мое предположеніе о ближайшей связи между томскимъ и тазовскимъ нарѣчіями не оправдается, я много выиграю уже и тѣмъ, что расширившееся знакомство съ самоѣдскимъ языкомъ, которое я пріобрѣлъ и пріобрѣтаю настоящей поѣздой, значительно облегчитъ изученіе какъ тазскаго, такъ и всякаго другаго нарѣчія.

Что касается до дальнѣйшихъ моихъ поѣздокъ, я былъ весьма обрадованъ тѣмъ, что послѣднія предписанія Академіи, точно такъ же какъ и ваши, въ главномъ совершенно согласуются съ моими собственными желаніями и намѣреніями. Вы, можетъ-быть, припомните, что прежде я располагалъ пробраться въ Енисейскъ прямо черезъ Кетъ; но давно уже долженъ былъ отказаться отъ этого, потому что пространство по Кету почти непроѣздно; сотни верстъ безъ всякихъ дорогъ, юрты на далекомъ одна отъ другой разстояніи, и лошади чрезвычайно рѣдки. Почти на этомъ же пути къ Енисейску, въ небольшой деревнѣ, Максимкинъ-яръ, выстроены для удовлетворенія духовнымъ и матеріальнымъ потребностямъ Самоѣдовъ церковь и нѣсколько казенныхъ магазиновъ. До этой деревни, хоть и не безъ трудностей, но все-таки можно добраться; да вогъ бѣда—нарымскіе ямщики не берутъ меньше 500 рублей. По этому, даже изъ экономическаго разчета, будетъ благоразумнѣе выбрать болѣе длинную дорогу на Томскъ и Красноярскъ. На этомъ пути я кончу, согласно вашему предписанію, и съ видоизмѣненіями, вѣроятно весьма незначительными, нарѣчій, встрѣчающихся по Оби, Кету и Чулыму. Прежде, чтобъ добраться поскорѣе до Туруханска, я, было, думалъ отложить разысканія въ Чулымской области до возвратнаго пути; и это, потому что опасался, что Академія и вы будете недовольны моимъ долгимъ пребываніемъ въ Томской губерніи. Въ инструкціи мнѣ предписано возвращаться преимущественно въ сѣверныхъ частяхъ Сибири, и мысль, что въ теченіе цѣлаго года я еще не успѣлъ добраться до настоящаго поприща моей дѣятельности, естественно не могла не тревожить меня. Мнѣ и теперь какъ-то совѣстно, что, задержанный остяцкимъ языкомъ, я во весь первый годъ справлюсь, можетъ-быть, только съ томскимъ нарѣчіемъ самоѣдскаго языка, т. е. едва ли и шестою частью моей филологической задачи. И то, что несмотря на это, и вы, и Академія Наукъ позволяете мнѣ, принявъ въ разчетъ мое разстроенное здоровье, остаться до весны въ окрестностяхъ Томска и Красноярска, я принимаю какъ милость, за которую не знаю какъ и благодарить. Но мое здоровье, порядкомъ пострадавшее въ послѣднее лѣто отъ ядовитыхъ испареній Барабинской степи, поправилось, благодаря теплой и пріятной осени, на столько, что было бы съ моей стороны недобросовѣстно воспользоваться этой

милостью, и потому я намѣренъ, какъ только кончу изученіе томскаго нарѣчія, пробраться далѣе, по крайней мѣрѣ до Енисейска.

Теперь позвольте мнѣ присоединить одно замѣчаніе. Въ «Академическихъ Извѣстіяхъ» (Bulletin de la Classe historico-philologique, Tome II, p. 379) высказано вами предположеніе, что подъ самоѣдскими племенами я вѣроятно разумѣлъ отдѣльные семейства. Подъ словомъ *племя* (Stamm) я понимаю соединеніе нѣсколькихъ родственныхъ семействъ, имѣющихъ одного общаго главу и нѣкоторыя издавна ведущіеся обычаи. Это названіе мнѣ кажется весьма соотвѣтственнымъ, выражая не только родство семействъ, но и соединеніе ихъ въ одну корпорацію, какъ видно изъ словъ: «Stammfürst, Stammhaupt, Stammverfassung». Но если угодно можно замѣнить его словомъ *родъ* (Geschlecht), хотя послѣднее не обозначаетъ соединенія семействъ въ корпорацію. Вѣроятно васъ привело тутъ въ нѣкоторое сомнѣніе то, что число племенъ въ Кондинской области, въ отношеніи къ незначительному пространству ими занимаемому, слишкомъ уже велико. Въ самомъ дѣлѣ самоѣдскія племена, за исключеніемъ немногихъ, весьма малочисленны. Такъ Казымскіе Самоѣды, раздѣляющіеся на восемь племенъ, не превышаютъ 800 душъ. Клаиротъ говоритъ, что по обѣимъ сторонамъ Урала находятся только три рода, а именно: Wanoita, Tysja-Hogeï (читай: Tysi и Lohei, по Русски Тюзи и Логей, составляющіе два рода) и Chyrjuri (читай: Harjutsi); между тѣмъ въ одной Обдорской волости живутъ 32 рода или племени. Самое большое изъ нихъ племя Harjutsi, раздѣляющееся на многія вѣтви, и распространенное отъ рѣки Кары на западъ до Енисея на востокъ. И родъ Wanoita также значительное племя, распадающееся подобно Harjutsi на многія вѣтви; всѣ же прочіе состоятъ изъ немногихъ семействъ...

4.

АССЕССОРУ РАББЕ.

Нарымъ 1 (13) декабря 1843.

Виновать! говорить русскій человекъ, когда сдѣлаетъ ошибку, которой ничѣмъ извинить нельзя. Вотъ и я попалъ въ эту категорію виноватыхъ, тѣмъ что, не послушавъ Академіи, просилъ адресовать письма въ Енисейскъ двумя мѣсяцами ранѣе, чѣмъ слѣдовало. Можетъ быть, однакожь, я еще найду средство задержать ихъ въ Томскѣ, куда впрошу впредь писать мнѣ.

Но когда живешь въ такой пустынь, въ которой даже и предчувствіемъ не отгадаешь, что съ тобою случится завтра—разумѣется, нѣтъ никакой возможности опредѣлить заранѣе сроки своихъ поѣздокъ. Къ счастью почтовая часть утроена въ Россіи такъ хорошо, что и маленькой записочкой въ пять строкъ можно вытребовать свои письма съ одного конца свѣта на другой. Прилагаемая копія съ письма моего къ Шёгрёну объяснить тебѣ причину, побудившую меня остаться въ Томской губерніи.

До сихъ поръ все шло еще довольно благополучно, но Енисейская губернія и сѣверная часть ея будетъ для меня оселкомъ, который—сознаюсь къ стыду своему, — серьезно страшитъ меня. Поможетъ мнѣ Богъ возвратиться благополучно и изъ Туруханска — я навсегда прощусь съ сѣверомъ Сибири, который сдѣлался уже для меня рѣшительно невыносимымъ. За то, съ другой стороны, какъ хочется мнѣ побывать въ прибайкальскихъ странахъ и взглянуть на китайскія бороды. Вообще я смотрю на Китайцевъ довольно благосклонно, и еслибъ принадлежалъ къ числу сильныхъ міра сего, то составилъ бы родословную и доказалъ бы, что Финны и Китайцы происходятъ отъ одного и того же предка. Что касается собственно до меня, то я не придаю особенной важности знатымъ предкамъ, расположенъ даже болѣе къ людямъ, у которыхъ отцы были мельники, каменщики, чулочники и т. п. Оно какъ-то и меньше риска быть сыномъ сапожника, а не сенатора: выйдетъ изъ тебя что нибудь—тѣмъ больше чести. Бобыль—такъ можно утѣшиться и тѣмъ, что и отцы наши были бобылями. Таково мое убѣжденіе, и потому безконечно радъ, что съ каждымъ днемъ нахожу все болѣе сходства между финскими и сибирскими языками.

P. S. Совсѣмъ было забылъ сказать, что сегодня я отправляюсь изъ Нарыма въ деревню Тогуръ, за 110 верстъ отсюда.—Шёгрёну я посылаю съ этою почтою тетрадь путевыхъ замѣтокъ, до того сухихъ, что могутъ занять почетное мѣсто въ «*Suomi*».

5.

АССЕССОРУ РАББЕ.

Тогуръ 11 (23) января 1846 (*).

Находясь въ русской деревнѣ Тогуръ, въ 110 верстахъ къ югу отъ Нарыма, я, десять дней тому назадъ, вмѣсто подарка на новый годъ,

(*) Изъ Тогура Кастрень кромѣ того послалъ еще въ письмѣ къ Коллану, писанномъ наканунѣ рождества 1845 года, множество поправокъ къ первымъ двумъ напечатаннымъ листамъ своей Черемисской грамматики.

получилъ отъ тебя два пакета съ письмами, которыя дѣлають тебѣ честь и даютъ тебѣ полное право на мою благодарность. Замѣчательно, однакожъ, что какъ эти, такъ и нѣкоторыя другія письма нашли меня въ этомъ жалкомъ гнѣздѣ, тогда какъ они были адресованы советѣмъ въ другую губернію, по крайней мѣрѣ за 2000 верстъ отсюда.

Что касается до моего здоровья, то я страдаю здѣсь ревматическою болью въ шеѣ, кашлемъ и другими неважными недугами, которыми, по всей вѣроятности, обязанъ стужѣ и избытку сквознаго вѣтра въ моей комнатѣ. Однакожъ я терпѣливо несъ свой крестъ и утѣшалъ себя тѣмъ, что работа моя все-таки подвигается съ каждымъ днемъ впередъ. Впрочемъ это единственное утѣшеніе, на которое здѣсь можно разчитывать. Относительно моей работы и зависящихъ отъ нея поѣздокъ я долженъ замѣтить, что въ Тогурѣ я уже все покончилъ и отправляюсь въ Чулымскій край, слѣдовательно прощаюсь на этотъ разъ съ Томской губерніей. Во всякомъ случаѣ зимнимъ путемъ я доберусь не далѣе Енисейска. Тамъ мнѣ будетъ вдоволь работы на всю весну; отсюда я отправлюсь за тѣмъ на лодкѣ внизъ по Енисею въ Туруханскъ. Въ Туруханскомъ краѣ, по всему видимому, меня ожидаютъ три языка: Тунгузскій, Самоѣдскій и еще одинъ, покуда не имѣющій еще названія. Тунгузскій языкъ не входитъ впрочемъ въ область моихъ изслѣдованій, остальные же два необходимо изслѣдовать, на сколько это будетъ возможно, и опредѣлить ихъ взаимное отношеніе. Если эта работа не доконаетъ меня, то я еще не теряю надежды возвратиться изъ Сибири; умереть же на берегахъ Байкала—было бы слишкомъ ужъ позорно. Придется еще разъ въ жизни увидѣть великолѣпную башню Каллаіолинны (1),—будь увѣренъ, что я уже никакъ не забуду о пирушкѣ, которую жена твоя обѣщала устроить по случаю моего возвращенія.

6.

Къ статскому совѣтнику ШЕГРЕНУ

Томскъ 5 (17) марта 1846 г.

Что въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ я не сообщалъ вамъ никакихъ свѣдѣній о моихъ дальнѣйшихъ разъѣздахъ между Самоѣдами, произошло отъ того, что все это время я находился постоянно почти въ совершен-

(1) Дача Раббе подь Гельзингфорсомъ.

ной разобщенности. Конечно между Нарымомъ и Томскомъ попадаются часто проѣзжіе, но въ Сибири не такъ-то легко найти человѣка, которому можно было бы поручить письмо. Впрочемъ, и сообщать-то было почти нечего, потому что мои изслѣдованія шли себѣ преспокойно по начертанному вами плану. Теперь, покончивъ ихъ благополучно въ предѣлахъ Томской губерніи, я постараюсь въ скорѣйшемъ времени прислать полный отчетъ о племенахъ навсегда оставляемаго мною края. Здѣсь же коснусь только важнѣйшаго.

Я уже говорилъ въ послѣднемъ письмѣ, что такъ называемые Остяки Томской губерніи отнюдь не Остяки, и не особенное, какъ полагаетъ Клапротъ, племя, происшедшее отъ смѣшенія Остяковъ съ Самоѣдами, а настоящіе Самоѣды, распространившіеся отъ Тыма до Чулыма. Языкъ ихъ значительно уклоняется однакожь отъ языка сѣверныхъ Самоѣдовъ, но крайней мѣрѣ отъ изслѣдованнаго мною обдорскаго діалекта и распадается на нѣсколько нарѣчій, изъ коихъ важнѣйшіе: 1) сѣверное или Нарымское, къ коему принадлежатъ и Тымское, 2) среднее или Кетское, и 3) южное, обыкновенно называемое Чулымскимъ. По мѣрѣ силъ я изучилъ всѣ эти нарѣчія и надѣюсь въ послѣдствіи представить особую грамматику ихъ съ словаремъ и нѣкоторыми богатырскими пѣнями, которыя посчастливилось записать въ этомъ уже обрусѣвшемъ краѣ. Изучалъ же я ихъ въ городѣ Нарымѣ и въ селахъ Тогурѣ и Молчановѣ, находящихся на верхней Оби и составляющихъ средоточія упомянутыхъ нарѣчій: Нарымъ нарѣчія сѣвернаго, Тогуръ—средняго, а Молчаново—южнаго. Особенныхъ поѣздокъ мнѣ незачѣмъ было предпринимать, потому что по Оби я встрѣчалъ достаточно какъ кетскихъ, такъ и чулымскихъ лѣсныхъ Самоѣдовъ. Чулымскіе Самоѣды ни языкомъ ни образомъ жизни не отличаются значительно отъ живущихъ по верхней Оби: ихъ всего двѣ небольшія деревни, на нижнемъ теченіи Чулыма. Болѣе обширное поле для изслѣдованій представляла рѣчная область Кета; но все, что можно было узнать разъѣзжая по этой дикой странѣ, я узналъ въ Тогурѣ, и такимъ образомъ сберегъ время, здоровье и деньги. Сверхъ того я приобрѣлъ нужныя свѣдѣнія и о Самоѣдахъ, живущихъ по рѣкамъ Чаѣ и Парабели. Они совершенно сходны по языку съ обьскими сосѣдями своими; по нравамъ же—съ кетскими. Я могъ бы упрекнуть себя только въ одномъ, что не занялся особо Тымскимъ нарѣчіемъ; но это вина независѣвшихъ отъ меня обстоятельствъ, которыя заставили спѣшить въ Нарымъ. Впрочемъ меня вездѣ увѣряли, что оно въ сущности совершенно одинаково съ Нарымскимъ, что подтверждается и таблицами Клапрота. О пумпокольскихъ Остякахъ, о которыхъ такъ много толковали, въ Обьской сторонѣ я не могъ получить никакихъ свѣдѣній; здѣсь даже и названіе Пумпокольскъ совершенно

неизвѣстно. Такъ какъ этотъ народецъ принадлежитъ собственно Енисейской губерніи, то вѣроятно тамъ онъ извѣстнѣе. Во всякомъ случаѣ я имѣю достаточныя причины думать, что пумпокольскіе Остяки тоже Самоѣды и что языкъ ихъ немногимъ разнится отъ Кетскаго нарѣчія. Какъ бы то ни было, если позволятъ обстоятельства, я непременно займусь имъ во время распутицы. Изъ этого вы можете догадаться, что я еще зимнимъ путемъ располагаю пробраться изъ Томска въ Енисейскъ или въ его окрестности. На дорогѣ, сколько мнѣ извѣстно, едва ли задержитъ меня что-нибудь научное—развѣ что другое, непредвидѣнное. Дороги становятся уже очень ненадежны, и потому, хотя я и пріѣхалъ въ Томскъ только вчера, я выѣду изъ него черезъ нѣсколько дней. Въ Ачинскѣ остановлюсь только для развѣдокъ, нѣтъ ли въ окрестностяхъ чего замѣчательнаго; въ Красноярскѣ вѣроятно проведу пасху.

Согласно инструкціи г. Кеппена, я собралъ по дорогѣ въ Томскъ всѣ необходимыя свѣдѣнія о татарскомъ племени Еушта (Jeuschta). Это племя дѣйствительно существуетъ въ четырехъ верстахъ къ сѣверу отъ Томска, гдѣ и до сихъ поръ одно татарское селеніе называется еще Еуштинскомъ. Я пробылъ нѣсколько времени въ этомъ селеніи и выспросилъ у Татаръ все, что они знали о томъ, какъ ихъ предки служили Россіи въ эпоху завоеванія Сибири, о могущественномъ князѣ ихъ Тоянѣ, о которомъ свѣжа еще между ними память, объ основаніи города Томска и т. д. Вотъ вамъ вкратцѣ историческая часть ихъ разсказовъ: Во время завоеванія Сибири княземъ Еуштинскаго племени былъ Тоянъ; владѣнія его простирались на 10 верстъ въ длину и на 5 въ ширину, считая въ верстѣ по 1000 сажень. Какъ и другіе Татары, онъ жилъ въ землянкахъ; ихъ было у него двѣ: одна лѣтняя, другая зимняя; первая находилась близъ теперешняго Еуштинска, послѣдняя—на высокомъ мысу, противъ того мѣста, гдѣ потомъ построенъ городъ Томскъ. Этотъ мысъ и теперь называется Городкомъ. Весьма вѣроятно, что онъ былъ укрѣпленъ; но Тоянъ, видно, не слишкомъ полагался на это, потому что уговорилъ окрестныхъ Татаръ покориться Русскимъ добровольно. Офіціальныя свѣдѣнія намекаютъ однакожь на то, что, не смотря ни на силу, ни на вліятельность свою, онъ не добился общаго согласія и потому, для обезопасенія собственной своей личности отъ возможныхъ нападеній соплеменниковъ, просилъ русскаго царя построить для защиты его крѣпость. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что Томскъ построенъ по просьбѣ самого Тояна и на его землѣ. Остальное можно видѣть изъ стараго документа, который посылаю при семъ г. Кеппену. Есть здѣсь еще нѣсколько древнихъ документовъ и царскихъ грамотъ, которыя я добылъ бы непременно, но къ несчастію человекъ, у котораго они хранятся, куда-то уѣхалъ.

Теперь нѣсколько словъ о моемъ здоровьѣ. На него я не могу особенно пожаловаться; кромѣ нѣсколькихъ катарровъ и другихъ незначительныхъ страданій, преимущественно грудныхъ, неизбѣжныхъ въ холодныхъ и продуваемыхъ сквознымъ вѣтромъ жилищахъ — я былъ всю зиму довольно здоровъ и могъ работать. Да и стыдно было бы разхвораться въ зиму такъ сносную и кроткую, что ни разу не замерзали, какъ гворилъ мой ящикъ, ни вороны ни сороки. Но вотъ близится несносная весна и еще несноснѣйшее лѣто — настоящіе оселки моего здоровья. А тутъ на бѣду еще — въ Томской аптекѣ я не нашелъ прописанныхъ мнѣ лекарствъ: вѣроятно не найдешь ихъ и въ Красноярскѣ, и за тѣмъ придется уже предоставить попеченіе о моемъ здоровьѣ рѣшительно на волю Божью.

7.

АССЕСОРУ РАББЕ.

Томскъ 5 (7) марта 1846.

Вотъ я и въ Томскѣ! Если ты хочешь узнать, какими путями пробрался я въ этотъ блестящій Парижъ Сибири, то возьми карту Азіи и отыщи на ней рѣку, которую Самоѣды поэтически называютъ Душою (Kuai), Остиаки—Ась (As), а большая часть остальныхъ смертныхъ—Обью. Въ верхней рѣчной области ея ты найдешь при рѣкѣ Томѣ городъ Томскъ, а нѣсколько градусовъ по-сѣвернѣе на самой Оби лежатъ городъ Нарымъ, который, однакожь, едва ли окажется на твоей картѣ, потому что онъ такъ же, какъ и Сургутъ, уже лишился своихъ привилегій и только благодаря своей дрезности и прежнимъ заслугамъ, пользуется еще почетнымъ титуломъ города. Переездъ отъ Нарыма до Томска, равняющійся 470 верстамъ, дѣлается обыкновенно въ какіе-нибудь трое сутокъ, а я ѣхалъ цѣлыхъ три мѣсяца, потому что филологическія изслѣдованія имѣютъ страшную способность вездѣ задерживать. Хорошо еще если они задержатъ въ населенномъ мѣстѣ; но на моемъ пути это случается очень рѣдко и совершенно неожиданно. Такова ужъ вѣрно была воля Всевышняго, чтобы народы, принадлежащіе къ бѣдному племени Самоѣдовъ, служили батраками сильнымъ міра сего, и жили въ бѣднѣйшихъ и пустыннѣйшихъ странахъ обитаемаго міра. Правда, что Томскіе Самоѣды еще менѣе бѣднѣйшей части своихъ соплеменниковъ имѣютъ причину жаловаться на обдѣлъ въ этомъ отношеніи, однакожь и на ихъ горькую долю вышала все таки страна по преимуще-

ству болотная. Въ области Томскихъ Самоѣдовъ находятся скверныя Барабинскія болота, которымъ едва ли есть что-нибудь подобное на всемъ земномъ шарѣ какъ по обширности такъ и по злокачественности ихъ испареній. Изъ этихъ болотъ ежегодно распространяются опустошительныя заразы, поражающія, безъ разбора, и людей и животныхъ, истребляющія все стада, что составляетъ главное препятствіе всякому воздѣлыванію и благосостоянію. Окруженныя такою враждебною природою, Самоѣды и въ Томской губерніи остались большею частью дикими обитателями лѣсовъ, которымъ покрытыя снѣгомъ поля пріятнѣе домашнего очага. Нѣкоторые выбрались, конечно, изъ лѣсовъ, разстались навсегда съ болотами, но жизнь все-таки осталась жизнью лягушки въ грязи. Даже и самыя на русскій ладъ устроенныя жилища ихъ похожи на хлѣва, въ которыхъ люди, телята, собаки и куры дружелюбно живутъ подъ одною кровлею. Хотѣлось бы увѣрить себя, что въ этомъ сожителствѣ они, по крайней мѣрѣ, ведутъ жизнь невинную, безпорочную; но и эта иллюзія уничтожается тотчасъ же страшно обезображенными лицами, множествомъ пьяныхъ, не только мужчинъ, но и женщинъ, валяющихся въ юртахъ и раздражающихъ ваше ухо громкими носовыми диссонансами, противнѣйшими даже и рева ихъ безсловесныхъ товарищей.

Изъ этого не совсемъ эстетическаго описанія, ты можешь заключить, что даже и въ сѣверной части Томской губерніи находишься все еще внѣ предѣловъ цивилизаціи. У самоѣдскаго населенія страны никогда не найдешь хоть нѣсколько сноснаго пріюта. Приводилось по неволѣ провести ночь въ самоѣдской куртѣ—я всегда взбирался на печь; обыкновенно же останавливался въ такихъ русскихъ деревняхъ, въ которыхъ можно было встрѣтить Самоѣдовъ или въ самой деревнѣ, или въ ея окрестностяхъ. У русскихъ Сибиряковъ жилище всегда чисто и опрятно; одна бѣда—такъ холодно, что безъ шубы не обойдешся. Могутъ быть конечно исключенія, но мнѣ, по крайней мѣрѣ, ни разу не привелось даже и въ городахъ пожить въ комнатѣ съ двойнымъ поломъ, со стѣнами, въ которыя не продувало бы, и съ окнами, въ которыхъ не было бы разбитыхъ стеколъ. Всею чаще попадалъ я въ дома построенныя изъ гнилыхъ барочныхъ досокъ. Именно такого-то рода были и обѣ главныя мои квартиры между Нарымомъ и Томскомъ. Въ одной изъ нихъ, а именно въ деревнѣ Тогуръ, я провелъ Рождество, въ ужаснѣйшей борьбѣ съ холодомъ и, въ добавокъ еще, безъ ветчины, безъ соленой рыбы, безъ елки, подарковъ и поздравленій. Я бесѣдовалъ ежедневно съ однимъ Самоѣдомъ изъ лѣной стороны, человѣкомъ необыкновенно веселымъ, добродушнымъ, говорливымъ и сверхъ того докою на все. Онъ увѣрялъ меня, что умѣть и тесать, и ковать, и класть каменные стѣны, и плотничать, что мастеръ дѣлать стрѣлы и

копья, и даже боговъ и людей. По своему онъ былъ и филологъ, потому что могъ объясняться на четырехъ изъ семидесяти семи языковъ, существующихъ, по его мнѣнію, въ мірѣ. И по естествовѣдѣнію онъ обнаружилъ столько свѣдѣній, что имѣлъ бы полное право занять мѣсто въ Академіи наукъ, которая, по прелесказанію Булгарина, будетъ иѣкогда учреждена въ Обдорскѣ. Неменѣе былъ онъ свѣдушъ и въ медицинѣ, потому что зналъ врачевныя дѣйствія трута, можжевельника, и «дорогой травы» (сассапарилъ), что во время пользованія лѣкарствами, надобно воздерживаться отъ употребленія медвѣжьяго мяса. Въ довершеніе всего этого, мой Самоѣдъ былъ еще въ высшей степени честный и добросовѣтный человѣкъ. Только относительно его христіанскихъ понятій не могу я ничего сказать особенно достохвальнаго. Когда я однажды спросилъ этого высокоученаго мужа: что будетъ, по его мнѣнію, съ человѣкомъ по смерти, — онъ отвѣчалъ мнѣ положительно: «теже, что и съ собакою — будетъ лежать, гдѣ лежитъ и гнить, гдѣ гнѣтъ». На вопросъ же: не продолжится ли существованіе души и по смерти, — онъ отвѣтилъ короткимъ: «пойди, посмотри — и узнаешь». Онъ почиталъ грѣхомъ приносить жертвы богамъ, созданнымъ рукою человѣка, а между тѣмъ самъ дѣлалъ ихъ, и это, кажется, нисколько не тревожило его совѣсти. Желю свою, по собственному его признанію, онъ укралъ, но, какъ полагаетъ, загладилъ этотъ грѣхъ тѣмъ, что пожертвовалъ священнику десятую часть калыма, живетъ съ ней хорошо, рѣдко бьетъ, позволяетъ ей курить табакъ и никогда не напивался пьянымъ безъ того, чтобы не напоить и свою старуху. Съ этимъ-то человѣкомъ я провелъ всѣ святки довольно весело и съ существенною пользою для ученой цѣли моего путешествія.

Масляницу я провелъ довольно непріятно въ деревнѣ Молчановой, гдѣ меня помѣстили въ верхнемъ этажѣ обыкновеннаго кабака. Здѣсь, въ продолженіе всей разгульной недѣли, я, ни днемъ, ни ночью, не имѣлъ ни на минуту покоя отъ шумливыхъ пьяницъ. Молчанова — небольшая деревня, окрестная сторона бѣдна и рѣдко заселена Самоѣдами, но, несмотря на то, продажа вина производилась въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, что кабакъ въ одинъ день масляницы выручилъ почти 1800 рублей. По этому можно составить себѣ понятіе о пьянствѣ въ Сибири. Оно распространено до такой степени, что здѣсь почти уже и не стыдятся его. «Всѣ мы грѣшныя», обыкновенно отвѣчаетъ Сибирякъ на вопросъ о трезвости кого бы то ни было. Даже молодымъ дѣвушкамъ не ставятъ въ порокъ, если онѣ подгуляютъ въ праздничное время; но если дѣвушка пьетъ и по буднямъ — рѣдко найдетъ она мужа, если не поможетъ богатство. Замужнія же пьютъ почти всѣ, безъ исключенія. Уже и это доказываетъ неосновательность мнѣнія, будто Сибиряки нравственнѣе и образованнѣе

настоящихъ Русскихъ. Правда, что въ Сибири крестьянинъ самъ брѣтается, курить трубку, любить щеголять въ сюртукѣ, говорить красно, не вѣрять въ домовыхъ и лѣшихъ, чуждается всякаго сектаторства и т. д.; за то Русскій благороднѣе, честнѣе, откровеннѣе и смысленѣе. Въ Россіи крестьянинъ, умѣющій читать и писать, со всеѣмъ уже не рѣдкость, а въ Сибири встрѣчаешь даже и купцовъ, едва умѣющихъ подписать свое имя. По этому самому и сельные, гораздо болѣе образованные, пользуются здѣсь нѣкоторымъ уваженіемъ за такъ называемое «мастерство»; да и они сами считаютъ себя людьми породы гораздо высшей, чѣмъ туземцы. Всего болѣе отличается Сибирякъ отъ настоящаго Русскаго страстью жить широко и роскошно. Это происходитъ не оттого, чтобы Русскій любилъ копить деньги, но онъ, по пословицѣ, любитъ протягивать ножки по олежкѣ; Сибирякъ же славится способностью жить не по средствамъ. Въ городахъ блестящій экипажъ нерѣдко составляетъ все его движимое и недвижимое имущество, а въ деревняхъ—за-частую одинъ только самоваръ.

Кромѣ Русскихъ и Самоѣдовъ я встрѣчалъ на пути изъ Нарыма въ Томскъ и Татаръ, не говоря уже о Тунгузахъ, бродящихъ всюду. Въ нѣсколькихъ верстахъ за Молчановой самоѣдское населеніе прекращается; тутъ къ нему примыкаетъ непосредственно татарское. Большая часть сѣверныхъ Татаръ приняла уже однакожь христіанскую вѣру и почти нисколько не отличается отъ Русскихъ какъ въ образѣ жизни, такъ и нравами. «Они просвѣтились и живутъ по-нашему», сказалъ мнѣ одинъ русскій ямщикъ, расхваливая крещеныхъ Татаръ. Верстахъ въ 30 къ сѣверу отъ Томска я увидаль первую мечеть. Я вошелъ въ юрту и нашель въ ней нѣсколько мусульманъ, бесѣдовавшихъ за самоваромъ. Хотя это были ссыльные и, судя по наружности, жили въ большой нуждѣ, они приняли меня однакожь съ необыкновеннымъ радушіемъ. Можно было бы привести и еще нѣсколько примѣровъ татарскаго гостепріимства, испытаннаго мною въ другой деревнѣ, гдѣ меня задержало на нѣкоторое время одно порученіе Академіи; но голова моя, въ настоящую минуту, полна заботъ о предстоящемъ мнѣ путешествіи. По этой же причинѣ воздерживаюсь и отъ хвалебныхъ пѣсенъ городу Томску, хотя о немъ и было бы что сказать.

8.

Ректору Шпельману въ Куопіо

Томскъ 3 (17) марта 1846.

Нѣсколько дней тому назадъ, умявшись надъ буквами, я только что уѣзжал за кипящій самоваръ, какъ вдругъ вошелъ человекъ и вручилъ мнѣ

исполнскій пакетъ. Въ самой серединѣ этого пакета я нашелъ крошечное письмо отъ тебя, запечатанное облаткою. Въ эту минуту Сибирь показалась мнѣ прекраснѣйшею странюю; даже и въ настоящую минуту, я могъ бы еще написать цѣлый томъ благодареній за то, что ты такъ дружески вспомнилъ о бѣдномъ грѣшникѣ въ странѣ грѣшниковъ. — — —

Прибывъ нѣсколько дней тому назадъ въ Томскъ, я уже снова помышляю о продолженіи своего путешествія въ Красноярскъ, теперешій главный городъ Енисейской губерніи. Изъ Красноярска я отправлюсь въ Енисейскъ, въ которомъ пробуду все время распутицы. Я намѣренъ употребить это время на редакцію грамматическаго очерка для томскаго нарѣчія самоѣдскаго языка, потому что оно до того уклоняется отъ общерусскаго, что не можетъ обойтись безъ особой грамматики. Кромѣ того въ этомъ краѣ, кажется, есть еще другое самоѣдское нарѣчіе, которое прежде всего надо будетъ изслѣдовать. По вскрытіи рѣкъ, я тотчасъ же отправлюсь изъ Енисейска внизъ по Кемі или по Енисею въ одинокій, далекоброшенный городъ Туруханскъ. На этомъ пути я намѣренъ заняться еще языкомъ, о которомъ никто не знаетъ, что онъ такое. По мнѣнію одного извѣстнаго русскаго писателя онъ принадлежитъ особому корню языковъ, который близокъ къ цѣли всего человѣческаго — къ смерти и забвенію. Община города Куолю, навѣрное, гораздо многочисленнѣе этого жалкаго племени, которое, во все время своего существованія, даже не прибрало себя и имени. Отъ свойствъ этого языка будетъ зависеть главнымъ образомъ и продолжительность моего пребыванія въ туманной атмосферѣ Туруханскаго края. Дай-то Богъ, чтобы мнѣ удалось благополучно возвратиться изъ него! Это путешествіе стоить поѣздки въ Пойолу, и мнѣ остается только ободрять себя мужественнымъ восклицаніемъ Лемминкайнена: «*uks on surma miehen surma!*» (вѣдь умирать только разъ!). Что касается до твоего дружескаго совѣта, чтобы я берегъ свое здоровье, то тебѣ извѣстно, что мое сердце моги, у меня подъ лѣвой мышкой и постоянно даетъ себя чувствовать. Во всякомъ случаѣ, пока живется еще, слѣдуетъ благодарить за жизнь Бога и не роптать, если по временамъ боли и отзываются; для постоянныхъ же заботъ о томъ, какъ бы разными ухищреніями и предосторожностями вытянуть нить жизни до послѣдней возможности—моя жизнь слишкомъ ничтожна и малозначаща. Я увѣренъ, что міръ можетъ какъ нельзя лучше обойтись и безъ моихъ грамматикъ; притомъ же жизнь хвораго человѣка представляетъ такъ мало привлекательнаго, что, право, не призадумается пожертвовать ею чести — насть на полѣ сраженія.

Относительно будущаго я еще не составилъ себѣ никакого опредѣленнаго плана. Если я не буду имѣть возможности заработать себѣ кусокъ

хлѣба въ Финляндіи, что весьма вѣроятно, то я не прочь предпринять новое путешествіе въ Сибирь и заняться изслѣдованіемъ Тунгускаго племени. На это, я убѣжденъ, Академія Наукъ не откажетъ мнѣ своимъ пособіемъ. Такъ какъ сродство финскаго племени съ самоѣдскимъ достаточно доказано уже настоящимъ моимъ путешествіемъ, такъ какъ, сверхъ того, Финны очевидно состоятъ въ родствѣ съ Тюрками и Татарами, то весьма естественно, что ближайшею задачею языковѣднѣя должно быть за симъ отысканіе, при помощи самоѣдскаго языка, родства между Финнами и Тунгузами. Отъ Тунгузовъ прямой путь къ Манджурамъ, а къ Монголамъ ведутъ всѣ пути; потому что, судя по всему, какъ Тюрки, такъ и Самоѣды, и Тунгузы, и Манджуры, непременно находятся въ сродствѣ съ ними. Мало по малу намъ надо свыкатся съ мыслью, что мы потомки презрѣнныхъ Монголовъ; противъ этого возможна еще впрочемъ одна аппелляція къ будущности, вопросомъ: дѣйствительно ли есть положительная разница между кавказскою и монгольскою расами? По моему мнѣнію этой разницы нѣтъ. Что бы ни говорили естествоиспытатели о различномъ образованіи черепа и т. д., замѣчательно все-таки то, что обликъ у европейскаго Финна кавказскій, а у азійскаго — монгольскій; что Тюркъ въ Европѣ походитъ на Европейца, а въ Азіи — на Азіятца. Принявъ это различіе расъ на физиологическомъ основаніи, не смотря на сейчасъ упомянутый странный фактъ, необходимо уже будетъ отнести одну половину финскихъ и тюркскихъ племенъ къ кавказской, другую къ монгольской расѣ,—а это было бы нелѣзно.

Съ филологической точки зрѣнія это мнимое различіе расъ имѣетъ еще менѣе основанія. Много говорили филологи объ аналитическомъ свойствѣ кавказскихъ языковъ и о синтетическомъ монгольскихъ; но все это сводится на одно то, что первые сравнительно болѣе образованы, болѣе развиты въ области мышленія. Говорятъ, что монгольскіе языки бѣдны частіцами. Отчего это? оттого что частіцы составляютъ отвлеченныя составныя части языка. Съ другой стороны, эти языки необыкновенно богаты локативами (Locative), потому что грубыя, чувственныя представленія обыкновенно обозначаютъ внѣшнія стороны и отношенія всякаго предмета со всевозможною точностью. Съ возрастающимъ образованіемъ эти отношенія становятся столь многочисленными, столь неопредѣленными и, въ большей части случаевъ, столь маловажными и безразличными, что ихъ уже нельзя выражать съ полною точностью. Какъ по этой причинѣ, такъ и вообще вслѣдствіе своего отлѣяющаго свойства, размышленіе (Reflexion) отбрасываетъ окончанія падежей и выражаетъ цѣлые классы отношеній такими словами, какъ наприм. шведскія: *till* (къ), *på* (на) *i* (въ); *från* (отъ), которыя въ мѣстномъ отношеніи вполнѣ относятся къ

внутреннему, наружному, верху, низу, среднѣ, бокамъ и т. д., между тѣмъ какъ въ монгольскихъ языкахъ все эти различныя отношенія выражаются особенными надежами. Первый признакъ освобожденія языка отъ множества надежей обозначали иѣкогда въ монгольскихъ языкахъ слова, названныя конечными приставками (Postpositionen), которыя въ сущности не что иное, какъ обыкновенныя имена и по этому выражаютъ отношенія предмета болѣе конкретнымъ образомъ, нежели ничего не говорящія предлоги (Präpositionen). Но именно конкретный-то способъ представленія размышленіе (Reflexion) и стремится отвергнуть и уничтожить совершенно. По этому мы видѣли, какъ и въ монгольскихъ языкахъ конечныя приставки мало по малу теряютъ свое первоначальное значеніе, какъ онѣ урѣзываются, сокращаются и вообще стремятся принять свойство предлоговъ. Въ то же время откидываются и окончанія надежей и превращаются точно такъ же въ конечныя приставки или въ предлоги. Такимъ же и другимъ подобнымъ процессамъ подвергались и кавказскіе языки, и предположеніе, что они иѣкогда имѣли то же самое синтетическое свойство, которое составляетъ теперь характеръ монгольскихъ языковъ, нисколько не будетъ ошибочно. Между послѣдними иѣкоторыя языки, принадлежащія къ финской и тюркско-татарской отрасли, иѣсколько опередили уже прочіе въ своемъ развитіи, по мѣрѣ котораго получили такое сходство съ кавказскими языками, что филологи часто приходили въ тушникъ: куда именно отнести ихъ. Не пускаясь въ дальнѣйшія разсужденія объ этомъ предметѣ, я возвращаюсь къ положенію, что кавказскіе и монгольскіе языки, относительно грамматическаго строенія своего, не представляютъ никакихъ другихъ существенныхъ различій, кромѣ основывающихся на степени образованности самыхъ народовъ, говорящихъ этими языками.

Что строеніе языка измѣняется вмѣстѣ съ образованіемъ—это понималъ и Клапротъ, и частію по этой причинѣ, частію на другихъ довольно шаткихъ основаніяхъ отвергалъ грамматику какъ доказательство въ сравнительномъ языко-ислѣдованіи. Последнее, по его мнѣнію, должно основываться на словахъ, которыя всегда остаются тѣмъ же, чѣмъ были, «подобно тому какъ алмазь остается алмазомъ, будетъ ли онъ отшлифованъ въ бриліантъ, розетку или пластинку» (1). При этомъ Клапротъ опустилъ изъ виду то весьма важное обстоятельство, что языки не застрахованы отъ вышнихъ вліяній; не хотѣлъ понять той истины, что и слово и алмазь далеко преходяще законовъ, которые живутъ въ тысячахъ словъ и тысячахъ алмазовъ. Тѣмъ не менѣе и сравненія словъ весьма важны, и чѣмъ далѣе пойдетъ изслѣдованіе въ этомъ отношеніи, тѣмъ болѣе сходятся

(1) Предисловіе къ Asia Polyglotta p. x.

окажется между монгольскими и кавказскими языками. Мы Финны, по скромности своей, всегда готовы повѣрить, что всякое финское слово, имѣющее сходство со шведскимъ, нѣмецкимъ или русскимъ словомъ, непременно заимствованное. Но это не всегда такъ: многія изъ этихъ словъ встрѣчаются также въ татарскомъ, самоѣдскомъ и другихъ языкахъ, сродныхъ съ монгольскимъ. А такъ какъ въ то же время они общи и многимъ кавказскимъ языкамъ, то и это обстоятельство, естественно, можетъ также служить основаніемъ къ отверженію ненавистнаго различія расъ.

Сначала я имѣлъ намѣреніе посвятить себя исключительно монгольскому языку, въ надеждѣ, посредствомъ его, не только отыскать происхождение и родственныя связи Финновъ, но, можетъ быть, и опровергнуть Блюменбахову теорію расъ; облудавъ однакожь хорошенько, убѣдился, что, при настоящемъ положеніи языко-изслѣдованія, дойду такимъ образомъ развѣ только до Рудбекіанизма. Такое расширеніе изслѣдованій невозможно до тѣхъ поръ, пока промежуточные языки не будутъ подробно изслѣдованы въ грамматическомъ и лексикальномъ отношеніи. А мы до сихъ поръ не знаемъ еще даже ни характера, ни законовъ и кореннаго финскаго языка; какъ же тутъ сравнивать этотъ X съ монгольскимъ Z-омъ? Между тѣмъ именно на насъ-то Финнахъ и лежитъ обязанность подвергнуть изслѣдованію все языки, находящіяся въ болѣе или менѣе близкомъ сродствѣ съ финскимъ, и можно быть увѣрену, что на этомъ поприщѣ труды наши непременно увѣнчаются успѣхомъ — *in hoc signo vinces*. Важность основательнаго изслѣдованія помянутыхъ языковъ признана и высказана уже дѣлымъ міромъ, за исключеніемъ, можетъ быть, одной Финляндіи. Нѣкоторые относящіяся сюда языки, какъ наприм. тюркскій, монгольскій манджурскій и другіе, нашли уже въ большей части образованныхъ странъ людей, усердно занимающихся разработкою ихъ. Мало этого, даже и по части языка и исторіи самого финскаго племени въ Германіи издано въ послѣднее время нѣсколько болѣе или менѣе замѣчательныхъ трудовъ, какъ напримѣръ, сочиненія Габеленца, Мюллера, Шотта и друг. С. Петербургская Академія наукъ пошла и еще далѣе, учредивъ особый отдѣлъ изученія финскихъ языковъ. Все это служитъ конечно немалымъ утѣшеніемъ въ моихъ весьма впрочемъ разбѣбленныхъ трудахъ; но за то какъ же тягостно въ то же время убѣжденіе, что у насъ въ Финляндіи мало или вовсе не заботятся объ этой важной области филологіи, не смотря на то, что она наша родная и что мы, изъ всехъ образованныхъ націй, естественно, способнѣйшіе для разработки этого вертограда.

ПУТЕВОЙ ОТЧЕТЪ.

Окончивши мои изслѣдованія въ области причисленныхъ къ Томской губерніи Самоѣдовъ, считаю долгомъ сообщить нѣсколько свѣдѣній, которыя послужатъ къ тому, чтобы обратить вниманіе на эту народную область, весьма важную въ этнографическомъ отношеніи, до сихъ поръ не вполне изслѣдованную, и отчасти неправильно описанную. Основываясь на старыхъ свѣдѣніяхъ, полагали, что сѣверныя части Томской губерніи заселены преимущественно Остяками; Самоѣдамъ же отводили только нѣсколько небольшихъ участковъ на правомъ берегу Оби и по рѣкамъ Тыму, Кети и Чулыму (1). На самомъ же дѣлѣ Остяки занимаютъ только область рѣки Васьюгана; всѣ же прочія страны, какъ по самой Оби, такъ и по ея притокамъ: Тыму, Кети, Парабелѣ, Чаѣ, Чулыму, и по Чежабскому рукаву Васьюгана, заселены Самоѣдами. Они почти единственные обитатели по всему теченію вышеупомянутыхъ притоковъ Оби, за исключеніемъ Чулыма, главное народонаселеніе котораго составляютъ крещеные Татары; Самоѣды же занимаютъ только двѣ небольшія волости по самому нижнему его теченію. Чулымъ можно принять за южную границу самоѣдской области, хотя самоѣдское народонаселеніе, переходя за устья Чулыма, и распространяется вверхъ по Оби еще на 25 верстъ, до Амбарскихъ юртъ; начиная отсюда населеніе состоитъ уже изъ Татаръ, которые не только что крестились, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже и природный языкъ свой замѣнили русскимъ. Сѣверную границу томскихъ Самоѣдовъ (если исключить Остяцкое населеніе при Васьюганѣ), образуетъ рѣка Тымъ, почти составляющая предполагаемую границу между Томскою и Тобольскою губерніями.

Эти, легко добытые филологическомъ путемъ результаты даютъ возможность опредѣлить границы всего самоѣдскаго племени, и яснѣе и удовлетворительнѣе для исторіи и этнографіи, нежели это было возможно доселѣ;— вмѣстѣ съ тѣмъ и остяцкое племя является болѣе связнымъ и сосредоточеннымъ, нежели какъ оно представлено, по крайней мѣрѣ, Клапротомъ. Всю сѣверо-западную Сибирь можно вообще раздѣлить на двѣ половины: 1) на западную или Угорскую, обитаемую Остяками и Вогулами, и 2) на восточную или Самоѣдскую, заселенную по преимуществу Самоѣдами. Границы Угорской половины: къ западу Уральскій хребетъ, къ востоку— Иртышъ и нижняя Обь.—Восточную или Самоѣдскую половину, состав-

(1) См. Клапрота Asia Polyglotta, стр. 163, и слѣд.

ляють пустыни между Обью и Енисеемъ. При такомъ разграниченіи, годномъ только для болѣе общаго обзора, не должно упускать изъ виду, что какъ Самоѣды, такъ и Остяки занимають значительныя пространства и внѣ означенныхъ предѣловъ. Такъ большія отрасли остяцкаго племени находятся: 1-е) въ Барабинской степи, къ сѣверу отъ рѣкъ Демьянки и Васьюгана; 2-е) вдоль по всему теченію Оби, ниже Тыма; 3-е) по всѣмъ притокамъ, впадающимъ въ Обь, въ предѣлахъ этой области, за исключеніемъ Лямина-Сора, по которому, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ небольшихъ мѣстностяхъ этой части, живутъ Самоѣды; 4-е) по Надыму. Съ другой стороны, Самоѣды еще многочисленнѣе переступили за означенныя границы; они 1-е) заняли весь берегъ Ледовитаго моря отъ залива Хантагскаго на востокъ, до Бѣлаго моря на западъ; 2-е) распространились въ Барабинской степи по рѣкамъ Чаѣ, Парабелю и Чежабкѣ, — 3-е) небольшими поселеніями по Уральскимъ рѣкамъ Ляпинѣ и Сышѣ. Впрочемъ большая часть писателей утверждаютъ, что по Енисею выше Туруханска нѣтъ уже Самоѣдовъ; это можетъ быть и справедливо, но не менѣе безспорно и то, что главное населеніе внутреннихъ странъ между Обью и Енисеемъ составляютъ Самоѣды, и не разединенныя, не разбѣянные небольшими поселеніями, а связанные довольно тѣсно. Въ Томской губерніи разстоянія раздѣляющія Чулымскихъ, Кетскихъ и Тымскихъ Самоѣдовъ такъ невелики, что на охотѣ они часто встрѣчаются. Къ сѣверу отъ Тыма въ Тобольской губерніи, цѣпь Самоѣдовъ разрывается однакожъ у Ваха, Остяками, но по Куль-югану живутъ уже опять Самоѣды, которые, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, находятся въ связи съ Тымскими. Отъ Куль-югана самоѣдское племя распространяется уже непрерывно до самаго Ледовитаго моря. На все это намекнулъ мнѣ заранѣе г. Шёгрень въ написанной имъ для меня путевой инструкціи; но до совершенно точнаго понятія настоящей связи Самоѣдовъ, по крайней мѣрѣ касательно южнаго распространенія ихъ, не опровергнувъ показаній Клапрота, невозможно было и дойти. И именно эта-то настоящая связь ихъ и подтверждаетъ еще болѣе чрезвычайно важное предположеніе Клапрота о выходѣ Самоѣдовъ изъ Алтайскихъ горъ. Потому что, чѣмъ болѣе единства и связности представляетъ это племя къ югу, тѣмъ вѣроятнѣе становится эта гипотеза, которая сверхъ того даетъ возможность произнести послѣднее и рѣшительное слово и касательно выхода Финновъ. Но я оставляю всѣ историческіе выводы, и сообщу вамъ теперь нѣсколько отрывочныхъ замѣчаній о языкѣ, вѣрѣ и образѣ жизни Томскихъ Самоѣдовъ.

Въ отношеніи къ языку, я обращу ваше вниманіе только на нѣкоторыя, болѣе или менѣе отклоняющіяся другъ отъ друга, нарѣчія. Таковы: 1) *Пижнее*, распространенное отъ Тобольской границы на сѣверѣ, до рѣки

Кетъ на югѣ, и распадается на три отъика: на Тымское, верхнее и нижнее Нарымское; 2-) *Среднее* или Кетское, которымъ говорятъ по рѣкѣ Кетъ, и съ незначительными измѣненіями по рѣкамъ Чаѣ, Парабели, и по ближайшей части Оби; и 3-е) *Верхнее*, которое и по Чулыму и по Оби, представляетъ нѣкоторыя незначительныя разности. Изъ этихъ трехъ главныхъ нарѣчій Нижнее отличается множествомъ словъ и idiotизмовъ, замѣтованныхъ изъ остяцкаго языка. Верхнее подверглось напротивъ сильному вліянію татарскаго. Среднее же, кажется, сохранилось во всей чистотѣ; оно замѣчательно впрочемъ и частымъ удвоеніемъ въ немъ согласныхъ; такъ напр: *ара*—старшая сестра, на Кетскомъ *арра*; *ид*—рука, на Кетскомъ *utte*, на Чулымск. *utö*; *kegak*—хочу, на Кетск. *kek-kang*; *pidap*—переводить, на Кетск. *püttau* и т. д.—Къ Кетскому нарѣчію примыкаетъ въ Енисейской губерніи Натско-Пумпокольское, которое Клапротъ, руководствуясь неправильнымъ спискомъ словъ, принимаетъ за енисейско-остяцкое, точно такъ же, какъ въ Томской губерніи смѣшиваетъ самоѣдскія нарѣчія съ обьско-остяцкими.

Что касается до религій, то Самоѣды въ Томской губерніи давно уже крещены, но во многихъ мѣстахъ все-таки придерживаются еще язычества; и въ этомъ отношеніи мало отличаются отъ своихъ сѣверныхъ соплеменниковъ (1). И тѣ и другіе признаютъ единого бога, который называется *Нумъ*, *Номъ*, *Нонъ*; сѣверные Самоѣды такъ однакожь боятся его, что съ видимымъ трепетомъ произносятъ настоящее его имя, и охотнѣе употребляютъ эпитетъ *Илеумбартъ*, то есть стражъ скота (олений). Томскіе Самоѣды придаютъ Нуму эпитетъ *Ильдша*, *Ильдіа* (*ildja*)—старецъ, дѣдъ, соответствующій *Укко* финской мифологій, хотя Укко и былъ первоначально только эпитетомъ Юмалы. Нумъ, по ихъ мнѣнію, царитъ надъ всѣмъ твореніемъ, но настоящее жилище его—высь неба, которое по этому и называется *Nû-sündje* (отъ *Num*—богъ, въ родительномъ падежѣ *Nu*, и *sündje*—внутреннее). Во всемъ, что происходитъ въ воздухѣ и въ немъ зарождается, какъ напр. въ свѣтѣ, дождѣ, вѣтрѣ, грозѣ, (*Hidschan-Nom*) градѣ (*Hurn-Nom*)—Самоѣдъ видитъ непосредственное присутствіе Нума. Впрочемъ онъ представляетъ себѣ Нума существомъ для человѣка недоступнымъ, неуплоствляемымъ ни жертвами, ни молитвами, и часто примѣняетъ къ нему русскую пословицу: «до Бога высоко, до царя далеко».—Совершенно подчинены Нуму и зависимы отъ него, такъ называемые у Томскихъ Самоѣдовъ Лохеты (*Lohet*) или Лосеты (*Loset*), единст. *Loh* или *Los*, Обдор. Хахе или Съяден (*Hahe, Sjadaei*), Ост. *Lonk*.

(1) Чтобы не повторять одного и того же касательно этого предмета, ссылаюсь на свѣдѣнія сообщенныя мною уже выше, въ описаніи моихъ путешествій въ 1838—1844 годахъ.

Это также незримыя духовныя существа, и потому недоступныя для обыкновеннаго человѣка. Только шаманы обладаютъ сверхъестественною способностью видѣть Лохетовъ, говорить съ ними и выпрашивать у нихъ самихъ, или по ихъ ходатайству у самаго Нума совѣтъ и помощь для себя и для другихъ. Шаманы въ Томской губерніи обладаютъ сверхъ того необыкновеннымъ искусствомъ овеществлять Лохетовъ, такъ что они дѣлаются полезными, охранительными божествами для всякаго. Точно также и сѣверныя Самоѣды сильно преданы фетишизму, но у нихъ божественная сила фетиша не зависить, кажется, безусловно отъ шамана, потому что они поклоняются не только идоламъ, сдѣланнымъ руками человѣка, но и необыкновеннымъ камнямъ и деревьямъ, и другимъ рѣдкимъ естественнымъ предметамъ. Томскіе же Самоѣды полагаютъ наиротивъ, что фетишь необходимо долженъ быть сдѣланъ и освященъ шаманомъ; болѣе смышленные вѣрятъ въ нихъ только изображенія божества и сравниваютъ ихъ съ христіанскими иконами. Вотъ, въ переводѣ, что говорилъ мнѣ о такихъ божествахъ одинъ кетскій Самоѣдъ: «Узналъ шаманъ, что у меня нѣтъ бога хранителя, и приходитъ ко мнѣ и говоритъ: послушай, другъ, у тебя нѣтъ Лоса; ужь не хочешь ли ты сдѣлаться Русскимъ?—Тогда я даю шаману бѣлчій, горностаевый, или какой-нибудь другой мѣхъ, какой у меня случится. Шаманъ уходитъ съ нимъ, а когда возвратится, то ужь онъ далъ этому мѣху человѣческой образъ, и одѣлъ въ такое платье, какое мы носимъ. Платье шилъ, однакожь, не онъ; оно шьется всегда непорочною дѣвушкой. Когда Лось созоветъ обшить и одѣтъ, я кладу его въ корзинку, которая также должна быть сплетена дѣвужбою, и отношу корзинку въ чуланъ, въ которомъ однако ничего не должно сохраняться, кромѣ бога и жертвъ ему. Кромѣ того, по нашей вѣрѣ, ни одинъ женатый человѣкъ никогда не долженъ ходить около этого чулана, ни одна замужняя женщина не должна переступить его порога. Нужна мнѣ помощь Лоса въ какомъ-нибудь дѣлѣ, наиримѣръ при звѣриномъ промыслѣ, при рыбной ловлѣ, въ болѣзни и т. п.—я приношу ему жертву. Но такъ какъ я женатъ—я не могу приносить жертву самъ, а долженъ просить объ этомъ кого-нибудь изъ холостыхъ. Жертва состоитъ обыкновенно изъ бѣлокъ, горностаевъ, красивыхъ лентъ и платковъ, изъ ситцевыхъ и суконныхъ лоскутьевъ, изъ бусъ и бисеру—все это кладется въ корзинку. Деньги приносимъ мы въ жертву одному русскому Богу, а для нашего, временами, завариваемъ еще, сверхъ того, на охотѣ и на рыбной ловлѣ, котелокъ рыбы или мяса. Эту жертву можетъ приносить всякой, даже замужняя женщина. Это дѣлается такъ: передъ Лосомъ ставятъ блюдо, или нѣсколько блюду свареннаго кушанья и кромѣ того кладутъ еще соль и хлѣбъ, ножъ и ложку. Когда кушанье постоитъ нѣсколько

времени передъ изображеніемъ бога, все это принимаютъ и съѣдаютъ сами жертвовавшіе. Только кости не бросаютъ собакамъ, а собираютъ и причутъ въ какомъ-нибудь уединенномъ мѣстечкѣ».

У сѣверныхъ Самоѣдовъ всякое семейство имѣетъ безчисленное множество фетишей, хранимыхъ въ особенныхъ саяхъ, которыя слѣдуютъ за ними во всѣхъ ихъ кочевьяхъ. Въ Томской же губерніи, какъ говорятъ, каждый изъ Самоѣдовъ, придерживающихся еще язычества, имѣетъ своего особеннаго бога-хранителя и поклоняется только ему одному; умереть его поклонникъ—и кумиръ почитается умершимъ и бросается въ рѣку. Въ старину и томскіе Самоѣды имѣли, подобно многимъ другимъ остяцкимъ и самоѣдскимъ народцамъ, кумировъ принадлежавшихъ цѣлому племени или роду. Даже нѣсколько лѣтъ тому назадъ существовалъ еще такой Досъ въ Карбинскихъ юртахъ при рѣкѣ Кети. Кумиръ этотъ былъ сдѣланъ изъ лагуни и имѣлъ видъ и величину сидящаго человѣка. Онъ, какъ рассказывали мнѣ, остался отъ древней Чуди и, какъ по древности, такъ и по красотѣ, пользовался необыкновеннымъ уваженіемъ; его хранили также въ амбарѣ, который, по свидѣтельству того же рассказчика, былъ полонъ соболей, лисицъ и другихъ дорогихъ жертвъ на несмѣтныя суммы. И все это, вмѣстѣ съ амбаромъ, было сожжено, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Тунгузами въ отмщеніе жителямъ за какую-то обиду. Кумиръ же утратилъ отъ огня первоначальный видъ свой и такъ обезобразился, что въ настоящее время его считаютъ уже умершимъ. Умиротворять и располагать къ себѣ Лохетовъ жертвами и молитвами можетъ каждый, но добиться отъ нихъ совѣта, свѣдѣнія или прорицанія можно только чрезъ посредство шамана; потому что закутанные въ мѣха Лохеты—нѣмые духи, а въ темный міръ духовъ, какъ мы уже сказали, имѣетъ доступъ только одинъ шаманъ. Только онъ одинъ можетъ заклинать невидимыхъ духовъ, и вотъ какъ онъ это дѣлаетъ:—Онъ садится посреди комнаты на скамейку, или сундукъ, въ которомъ не должно быть ни ножа, ни пули, ни иголки, и ни какихъ другихъ опасныхъ вещей, въ особенности изъ стали и жѣлаза. Вокругъ усаживается обыкновенно множество зрителей; только противъ него никто не долженъ садиться. Шаманъ сидитъ обратясь лицомъ къ двери и притворяется, будто ничего не видитъ и не слышитъ. Въ правой рукѣ онъ держитъ палочку, одна сторона которой гладкая, а другая покрыта таинственными знаками и фигурами; въ лѣвой—двѣ стрѣлы,

(1) Кстати замѣчу тутъ, что нѣсколько Тунгузскихъ семействъ съ рѣки Пить, переселились на Кеть, хотя и до сихъ поръ еще продолжаютъ платить подать въ Енисейскъ. Кромѣ того утверждаютъ, что Тунгузы всегда кочевали по Обьской сторонѣ, и Самоѣды жалуются, что эти инородцы овладѣли ихъ оленями.

обращенныя остриемъ вверхъ; къ каждому острию привязанъ небольшой колокольчикъ. Нарядъ шамана не представляетъ ничего особеннаго—обыкновенно, на этотъ случай, онъ наряжается въ платье прибѣгнувшаго къ его помощи. Заклинаніе начинается тѣмъ, что шаманъ затягиваетъ торжественную пѣснь, могущественными словами которой призываетъ духовъ. Во все время пѣнія шаманъ слегка ударяетъ волшебной палочкой по древкамъ стрѣлъ, и колокольчики звѣнятъ въ тактъ. Присутствующіе слушаютъ съ глубокимъ благоговѣніемъ пѣніе восторженнаго духовища. Какъ скоро духи начинаютъ появляться, шаманъ встаетъ и принимается плясать: пляска его сопровождается весьма трудными и искусными тѣлодвиженіями. При этомъ онъ безъостановочно продолжаетъ пѣть и звѣнѣть колокольчиками. Содержаніе пѣсни—разговоръ съ духами, и поется то съ большимъ, то съ меньшимъ одушевленіемъ ⁽¹⁾. Возрастаетъ одушевленіе—въ пѣніи принимаютъ участіе и присутствующіе, повторяя слова шамана; понижается—они сидятъ безмолвными слушателями ⁽²⁾. Добывъ, всеми этими предѣлками, нужныя свѣдѣнія, шаманъ объявляетъ волю боговъ вопрошавшему. При вопросахъ о будущемъ—онъ бросаетъ передъ любопытствующими свою волшебную палочку, и если она ляжетъ стороной, на которой находятся знаки, внизъ, то это обозначаетъ близкое несчастье; въ противномъ же случаѣ—все будетъ по желанію.

Какъ въ Тобольской и Архангельской, такъ и въ Томской губерніи шаманы знаютъ нѣсколько фокусовъ, которыми ослѣпляютъ легковѣрную толпу, и приобрѣтаютъ ея довѣріе. Въ Томской губерніи обыкновеннѣйшая ихъ предѣлка, изумляющая не только Самоѣдовъ но и Русскихъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Шаманъ садится на разложенную на серединѣ пола сухую оленью шкуру; велитъ присутствующимъ связать ему руки и ноги, закрыть ставни, и за тѣмъ принимается вызывать подвластныхъ ему духовъ. И вотъ въ темной юртѣ вдругъ пѣчается непостижимая чертовщина. Въ разныхъ частяхъ ея и даже внѣ ея слышется голоса, по сухой кожѣ скребутъ и барабаняютъ въ тактъ, медвѣди ворчатъ, змѣи шипятъ, бѣлки скачутъ. Наконецъ шумъ прекращается, и слушатели съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, чѣмъ все это кончится. Нѣсколько мгновений проходитъ въ этомъ ожиданіи, и что же? Дверь юрты отворяется—и шаманъ входитъ со двора, не связанный ни по рукамъ, ни по ногамъ. И всѣ увѣрены, что въ юртѣ барабанили, голосили, ворчали и шипѣли. Лохеты, и что они

(1) О содержаніи пѣсни и прочемъ, происходящемъ во время заклинанія, смотри стр. 126 и слѣд.

(2) Кто не присутствовалъ при обрядѣ съ самаго его начала, тотъ не можетъ участвовать въ пѣніи. Женскій полъ ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ на это права, и въ Томской губерніи пѣть шамановъ женскаго пола.

же развизали шамана, и вывели его изъ юрты тайными путями. Впрочемъ эта продѣлка дѣйствительно гораздо искуснѣе обычной грубой продѣлки сѣверныхъ шамановъ, состоящей въ томъ, что они позволяютъ выстрѣливать въ ихъ голову пулею, — при чемъ иногда платятся и жизнью.

Кромѣ чародѣйственнаго богослуженія, Томскіе Самоѣды сохранили еще и другіе остатки старины, между которыми наиболѣе заслуживаютъ упоминovenія ихъ богатырскія пѣсни (1). Этого рода пѣсни есть и у сѣверныхъ Самоѣдовъ и у Остяковъ, — даже финская Калевала, не что иное какъ прекрасное развитіе зародыша, существующаго въ самоѣдской пѣсни. Богатыри въ Калевалѣ идутъ обыкновенно на битвы, для того, чтобы снискать сердце и руку дѣвицы, — тоже самое всего чаще встрѣчается и въ самоѣдскихъ пѣняхъ. Но если спросить самоѣдскаго пѣвца — какимъ же образомъ женщина, такъ глубоко-презираемая ими, становится у него цѣлью благороднаго предпріятія, — онъ отвѣтитъ вамъ такъ: « Со времянъ еще отцовъ нашихъ ведется у насъ обычай не брать никогда женъ изъ своего собственнаго племени, а изъ другаго, чужаго, перодетвеннаго. Прежде же различныя племена жили во враждѣ между собою, а потому часто бывало очень трудно достать себѣ жену путемъ мирнымъ. По крайней мѣрѣ это было невозможно безъ платы за невѣсту, а плата была необыкновенно высока, потому что, отъ обычнаго прежде многоженства, незамужнихъ женщинъ было очень мало. Вотъ, чтобы избѣжать этой траты наши сильные и брали себѣ женъ сплюю». Въ Калевалѣ же, напротивъ, говорится положительно, что богатырей заставляетъ искать битвъ и приключеній красота дѣвъ. Никто изъ нихъ и не думаетъ отдѣлываться отъ платы за невѣсту. Такимъ образомъ финская поэзія чище, благороднѣе самоѣдской, хотя и вѣроятно, что всѣ руническіе циклы Калевалы, описывающіе странствованія Вейнемойнена, Ильмаринена и Лемминкѣйна въ Пойюлу по невѣсту — произошли изъ того же самаго не такъ чистаго источника, изъ котораго вытекли и любовныя пѣсни Самоѣдовъ. Замѣчательно по крайней мѣрѣ то, что и въ Калевалѣ дѣва принадлежитъ къ

(1) Богатырская пѣсня называется въ Томской губерніи Kūeldet или Kūeldshut (собств. древность), на сѣверномъ же нарѣчій sjudubeabts. Последнее слово собственно значить: пѣсни великановъ (отъ sjudubea — великанъ), и намекаетъ на первоначально мифическое значеніе богатырской пѣсни. Въ самомъ дѣлѣ, въ нѣкоторыхъ пѣняхъ, записанныхъ мною у сѣверныхъ Самоѣдовъ сюдубей изображаются страшными великанами и жестокими людѣями, которые прежде нежели съѣдятъ несчастнаго, понавшагося имъ въ руки, мучатъ его безпощадно, качая на желѣзныхъ качеляхъ. Въ Томской губерніи такихъ пѣсенъ я не слыжалъ, не слыжалъ даже и словъ sjudubea и sjudubeabts. Последнее замѣняется здѣсь словомъ Kūeldet, а богатырь обозначается особеннымъ словомъ — šadug, которымъ въ тоже время называютъ и древнюю Чудь.

чуждому, враждебному племени, и что ея нельзя добыть безъ дорогаго выкупа (сампо). Кромѣ того, и во многомъ другомъ, не такъ важномъ безпрестанно встрѣчается сходство между финскими и самоѣдскими пѣснями (¹). Что же касается до упомянутаго главнаго отличительнаго характера самоѣдской пѣсни—онъ будетъ яснѣе изъ разсказа содержанія двухъ слѣдующихъ богатырскихъ пѣсенъ, изъ коихъ первая записана въ Томской, вторая—въ Тобольской губерніи:

1.

При устьѣ рѣки родился богатырь. Еще лежитъ онъ въ колыбели, а уже думаетъ, что пора подумать о невѣстѣ. И вылезаетъ онъ изъ колыбели, и садится на желѣзный полъ. Помня о родинѣ — рѣшаетъ онъ посоветоваться на счетъ этого съ отцомъ. Отецъ же жилъ въ другомъ отдаленномъ мѣстѣ (²), и путь къ нему былъ нелегокъ, потому что шель подъ землю. Между тѣмъ какъ богатырь сидитъ и раздумываетъ о трудностяхъ пути, желѣзный полъ растворяется самъ собою. Богатырь смѣло спускается въ отверстіе, идетъ семь дней подземною дорогою и наконецъ добирается до отцовскаго жилища. Прибывши, онъ обращается къ отцу такими словами: «Ты объѣздишь цѣлый міръ; не нашелъ ли ты для меня жены?»—Отецъ отвѣчаетъ, что не нашелъ, и совѣтуетъ самому поискать себѣ жену. Богатырь довольствуется этимъ и хочетъ отправиться въ горный замокъ и добыть себѣ руку царской дочери. Отецъ одобряетъ это рѣшеніе, и богатырь возвращается въ свое жилище. Возвратившись домой, онъ тотчасъ-же вооружается мечемъ и лукомъ, садится на орла и несется по воздуху. Пролетѣвъ семь дней по направленію къ югу, орелъ садится на дерево, недалеко отъ горнаго замка. Богатырь сидитъ и поглядываетъ съ дерева. Видитъ онъ, у берега расположились три богатыря, приплывшіе изъ странъ чуждыхъ, и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ еще семь другихъ богатырей. А въ замкѣ шируютъ. Просидѣвъ семь дней на деревѣ, богатырь обращается въ соболя, и сползаетъ въ этомъ видѣ на землю. Затѣмъ, принявъ опять свой собственный видъ, онъ пробирается въ царское жилище, и прячется за печь. Царь замѣтилъ его, но не показывать этого. И между тѣмъ какъ богатырь ле-

(1) Это сходство распространяется даже и на внѣшнюю форму. Правда стихи самоѣдскихъ пѣсенъ не имѣютъ опредѣленной мѣры; да это и невозможно, потому что пѣвцу извѣстно одно только содержаніе пѣсни, все же остальное—случайная импровизація. Но несмотря на это въ самоѣдомъ стихѣ все-таки замѣтна преобладающая склонность къ трохеямъ.

(2) Этимъ намекается, что отецъ былъ богатъ и силенъ, что у него было много женъ, изъ которыхъ каждая жила въ особой юртѣ.

жить за печью, царь и его семь сыновей сидят вокруг стола и пьют. И пьют они цѣлые семь дней, а въ седьмой день царь встаетъ и спрашиваетъ у своихъ сыновей: кто бы такой былъ, человекъ, прокрадшіеся въ комнату и спрятавшійся за печь? Тогда встали и сыновья, подошли къ невѣдомому богатырю и двое, взявъ его за обѣ руки, начали поднимать его. Но старшіе, хоть и двое, не могли поднять богатыря, и заплакавши, отошли прочь. Наконецъ подошелъ и меньшой сынъ, и одинъ поднялъ лежащаго. Тогда царь вновь устроилъ пиръ, посадилъ пришельца за столъ, и велѣлъ младшему сыну привести сестру, и посадить ее рядомъ съ богатыремъ, чтобъ она стала женой его. Свадебный пиръ продолжался семь дней, и за тѣмъ богатырь простился, и вмѣстѣ съ невѣстой, возвратился къ дереву, на которомъ оставилъ орла своего. Когда же чужестранные богатыри, расположившіеся у берега, увидѣли его вмѣстѣ съ царскою дочерью, которую и имъ хотѣлось добыть, гнѣвъ запылалъ въ сердцахъ ихъ. Одинъ изъ нихъ натянулъ свой лукъ, пустил стрѣлу въ замокъ и разломалъ мѣдную его крышу. Тогда одинъ изъ сыновей царя выбѣжалъ изъ замка, съ мечемъ въ рукѣ, и убилъ чужеземнаго богатыря, но и самъ нашолъ тутъ смерть свою. Такая же участь постигла и пятерыхъ другихъ братьевъ убитаго, выходившихъ другъ другу на помощь. Когда же сестра увидѣла съ дерева смерть братьевъ своихъ, она начала плакать горько. Тогда мужъ спустился съ дерева въ видѣ соболя, и въ тоже время вышелъ изъ замка и младшій сынъ царскій. Богатырь велѣлъ своему шурину возвратиться въ замокъ, натянулъ лукъ свой, пустил стрѣлу, и она угодила въ грудь одного изъ чужеземныхъ витязей, и потомъ полетѣла дальше и убила по пути пятьсотъ мужей. Потомъ она, сама собою, возвратилась назадъ къ богатырю, и пронзила еще пять сотъ другихъ мужей. И такъ точно всякой разъ, когда богатырь натягивалъ свой лукъ и пускалъ стрѣлу въ богатырей, стоявшихъ на берегу. Каждый разъ падала тысяча мужей? И когда стрѣла слетала девять разъ и девять разъ возвратилась, глядь—ни одного изъ чужеземныхъ богатырей не было уже въ живыхъ. Богатырь снова обратился въ соболя, и вползъ на дерево, посмотрѣлъ на все стороны и увидалъ своего орла,—не увидалъ жены своей. Во время битвы, она улетѣла на своемъ орлѣ, къ сѣверу. Богатырь пустился по слѣдамъ ея и скоро достигъ до замка семи богатырей. Орелъ его такъ сильно ударилъ грудью въ мѣдную крышу замка, что она разрушилась и задавила трехъ богатырей. Богатырь требуетъ жену свою; но остальные богатыри отказываютъ подъ тѣмъ предлогомъ, что она сама пришла въ ихъ замокъ. Тогда началась битва, въ которой все богатыри замка нашли смерть свою. Но во время битвы, жена его опять улетѣла въ другой замокъ, въ

которомъ было тридцать пять богатырей и множество другаго люда. Несмотря на то, богатырь не испугался и направилъ своего орла на мѣдную крышу замка, и она разрушилась и раздавила двухъ богатырей. И въ этомъ замкѣ братья-богатыри не хотѣли выдать скрывшейся, предлагая выдать вмѣсто ея собственную сестру свою. Но нашъ богатырь этимъ не удовольствовался, и началъ битву со всѣми богатырями и мужами замка. И только что онъ началъ битву, какъ на помощь къ нему подошелъ шурина его, примчавшійся на крылатомъ орлѣ. Два богатыря эти принялись общими силами побивать богатырей, и изъ послѣднихъ оставалось уже не много. Подъ конецъ едва не лишился жизни и самъ герой пѣсни. Одинъ изъ вражескихъ богатырей былъ такъ силенъ, что пущенная имъ стрѣла цѣлые семь дней безъостановочно летѣла въ грудь нашего героя. Затѣмъ одинъ изъ богатырей, разрубленный на двое, снова ожилъ, и такъ жестоко напалъ на героя пѣсни, что только помощь шурина спасла его отъ смерти. Тутъ онъ утомился уже совершенно, и шурина, одинъ покончившій битву, отвелъ его на покой. Богатырь спалъ за симъ семь лѣтъ, и когда пробудился—жена и шурина сидѣли подлѣ него. Тутъ богатырь потребовалъ, чтобъ шурина судилъ свою сестру; но онъ отказался судить чужую жену, и богатырь самъ произилъ и посадилъ ее на колъ. Изъ богатырей же замка одинъ остался однакожь въ живыхъ, и онъ отдалъ за симъ сестру свою въ жены нашему богатырю. Свадьбу пировали семь дней и затѣмъ богатырь съ своею женою и съ шуриномъ возвратился къ устью рѣки. Здѣсь опять было пиршество, которое кончилось тѣмъ, что шурина, въ награду за свои великія услуги, получилъ въ жены сестру богатыря.—

II.

Въ двухъ юртахъ жили отецъ съ сыномъ. Отецъ назывался Хахойе Хабтъ (Hahojie Håbt — божественный олень), а сынъ — Яльензиен Хабтъ (Jåljensiei Håbt — блестящій олень) (1). Два года справляли они свои сани; теперь сидятъ на нихъ безъ дѣла. Сидятъ десять дней; не говорятъ они ни слова; лицо отца то помрачится, то опять прояснится. Наконецъ сынъ спрашиваетъ: «что ты видишь, отецъ?» Отецъ отвѣчаетъ: «на разстояніи пути въ семь мѣсяцевъ вижу Ваие Тйиле Хабтъ (Waije Tjilje Håbt—олень съ короткимъ рогомъ). Возжа порвалась и хозяинъ самъ

(1) Въ пѣсняхъ богатыри часто называются по ихъ оленямъ, оружію, одеждѣ и другимъ, вѣшнымъ признакамъ.

тащить сани на разстояніи семи дней отъ оленя. Пошли твою младшую сестру ему на встрѣчу, потому что придетъ сюда путникъ, намъ будетъ плохо». Сынъ взялъ свой арканъ, поймалъ сто оленей въ одинъ разъ, запретъ ихъ и отправилъ сестру съ такимъ наказомъ: «Проѣдешь путь въ семь мѣсяцевъ, увидишь оленя съ короткимъ рогомъ; этого оленя ты поймай и привяжи къ задъ послѣднихъ саней твоихъ. Черезъ семь дней за тѣмъ, ты встрѣтишь Самоѣда, который самъ тащить свои сани за собою. Этому человѣку нечего у насъ дѣлать; пусть онъ отпрямляется съ тобой во свояси». — Дѣвушка поѣхала, встрѣтила и поймала оленя, отдала его хозяину, который тотчасъ поворотилъ назадъ, и дѣвушку взялъ съ собою. Дорогой Ваие Тийлье Хабтъ спросилъ свою спутницу, что такое стонетъ въ ея среднихъ саняхъ? Дѣвушка сказала, что въ нихъ живой богъ, котораго должно призывать въ болѣзняхъ. Долго они ѣхали, видѣли много юртъ, принадлежавшихъ брату Ваие Тийлье Хабта, и наконецъ пріѣхали къ его собственной юртѣ. Ваие Тийлье Хабтъ отпрегъ своего оленя, взомель въ юргу и послалъ оттуда Езе Ний Съядута (Ièse Nji Sjaduta—желѣзный поясъ съ лицомъ), чтобы отпрегъ оленей дѣвушки. И дѣвушка начала здѣсь жить съ Езе Ний Съядута. Жили они здѣсь цѣлое лѣто. Прошло это время — настала осень; ночи сдѣлались темны, и начались бури. Въ одну такую ночь дѣвушка тихонько вышла изъ юрты, подошла къ среднимъ санямъ и разрѣзала веревки, которыми были обвязаны сани. Изъ саней вылезъ, вмѣсто живаго бога, безоружный человѣкъ (1). Дѣвушка дала ему кипучій мечъ (Siunaei jêse), коимъ въ послѣдствіи онъ и самъ сталъ называется. «Куда же, спрашиваетъ пѣсня, пошелъ человѣкъ съ кипучимъ мечемъ въ эту темную ночь?» Онъ ходилъ изъ одной юрты въ другую, и побивалъ весь народъ, какой только находилъ въ нихъ. Онъ пришелъ наконецъ въ юрту, въ которой жила его сестра съ Езе Ний Съядута. Езе Ний Съядута страшно испугался и старался спастись то въ дверь, то въ дымовое отверстіе, но не спасся отъ кипучаго меча Сиунзи Езе. Истребивши до послѣдняго человѣка всѣхъ обитателей юртъ, Сиунзи Езе отправился съ сестрою къ берегу моря и скоро доѣхалъ до семисотъ юртъ. Народъ въ этихъ юртахъ праздновалъ свадьбу, въ одной только сидѣли два старика и вели хвастливыя рѣчи. Сиунзи Езе сѣлъ въ этой юртѣ и сталъ прилушничать къ рѣчамъ стариковъ. Старикъ Пангадіода говорилъ: «Сошлись мы два сильные земли—

(1) Ниже оказывается, что этотъ человѣкъ былъ одинъ изъ братьевъ дѣвушки, хотя въ началѣ пѣсни этого не говорится.

кто побѣдитъ насъ?» Старикъ Нараэи прибавилъ къ этому: «Высоко на хребтѣ морскаго берега, виситъ на деревѣ чарепъ старца Хахоніе (1); когда Яльензіен Хабтъ придетъ его отыскивать, мы разорвемъ его въ клочки». Какъ скоро Сіунэи Езе услышалъ эти рѣчи, онъ гнѣвно поднялся съ своего мѣста и, схвативъ дерзкаго Нараэи, началъ махать имъ какъ дубиной и перебилъ такимъ образомъ всѣхъ жителей юртъ. За симъ онъ снова отправился вмѣстѣ съ сестрою въ путь; на дорогѣ на него напали два богатыря и такъ прижали, что онъ видѣлъ уже смерть передъ собою. Въ тоскѣ онъ вспомнилъ однакожь, что Яльензіен Хабтъ когда-то обѣщалъ ему въ полдня посѣтъ къ умирающему человѣку и помочь ему. И въ то же самое мгновеніе свистнулъ вѣтеръ, и Яльензіен Хабтъ стоитъ подлѣ брата. Убивъ обоихъ богатырей, Яльензіен Хабтъ поручилъ охраненіе утомленнаго брата сестрѣ его и между прочимъ сказалъ: «Когда онъ откроетъ глаза, онъ пойдетъ, конечно, куда ему вздумается». За симъ пѣсня покидаетъ Сіунэи Езе и сестру его и переходитъ къ Яльензіен Хабту. Онъ возвращается домой и находитъ всѣ юрты разрушенными. Невдалекѣ отъ нихъ онъ видитъ отца, котораго, «какъ бѣлую куронатку», преслѣдуетъ Сіу Нараэи (2). Тутъ Яльензіен Хабтъ сказалъ: «Кто летитъ быстрѣе? лечу ли я быстрѣе или стрѣла летитъ быстрѣе?»—и съ этими словами посѣшилъ на помощь къ отцу, схватилъ его и спряталъ въ свой кожанъ. За симъ Яльензіен Хабтъ и Сіу Нараэи начали пускать другъ въ друга стрѣлы. И пускаютъ они ихъ безъостановочно десятый годъ, какъ вдругъ является къ Сіу Нараэи, гонецъ отъ его брата Езе-меада-йеру (Iese meada jieru—хозяинъ желѣзной юрты). Гонецъ сказалъ, что Езе меада-йеру хочетъ, чтобы Сіу Нараэи запрягалъ оленей въ сани Яльензіен Хабта, то есть призналъ себя побѣжденнымъ и сталъ его слугою. Но Сіу Нараэи грозитъ, что не прекратитъ борьбы, пока будетъ въ состояніи двигать руками. И они продолжаютъ пускать другъ въ друга стрѣлы еще десять лѣтъ, и въ теченіи этого времени Яльензіен Хабтъ, мало по малу, пригналъ своего противника къ самой желѣзной юртѣ, и здѣсь наконецъ убилъ его. Езе-меада-йеру счелъ безполезнымъ мстить за своего павшаго брата, началъ, напротивъ, просить о пощадѣ собственной жизни. Яльензіен Хабтъ пощадилъ молящаго, который, изъ благодарности, обѣщалъ выдать за него свою дочь, безъ всякой платы.

(1) Подъ именемъ старца Хахоніе здѣсь разумѣется отецъ Хахоніе Хабта т. е. дѣдъ Яльензіен Хабта и Сіунэи Езе. Его убилъ старецъ Нараэи, и Сіунэи Езе является преднамѣренно, чтобъ отмстить смерть своего дѣда, хотя изъ словъ старца и можно заключать, что право мести принадлежало Яльензіен Хабту, который безъ сомнѣнія былъ старшимъ изъ братьевъ.

(2) Въ отместку за смерть старца Нараэи, котораго убилъ Сіунэи Езе, является избранный племенемъ убитаго богатырь, чтобы убить стараго Хахоніе Хабта,

Сынъ Езе-меада йеру далъ сестрѣ богатое приданное и самъ запрегъ оленей въ сани Яльензіен Хафта, который за симъ и воротился въ свои владѣнія съ женою и съ слугами.

Пѣсни этого рода въ величайшемъ уваженіи у Самоѣдовъ. Съ религіознымъ почти благоговѣніемъ прислушиваются они къ каждому слову, срывающемуся съ устъ пѣвца. Точно такъ же какъ шаманъ, сидитъ и пѣвецъ, на скамейкѣ или на сундукѣ, по серединѣ юрты, а слушатели располагаются вокругъ него. Въ Томской губерніи я замѣтилъ, что пѣвецъ старается выразить тѣлодвиженіями участіе, принимаемое имъ въ своемъ героѣ. Тѣло его трясется, голосъ дрожитъ, лѣвою рукою онъ безпрестанно закрываетъ глаза, полные слезъ, а въ правой держитъ стрѣлу, обращенную остриемъ къ полу. Слушатели сидятъ обыкновенно безмолвно; но когда богатырь погибаетъ, или взвизгиваетъ на крылатомъ орлѣ къ облакамъ—у нихъ вырывается громкое *аее*, соответствующее нашему *ура*.

Гораздо менѣе уважаются пѣсни лирическаго содержанія. Онѣ и не переходятъ изъ рода въ родъ; но рождаются и умираютъ мгновенно. Полагаютъ, что не стоитъ помнить ихъ, потому что каждый способенъ выразить и радость и горе своего сердца. Сочиненіе пѣсни Самоѣдъ не почитается важнымъ дѣломъ; но способность спѣть ее, и спѣть хорошо для него рѣдкій и высоко-чтимый талантъ. Голосъ и мелодія, по мнѣнію Самоѣдовъ, главнѣе въ лирической пѣсни; отъ содержанія требуется только, чтобы оно просто и понятно выражало обыкновенныя ощущенія и представленія.

Вотъ нѣсколько образчиковъ лирики сѣверныхъ Самоѣдовъ (1).

Плачь жены о смерти мужа.

Когда меня выдавали замужъ, я горько плакала о разлукѣ съ матерью; пожила нѣсколько времени съ возлюбленнымъ мужемъ — прошло грустное тоскованіе по матери. Прежде я думала, что иѣтъ прощанья мучительнѣе прощанья съ матерью; теперь я думаю иначе. Умеръ мужъ мой, и я грущу по немъ больше, чѣмъ грустила прежде по матери. Мужъ оставилъ четырехъ сыновей; когда то-забуду я ихъ горе и мое собственное? Жизнь моя теперь такова, что одну половину моей тоски стараюсь облегчить слезами, а другую — пѣснями. Никогда не выйдетъ мой мужъ изъ могилы, никогда ужъ не увидать мнѣ его.

(1) Въ Томской губерніи мнѣ не удалось записать ни одной лирической импровизаціи, потому что тамошніе Самоѣды достигли уже той степени образованія, при которой пѣсенное вдохновеніе приходитъ уже не всегда, тѣмъ менѣе по заказу.

МЩЕНІЕ ЖЕНЫ.

Я бесплодна—и отъ того мужъ мой не любитъ меня. У всѣхъ моихъ невѣстокъ есть дѣти, и мужья любятъ ихъ. Въ ихъ сани мужья запрягаютъ самыхъ лучшихъ оленей, а мой мужъ отыскиваетъ для меня самыхъ худшихъ. Всякій разъ, когда мы вмѣстѣ ѣдимъ, мнѣ приходится почти тащить моего оленя за возжу, а самой идти пѣшкомъ. Другіе братья помогаютъ своимъ женамъ на крутыхъ мѣстахъ, что бы не опрокинулись, мнѣ же никто не помогаетъ. Съ горя погнала я однажды моихъ оленей съ горы, безъ удержки, переѣхала черезъ деверьевъ и разломала ихъ сани. Чтобы избавиться на-предки отъ такого наказанія, мужъ сталъ уважать меня и больше обо мнѣ заботиться.

МЩЕНІЕ МУЖА.

Они убили моего друга. Связали его, положили на сани и увезли. Перевезли его черезъ рѣку, и повѣсили между двухъ сосенъ. « Ты жилъ, сказалъ убійца, въ связи съ моей женою, а потому и долженъ умереть».

СВАДЕБНАЯ ПѢСНЯ.

Послушай меня, братъ. Дочь мою отдалъ я твоему сыну, съ тѣмъ, чтобы не брать назадъ. Смотри! ужъ жарится въ дыму голова оленя (1) и потому теперь не допускаются уже никакія перемѣны. Мы на всю нашу жизнь вступили въ родство. Прошу, не обходитесь съ моей дочерью строго. Я училъ ее жить съ мужемъ хорошо и слушаться его. Моя жена также убѣждала ее жить въ согласіи. За симъ мы ѣдемъ домой, а ты, моя дочь, не смотри вслѣдъ за нами, и не плачь. Я отдалъ тебя этому мужу, чтобы ты жила и умерла въ его жильѣ. И вотъ мы, отецъ и мать, цѣлуемъ нашу дочь и говоримъ ей: прощай!

Какъ южные, такъ, еще болѣе, и сѣверные Самоѣды, кромѣ пѣсень любятъ и сказки. Замѣчательно однакожь, что большая часть ихъ сказокъ, болѣе или менѣе заимствованныя отъ другихъ народовъ. По крайней мѣрѣ въ Томской губерніи я не нашелъ ни одной, совершенно туземнаго происхожденія; только нѣкоторыя сказки сѣверныхъ Самоѣдовъ имѣютъ, кажется, свой особый характеръ. Я не привожу однакожь образцовъ этого рода словесности, потому что это завлекло бы меня слишкомъ далеко.

(1) Это значитъ, что олень зарѣзанъ и празднованіе свадьбы началось.

Что касается до древнихъ обычаевъ, правовъ, и учреждений, то въ Томской губерніи они по большей части уже забыты, и потому мы заимеемъ ими, когда придется говорить о сѣверныхъ Самоѣдахъ. Здѣсь же, касательно самоѣдской древности, скажу только нѣсколько словъ о памятникахъ, которые во множествѣ встрѣчаются въ Томской губерніи, и извѣстны подъ названіемъ Чудскихъ могилъ (Самоѣд. laed). У томскихъ Самоѣдовъ сохранилось о нихъ слѣдующее преданіе: «Прежде у отцевъ нашихъ былъ обычай погребать мертвыхъ надъ поверхностью земли. Покойника клали въ гробъ, и съ нимъ вмѣстѣ клали въ послѣдній и кое-что изъ его имущества, какъ напримѣръ: одежды, лукъ и стрѣлы, топоръ, ножъ, ложку, котель, и т. п. На все это наваливался земляной холмъ, потому что боялись имѣть мертвого близко передъ глазами, а кромѣ того желали и защитить его отъ дикихъ звѣрей». Таково общее преданіе о Чудскихъ могилахъ въ Томской губерніи; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прибавляли къ этому еще, что Чудь погребала подъ однимъ холмомъ всѣхъ членовъ семьи. А такъ какъ гроба, по разсказамъ, ставились не рядомъ, а одинъ надъ другимъ, то и холмъ мало по малу возрасталъ до необыкновенной высоты. Нѣкоторыя Чудскія могилы, какъ говорятъ, и теперь еще весьма велики, хотя съ тѣхъ поръ они, естественно, должны были значительно понизиться. Изъ открытій, сдѣланныхъ въ Чудскихъ могилахъ—я слышалъ только о мѣдныхъ стрѣлахъ и человѣческихъ костяхъ и что и тѣ и другія величины необыкновенной. Такъ какъ стрѣлы, особенно же огромныя человѣческія кости, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и самыя высокія холмы, положительно приписываются чуждому народу, то и оказывается, что о Чудскихъ могилахъ ходятъ два различныя преданія. Одно принимаетъ, что настоящіе предки Самоѣдовъ, именно народъ, который Русскіе называютъ Чудью; другое темно намекаетъ на народы исчезнувшіе. Первое рѣшительно имѣетъ историческое основаніе, ибо обычай хоронить мертвыхъ надъ землею, существуетъ еще и донынѣ у сѣверныхъ Самоѣдовъ, которые однакожъ, сколько мнѣ извѣстно, никогда не засыпаютъ гроба землею. Для дознанія истинности другаго преданія, связывающаго съ нѣкоторыми Чудскими могилами память о другомъ, чуждомъ народѣ, необходимо точное изслѣдованіе содержанія этихъ могилъ. Такого же изслѣдованія я не могъ сдѣлать, потому что проѣзжалъ по Томской губерніи въ самые холодныя мѣсяцы года. Опираясь однакожъ на преданіе, осмѣливаюсь признать возможнымъ, что нѣкоторыя Чудскія могилы, можетъ-быть, остатки финскихъ народовъ. Дознано, что Остяки, Лопари, Финны и другіе ихъ соплеменники хоронили своихъ покойниковъ также въ земляныхъ холмахъ (по фински *Lagnin haudat*). Что прежде пришествія Самоѣдовъ эти народы были туземны въ этомъ краю,—этого конечно нельзя доказать съ совер-

шенною ясностію; тѣмъ не менѣ это весьма однакожь вѣроятно, потому что и до сихъ поръ Угріскіе Финны ближайшіе сосѣды Самоѣдовъ къ сѣверу, и, судя по средству ихъ съ Самоѣдами, кажется, пришли сюда, какъ и они, съ юга. Мимоходомъ упомяну также, что въ этомъ краю можно указать многія названія мѣстностей рѣшительно финнскаго происхожденія; но объ этомъ я предполагаю поговорить еще подробнѣе, въ послѣдствіи.

Послѣ этихъ замѣчаній, касающихся преимущественно самоѣдской старины, приступаю къ краткому описанію теперешняго виѣшняго положенія и образа жизни томскихъ Самоѣдовъ. Въ этомъ отношеніи должно тщательно отличать Самоѣдовъ живущихъ по самой Оби, отъ тѣхъ, которые живутъ по притокамъ ея. Первые приняли уже вообще бытъ русскихъ крестьянъ, и отличаются отъ нихъ только бѣльшею грубостію манеръ, бѣльшею бѣдностію, лѣнью, тупоуміемъ, и совершеннымъ отсутствіемъ всякаго стремленія къ умственному и хозяйственному улучшенію. Они живутъ въ избахъ, построенныхъ и расположенныхъ по образцу русскихъ, только что онѣ меньше, теплѣе, и сверхъ того холодны, грязны, безъ всякой необходимой домашней утвари, и во всѣхъ отношеніяхъ непрочны, за что Русскіе и называютъ ихъ юртами. Главнѣйшій промыселъ какъ ихъ, такъ и Русскихъ — рыболовство, которое продолжается круглый годъ, и производится почти такимъ же образомъ какъ по Иртышу и по нижней Оби. Здѣсь туземцы не имѣютъ впрочемъ исключительнаго права на рѣку: рыбныя мѣста раздѣлены между Русскими, Самоѣдами и Татарами. Звѣроловство по Оби не представляетъ особенныхъ выгодъ; имъ занимаются только самые бѣдные Самоѣды, которые для этой цѣли уходятъ въ отдаленныя лѣса (тайги). Какъ Русскіе такъ и Самоѣды занимаются здѣсь и скотоводствомъ, но успѣху этой отрасли хозяйства сильно препятствуютъ виѣшнія неблагопріятныя обстоятельствова, въ особенности ежегодно свирѣпствующіе падежи. Земледѣіе совершенно неизвѣстно томскимъ Самоѣдамъ, хотя климатъ и не препятствуетъ ему нисколько, покрайней мѣрѣ выше Нарыма, гдѣ многіе Русскіе занимаются имъ. Идти въ батраки къ русскимъ крестьянамъ или кушамъ — послѣднее средство въ крайности, и какъ Остяки, такъ и Самоѣды почитаютъ это не лучшимъ самаго тяжелаго тюремнаго заключенія. Важный также для томскихъ Самоѣдовъ промыселъ — извозничество. Кромѣ того между ними встрѣчаются искусные кузнецы, плотники, столяры и другіе ремесленники. Уже изъ этихъ замѣчаній видно, что обьскіе Самоѣды находятся въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ и иртышскіе Остяки, о которыхъ я уже говорилъ подробно.

Что же касается до Самоѣдовъ, живущихъ по Тыму, Парабелѣ и другимъ притокамъ Оби, то они совершенно сходны съ Остяками Сургутскаго

округа. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ Томской губерніи русская образованность укоренилась между туземцами гораздо глубже, нежели въ упомянутомъ округѣ Тобольской; но когда нужно говорить только о томъ, что составляетъ особенность каждаго изъ этихъ двухъ народовъ, то о томскихъ лѣсныхъ Самоѣдахъ все-таки придется не много сказать такого, чего бы не было уже сказано о сургутскихъ Остякахъ. Вслѣдствіе ббльшей образованности томскіе Самоѣды начали, конечно, даже и въ отдаленныхъ мѣстахъ строить и жить по образцу Русскихъ; но юрты все еще продолжаютъ существовать какъ временныя жилища, которыми пользуются во время охоты и рыбной ловли. По Тыму и верхнему Кету русскія избы не вошли еще и совсѣмъ въ употребленіе; тутъ и до сихъ поръ постоянныя жилища—торфяныя юрты, а временныя — берестяныя, не говоря о шалахахъ охотниковъ. Постройкой и прочимъ юрты Самоѣдовъ нисколько не отличаются отъ остяцкихъ. Вся разница только въ вышеупомянутой мною формѣ берестяныхъ юртъ.

Народная одежда томскихъ Самоѣдовъ такова же и такъ же рѣдка, какъ и у обьскихъ Остяковъ. Верхнее платье состоитъ изъ короткой, шерстью наружу, оленьей шубы, распахивающейся спереди; у мужчинъ она ровная, а у женщинъ съ нѣсколькими складками назадъ. Обувь также изъ оленьей шкуры, съ длинными голенищами, частію изъ толстаго сукна, частію изъ мягкой оленьей кожи, которыя замѣняютъ панталоны. Рубаха не принадлежитъ къ народной одеждѣ. Головной покровъ у мужчинъ высокій и остроконечный (¹); у женщинъ—плоскій и закругленный; первый изъ мягкаго оленьяго мѣха, второй изъ бѣличьяго или горностаеваго. Годъ отъ году уменьшающееся число дикихъ оленей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и успѣхи цивилизаціи заставили какъ Самоѣдовъ, такъ и Остяковъ промѣнять свои мѣховыя одежды изъ оленьей шкуры, на русское платье, которое здѣсь состоитъ по преимуществу изъ кафтана толстаго сукна, покроемъ похожаго на самоѣдско-остяцкую оленью шубу. Русскіе называютъ его *зипуномъ*, Самоѣды—Kundsch или Kundje; его носятъ, какъ у Самоѣдовъ, такъ и у Остяковъ, оба пола съ вышесказаннымъ генерическимъ различіемъ на спинѣ (²).

Какъ въ одеждѣ и жилищахъ, такъ точно и въ остальныхъ частяхъ хозяйства оказывается вліяніе Русскихъ на лѣсныхъ Самоѣдовъ. Въ осо-

(1) Остроконечная форма пользуется у Самоѣдовъ большимъ уваженіемъ; отъ того и кумпры ихъ изображаются съ заостреннымъ черепомъ.

(2) Эту часть одежды носятъ и финскія племена по Волгѣ, по кажется, что во внутреннихъ областяхъ Россіи—она не въ большомъ употребленіи. Въ Финляндіи она опять встрѣчается подъ названіемъ—*mekko*.

бениости замѣчательно то, что по Кету, Парабели, Чаѣ и Чулыму мѣстами начинаютъ уже, при собакахъ, держать и лошадей; рогатый же скотъ есть только на Чулымѣ, а овецъ нѣтъ ни по одному изъ поименованныхъ притоковъ. Употребленіе соли и хлѣба, которое у лѣсныхъ Самоѣдовъ, смотря по степени ихъ житочности, сдѣлалось болѣе или менѣе общимъ, должно приписать также вліянію русской цивилизаціи. Впрочемъ, вообще лѣсной Самоѣд ѣсть хлѣбъ только въ случаѣ, когда у него нѣтъ мяса. Сѣверные Самоѣды ѣдятъ охотнѣе сырое мясо; южные же почитаютъ это грѣхомъ, и потому мясо лосей, оленей, зайцевъ, бѣлокъ обыкновенно варятъ или жарятъ, а птичье вялятъ на солнцѣ (1). Рыбу ѣдятъ и сырую и жареную, вареную, сушеную и соленую (2). Другихъ яствъ, кромѣ упомянутыхъ, у лѣсныхъ Самоѣдовъ немного, да и эти немногія, кажется, заимствованы у Русскихъ и Татаръ. Изъ нихъ слѣдуетъ упомянуть по преимуществу о двухъ, извѣстныхъ во всей сѣверной Россіи подъ названіемъ «бурдука» и «саламаты». Первое—жидкая кашка, варимая на водѣ; второе—густая, вкусная каша, которая, смотря по обстоятельствамъ, варится съ масломъ, рыбьямъ жиромъ, наливовыми печонками и т. п.

Сказавши нѣсколько словъ о жилищахъ, одеждѣ и кушаньяхъ лѣсныхъ Самоѣдовъ, упомянемъ вкратцѣ о вседневныхъ ихъ работахъ и занятіяхъ. На дворѣ осень, и Самоѣды сидятъ въ своихъ маленькихъ деревушкахъ, занятые, каждый, приготовленіями къ предстоящей охотѣ. Мужчины куютъ и столярничаютъ, женщины шьютъ и пекутъ. Только что установится зима—вся деревня начинаетъ снаряжаться къ отъѣзду. Каждая семья приготовляетъ для себя нѣсколько, такъ называемыхъ, нартъ, то есть маленькихъ саней, въ которыя запрягаютъ собакъ. Эти нарты нагружаются мукой, хлѣбомъ, сухарями, крупой, рыбой и другими съѣстными припасами, одеждой, топорами, ножами, охотничьими снарядами (3), берестяной пе-

(1) Томскіе Самоѣды не ѣдятъ ни волковъ, ни лисецъ, ни соболей, ни росомахъ. По древнему благоговѣнному уваженію къ медвѣдо неохотно ѣдятъ и мясо «дада» (ildshakka, уменьшительное отъ ildscha, см. выше). Есть даже повѣрье, что охотникъ ѣвній медвѣжье мясо будетъ и самъ сохрани медвѣдемъ. Незанимающійся звѣроловствомъ рискуетъ тутъ меньше; но во всякомъ случаѣ строго соблюдается весьма правило не ѣсть медвѣжатину и рыбу въ одно время, потому что отъ такого смѣшенія въ рѣкъ пропадаегъ вся рыба.

(2) Извѣстно, что всѣ туземные обитатели Сибири употребляютъ сырую рыбу, отчасти даже и сырое мясо, какъ цѣлебное средство противъ скорбута. Впрочемъ медицинскія средства томскихъ Самоѣдовъ ограничиваются: трутлемъ, сассапариллю, которая называется здѣсь: «дорогой травой», шапатыремъ и нѣсколькими простыми decoctami. Выше всякаго вѣрабнаго средства почитается непосредственная помощь шамана.

(3) Обыкновеннѣйшіе охотничьи снаряды томскихъ Самоѣдовъ: а) ружье, б) ручной лукъ (по Самоѣд. end), в) западня для бѣлокъ (по Самоѣдеки lada), d) западня для лисецъ (по Самоѣдеки tjakkos), e) родъ меча съ длинною деревянною рукоятію (по Самоѣд. teaga), за лѣ-

реносной юртой и тому подобнымъ. Въ нихъ же укладываютъ и маленькихъ дѣтей. За симъ въ каждый нартъ запрягаютъ по двѣ, по три или по четыре собаки, смотря по достаткамъ хозяина. Лошади, бесполезныя въ эту пору, оставляются въ деревнѣ, безъ всякаго о нихъ попеченія, кромѣ того, что ихъ снабжаютъ на нѣсколько мѣсяцевъ запасомъ сѣна, которое сваливается въ отворенный сарай, служащій вмѣстѣ и конюшней (1). Справивъ все это, семьи отправляются въ лѣса и пустыни, каждая по своему направленію (2). Отецъ семейства становится въ главѣ поѣзда, пролагаетъ дорогу своими лыжами и высматриваетъ дичь. За нимъ по пятамъ слѣдуютъ прочіе члены семьи, которые также бѣгутъ на лыжахъ, правятъ собаками и помогаютъ имъ тащить нарты. Такъ тянутся они отъ утра до вечера. Начнетъ смеркаться, маленькій караванъ этотъ останавливается; разбираютъ берестяную юрту, ставятъ котель на огонь, и утомленные странствованіемъ по лѣсу путники, отдыхаютъ, сидя вокругъ согрѣвающего огня. Съ разсвѣтомъ караванъ уже снова въ движеніи. Черезъ нѣсколько дней добираются наконецъ до своего мѣста охоты. Здѣсь они большею частью находятъ готовую уже бревенчатую или досчаную юрту прежнихъ годовъ; въ случаѣ же отсутствія ея довольствуются и берестяной. И вотъ Самоѣдъ начинаетъ охотиться, бродя по окрестнымъ лѣсамъ. Каждый день, съ утра до вечера, онъ въ безпрестанномъ движеніи; иногда онъ и ночуетъ въ снѣжномъ сугробѣ. Онъ стрѣляетъ, разставляетъ и осматриваетъ свои капканы, поднимаетъ звѣря и т. д. (3) Въ охотѣ принимаютъ участіе даже женщины и дѣти; они не

няющій рогатину, f) самострѣлъ, становимый на землю и снабженный волоснымъ шнуромъ, отъ малѣйшаго прикосновенія къ которому стрѣла летитъ прямо въ дѣль. Этотъ самострѣлъ, снарядъ весьма опасный, причиняющій не мало бѣдъ; отъ него и я едва не лишился жизни.

(1) Иногда въ деревнѣ оставляется сторожъ; а по Чулыму женщины и дѣти всегда остаются дома, на охоту же отправляются одни мужчины.

(2) Каждое семейство съ незапамятныхъ временъ имѣетъ свои особенные рыболовные и звѣроловныя участки. Въ случаѣ же размноженія семей старшина или, такъ обыкновенно здѣсь называемый, *Князецъ* (уменьш. отъ *князь*) отводитъ, вмѣстѣ съ общиною, особенный участокъ, въ предѣлахъ котораго каждое новое семейство имѣетъ неоспоримое право ловить звѣрей и рыбу.

(3) Обыкновеннѣйшіе звѣри въ Томской губерніи: бѣлка, горностаѣ (колонокъ), заяцъ (ушканъ), лисица, лось, сѣверный олень, волкъ, росомаха, медвѣдь, соболь, выдра, бобръ. Соболь попадается только на лѣвой сторонѣ Оби, а лось въ сѣверныхъ частяхъ этой страны рѣдокъ. Лисицъ и соболей здѣсь впрочемъ вездѣ не очень-то много, а бобръ исчезъ почти совершенно. Дикой олень водится въ здѣшней сторонѣ преимущественно зимою; но если осенью выпало мало снѣгу, то и его бываетъ мало. Самый выгодный ловъ—это ловъ бѣлокъ, производящійся здѣсь въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, что одно семейство ставитъ на нея до 500 ловушекъ, располагаемыхъ въ нѣсколько небольшихъ кружковъ. Для приманки каждая ловушка снабжается рыбой; Самоѣды жалуются однакожъ на росомахъ, которыя часто съѣдаютъ приманку и портятъ ловушки.

отходить однакожь далеко отъ юрты и ловятъ преимущественно бѣлокъ. Во время отсутствія родителей малыя дѣти остаются безъ всякаго призора, на произволъ судьбы; слишкомъ же рѣзвыя привязываются въ юртѣ на веревку. Когда подъ вечеръ, члены семьи возвратятся изъ лѣсу и усядутся вокругъ кипящаго котла, каждый имѣетъ разсказать какое-нибудь съ нимъ приключеніе, а не случилось ничего—разсказываютъ и сказки. Такъ проходитъ день за днемъ, недѣля за недѣлей въ трудахъ, нуждѣ и лишеніяхъ всякаго рода. Передъ Рождествомъ они возвращаются для празднованія его въ деревни. Рождественскія занятія ихъ скорѣй можно назвать время-препровожденіемъ, нежели работой. Они ловятъ рыбу, дѣлаютъ поѣздки на лошадяхъ, продаютъ добытое близъ какого-нибудь кабака и запасаются новыми жизненными потребностями. Въ концѣ января или въ началѣ февраля они отправляются снова въ лѣса и остаются тамъ до поры, когда дороги начнутъ уже портиться. Возвратившись домой, въ продолженіе короткой весны, Самоѣды готовятся къ предстоящей рыбной ловлѣ. Со вскрытіемъ рѣкъ и озеръ, деревня снова пустѣетъ: жители ея плаваютъ въ своихъ маленькихъ челнокахъ (1) отъ берега къ берегу, отъ одного рыбнаго угодья къ другому. На каждомъ они разбиваютъ берестяную юрту, всегдашнюю суетницу Самоѣда. Такъ же какъ и Остяки, томскіе Самоѣды ловятъ рыбу сѣтями, вѣршами, неводами, крючьями, заколами и т. д. Рыбная ловля продолжается безъостановочно до начала сентября, времени сѣнокоса, охоты за тетеревами и сбора брусники и кедровыхъ орѣховъ. По окончаніи этихъ занятій рыбная ловля продолжается еще до самыхъ морозовъ. Тутъ каждая семья возвращается уже домой съ сбереженными для собственнаго употребленія, запасами сушеной рыбы.

(1) Какъ у Остяковъ, такъ и у Самоѣдовъ есть разнаго рода лодки; наиболѣе употребительныя и оригинальныя—челноки изъ просто выдолбленнаго пня; эти челноки такъ легки, что одинъ человекъ безъ труда перетаскиваетъ его черезъ суну. Въ Томской губерніи лодки приготавливаются предпочтительно изъ осины, потому что она легче другихъ родовъ растягивается; въ Тобольской же ихъ дѣлаютъ и изъ кедра, который почитается впрочемъ гораздо пригоднѣйшимъ для лыжъ. Лыжи дѣлаются изъ лиственницы; ложки, чашки и прочая домашняя посуда изъ березы. Кетати замѣчу еще здѣсь, что для собственной potreбы каждый Самоѣдъ—столяръ, и все, что нужно для дома, дѣлаетъ самъ: томскіе же Самоѣды работаютъ и для продажи Русскимъ: чашки, корыта, ложки, лодки, санни, лыжи, короба и корзины и т. д. Кузнечное мастерство также весьма распространено между Остяками и Самоѣдами, но еще болѣе между Тунгузамп. Всѣ эти народы умѣютъ также дѣлать и раздувальныя мѣхи и всѣ нужные для этого ремесла инструменты. Въ шитьѣ всѣхъ возможныхъ родовъ женщины такъ же искусны, какъ мужчины въ прочихъ ремеслахъ.

ПИСЬМА.

I.

Доктору Лёнроту

Енисейскъ 20 марта (1 апрѣля) 1846.

Письмо твое отъ 7 января я получилъ только 24 марта (н. ст.) въ Красноярскѣ, гдѣ оно, кажется, пролежало нѣсколько времени на почтѣ. Съ мѣсяцъ тому назадъ я написалъ тебѣ нѣсколько строкъ изъ деревни Молчановой, и полагаю навѣрно, что онѣ уже дошли до тебя. Въ такомъ случаѣ тебѣ извѣстно, что изъ Молчановой я отправился въ Томскъ, а оттуда, чрезъ Ачинскъ и Красноярскъ, въ Енисейскъ, гдѣ и нахожусь со вчерашняго дня—ужасно усталый и измученный продолжительнымъ путешествіемъ. Не смотря однакожь на то, я думаю на дняхъ ѣхать далѣе, вереть за 90 къ западу отсюда, до деревни Маковской, на верхнемъ Кетѣ. Мнѣ хочется отыскать здѣсь продолженіе кетскихъ Самоѣдовъ, съ которыми я познакомился еще на обьской сторонѣ. Во всякомъ случаѣ я пробуду въ помянутой деревнѣ до вскрытія рѣкъ, потому что тогда удобнѣе будетъ продолжать путешествіе въ Туруханскъ. Но довольно о путешествіи. Что касается до моего спутника, Бергетади, то онъ думаетъ остаться покуда, да вѣроятно и на все остальное время, въ Сибири. Онъ напрасно увлекался надеждами на русскія стипендіи, а другихъ пособій не предвидится. Дѣйствительно, у него уже начинается охота ѣхать въ Казань, и я, съ цѣлью удержать его въ Сибири, уговариваю избрать себѣ особую, независимую отъ меня отрасль изслѣдованій. Это предложеніе, по видимому, нравится ему; но обоихъ насъ беретъ раздумье въ томъ отношеніи, что одному ему, при его робкомъ характерѣ, трудно будетъ ладить и справляться въ такой дичи. Какъ бы то ни было, я все-таки думаю, что чрезъ нѣсколько дней мы разѣдемся съ нимъ по разнымъ направленіямъ и съѣдемся опять не раньше начала іюня.

Коллану я теперь не имѣю времени писать, но такъ какъ ты, по всей вѣроятности, находишься въ постоянной перепискѣ съ Куопіоскими господами, то сдѣлай одолженіе, потрудишься убѣдительнѣе попросить отъ меня Коллана, чтобы онъ не выпускалъ черемисской грамматики до моего просмотра ея. Это дѣло убѣждаетъ меня, что нельзя печатать ничего, не находясь лично на мѣстѣ печатанія. По этой же самой причинѣ я теперь не хочу и думать о печатаніи остяцкой грамматики до возвращенія въ Финляндію. При томъ же въ ней и не все еще окончено, а теперь

миѣ некогда заняться этимъ. Какъ въ остьянскихъ, такъ и самоѣдскихъ языкахъ вѣчная мука съ темными (*dunkel*) гласными, не вмѣющимися на столько опредѣленнаго и положительнаго характера, что бы, во всякомъ случаѣ, можно было отличить ихъ надлежащимъ образомъ отъ явственныхъ (*offenen*). Всего чаще это встрѣчается съ темнымъ *e*, о сущности и свойствахъ котораго я до сихъ поръ не добился еще окончательнаго результата. Миѣ кажется, что каждое *e* безъ ударенія въ окончаніи слова звучитъ какъ *e*, но здѣсь можно привести многое и *pro* и *contra*. Замѣчательно, что ты отырль и въ финскомъ языкѣ слѣды того же самаго темнаго звука. Мысль твоя о несуществованіи въ финскомъ языкѣ такъ называемыхъ *mediae* принадлежитъ, по моему мнѣнію, къ числу самыхъ счастливыхъ и подтвержденіе ей можно найти во всѣхъ родственныхъ языкахъ. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ я упомянулъ, что и въ самоѣдскомъ языкѣ послѣ *e* и *i* слѣдуютъ мягкія, а послѣ *e* и *u* твердыя гласныя (1). Какое важное сходство! Вообще языки финскій и самоѣдскій представляютъ много общаго и въ другихъ отношеніяхъ и, покуда, я еще не знаю ни одного языка въ мірѣ, отъ котораго финская филологія могла бы ожидать столько помощи, какъ именно отъ самоѣдскаго. Но теперь я не могу еще распространяться объ этомъ предметѣ.

О здоровьѣ своемъ я долженъ сказать, что во время путешествія оно нѣсколько свихнулось, но я надѣюсь, что все пройдетъ, какъ только опять спокойно усядусь на мѣстѣ. Помимо болѣзни, нельзя также ждаты ничего добраго и отъ ссыльныхъ, сшибающихъ людей съ ногъ однимъ поворотомъ ладони. Давно ли по ночамъ проходили убійства на улицахъ Томска, Красноярска и Енисейска. Теперь конечно не слышно ничего подобнаго, но все-таки, какъ смеркнется, бояться показываться на улицу въ одиночку и особенно пѣшкомъ. Впрочемъ я твердо уповаю, что все кончится благополучно.

2.

Ассессору Равве.

Енисейскъ, 1 апрѣля (п. с.) 1846.

Въ честь перваго апрѣля миѣ неизрѣменно слѣдовало бы рассказать тебѣ какую нибудь небывлицу, но дѣло въ томъ, что я почти безъ оста-

(1) Ср. предисловіе къ грамматикѣ самоѣдскихъ языковъ стр. XIV.

новки и отдыха ѣхалъ ось Томска до Енисейска и нахожусь послѣ этого почти въ такомъ же положеніи, какъ человекъ, которому ввалили добрыхъ сорокъ палокъ. Если бы я не былъ уже законнымъ бумажно- и слово-ѣдомъ — я рѣшительно ударился бы въ изученіе искусства — спокойно развѣзжать на воздушномъ шарѣ. Впрочемъ Самоѣды и Остяки рассказывали мнѣ, что ихъ предки нѣкогда ѣздили верхомъ на орлахъ, и мнѣ кажется, что и въ наше время можно бы придумать что-нибудь въ этомъ родѣ. Правда, что орлы годъ отъ года становятся рѣже, но вѣдь то же самое можно сказать и о людяхъ. А, право, стоило бы испытать верховую ѣзду на орлѣ; къ сожалѣнію въ Сибири я не видалъ орловъ, — видѣлъ только совъ. Теперь спрашивается, не можешь ли ты переслать ко мнѣ по почтѣ хорошо выѣзженнаго орла изъ Финляндіи? Почтовое вѣдомство вѣроятно не затруднится отправкою такого важнаго барина, тѣмъ болѣе, что при этомъ имѣется въ виду благая цѣль — продлить жизнь бѣднаго страдальца. Не шутя, я боюсь, что скоро лишусь всякой возможности переносить трудности моего сухопутнаго странствованія.

Твои письма и посылки отъ 24 декабря, 20 января и 10 февраля ожидаютъ меня въ Красноярскѣ. Часто я думалъ и придумывалъ, на какомъ бы языкѣ выразить тебѣ мою благодарность за всѣ цѣлебные балзамы, которыми ты стараешься подкрѣпить и поддержать ослабѣвающую во мнѣ жизненную силу. Шведскій языкъ рѣшительно не годенъ для этого; — на финскомъ, какъ недавно прочелъ я въ «Morgenblatt», — можно только лаять; еврейскій языкъ я забылъ, а Граеца non leguntur. Ужь не попробовать ли на самоѣдскомъ? Въ этомъ языкѣ нѣтъ даже слова: *благодарить*, но дай Самоѣду глотокъ водки, ломоть хлѣба, лоскутокъ сукна, или что бы то ни было, — и онъ при случаѣ, пойдетъ за тебя на смерть. Я, право, начинаю думать, что, вышереченное слово придумано какимъ нибудь..., желавшимъ дешевѣйшимъ образомъ отдѣлаться отъ признательности — и потому совѣмъ не благодаря тебя.

— — Случится, что Бергстади уѣдетъ раньше меня изъ Сибири, чего впрочемъ теперь не думаю, то я надѣюсь въ такомъ случаѣ справиться и одинъ. Жизнь въ Енисейской губерніи такъ дорога, что я едва буду въ состояніи покрывать неслыханныя издержки, которыя повлекла бы за собою перемѣна моего спутника. И потому ни слова больше объ этомъ предметѣ. — — —

СТАТСКОМУ СОВѢТНИКУ ШЁГРЕНУ.

Маковская 2 (14) апрѣля 1846.

Какъ ни усталъ я отъ труднаго путешествія, сиѣшу все-таки увѣдомить васъ о томъ, что я прїѣхалъ въ Маковскую, небольшую деревню, въ 90 верстахъ къ западу отъ Енисейска. Если я скажу, что эта деревня находится посреди дикой пустыни, окружена со всѣхъ сторонъ дремучими лѣсами и въ настоящее время года разобщена почти совершенно отъ всего остального міра—то это, надѣюсь, извинитъ небольшое уклоненіе, которое я позволилъ себѣ отъ послѣднихъ полученныхъ мною предписаній. Все это, по моему мнѣнію, къ лучшему; теперь я могу покончить мои изслѣдованія томскаго нарѣчія въ связи со всѣмъ, что относится къ этому предмету, и какъ только пройдетъ ледъ, начать плаваніе внизъ по Енисею. Последнее обстоятельство особенно важно. Вамъ, конечно, не безъизвѣстно, что такъ называемые (Кларотомъ) Енисейцы недоступны большую часть года, потому что живутъ въ дремучихъ лѣсахъ, на пустынныхъ тундрахъ, по отдаленнымъ озерамъ, маленькимъ притокамъ и т. д. Только разъ въ году выходятъ они изъ своихъ трупцобъ и появляются во множествѣ на берегахъ Енисея. Это появленіе совпадаетъ съ появленіемъ перелетныхъ птицъ. Съ началомъ весны енисейскіе купцы плывутъ внизъ къ Толстому носу, съ товарами для Самѣдовъ, и туземцы ждутъ ихъ по всему теченію рѣки. Я, конечно, плохо исполнилъ бы возложенное на меня ученое порученіе, еслибъ не воспользовался такимъ прекраснымъ случаемъ. Но, что бы воспользоваться всѣмъ, надобно было, наперекоръ вашему желанію, тотчасъ же проститься съ веселыми городами: Томскомъ, Красноярскомъ и Енисейскомъ, и поселиться на нѣкоторое время въ этой печальной странѣ, дабы покончить наконецъ споръ о Натско-Шумпокольскихъ Остякахъ, причисляемыхъ Кларотомъ къ енисейскимъ Остякамъ, а г. Степановымъ къ Самоѣдамъ. Если въ такихъ вещахъ можно полагаться на общіе слухи, то Степановъ правъ; я же, съ своей стороны, до сихъ поръ ничего не могу сказать вѣрнаго, потому что здѣшній голова не добылъ еще изъ безконечныхъ здѣшнихъ лѣсовъ ни одного человѣка этого спорнаго племени.

Мнѣ слѣдовало бы, конечно, сказать вамъ нѣсколько словъ о моемъ послѣднемъ путешествіи изъ Томска въ Енисейскъ, или вѣрнѣе изъ Молчановой въ Маковскую; но къ сожалѣнію оно представило мнѣ слишкомъ мало замѣчательнаго. Что по пути встрѣчался мнѣ довольно часто обозы

съ водкою и съ чаемъ, и большія толпы ссыльныхъ, закованныхъ и не закованныхъ; что дороги скверны, почва неровна и гориста, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обнажилась уже, что почти у каждаго верстового столба стояло расшатанное; что оно находилось и на передкѣ переднихъ саней каждаго чайнаго обоза—все это, разумѣется, нѣсколько не можетъ интересовать васъ. Что же касается до народонаселенія, то оно на всемъ пути было чисто русское; только жители Теплой-рѣчки, небольшой деревни, въ 140 верстахъ къ востоку отъ Томска, были ссыльные казанскіе Татары. Въ городѣ Ачинскѣ я встрѣтилъ чулымскихъ Татаръ, подтвердившихъ показаніе Клапрота, что далѣе вверхъ по этой рѣкѣ Самоѣдовъ уже нѣтъ. Близъ Красноярска встрѣтилъ я совершенно неожиданно, нѣсколько такъ называемыхъ ясачныхъ, живущихъ при небольшой рѣкѣ *Качь*; они говорили только по-русски, но тѣмъ не менѣе выдавали себя за потомковъ качинскихъ Татаръ, по словамъ одного старика, жившихъ нѣкогда по Качѣ, и удалившихся, по прибытіи Русскихъ на югъ, на свои теперешнія мѣста жительства. Тотъ же старикъ сказывалъ, что еще отецъ его говорилъ по-татарски. Считаю нужнымъ упомянуть объ этомъ, дабы устранить возможное предположеніе о происхожденіи этихъ людей отъ Ариновъ, народа нѣкогда тутъ обитавшаго, нынѣ же неизвѣстнаго даже и по имени. Число Качинцевъ близъ Красноярска простирается до 240 душъ мужскаго пола; всѣ они приписаны къ такъ называемой *Качинской управѣ*. Съ 1833 г. они платятъ обыкновенныя государственныя подати, но отъ рекрутства избавлены еще. Въ образѣ жизни они ничѣмъ не отличаются отъ русскихъ крестьянъ; но въ чертахъ лица видны еще явственно татарскій отпечатокъ.

Кстати скажу здѣсь нѣсколько словъ и о родственныхъ съ ними Койбалахъ, бывшихъ нѣкогда вѣтвью Енисейцевъ, и принимаемыхъ г. Степановымъ рѣшительно за Татаръ. Г. Степановъ сильно нападаетъ на всѣхъ, приписывающихъ Кобайламъ Чудское происхожденіе, но и самъ заслуживаетъ еще жесточайшихъ упрековъ за то, что лишаетъ Кобайловъ возможности вымереть, которую допускаетъ однакожъ въ отношеніи къ Аринамъ, Кеттамъ и Ассанамъ. А впрочемъ, утверждая, что всѣ теперешніе, такъ называемые, Койбалы чистые Татары,—г. Степановъ вполне правъ, потому что я встрѣчалъ многихъ свѣдущихъ людей, которые, подобно ему, не постигали, какъ можно сомнѣваться въ татарскомъ происхожденіи Койбаловъ. Теперешній Красноярскій губернаторъ присылалъ ко мнѣ козака, который былъ родомъ изъ Минусинска и утверждалъ, что знаетъ по-койбальски какъ по-русски; онъ подтвердилъ ихъ показанія, замѣтивъ, между прочимъ, что въ языкѣ Койбаловъ, точно такъ же какъ и въ языкѣ Кизильцевъ, Качинцевъ и другихъ татарскихъ племенъ, живущихъ въ Минусинскомъ

уѣздъ, существуютъ разныя незначительныя отклоненія. Я выспросилъ у него все, что онъ, въ этомъ отношеніи, могъ припомнить, и не позволилъ ничего самоѣдскаго.

Вотъ все мои путевыя наблюденія. Въ заключеніе, позвольте разсказать приключеніе, не имѣющее ничего общаго съ моими учеными порученіями. Можетъ-быть вы помните мой разсказъ объ опасностяхъ, которымъ я подвергался три года тому назадъ въ деревняхъ Устьцыльмской и Ижмѣ. Упомянувъ о Грузинскомъ князѣ, спасшемъ меня въ Устьцыльмской отъ фанатическихъ изуверовъ, я, кажется, не сказалъ ни слова о моемъ Ижемскомъ покровителѣ—г. Якубовичѣ и о его любезной супругѣ. Обезопасивъ мое существованіе, добрая эта женщина не переставала и за тѣмъ постоянно заботиться о моемъ благосостояніи въ зырянской пустынѣ. Просыпаясь по утру, я часто находилъ у себя на столѣ горячій бѣлый хлѣбъ; а послѣ передобѣденной прогулки — нерѣдко и превосходнѣйшій пирогъ. Но ктожь станетъ распространяться о хлѣбахъ и пирогахъ, вспоминая о такой образованной и умной женщинѣ, какъ супруга ижемскаго исправника? По всему было видно, что она получила отличное воспитаніе. Сдѣлавшись женою и матерью, она не ограничилась кухней, но съ горячностью предавалась и умственнымъ занятіямъ. На рабочемъ ея столѣ почти всегда можно было найти развернутую книгу. Особенно любила она читать книги поэтическаго, религіознаго и историческаго содержанія; для своего сына она сама составила даже курсъ ариѳметики, русской грамматики и друг. Страстно любя свою родину, она тѣмъ не менѣе почитала Наполеона благодѣтелемъ человѣчества и со слезами на глазахъ приводила нѣкоторыя черты изъ жизненной драмы этого великаго человѣка. Разговоръ ея былъ увлекателенъ; но кромѣ того, она обладала еще способностью излагать свои мысли и на бумагѣ такъ хорошо, что нѣкоторыя изъ ея писемъ печатались въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ. Эта рѣдкая женщина выросла и воспиталась на берегахъ Енисея въ городѣ Красноярскѣ. Здѣсь овладѣлъ ея сердцемъ молодой, красивый Полякъ, г. Якубовичъ, и перевезъ ее потомъ изъ родительскаго дома въ пустыни Удоріи. Вотъ все, что узналъ я въ Ижмѣ о прежней судьбѣ ея. Пріѣхавши въ Красноярскъ, я, разумѣется, началъ о ней разспрашивать, и не разузналъ еще ничего, какъ въ одинъ прекрасный день входитъ съдой старичекъ въ кафтанѣ, называетъ меня по имени и подаетъ письмо, только что имъ полученное, и отъ кого бы вы думали—отъ его дочери, супруги ижемскаго исправника. Я пробѣгаю письмо и нахожу, къ великому изумленію своему, что оно писано ко мнѣ. Три года тому назадъ я сообщилъ ей планъ своего путешествія и она, разсчитавъ, что именно около этого времени я долженъ находиться въ Красноярскѣ, написала къ отцу, чтобы онъ принялъ участіе въ безпріют-

номъ странникѣ. Замѣчательно, что письмо, написанное въ Холмогорахъ, слѣдовательно проѣхавшее болѣе 6000 верстъ, пришло въ Красноярскъ за нѣсколько часовъ до моего пріѣзда въ этотъ городъ; но еще замѣчательнѣе то, что отецъ госпожи Якубовичъ былъ ссыльный крѣпостной человекъ, употребившій на воспитаніе дочери все достояніе свое, добытое необыкновенной предприимчивостью и оборотливостью.

Что касается до моего здоровья, то переѣздъ, въ 1000 верстъ съ залишкомъ, разумѣется, поразшаталъ его нѣсколько; но я надѣюсь, что векорѣ оправлюсь. Товарищъ мой, которому бы слѣдовало быть уже въ Анциферовской волости, для изученія языка Енисейскихъ Остяковъ, какъ слышно, измѣнилъ свой планъ и живетъ въ окрестностяхъ Енисейска..... Отчетъ мой о Самоѣдахъ Томской губерніи почти конченъ, но за дурными дорогами, я не могу его отправить раньше моего возвращенія въ Енисейскъ, въ половинѣ мая. Болѣе на этотъ разъ мнѣ нечего писать...

P. S. Еще не успѣлъ я запечатать письма, какъ явился ко мнѣ здѣшній голова съ однимъ изъ Пумпокольскихъ Остяковъ. Изъ первыхъ же разспросовъ я узналъ отъ него, что туземцевъ принадлежащихъ къ Натско-Пумпокольской волости, только 24 души мужеска пола и что они дѣйствительно настоящіе Самоѣды, по языку весьма мало отличающіеся отъ томскихъ. И такъ снискокъ словъ Клапрота ложень. Но откуда же онъ взялъ его? — Слухъ о томъ, что Бергстади перемѣнилъ планъ своего путешествія, оказался несправедливымъ. Желаю, чтобъ онъ былъ счастливѣе меня относительно толмача; приведенный теперь ко мнѣ оставилъ въ лѣсу жену и дѣтей, которые непременно умрутъ съ голоду, если онъ не воротится къ нимъ черезъ двѣ недѣли. И такъ въ теченіи этого короткаго времени я долженъ пройти весь курсъ Пумпокольскаго нарѣчія, потому что отыскать другаго въ настоящее время года нѣтъ никакой возможности. И этого отыскивали цѣлые десять дней, а между тѣмъ дороги ежедневно становятся хуже.

4.

АССЕСОРУ РАББЕ

Маковская 3 (15) апрѣля 1846.

Я живу здѣсь равно $4\frac{1}{2}$ часами раньше тебя, а теперь равно 6 часовъ утра, слѣдовательно, по всей вѣроятности, я тревожу тебя въ самомъ сладкомъ снѣ. Да послужить же мнѣ извиненіемъ въ этомъ то, что я самъ подвергся тому же: возвратившійся, съ Самоѣдомъ, староста раз-

будилъ меня, несмотря на ночное время; но такъ какъ онъ отправляется въ Енисейскъ тотчасъ же, то и не могу написать тебѣ многого. Не знаю, найдется ли въ прилагаемомъ письмѣ къ Шёгрену что-нибудь для помѣщенія въ «Morgonblad». Впрочемъ, отчетъ для «Suomi» уже готовъ; онъ въ десять листовъ и касается финнеко самоѣдскихъ вопросовъ. Между прочимъ, въ немъ двѣ самоѣдскія саги и нѣсколько пѣсенъ въ прозаическомъ переводѣ. По моему мнѣнью, онъ будетъ весьма соотвѣтствующей статьей для нашего журнала. Надѣюсь, что въ июль онъ уже будетъ въ твоихъ рукахъ. Благодареніе богу! Бергстади теперь на Енисей, посреди Остяковъ, гдѣ ему не прійдется терятьъ нужду. Желательно только, чтобы онъ тамъ вполне пріохотился къ филологическимъ розысканіямъ, къ которымъ до сихъ поръ не обнаруживалъ особенной склонности. Черезъ нѣсколько недѣль вѣроятно догону его и тогда мы отправимся внизъ по рѣкѣ, прямо въ Туруханскъ,—мѣстность, одно уже названіе которой заставляетъ содрогаться даже и Самоѣда. Мнѣ все сдается, что этотъ Оркусъ лишитъ меня жизни; впрочемъ «зайдетъ солнце на пророки», говоритъ пророкъ Михай » (гл. 3, ст. 6). Но чтобы ничего не имѣть на совѣсти, ты вѣрно будешь такъ добръ, что не прекратишь присылки газетъ и другой пищи по крайней мѣрѣ для моей души, такъ какъ она, по одному древнему изреченію, «благороднѣйшая часть человѣческаго тѣла».

Поклонись моимъ друзьямъ Виллебранду, Р. Тевгстрему и другимъ и попроси ихъ хорошенько, чтобы они ужъ лучше въ этотъ-то годъ писали ко мнѣ почаще, потому что въ слѣдующемъ, вѣроятно, снова попаду «ihmisten ilmoihin» (въ среду людей). За снѣмъ желаю тебѣ пріятнаго продолженія сна.

5.

Лектору Коллану

Енисейскъ 8 (20) мая 1846.

Нѣсколько дней тому назадъ я возвратился въ Енисейскъ изъ небольшой лѣсной деревушки (Маковской) при рѣкѣ Кети, гдѣ я провелъ нѣсколько недѣль въ изученіи самоѣдскаго нарѣчія, которое до сихъ поръ считалось Енисейско-остяцкимъ. Этимъ заканчиваются мои изслѣдованія въ обьской рѣчной области, и я готовлюсь теперь къ предстоящему мнѣ новому ряду поѣздокъ по Енисею. Полагають, что Ангара вскрыется на этихъ дняхъ, и только что тылъ мой освободится ото льдовъ—я тотчасъ же сажусь въ лодку и пускаюсь внизъ по рѣкѣ въ страну туруханскихъ

туирь, — давнюю цѣль моихъ мыслей. Въ этой самоѣдской Полюѣ (сѣверной странѣ) я проведу лѣто, осень и большую часть зимы, если только здоровье и силы позволятъ это. Говорятъ, что еще ни одинъ прїѣзжій не заживался въ Турузанскѣ. Но подобныя опасенія едва ли когда нибудь отвращали ученаго путешественника отъ требуемой его изслѣдованіями поѣздки.

Пока я жилъ среди лѣсовъ, Бергстади пребывалъ на берегахъ Енисея, въ деревнѣ Анциферовой, и занимался изученіемъ языка, который, хотя и слыветь остяцкимъ, но вѣроятно принадлежитъ другому, болшему частью уже вымершему племени. Такъ какъ подробное изслѣдованіе его потребовало бы больше времени, нежели сколько я могу удѣлить на это изъ назначенныхъ мнѣ трехъ лѣтъ, то Бергстади и изъявилъ готовность не оставить меня своею помощію въ изслѣдованіи этого бѣднаго языка, готового сойдти въ могилу безъ имени и крещенія. Предполагавшаяся поѣздка Бергстади въ Казань не состоялась, потому что не получилъ необходимаго для нея вспомошествованія. Бергстади разсчитывалъ на одну изъ русскихъ стипендій, но эти стипендіи выдаются теперь только будущимъ учителямъ русскаго языка. Цѣль же поѣздки Бергстади была советамъ другаго рода. Тебѣ, вѣроятно, извѣстно уже, что казанскій край кишитъ финскими племенами, каковы, напримѣръ, Чуваши, Черемисы, Вотяки, Мордва, не говоря уже объ отатарившихся Башкирахъ. Тутъ же жили и вымершіе, но все-таки важные для историческаго изслѣдованія Болгаре. Здѣсь есть и природныя Татары и Буряты (Монголы), и сверхъ всего этого, при университетѣ находятся отличные, извѣстные даже Европѣ профессора, языковъ тюркскаго, монгольскаго и даже маджурскаго. На всемъ земномъ шарѣ я не знаю мѣста, болѣе удобнаго для сравнительнаго изученія финскаго языка. Въ этомъ убѣдился и Бергстади во время нашего пребыванія въ Казани въ прошломъ году, и еще въ то же время пробудилось въ немъ желаніе сдѣлать этотъ горьдъ на нѣкоторое время мѣстомъ своихъ занятій. Онъ не только разсчитывалъ получить стипендію на этотъ предметъ, но еще надѣялся что другіе земляки его, увлеченные тѣмъ же интересомъ, послѣдуютъ его примѣру, и что такимъ образомъ пребываніе его на чужой сторонѣ облегчится совокупностію занятій. Планъ Бергстади, какъ я уже сказалъ, не осуществился, но все-таки желательно, чтобы другіе, покрайней мѣрѣ, попытали тоже самое.

— Нынѣшней весной я страдалъ грудью, но теперь опять дышу легчѣ. Поклонись Шнелъману и другимъ друзьямъ въ Куопіо. —

А. И. ШЕГРЕВУ.

Енисейскъ 16 (28) мая 1846 г.

Я только что возвратился изъ Маковской и съ нетерпѣніемъ ожидаю петербургской почты, которая давно уже задержана распутицей. Если она черезъ нѣсколько дней не подойдетъ—придется отправиться, не дождавшись ея, потому что здѣшніе купцы начали уже выѣзжать на остяцкія ярмарки.

. . . Какого порядка буду я держаться въ моихъ поѣздкахъ нынѣшнимъ лѣтомъ — не могу еще сказать опредѣлительно, потому что здѣсь, въ Енисейскѣ, невозможно собрать точныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для составленія подробнаго плана путешествія. Многіе совѣтуютъ мнѣ распорядиться такъ, чтобы въ началѣ іюля быть на Туруханской ярмаркѣ, куда, говорятъ, съѣзжаются Самоѣды даже съ береговъ Таза. Послѣдую этому совѣту — придется отложить изученіе Енисейско-остяцкаго языка до возвращенія изъ Туруханскаго края; это впрочемъ было бы и не дурно, потому что, въ такомъ случаѣ, мнѣ будетъ можно покончить мои занятія самоѣдскимъ языкомъ безъ всякаго перерыва. Покуда я держусь этого плана, но съ правомъ измѣнить его, если этого потребуютъ обстоятельства.

Въ послѣднемъ письмѣ, я, кажется, упомянулъ уже, что такъ называемые Натско-пумпокольскіе Остяки не знаютъ ни одного изъ тѣхъ словъ, которыя Клапротъ приписалъ имъ въ своихъ таблицахъ, и говорятъ языкомъ Самоѣдовъ, живущихъ ниже, по Кети. Еслибъ я могъ это предвидѣть, то отложилъ бы поѣздку въ Маковскую, и посвятилъ бы все время распутицы изученію языка енисейско-остяцкаго. Такимъ образомъ я, можетъ быть, избавился бы и отъ грудной боли, порожденной суровымъ лѣснымъ краемъ, которая впрочемъ прошла уже. Какъ бы то ни было, эта поѣздка сдѣлана, и не совсемъ безъ пользы, потому что ею исправлены промахи Клапрота. Въ оправданіе его можно привести одно только предположеніе, что нѣкогда Остяки жили и по Кети. Кетскіе Самоѣды ничего подобнаго не знаютъ; но спутникъ мой Бергстади записалъ въ Анциферовской волости одно преданіе, которымъ это предположеніе какъ бы подтверждается. Одинъ старый Остякъ разсказывалъ ему, что изъ пяти племенъ, принадлежащихъ къ Тымской волости, четыре переселились отъ источниковъ Енисея, пятое же отъ Кети, почему и называется также Тум-de-gei, т. е. «народъ (Ket) отъ Кети (Тум)». Замѣчательно также и то обстоятельство, что кетскіе Остяки вовсе не знаютъ названія Натско-пумпокольскъ; послѣдняго же слова даже и выговорить не могутъ. Такъ какъ оно однакожь не русское, то для объясненія его и остается только одно средство — приписать его Остякамъ. Странно еще и то, что

на картѣ Познякава означены деревни Натекъ и Пумпокольскъ, хотя въ дѣйствительности онѣ уже и не существуютъ. Русскихъ деревень ниже Маковской только двѣ: Ворошейка и Монастырь; первая изъ десяти, а послѣдняя только изъ трехъ дворовъ. Остяцкія юрты между Монастыремъ и Енисейскою границей разбросаны въ пяти разныхъ мѣстахъ и именуется: Мерг-айге, Канъ-куль-то, Кет-ике, Марга и Пурьюнго.

ПУТЕВЫЕ ОТЧЕТЫ.

1.

18 (30) мая 1846 г. простился и съ богатымъ золотомъ городомъ Енисейскомъ, и въ небольшой открытой лодкѣ поплылъ, вмѣстѣ съ товарищемъ моимъ, внизъ по Енисею, въ страну туруханскихъ тундръ. На рѣкѣ уже вовсе не было льда, но на берегахъ лежали еще колоссальныя ледяныя массы (тороссы), подымавшіяся то въ видѣ остроконечныхъ башенъ, то отвѣсными стѣнами, омываемыми волнами рѣки. Въ воздухѣ было сыро и холодно, небо—почти постоянно облачно; рѣзкій сѣверовосточный вѣтеръ дулъ безпрестанно и временами наносилъ дождь, снѣгъ и градъ. Деревья стояли еще безъ листву, а на сѣрыхъ лугахъ кое-гдѣ видѣлись уже кучки желтаго лютика, лиловыхъ фіялокъ, блѣдныхъ анемоновъ и звѣздчатокъ. Всюду, и на сушѣ и на водѣ, царствовало гробовое молчаніе. Былъ Троицынъ день; но здѣсь, въ сердцѣ Сибири, оно прерывалось, вмѣсто колокольнаго звона, призывающаго набожныхъ поселянъ въ храмъ Божій, только внезапнымъ появленіемъ, изъ за кустовъ какого-нибудь заводья, остяцкой лодки, рѣдкимъ крикомъ кукушки, или журавля, плескомъ волны, разбивающейся о ледяные берега, да разнообразно-вторящимся трескомъ обваливающихся тороссовъ.

Говорятъ, что берега Енисея въ верхнемъ теченіи его живописны. И ниже Енисейска мы встрѣчали прекрасныя мѣстности, какова, на примѣръ, знаменитая горная тѣнина при впаденіи Средней (Подкаменной) Тунгузки; но красота здѣшней природы вообще сильно вредитъ обыкновенное однообразіе дичи. Взоръ путешественника встрѣчаетъ всюду все тѣ же лѣса, тѣ же возвышенности, тѣ же скалы, тѣ же берега, тѣ же водныя поверхности, тѣ же ледяныя глыбы. Пока ѣдишь по золотоносной части Енисейскихъ странъ (*), кое-гдѣ встрѣтишь еще богатую деревню; но дальше деревни

(1) Извѣстно, что богатѣйшія въ Сибири золотыя прииски выходятся въ Енисейскомъ округѣ, между Верхнею и Среднею Тунгузками, въ рѣчныхъ областяхъ Удерея и Пята. Здѣсь до 120 золотопромывалень, разбросанныхъ по одному направленію съ Енисеемъ, и почти въ одинаковомъ отъ него разстояніи.

все рѣже и состоятъ по большей части изъ маленькихъ, грязныхъ, полуразвалившихся лачугъ, въ которыя невозможно войти безъ отвращенія. Кромѣ того, въ этой странѣ необыкновенно какъ холодно и морозно. Не знаю, откуда происходитъ этотъ холодъ, изъ-воды ли, изъ воздуха, пли изъ сердце людскихъ: вѣрно только то, что даже въ половинѣ юня надо кутаться въ шубу и между станціями заимолзать въ останація юрты, чтобъ отогрѣться.

Но для меня эти непріятности нѣсколько вознаграждались обращеніемъ съ весьма, конечно, малочисленнымъ, но за то чрезвычайно разнообразнымъ вольнымъ и невольнымъ народонаселеніемъ енисейскихъ береговъ. Въ Енисейскѣ я вращался въ кругу Русскихъ изъ Петербурга, Москвы, Украйны и Сибири, бродящихъ по всему свѣту сыновъ Германіи, Татаръ, Евреевъ и Киргизовъ; черезъ день по выѣздѣ изъ него, я бесѣдовалъ въ Анциферовой съ образованными Поляками, имѣвшими здѣсь главное свое пребываніе; на третій—я сидѣлъ въ останацкой берестяной юртѣ, и, развеселивъ отъ природы молчаливыхъ обитателей ея водкою, чаемъ и табакомъ, провелъ нѣсколько пріятныхъ часовъ въ дружескомъ разговорѣ съ этимъ добрымъ и простымъ народомъ. На слѣдующее утро, когда я спалъ еще въ лодкѣ, меня разбудили пушечные выстрѣлы. Открываю глаза—и не вижу ничего, кромѣ двухъ небольшихъ деревушекъ, расположенныхъ другъ противъ друга по обоимъ берегамъ рѣки. Гребцы объяснили мнѣ, что одна принадлежитъ золотопромышленникамъ рѣки Пята, устроившимъ для удобства сообщенія нѣсколько контеръ на берегу Енисея, противъ деревни Назимовой. Причину же пушечныхъ выстрѣловъ объяснилъ мнѣ русскій календарь именами Константина и Елены, напечатанными курсивомъ подъ 21 числомъ мая. Одинъ изъ гребцовъ сказалъ мнѣ, что деревня золотопромышленниковъ называется «Ермаковой», потому что Ермакъ былъ первый золотопромышленникъ Сибири. Другую золотопромышленническую деревню—Лопатинское село, мы уже проѣхали.

Черезъ два дни за симъ, прекраснымъ іоньскимъ утромъ, прибыли мы къ устью рѣки Сыма. Тутъ не было ни золотопромышленническихъ конторъ, ни русскихъ избъ: но были жилья, которыя, несмотря на бѣдность ихъ, не могли не обратить на себя вниманія путешественника. Два князька, тунгусскій и останацкій, каждый во главѣ своего племени, спустились внизъ по Сыму и расположились при его устьѣ. По старому обычаю, они ежегодно собираются сюда для платежа подати въ казну и для продажи мѣховъ енисейскимъ купцамъ (1). Ярмарка еще не началась, но берестяныя

(1) Подобныя сборныя пли ярмарочныя мѣста (*сулланныя мѣста*) есть еще при устьѣ рѣкъ Дубчеса и Подкаменной Тунгуски, въ селѣ Имбатскѣ, въ городѣ Туруханскѣ и т. д.

юрты были уже поставлены. Довольно значительное разстояніе, отдѣлявшее юрты Остяковъ отъ юртъ Тунгузовъ, показывало, что и доселѣ еще продолжаются раздоры между двумя этими племенами, столь различными по языку, обычаямъ и религіи. Близъ остяцкихъ юртъ толпились мужчины, женщины, дѣти и собаки; близъ тунгузскихъ видѣлись, напротивъ, только мужчины. Это объясняютъ тѣмъ, что Тунгузы имѣютъ небольшія стада оленей, для охраненія которыхъ должны оставлять женъ и собакъ дома; Остякъ же человекъ вольный, его имущество ограничивается женой, дѣтми, нѣсколькими собаками, лодкой и берестяной юртой — предметами, которые онъ, безъ затрудненія, можетъ взять съ собою на ярмарку. Кромѣ того, у берега видѣлось множество енисейскихъ ладей, струговъ и барокъ. Лодки туземцевъ лежали къ верху дномъ на самомъ берегу; онѣ были выдолбленные пни, другія берестяныя или лубочныя: первыя принадлежали Остякамъ, послѣднія Тунгузамъ. Вокругъ юртъ, кромѣ одеждъ и съѣстныхъ привасовъ, было навалено множество коробовъ, ящичковъ и всякой домашней утвари, большею частью изъ бересты съ разными хитрыми украшеніями. На стѣнахъ юртъ висѣли луки, стрѣлы, топоры и ножъ; а у входа почти въ каждую тунгузскую юрту торчалъ обнаженный мечъ или такъ называемая *Paĭma*, воткнутый рукояткой въ землю.

Между тѣмъ какъ я разсматривалъ все это, вокругъ меня собралась мало по малу большая толпа Тунгузовъ. Они съ любопытствомъ глядѣли на меня, пересмѣивались и по видимому очень удивлялись очкамъ моимъ. И я, съ своей стороны, съ неменьшимъ удивленіемъ смотрѣлъ на желтыя ихъ лица, на дуговидныя татуированныя украшенія ихъ выдающихся скулъ, на длинныя, перевитыя бусами косички позади темя и на весь весьма оригинальный костюмъ ихъ. Самое въ немъ замѣчательное было нѣчто въ родѣ фрака или куртки изъ замши, или изъ невидѣланной оленьей шкуры. Эта часть одежды, обыкновенно украшенная множествомъ бусъ, сукоными полосками, конскимъ волосомъ и т. п., такъ узка, что съ трудомъ застегивается. И тунгузская мода, какъ наша, требуетъ, чтобы грудь оставалась открытою, дабы вполне былъ видѣнъ убранный бусами нагрудникъ. Голову сымекіе Тунгузы прикрываютъ маленькой, круглой татарской шапочкой, почти сплошь унизанной бисеромъ. Коротенькія, до колѣнъ, штаны ихъ и башмаки были изъ тонкой замши; послѣдніе красовались еще бисернымъ шитьемъ. Съ одного плеча опускались привѣски изъ бусъ съ бисернымъ кошелькомъ для кремня, трута и огнива.

Въ этомъ легкомъ и въ своемъ родѣ красивомъ костюмѣ, Тунгузы вращались съ ловкостью, рѣзко отличавшеюся отъ неповоротливости и неуклюжести Остяковъ, одѣтыхъ въ оленьи, или заячьи шубы. Но за то послѣдніе рѣшительно выигрывали лицами, въ которыхъ было болѣе та-

тарскаго, нежели монгольскаго, и которыя притомъ не безобразилась татуировкой. Судя по выраженію лица, можно заключить, что Тунгузь нѣсколько хитеръ и расчетливъ; Остякъ же, напротивъ, простѣе и добродушнѣе. Эти свойства обнаруживаются и въ самомъ обращеніи. Но мы вскорѣ возвратимся къ этому предмету, а теперь пойдемъ къ князькамъ, вышедшимъ изъ своихъ юртъ.

Тунгузскій князь, само собой разумѣется, былъ разряженъ во вкусъ своего народа; остяцкій же—въ простой шубѣ, съ прожженнымъ задомъ. Первый подошелъ ко мнѣ съ большимъ достоинствомъ, снялъ шапку и протянулъ концы пальцевъ; второй привѣтствовалъ меня простымъ рукожатіемъ. За симъ оба они взяли меня подъ свое благосклонное покровительство, стали одинъ по одну, а другой по другую сторону меня и такимъ образомъ повели въ юрту тунгузскаго князя. Толпа Остяковъ и Тунгузовъ пошла за нами; но въ юрту князь пригласилъ только насъ—путешественниковъ, остяцкаго князя, нѣсколько старшинъ и своихъ ближайшихъ родственниковъ. Княжеское жилище составляла обыкновенная юрта изъ оленьихъ шкуръ, съ землянымъ поломъ и нѣсколькими камнями, ограждавшими мѣсто для огня. Князь велѣлъ разостлать на полъ нѣсколько оленьихъ шкуръ, и всѣ присутствовавшіе уѣлись на нихъ вокругъ пылаваго огня. Тутъ мнѣ представился случай взглянуть ближе въ особенности тунгузской сущности и характера. Всѣ рѣчи ихъ отличались, рѣдкими у туземцевъ, благоразуміемъ и витіеватостію; но какъ только я случайно заговаривалъ о ловлѣ соболей, тотчасъ же раздавались со всѣхъ сторонъ восклицанія: «батюшка, батюшка, ваше лагородье», и всѣ единогласно принимались увѣрять меня, что съ незапамятныхъ временъ соболи вывелись уже совершенно; хотя и извѣстно, что именно ловля соболей—значительнѣйшій промыселъ сѣмскихъ Тунгузовъ.

Съ помощью сибирскаго талисмана — водки, мнѣ удалось однакожъ нѣсколько разшевелить недовѣрчивыя сердца Тунгузовъ, и нѣкоторые начали довольно откровенно разсказывать свои лѣсныя похождения. Одинъ изъ собесѣдниковъ снялъ даже одежду и показалъ мнѣ рубцы тринадцати ранъ, полученныхъ имъ въ борьбѣ съ владыкою лѣса — медвѣдемъ. Онъ погибъ бы непременно, еслибъ подослѣвшія собаки его, отвлекши вниманіе медвѣдя, не дали ему возможности убраться въ безопасное мѣсто. На подобные разсказы Тунгузы довольно еще тароваты; но на всѣ мои разспросы объ ихъ нравахъ, обычаяхъ и языческихъ вѣрованіяхъ отвѣчали упорнѣйшимъ молчаніемъ. За то устроилась пляска передъ юртой подъ звуки очень пріятной и мелодической пѣсни. Плясуны—молодые парни, взявъ другъ друга за руку сдвинулись въ кругъ такъ тѣсный, что невозможно было разглядѣть ни одного отдѣльнаго лица, ни одного отдѣльнаго

движенія: казалось не лица, а какая-то незримая механическая сила приводила весь этот кругъ въ мѣрное движеніе.

За симъ Тунгузы показали еще обращикъ своей ловкости въ слѣдующей игрѣ. Два человѣка, взявъ веревку, каждый за конецъ, начали кружить ею изъ всей силы по воздуху, наблюдая при этомъ, чтобъ она никакъ не касалась земли. Третій, съ голыми ногами, перепрыгивая черезъ нее, поднималъ съ земли лукъ и стрѣлы, натягивалъ лукъ и стрѣлялъ, и во все это время веревка ни разу не ударила его по ногамъ. Рассказывали, что есть смѣльчаки, прыгающіе такимъ образомъ и черезъ остріе палімы (Paljma), которою кто-нибудь, лежа на землѣ, машетъ изо всѣхъ силъ. Но самыя трудныя, или, по крайней мѣрѣ, самыя удивительныя вещи продѣлываютъ шаманы при магическихъ обрядахъ своихъ; но мы отложимъ разсказъ о нихъ до другаго случая.

Отъ тунгузскихъ юртъ остяціей князь повелъ насъ къ своимъ. Тутъ тотчасъ повѣяло на насъ добросердечіемъ, веселымъ и искреннимъ радушіемъ, почти обычнымъ въ низкихъ хижинахъ и подъ лохмотьями. Стоило взглянуть, съ какою искренностію привѣтствовали насъ въ своихъ бѣдныхъ юртахъ старики низкими поклонами. Женщины и кто помоложе, обнаруживали это привязываеиъ собакъ, выметаеиъ юртъ, наряжанеиъ. Наряжанье состоитъ главнымъ образомъ въ разчесываніи, и заплетеніи волосъ. Въ будни волосы у Остяка вносятъ въ дикомъ безнорядкѣ по плечамъ, лбу и самому лицу; но въ торжественныхъ случаяхъ ихъ обыкновенно разчесываютъ и подбираютъ—мушны въ одинъ пучокъ, а женщины въ двѣ плетенныя косы, спускающіяся по щекамъ. Кромѣ того, мушны надѣваютъ лучшія свои заячьи шубы, а дочери Эвы пестрыя длинныя рубашки съ небольшимъ воротникомъ, застегивающимся на груди. Князь нисколько не заботится однакожь о туалетѣ, не перемѣняетъ своей шубы съ проженной спинной, извиваясь неизмѣиъ другой, потому что въ прошлую зиму добылъ всего только 150 бѣлокъ, 4 соболей, да нѣсколько лисицъ, волковъ и дикихъ оленей. Ловъ дѣйствительно не большой; если возьмемъ въ соображеніе, что въ Енисейскомъ округѣ пудъ муки стоитъ 5 рублей ассигн., то какъ не извинить нѣсколькихъ дыръ на шубѣ. Къ тому же остяціей князь — прекрасный, рослый мушны, лицо у него такое благородное и доброе; войдемъ же въ его юрту и познакоимся съ его семействомъ. Дряхлый старикъ, отецъ князя, сидитъ за очагомъ и бормочетъ какія-то наставленія звумъ бойкимъ, здоровымъ мальчуганамъ—очевидно дѣтямъ послѣдняго; нѣсколько подалѣе, въ устномъ уголку, сидитъ княгиня, которая, чтобы скрыть свое смущеніе, произведенное нашимъ приходомъ, тотчасъ же принялась ласкать своего малютку. И она, хоть и княгиня, въ простой рубашкѣ, безъ всякихъ украшеній, кромѣ простоты

сердечной. Я занялъ указанное мнѣ мѣсто, по правую сторону очага, рядомъ съ княземъ, который въ тихомолку потягивалъ изъ бутылки съ водкою, вѣренной мною его попеченію.

Когда водка нѣсколько поразшевелила, врожденную Остякамъ флегму, князь началъ разсказывать мнѣ о своихъ походахъ и бѣдствіяхъ въ теченіе прошлой зимы. Бѣдный трудился изо всѣхъ силъ, и все безъ толку. Вмѣсто того, чтобъ спокойно валяться въ своей торфяной юртѣ, онъ, съ первымъ же снѣгомъ, отправился въ лѣсъ. Скитаясь по полямъ и дебрямъ, онъ даже и берестяную свою юрту разбивалъ лишь въ случаѣ крайней необходимости; обыкновенно же и ночи проводилъ подъ открытымъ небомъ, на снѣгу. Можно себѣ представить его горе, когда, пробродивъ цѣлый день и не добывъ даже и какой-нибудь бѣлой куроатки, онъ возвращался къ женѣ, ожидавшей его у разложеннаго огня. Небольшой запасъ муки и сушеной рыбы вышелъ прежде времени, и часто приходилось ить питаться мясомъ волковъ и другихъ хищныхъ звѣрей. Для перенесенія такихъ бѣдствій потребно, конечно, своего рода геройство.

Когда князь кончилъ повѣсть о бѣдствіяхъ настоящаго времени, отецъ его началъ говорить о временахъ прошедшихъ, когда лисицы выскакивали изъ каждаго куста, и въ каждомъ нѣтъ попадались соболи. Разсказы старика ясно показывали, что для него и собственная его юность преобразовалась уже въ сказочный сонъ, потому что, кромѣ удивительныхъ лововъ соболей, которые всякій разъ попадались ему въ такомъ же количествѣ, какъ рыба въ самый удачный ловъ,—онъ разсказывалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и о странствованіи боговъ по землѣ, о полетахъ шамановъ по воздуху, о явленіяхъ духовъ, о борьбѣ волшебниковъ такъ подробно, какъ будто самъ былъ очевидцемъ всего этого. Въ разсказахъ о религіозныхъ понятіяхъ его отцовъ было много интереснаго; на основаніи ихъ я замѣчу здѣсь только, что енисейскіе Остяки, хотя и христіане, все еще чествуютъ три могущественныя божества: 1) бога неба, именуемаго Es, 2) подземное божество женскаго рода, по имени Imlja, и 3) бога земли—медвѣдя. О семъ послѣднемъ Остякъ думаетъ, что онъ не звѣрь, какъ всѣ прочіе, что звѣриная шкура его только покровъ, подъ коимъ скрывается существо, имѣющее человѣчскій видъ, и одаренное божескою силою и мудростію. Такое же представленіе господствуетъ и между Тунгузами, Самоѣдами и всѣми финнскими народами; енисейскій Остякъ сверхъ того почитаетъ медвѣдя и стражемъ всего низшаго міра духовъ. Это значеніе медвѣдь раздѣляетъ съ Имлею, которая такъ же какъ и онъ, кажется, подчинена однакожь богу неба.

Послѣ этой краткой отлучки въ область прошедшаго, возвратимся къ

настоящему и пойдемъ смотрѣть на стрѣльбу изъ лука, на которую приглашаютъ насъ молодые сыновья князя. Молодежь выстроилась уже на полѣ въ рядъ, и жилистыми руками пробуетъ тетивы луковъ. За ними стоитъ рядъ цвѣтущихъ дѣвушекъ, приходшихъ смотрѣть на эту забаву. Весьма вѣроятно, что многіе изъ парней, попадая желѣзною стрѣлою въ указанную отдаленную ледяную глыбу, попадали другою иѣжнѣйшею въ сердца молодыхъ дѣвушекъ, и, на самомъ-то дѣлѣ, едва ли послѣдняя цѣль не была настоящею. Стрѣлы пускались и вверхъ, на воздухъ, и тамъ гонялись одна за другой какъ соколы. Съ восторгомъ слѣдили дѣвушки взорами за каждой ловко пущенной стрѣлою и приветствовали счастливаго стрѣлка протяжнымъ: hee! Какъ пріятно отдавался этотъ одобрителный крикъ въ ухахъ парня, показывала краска, выступавшая на щекахъ его. По окончаніи игры, я ждалъ олимпійской раздачи награды; но оной не послѣдовало; только мнѣ, ничего не дѣлавшему, сыновья князя подарили двѣ стрѣлы. Впрочемъ въ основѣ было, можетъ-быть, что-нибудь олимпійское въ хороводной пляскѣ, начавшейся за тѣмъ тутъ же. Она была совершенно подобна тунгусской, съ тою только разницею, что въ ней участвовали и дѣвушки, составляя однакожь отдѣльный полукругъ, потому что сѣверное цѣломудріе не дозволяло имъ соединить свои руки съ полукругомъ мужчинъ. Въ слѣдствіе этого, во все продолженіе пляски между двумя полукругами видѣлся постоянно промежутокъ.

Я пробылъ здѣсь два дни, и за тѣмъ продолжалъ свое путешествіе, съ немногими перерывами, до Туруханска. Берега Енисея населены попеременно Русскими и Остяками; первые имѣли избы и дворы, а послѣдніе только лодку и берестяную юрту. Все показывало, что, миновавъ устье Сыма, мы выѣхали уже изъ благословенной золотоносной области. Не говоря уже о бѣдственномъ положеніи Остяковъ, даже и Русскіе находились въ такой нищетѣ, что прикрывали наготу свою пестрыми остяцкими лохмотьями. Почти во всякой деревнѣ видѣлись покнутыя, развалившіяся избы, да и жилища-то по большей части были жалкія лачуги, съ крошечными оконцами, со слюдою вмѣсто стеколъ, съ деревянными трубами, и съ плоскими, низкими крышами, поросшими разными тайнообратными растеніями—единственными садами деревни. Въ этихъ лачугахъ я заставлялъ обыкновенно только больныхъ и дряхлыхъ, потому что способные къ работѣ занимались рыбною ловлею по берегамъ Енисея (1). Сія послѣдніе живутъ

(1) Въ сѣверной части Енисейскаго округа рыболовство главный промыселъ. Къ сѣверу отъ города Енисейска земледѣіемъ занимаются весьма мало. Во всей Андиферовской волости, которая простирается отъ устья Кеми на югъ, до Инзероваго зимовья на сѣверѣ т. е. верстъ на 600 въ длину, распахивается на какъ не болѣе 1000 десятинъ. Къ сѣверу отъ Назимовой розъ уже не сѣтся, и Ворогова послѣдняя деревня, въ которой сѣютъ ячмень. Раз-

въ это время, въ берестяныхъ юртахъ, въ шалашахъ изъ хворосту, или и просто на берегу, подъ открытымъ небомъ. Въ рыболовное время, по образу жизни они мало отличаются отъ туземцевъ. По крайней мѣрѣ и видѣлъ самъ, что всякій разъ, какъ вытянуть съть съ рыбою, они тотчасъ же распластывали нѣсколько живыхъ рыбъ и тутъ же, какъ чайки, съѣдали ихъ безъ хлѣба, безъ соли и безъ всякой приправы. Говорятъ, что употребленіе сырой рыбы предохраняетъ отъ господствующаго здѣсь скорбута; но я не думаю, чтобы русскій Сибирякъ только изъ одного этого оставилъ свою, такъ глубоко имъ чтимую хлѣбъ-соль. Настоящая, дѣйствительная причина этого—нужда, потому что Енисейскій съверъ, нѣкогда, благодаря обилію разнаго рода звѣрей, почитавшійся благословеннымъ краемъ Сибири, въ настоящее время поверженъ въ глубокую нищету размноженіемъ золотыхъ приисковъ и развившейся отсюда дороговизной всѣхъ жизненныхъ припасовъ. Отдаленный и бѣдный продуктами, Туруханскій край, которому золотые прииски не могутъ доставить никакого существеннаго вознагражденія, страдаетъ отъ нихъ наиболѣе. Чтобы спасти жителей его отъ голодной смерти, правительство рѣшило снабжать ихъ пищевыми средствами въ продолженіе всей зимы, конечно заимообразно, но едва ли они когда-нибудь уплатятъ этотъ долгъ.

Эти государственные нищіе образуютъ особенный микрокозмъ, не лишенный интереса для наблюдательнаго путешественника. Тутъ онъ встрѣтитъ и Русскихъ, и Поляковъ, и Татаръ, и Эстонцевъ, и Пермьковъ, и Остяковъ, и Самоѣдовъ, и Тунгузовъ и т. д. Въ религіозномъ отношеніи здѣшнее народонаселеніе раздѣляется на два главные класса: къ одному принадлежатъ православные греко-россійскаго исповѣданія, къ другому—духоборцы, скопцы, раскольники, католики, протестанты, Евреи, магометане, и всѣ поклонники самоѣдскаго, остяцкаго и тунгузскаго вѣрованій. Православные—большою частью люди, которыхъ въ Сибири обозначаютъ именемъ *несчастныхъ*, т. е. сосланные за воровство, контрабанду, побѣги и другія преступленія. Между ними попадаются и такіе, которые, если только вѣрить имъ, были господами и имѣли помѣстья; большая же часть ссыльныхъ въ туруханскомъ округѣ изъ крѣпостныхъ. Но теперь, несмотря на прежнее различіе состояній и отношеній, они всѣ почти совершенно равны, потому что несчастіе имѣетъ свойство уравнивать всѣ вѣшнія

веденіе картофеля простирается до Имбатска; рѣпа же, рѣдка и капуста родятся даже и въ Туруханскѣ. Главнымъ препятствіемъ для успѣховъ земледѣлія, кромѣ суровости климата, полагается безплодіе земли по правой сторонѣ Енисея, и низменное, подверженное наводненіямъ положеніе лѣвой стороны. Кромѣ того, говорятъ, что лѣвая сторона болотиста, и во многихъ мѣстахъ совершенно безплодна, такъ что селянину часто приходится съѣсть хлѣбъ въ 40 или 60 верстахъ отъ берега рѣки.

отношенія. Но за то въ нравственномъ отношеніи оно дѣйствуетъ весьма различно: иныхъ оно укрощаетъ, другихъ напротивъ ожесточаетъ. Грубые преступники обыкновенно обнаруживаютъ холодность, равнодушіе и законность, часто жалуются на несправедливое рѣшеніе и, вмѣсто смиреннаго раскаянія, наглы въ дерзки. Тѣ, которые не совсѣмъ еще законсѣли въ школь преступленія, мягче, порядочнѣе и постоянно тоскуютъ по родинѣ. Религіозные преступники несутъ, разумѣется, крестъ свой терпѣливо: они считаютъ себя мучениками за вѣру и ожидаютъ за свои страданія награды въ той жизни. Изъ нихъ особенно замѣчательны духоборцы. Къ нимъ невольно привлекаетъ самая физіономія ихъ, которой они рѣзко отличаются отъ большей части остальныхъ жителей этого края. Красивыя лица ихъ не обезображены даже морщинами и складками, отмѣчающими обыкновенно преступника. У духоборца чело постоянно ясное, открытое; онъ часто подымаетъ мечтательные взоры къ небу, часто видите вы его тихо молящагося въ обширномъ храмѣ природы, единственномъ, который у него есть, и который онъ признаетъ храмомъ. Во внѣшнемъ обращеніи онъ тихъ, простъ и молчаливъ. Онъ не хвастаетъ, подобно остальнымъ ссыльнымъ, своимъ прежнимъ, и не унижается до низкопоклонничества и льстивыхъ рѣчей, которыя такъ приторны въ устахъ природнаго Сибиряка. Онъ чрезвычайно трудолюбивъ, гостепріименъ безъ расчета, услужливъ и послушенъ во всемъ, что не касается до его религіозныхъ убѣжденій.

Разсчетливостью и трудолюбіемъ онъ даже и въ туруханскомъ краѣ добивается до благосостоянія, котораго не знаютъ остальные поселенцы, разсчитывающіе на скорое освобожденіе, и потому живущіе день за день. Последніе, кромѣ жалкаго жилья, не имѣютъ почти ничего необходимаго не только для удовольствія, но даже и для удобствъ жизни. У духоборцевъ, напротивъ, найдешь много и такого, чего никакъ не ожидаешь встрѣтить въ этихъ странахъ. Упомяну только объ ихъ садикахъ и огородахъ, богатыхъ прекрасными корневыми растеніями, цвѣтущимъ макомъ, астрами, гераніями и т. д. Болѣе нѣжныя растенія они держатъ въ горшкахъ; и я не разъ любовался, глядя, какъ какая-нибудь бѣдная ссыльная дѣвушка, съ нѣжностью ухаживаетъ за своими цвѣтками, которые, подобно ей, перенесенные подъ холодное небо сѣвера, вянутъ и блекнутъ.

Въ пустынѣ, въ которой мы теперь находимся, путешественнику чрезвычайно трудно отыскать себѣ покойный уголокъ, удобный для литературныхъ занятій. Даже и духоборцы, несмотря на свое трудолюбіе, живутъ въ низенькихъ хижинахъ; потому что въ туруханскомъ краѣ честный трудъ селянина едва едва приноситъ и столько, сколько нужно на удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ житейскихъ потребностей; куда жъ тутъ думать о постройкѣ порядочнаго дома. Есть, конечно, и тутъ два

или три зажиточные крестьянина, занимающиеся торговлею, у которыхъ есть и лишняя комната, убранная зеркалами, иконами и чайнымъ приборомъ; но я тотчасъ же убѣдился, что она только для показу, а отнюдь не для гостепримства.

При таковой безпріютности, какой радостью преисполняется сердце путешественника, когда, наконецъ, при впаденіи Нижней Тунгузки, онъ завидитъ стѣны монастыря. Естественно онъ надѣется, что вотъ здѣсь-то онъ положить свой странническій посохъ и отдохнуть отъ всѣхъ трудностей. Но и эта надежда обманывается, ибо въ старомъ развалившемся монастырскомъ зданіи едва находить себѣ уѣжище и съдовласый намѣстникъ. За симъ путешественнику остается только одно пристанище — страшный Туруханскъ, до котораго отсюда только верстъ тридцать. Чтобы разсѣять тоску, возбуждаемую близостью этого города, займемся на пути къ нему легендой, прославившей оставляемый нами монастырь.

Въ своихъ запискахъ о Енисейской губерніи, Пестовъ начинаетъ эту легенду, очевидно, невѣрнымъ извѣстіемъ, что городъ Туруханскъ или Мангазея, какъ онъ прежде назывался, въ 1600 году находился въ 400 верстахъ дальше къ сѣверу на берегу Енисея, тамъ, гдѣ въ настоящее время находится село *Хантайка* (1). Въ то время, говоритъ Пестовъ, городъ этотъ былъ въ цвѣтущемъ состояніи и имѣлъ много жителей. У одного изъ богатѣйшихъ кушцовъ города жилъ въ прикащикахъ герой легенды—Василій, по прозванію мангазейскій. Такъ какъ это былъ человекъ набожный, вѣрный и честный, то хозяинъ и ввѣрилъ его надзору все свое имущество. Случись же такое несчастіе, что въ одну ночь, когда Василій былъ въ церкви у заутрени, пришли воры, взломали анбары, и похитили большую часть имущества; купецъ заподозрилъ Василья въ стачкѣ съ ворами и предалъ его въ руки Воеводѣ съ тѣмъ, чтобы тотъ вынулъ у него признаніе. Юношу пытали, но онъ не захотѣлъ дать ложное противъ себя показаніе, и ожесточенный купецъ ударилъ его по головѣ такъ сильно, что онъ тутъ же упалъ мертвый. Его объявили закоснѣлымъ преступникомъ, и трупъ его былъ безъ всякихъ обрядовъ выброшенъ въ поле, на съденіе псамъ. Прошло послѣ этого событія слишкомъ полстолѣтія, какъ въ монастырѣ Св. Троицы, близъ Туруханска, произошло слѣдующее чудо. Настоятель и основатель монастыря—Тихонъ, ночью, стоя на молитвѣ, слышалъ голосъ съ неба, повелѣвавшій ему идти въ покинутую уже Мангазею и перенести оттуда къ себѣ въ монастырь земные останки невинно убіеннаго Василія. Тихонъ, всегда покорный велѣніямъ Господа, немедленно

(1) По Фишеру городъ Мангазея заложенъ въ 1601 году, при рѣкѣ Тазѣ, въ разстояніи отъ Туруханска около 600 верстъ.

собрался въ путь, и прошелъ простымъ странникомъ—богомольцемъ всю длинную, совершенно заглохшую дорогу въ Мангазею. Прибывъ туда, онъ увидалъ посреди снѣжныхъ сугробовъ цвѣтущую поляну, на которой лежалъ юноша, какъ будто только что сладко заснувшій. Склонивъ подлѣ него колѣни и помолвившись, старецъ взялъ на руки тѣло Василія и тотчасъ же отправился въ обратный путь, который, несмотря на жестокую зиму и глубокія снѣга, зеленѣлъ и благоухалъ цвѣтами и травами. Такъ прошелъ онъ безъ пищи и отдыха, не чувствуя ни голода, ни усталости. болѣе 1000 верстъ въ нѣсколько дней. Все это заставило полагать, что Василій—Божій угодникъ, каковымъ онъ и доселѣ почитается здѣшними жителями, хотя церковь и не причла еще его къ лику святыхъ.

Не пускаясь въ разборъ этой легенды, перейдемъ къ нашему первому вступленію въ Туруханскъ. По счастью вечеръ ясенъ и довольно еще свѣтелъ, и потому мы избавлены отъ опасности сломать себѣ ногу на гнилыхъ и скользкихъ доскахъ, образующихъ тротуары, или испытать наказаніе, которому, въ нашемъ финскомъ эпосѣ, старецъ Ванмейненъ подвергаетъ молодаго Юукахайнена, т. е. погрузиться по поясъ въ трясину; чему неминуемо подвергается здѣсь всякій, незнакомый съ мѣстностью путешественникъ даже и днемъ, если день дождливъ и пасмуренъ. Благодаря вышерѣченному обстоятельству, мы можемъ, напротивъ, пробираясь съ нѣкоторой осторожностью, обратить наше вниманіе на выдающіеся на улицу щипцы (фронтоны) избъ, на плоскія, покрытыя дерномъ крыши, на стѣны поросшія мохомъ и увѣшанныя сушеной рыбой, на окна, въ которыхъ стекла замѣнены бумагой, слюдой, или палмовымъ пузыремъ. Такъ какъ дворы ничѣмъ не отдѣляются отъ улицы: ни ворагами, ни заборомъ, то у каждаго дома насъ встрѣчаютъ страшнымъ лаемъ цѣлыя толпы злыхъ бѣдovýchъ собакъ, отъ которыхъ мы большею частію освобождались появленіемъ и громкимъ крикомъ какого-нибудь героя въ шерстистой оленьей шкурѣ и въ козацкой шапкѣ. Но кто проведетъ насъ мимо травояднаго сѣборища, совершенно заградившаго улицу нѣсколько подалѣе? Вотъ бѣжитъ женщина въ красномъ платьѣ, красныхъ башмакахъ и съ покрываломъ à la Jenisejsk: очевидно она поспѣшаетъ къ намъ на помощь. И вотъ мы на поросшей травой городекой площади, служащей настбишемъ для рогатаго скота. Тутъ представляются намъ новые виды, новые предметы для наблюденія. Кромѣ береговой улицы, передъ нами еще болотная улица или такъ называемый «Кокуй». Обѣ улицы одинаковой архитектуры и очень похожи одна на другую: вся разница въ томъ, что на первой живутъ богачи и знатные, на послѣдней, по-крайней мѣрѣ въ настоящее время, почти только бѣдняки. Хотя теперь городъ уже предсталъ предъ нами во всемъ своемъ величій, но мы касательно многого все еще въ совершенномъ не-

доумѣнн; потому что въ Туруханскѣ для прїѣзжаго не такъ-то легко отличить, напримѣръ, церковь отъ солянаго магазина, гаушвахту отъ кабака. Но мы не будемъ останавливаться на отдѣльныхъ предметахъ, тѣмъ болѣе, что это могло бы повести насъ къ слишкомъ серьезнымъ размышленіямъ о тлѣнности всего земнаго, и упомянемъ лишь о развалинахъ старинной церкви, о торговыхъ магазинахъ, грозящихъ разрушиться, о покривившейся часовой стрѣлкѣ на циферблатѣ Миддендорфа и проч. Изъ всѣхъ этихъ предметовъ самое прїятное впечатлѣніе, безъ всякаго сомнѣнія, производятъ нѣсколько самоѣдскихъ юртъ, разбросанныхъ по берегу.

Я прїѣхалъ въ Туруханскъ во время ярмарки. Ярмарка эта, сама по себѣ ничтожная, имѣетъ для жителей города великую важность; потому что кто теперь не запасется сахаромъ, который енисейскіе купцы продаютъ по 2 р. 50 к. за фунтъ, тому придется зимою платить за него по 6 рублей своимъ прїятелиамъ. Но главнѣйшее значеніе этой ярмарки заключается въ томъ, что на нее съѣзжаются окрестныя туземцы, между прочимъ для взноса въ казну податей своихъ. Подать собирается заблаговременно княземъ рода или племени, а потому онъ могъ бы, конечно, явиться на ярмарку и одинъ, но и у Остяковъ и у Самоѣдовъ князь, въ общественномъ дѣлѣ, не является безъ многочисленной свиты. Именно это процессія енисейскихъ Остяковъ, баихинскихъ ⁽¹⁾, тазовскихъ ⁽²⁾ и каразинскихъ ⁽³⁾ Самоѣдовъ, ходившихъ въ странныхъ костюмахъ по улицамъ, и были для насъ самымъ замѣчательнымъ Туруханской ярмарки. Всѣ они почтили насъ своимъ посѣщеніемъ; спрашивали о здоровьи его Императорскаго величества, получилъ ли онъ прошлогоднюю подать и доволенъ ли онъ ею. Тѣ изъ князей, которые получили красные кафтаны и медали, просили передать ихъ глубокую признательность за эти дары и

(1) Баихинскіе Самоѣды живутъ по рѣкѣ Турухану и преимущественно по притокамъ его: Верхней и Нижней Баихѣ.

(2) Подъ тазовскими Самоѣдами мы разумѣемъ здѣсь не Юраковъ, а только два рода или племена: *Лимбель-гуль* и *Казель-гуль*, приписанные къ тымско-караконской управѣ. Только племя Лимбель-гуль посѣщаетъ Туруханскую ярмарку, и обыкновенно по среднему изъ трехъ путей, ведущихъ лѣтомъ отъ Таза въ Енисею. Они плывутъ вверхъ по рѣкѣ Кудосѣ и притоку ея *Покатка*, до волока, черезъ который перетаскиваютъ свои лодки въ озеро Баиху, и изъ него внизъ по Верхней Баихѣ плывутъ до Туруханска. Сѣверный путь изъ Мангазепъ—вверхъ по Волочанкѣ къ Ратилихъ и Туруханску, со времени перенесенія города оставленъ. Иногда Самоѣды прокладываютъ себѣ дорогу отъ Таза къ Енисею черезъ Налимье озеро.

(3) Каразинскіе Самоѣды, обыкновенно называемые Остяками, вмѣстѣ съ баихинскими и тымско-караконскими принадлежатъ къ южной вѣтви самоѣдскаго племени. Они распространены отъ Курейки вверхъ, и ихъ не должно смѣшивать съ другимъ каразинскимъ племенемъ, которое, вмѣстѣ съ хантайскими Самоѣдами и такъ называемыми подгородными, принадлежитъ къ сѣверозападной вѣтви. Юраки же принадлежатъ къ сѣверозападной.

общаніе и впредь исполнять свои обязанности такъ же исправно. « Если же царь-господь не доволенъ мною »—говорилъ мнѣ одинъ остяцкій князь— « то поклонись ему и попроси не отставлять меня, а сказать мнѣ только, что не доволенъ мною, и тогда я самъ передамъ мою должность тому, кто лучше меня ».

Но это онъ говорилъ такъ только; на самомъ же дѣлѣ почиталъ себя въ особенной милости у Его Величества, потому что ежегодно посылалъ въ гостинецъ царю-господу чернобурую лисицу. За сѣмъ, сдѣлавъ мнѣ нѣсколько вопросовъ касательно моего званія и заключивъ изъ моихъ довольно неопредѣленныхъ отвѣтовъ, что я не только не третій, но даже и не пятый человекъ послѣ государя, рѣшилъ, что онъ выше меня, и потребовалъ, чтобъ я поцѣловалъ у него руку; удовлетворился однакожь и тѣмъ, что я выпилъ стаканъ вина за его княжеское здорье.

За исключеніемъ нѣкоторыхъ тунгусскихъ семействъ, главный промыселъ всѣхъ туземцевъ, посѣщающихъ въ лѣтнее время туруханскую и другія ярмарки по Енисею,—рыболовство, хотя отчасти они занимаются также и звѣроловствомъ и скотоводствомъ. Они—Остяки и Самоѣды, но обыкновенно называются всѣ Остяками. Оба эти народа живутъ преимущественно по лѣвой сторонѣ Енисея, потому что, благодаря тихому теченію и судоходности рѣки ея, она для рыболовства гораздо удобнѣе правой, рѣки которой быстра, мелководна и почти совершенно не судоходна (¹). Но зато правая, гористая сторона богаче соболями, лисицами, дикими оленями и проч. и потому занята по преимуществу Тунгузами, главный промыселъ которыхъ—звѣроловство. Самоѣдскія же племена, занимающіяся оленеводствомъ (²), кочуютъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ тунгусскихъ и якутскихъ племенъ, по обильнымъ мохомъ тундрамъ береговъ Ледовитаго моря.

Въ экономическомъ отношеніи, изъ трехъ названныхъ народовъ наибольшимъ благосостояніемъ пользуются Самоѣды-олeneводы. За ними слѣдуютъ Тунгузы-звѣроловы; хуже всѣхъ живутъ такъ называемые Остяки. Нищета ихъ произошла, вѣроятно, отъ того, что они жили въ близкомъ соседствѣ съ колонистами, которые, конечно, не упускали случая пользоваться ихъ простотою и добросердечіемъ. Но это соседство было однакожь тѣмъ

(1) На правой сторонѣ Енисея Остяки-Самоѣды встрѣчаются только по Курейкѣ, по Нижней Тунгукѣ и по нѣкоторымъ меньшимъ рѣчкамъ. На лѣвой же сторонѣ они разсѣяны по Турухану, Байхѣ, Елогую, Дубчесу, Сыму, Тазу и по множеству ихъ притоковъ. За исключеніемъ тазовскихъ и байхинскихъ, почти всѣ остальные остяцкія и самоѣдскія племена занимаются рыболовствомъ вдоль лѣваго берега Енисея, отъ начала лѣта до августа; въ августѣ же—въ поименованныхъ притокахъ его.

(2) Юраки; хантайскіе, каразинскіе и подгорные енисейскіе Самоѣды; авамскіе и хатангскіе Самоѣды.

полезно, что, благодаря ему, Остяки далеко опередили въ образованіи какъ Тунгузовъ, такъ и самоѣдское населеніе тундръ. Какъ вообще все рыболовы, енисейскіе Остяки-Самоѣды страшно леопятны, вялы и лѣнны; отличаются однакожь отъ прочихъ туземцевъ болѣе кроткими нравами и тѣмъ, что хоть, по крайней мѣрѣ, на словахъ исповѣдуютъ христіанскую религію. Сѣверные Самоѣды коснѣютъ еще въ крайней грубости и невѣжествѣ. Одинъ ученый монахъ сообщилъ мнѣ рукопись, въ которой онъ производитъ Самоѣдовъ отъ Израилитянъ, въ доказательство чего ссылается на то, что они знаютъ десять заповѣдей; но какъ слабо въ нихъ это знаніе, свидѣтельствуетъ достаточно слѣдующій случай. Недавно былъ схваченъ и привезенъ въ Туруханскъ кочующій Самоѣдъ, убившій свою жену, и, какъ сказано въ дѣлѣ, съѣвшій ее (?). Когда, на допросѣ, судья спросилъ его, что побудило его къ такому преступленію, Самоѣдъ отвѣтилъ ему преспокойно: « я купилъ жену свою и заплатилъ за нее честно, а съ своей собственностью я могу дѣлать все, что мнѣ вздумается ». Почти такіе же ужасы рассказываютъ и про Тунгузовъ; Остяки-Самоѣды извѣстны напротивъ своей тихой и христіанской жизнью, несмотря на нищету ихъ. Сколько мнѣ извѣстно, въ последнее время между ними случилось только одно убійство. Вотъ какъ рассказывали мнѣ это дѣло: одинъ баихинскій Самоѣдъ занемогъ горячкою; бредъ его навелъ родственниковъ на мысль, что онъ одержимъ дьяволомъ. Пока происходили совѣщанія о томъ, какъ выгнать изъ него нечистаго, больной, къ счастью своему, умеръ; но вскорѣ за тѣмъ заболѣлъ одинъ изъ сыновей покойника, и тѣмъ же самымъ. Тогда все племя собралось на новое совѣщаніе, и мудрѣйшіе рѣшили, что нечистый перешелъ изъ отца въ сына и, безъ сомнѣнія, будетъ переходить такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока не истребитъ всѣхъ, если они заблаговременно порядкомъ не проучатъ его. Но добратся до нечистаго не такъ-то легко, потому что, по ихъ понятіямъ, онъ забирается въ самый нутръ больного. Надобно же было однакожь какъ-нибудь покончить съ нимъ. Вотъ они и надѣлали колевъ изъ осиноваго дерева, заострили ихъ и истыкали ими несчастнаго больного, который, разумѣется, тутъ же и умеръ; но за то съ тѣхъ поръ, какъ рассказываютъ, нечистаго и слыхомъ не слышать.

Литературныя занятія съ туземцами продержали меня въ Туруханскѣ отъ начала іюня до конца іюля, то есть все время года, которое въ другихъ мѣстахъ распространяетъ радость и благоденствіе; въ Туруханскѣ же отличается душливымъ зноемъ, безотвязными комарами и ежедневными грозами и дождями. Съ 20 іюля (2 авг.), а по русскому численію съ Ильина дня, бывающему въ это число, начинается, по народнымъ метеорологическимъ наблюденіемъ, новая пора. Обыкновенный комаръ мало по

малу пропадаетъ, уступая мѣсто другому, меньшему, но еще несноснѣйшему: рѣзкіе сѣверные вѣтры охлаждають воздухъ, небо хмурится и раздражается ливнями. Въ это время солнечный день уже рѣдкость и обыкновенно служитъ предвѣстникомъ грозы и непогоды. Трава желтѣетъ, деревья роняютъ листь, утки и гуся мало по малу начинаютъ отлетать. Туземцы, занимавшіеся въ теченіе лѣта рыболовствомъ въ Енисей, возвращаются въ лѣса или на тундры, и все торговые суда спѣшатъ войти въ пристань, безопасную во время грозныхъ бурь.

Въ это позднее время года отправился и я изъ Туруханска въ село Дудинку, находящееся въ 567 верстахъ ниже. Хотя мы и плыли въ довольно большомъ, крытомъ суднѣ, плаваніе наше было однакожь сопряжено съ большими трудностями и всякаго рода опасностями. Сѣверные вѣтры заставляли почти каждый день приставать къ пустыннымъ берегамъ, близъ которыхъ судно легко могло расшибиться о скалы и мели. Нѣсколько разъ ломался у насъ руль; разъ потеряли даже якорь, не говоря о другихъ меньшихъ бѣдахъ, случавшихся ежедневно. Ко всему этому, постоянные дожди не только испортили сѣтныя припасы и разныя дорожныя вещи, но имѣли еще вредное вліяніе на самое здоровье. Мы думали, что, плывя внизъ по рѣкѣ, мы и въ самомъ худшемъ случаѣ сдѣлаемъ эти 500 или 600 верстъ въ нѣсколько дней, а на дѣлѣ вышло иначе. Ниже Туруханска Енисей утрачиваетъ прежнюю быстроту, и путешественники, лишенные помощи самой рѣки принуждены въ этихъ безлюдныхъ мѣстахъ прибѣгать къ помощи собакъ. Къ мачтѣ или къ передней части лодки привязываютъ на длинной веревкѣ, смотря по надобности, отъ четырехъ до восьми собакъ, и одинъ изъ лодшниковъ гонитъ ихъ вдоль берега, стараясь сдерживать въ кучкѣ, что не такъ-то легко. Разумѣется, такое плаваніе чрезвычайно медленно: счастье, если съ утра до вечера удастся сдѣлать верстъ двадцать; при дурной же погодѣ, не проплывешь и десяти, даже и пяти. Тутъ путешественникъ можетъ, сколько ему угодно, любоваться раKITникомъ лѣвой стороны и елями правой, ледяными массами, сохранившимися кое-гдѣ еще отъ весенняго разлива, безчисленными стаями лебедей, гусей и дикихъ утокъ, которые, чуя близящуюся непогоду, съ тоскливымъ крикомъ улетаютъ съ тундръ. Вздумается прогуляться по мшистымъ прибрежнымъ холмамъ—всюду увидишь слѣды лисицъ, дикихъ оленей, волковъ и медвѣдей. Слѣды человѣческіе нѣсколько рѣже: если погода не слишкомъ уже дурна, черезъ день или черезъ два, пожалуй и доберешься до какого-нибудь такъ называемаго *зимовья*, обитаемаго обыкновенно русскимъ ссыльнымъ; но оно теперь пусто, потому что поселенцы занимаются рыболовствомъ и живугъ это время въ *лѣтвыхъ*, состоящихъ здѣсь изъ шалашей и жалкихъ курныхъ зачужекъ. Между Туруханскомъ

и Курейкою попадаются, кромѣ того, изрѣдка и берестяныя юрты, обитаемыя или бѣдной тунгузской семьей, или имбатскими Остяками, или верхнекараспискими Самоѣдами. Въ Шорохинскомъ зимовьѣ, въ 40 верстахъ ниже Туруханска, живетъ нѣсколько обрусѣлыхъ якутскихъ семействъ которыя по собственнымъ словамъ ихъ, лѣтъ 100 тому назадъ, перекочевали сюда съ рѣки Лены.

Въ 365 верстахъ ниже Туруханска есть зимовье, называемое *Плахина* и состоящее изъ трехъ жалчайшихъ лачужекъ. Не вдалекѣ отъ него князь тазовскихъ Юраковъ съ большею частью княжескаго рода разбилъ лѣтнія юрты, для того, чтобы по древнему обычаю ловить рыбу на Енисей. Съ цѣлью заняться нѣсколько этимъ племенемъ, я велѣлъ очистить для себя и моихъ спутниковъ одну изъ упомянутыхъ хижинъ, которая ничѣмъ не была лучше обыкновенной остяцкой юрты. Дневной свѣтъ проникалъ въ нее черезъ заклеенное бумагой отверстіе, въ пяденъ вышины, такъ слабо, что зачастую и днемъ приходилось работать со свѣчею, пламя которой безпрестанно колыхалось отъ вѣтра, врывавшагося въ щели ветхихъ стѣнъ. Еще несноснѣе былъ страшный дымъ, наполнявшій избу во время топки, безъ которой нельзя обойтись даже и въ это время года, т. е. въ началѣ августа. Но всего чаще мѣшали мнѣ работать вѣчные дожди. Несмотря на то, что дырявая крыша была по моему приказанію починена, при всякомъ нѣсколько сильномъ дождѣ—мнѣ приходилось не только припрятывать всѣ бумаги, но и самому защищаться отъ него, какъ на открытомъ воздухѣ. Ко всѣмъ этимъ помѣхамъ присоедините еще заботы о всѣхъ житейскихъ потребностяхъ.

Проживъ въ Плахинѣ три недѣли, я отправился отсюда въ Хантайское зимовье, находящееся въ 40 верстахъ дальше къ сѣверу, продолжалъ здѣсь свои занятія еще восемь дней, до самаго отбытія Юраковъ съ Енисея. Въ Хантайкѣ я былъ пріятно изумленъ избой съ порядочною печью и съ большими, хотя и не совсемъ цѣлыми, стеклами въ окнахъ. Въместо чернаго и противнаго рыбьяго жира (*Varka*), которымъ, въ случаѣ недостатка собственныхъ припасовъ, приходится питаться въ Плахинѣ, Игарскомъ и друг., въ Хантайкѣ подаетъ вамъ хозяйка горшокъ чистаго молока. Кромѣ того, Хантайка можетъ похвалиться и прекрасною природою, особливо по небольшому ручью, впадающему здѣсь въ Енисей: путешественникъ не будетъ раскаиваться, если потрудится пройти нѣсколько верстъ вверхъ по неровнымъ берегамъ его. Тутъ онъ долженъ проститься съ рошамъ, лугамъ, съ зеленью и цвѣтами, потому что слѣдующая за тѣмъ прогулка его будетъ, можетъ-быть, по тундрамъ Дудинки, а что онъ здѣсь откроетъ, кромѣ трясинъ, мшистыхъ холмовъ и ракитника,—этого я не успѣлъ еще открыть и въ продолженіе моего трехмѣсячнаго пребыванія на самомъ мѣстѣ

Толстый Носъ. 25 ноября (7 декабря) 1846.

16 ноября пріѣхали въ Дудинку нѣсколько Долгановъ, уговорившихся со мною свезти меня на своихъ оленяхъ въ Толстый Носъ. Одинъ изъ нихъ былъ христіанинъ и сильно удивилъ меня, ставъ, передъ отъѣздомъ, на колѣни передъ образомъ Божіей Матери и произнесши длинную молитву о моемъ благоденствіи. За тѣмъ меня усадили въ такъ называемый *балокъ*— сани, покрытыя оленьими шкурами и похожія на продолговатый ящикъ. Мы оставили Дудинку въ 10 часовъ утра, и когда, проѣхавъ 60 верстъ, я вылѣзъ черезъ узкое боковое отверстіе изъ моего ящика, пѣтухъ прокричалъ въ послѣдній разъ въ Замыловой. Это зимовье, подобно многимъ другимъ, находящимся ниже Дудинки, состояло изъ одной только маленькой избы, приналежавшей, какъ сказывали, какому-то енисейскому купцу. Въ настоящее время въ немъ жили семидесятилѣтняя старуха и мушпа, который, какъ только я взшелъ въ избу, бросился мнѣ въ ноги и въ самыхъ униженныхъ выраженіяхъ извинялся въ томъ, что онъ, будучи русскаго происхожденія, родился однакожь по ту сторону тундръ. Но такъ какъ, по моему, это было скорѣе достоинство, чѣмъ недостатокъ, то я и угостилъ его водкою и заставилъ рассказать мнѣ все, что онъ зналъ о нравахъ и обычаяхъ своей родины, Хатауги. Во время его разсказовъ изба наполнилась карасинскими Самоѣдами, которые, узнавъ отъ Долгановъ о моемъ скоромъ прибытіи, ждали меня въ зимовьѣ нѣсколько уже времени, чтобъ передать мнѣ, по выраженію князя ихъ, «свое горе». Испросивъ позволеніе сѣсть на полъ и закурить трубки, они начали мнѣ жаловаться на смотрителя магазиновъ Толстаго Носа, грозившаго послать всѣхъ енисейскихъ Самоѣдовъ на золотые пріиски, чтобы они тамъ заработали муку, за которую должны казнѣ нѣсколько уже лѣтъ. Убѣжденные, что неволя и тяжкая работа на пріискахъ уморятъ ихъ преждевременно, они рѣшились «лучше умертвить другъ друга, чтобъ по крайней мѣрѣ лечь въ странѣ отцовъ своихъ». И увѣряли, что они непремѣнно исполнять это ужасное рѣшеніе, какъ только удостовѣрятся отъ меня, что казакъ грозилъ имъ не отъ себя, а по распоряженію и приказанію высшаго начальства. Утверждать, что угрозы магазиннаго смотрителя рѣшительный вздоръ, я, разумѣется, не могъ; несмотря на то,

при помощи водки и ласковых словъ, мнѣ все-таки удалось однакожь усюконтить Самоѣдовъ на столько, что они не только оставили прежнее отчаянное намѣреніе, но и поднесли мнѣ нѣсколько песцовъ, въ знакъ того, что они довольны высшимъ начальствомъ.

Въ радости, что такъ хорошо удалось покончить это дѣло, я отправился въ слѣдующее утро далѣе, не спавъ всю ночь. Неприятность ѣзды, лежа подобно трупу въ узкомъ и темномъ ящикѣ, заставила меня переесѣть въ простые саши, за что и былъ наказанъ отморозомъ ножныхъ и ручныхъ пальцевъ и нѣкоторыхъ частей лица. Открывъ эту бѣду въ слѣдующемъ зимовьѣ, я возвратился въ мою темницу, въ которой и пролежалъ всю остальную часть дня. Поздно вечеромъ привезли меня, промерзшаго, въ Зелякинское зимовье, состоявшее изъ трехъ бѣдныхъ хижинъ. Въ одной изъ нихъ жила молодая женщина, обратившая на себя мое вниманіе и обращеніемъ и тонкою, хотя уже изношенною одеждою. Только что я спросилъ хозяина о ея состояніи, какъ она бросилась ко мнѣ въ ноги и стала умолять, чтобы я выслушалъ ее. За симъ послѣдовала длинная исповѣдь, сопровождаемая стонами и слезами и заключавшая въ себѣ печальное опроверженіе философіи брака Сары Видебекъ. Эта философія преобразовала сначала нашу молодую грѣшницу изъ бѣдной рабы въ знатную даму, а потомъ повергла ее въ бездну такой нищеты, что она, на колѣняхъ, должна была молить меня, чтобы я хоть чѣмъ-нибудь помогъ ей защитить юную жизнь ея отъ морозныхъ вѣтроръ моря. Я далъ несчастной, сколько могъ, и общалъ употребить все мои старанія для смягченія ея жалкой участи.

Изъ Зелякиной я выѣхалъ въ тотъ же вечеръ и къ утру прибылъ въ зимовье Казацкое. Напившись чаю, позавтракавши и пообогрѣвшись у огня, я велѣлъ прибить нѣсколько оленьихъ шкуръ къ мокрой стѣнѣ, рассчитывая отдохнуть здѣсь нѣсколько часовъ, чтобы возстановить силы, изнуренныя морозомъ, голодомъ и ночнымъ бдѣніемъ. Но только что я закрылъ глаза, какъ вошли въ избу два Самоѣда и развлекли меня пристрастнымъ торгомъ. У одного изъ нихъ были сынъ и дочь почти взрослые, у другаго—взрослый сынъ и дочь пяти лѣтъ. Родители рѣшили дружески, помѣнявшись дѣвочками, женить на нихъ сыновей своихъ; но тотъ, у котораго была взрослая дочь, требовалъ отъ отца малолѣтней дѣвочки придани, и изъ-за этого поднялся горячій и упорный споръ. Долго торговались они и наконецъ положили на томъ, что отецъ пятилѣтней дѣвочки вознаградитъ отца взрослой десятью оленями.

По окончаніи этой сдѣлки, я оставилъ Казацкое и въ слѣдующемъ зимовьѣ нашелъ избу, наполненную енисейскими Самоѣдами. «Что зна-

читать это самоѣдское переселеніе? » спросилъ я человека въ порыжеломъ княжескомъ кафтанѣ, и вотъ что отвѣтилъ онъ мнѣ: « Мы цѣлое лѣто жили на тундрахъ, ловили рыбу, дикихъ оленей, лисицъ и пр.; а такъ какъ теперь настала зима, и мы не можемъ переносить страшнаго холода на морскомъ берегу, то и идемъ въ лѣсъ, который защититъ покрайней мѣрѣ отъ вьюгъ и мятелей. Наши лѣтнія юрты мы разбиваемъ — продолжалъ князь—на Пясинскихъ тундрахъ, по рѣкѣ Турѣ (1); а зимою живемъ по близости Дузина зимовья, куда относимъ и наши подати. Насъ три рода или орды: хантайская (Самату), карасинская (Мунгаджи или Могоджи) и приписанная къ городу или подгородная (Бай) (2). Изъ этихъ родовъ, Пясинскія тундры посѣщаются въ значительномъ числѣ только карасинскими Самоѣдами. Вся орда Бай и большая часть хантайскихъ Самоѣдовъ—рыбаки, живущіе и лѣто и зиму по Енисею ». Сообщивъ мнѣ все это, князь принялся представлять мнѣ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ изъ собравшихся въ избѣ, и наконецъ попросилъ водки себѣ и друзьямъ своимъ. Я велѣлъ достать изъ санией бутылку съ водкою, но отъ сильнаго мороза водка замерзла. Поставили бутылку въ печку; но печка остыла уже до того, что водка не таяла. Мое предложеніе поставить бутылку въ холодную воду было отвергнуто изъ боязни, что бутылка лопнетъ и водка смѣшается съ водою. Наконецъ одинъ Самоѣд придумалъ, какъ пособить горю; схватилъ бутылку и давай катать ее по своему голому, гладкому, лоснившемуся отъ жира животу, и векорѣ водка потекла. Самоѣды громкими криками выразили свою радость и поручили мнѣ, когда возвращусь домой разсказать друзьямъ моимъ, что самоѣдская печка все-таки лучше русской, —что симъ и исполняю.

Угостивъ Самоѣдовъ водкою, я поѣхалъ дальше и тѣмъ же днемъ прибылъ въ зимовье Толстый Носъ, находящееся между 71 и 72° сѣверной широты. Это зимовье составляютъ четыре избы, одна другой хуже, въ настоящее время

(1) По этой рѣкѣ, впадающей въ Пясну, кромѣ енисейскихъ Самоѣдовъ живутъ еще одинъ родъ изъ племени Тавги. Два другіе рода Тавги, живутъ по самой Пяснѣ, а по Таймуру не менѣе пяти родовъ того же племени.

(2) Енисейскіе Самоѣды, какъ показываютъ самыя сіи названія, распространились прежде гораздо дальше на югъ. Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, они зимовали около Хантайки и приносили свои подати въ это зимовье. О карасинскихъ Самоѣдахъ извѣстно за вѣрное, что они прежде кочевали около Карасина зимовья; что же касается до орды Бай, то слѣды пребыванія ея въ окрестностяхъ Туруханска ясны въ названіи рѣки и села: Байха. Есть замѣчательное историческое извѣстіе о томъ, что орда Могоджи (по Фишеру: Моказе) кочевала во время завоеванія Сибири по рѣкѣ Тазу. Это, вмѣстѣ съ прежнимъ пребываніемъ орды Бай на Байхѣ, заставляетъ думать, что племя Тавги, къ которому должно причислить и енисейскихъ Самоѣдовъ, прежде распространялось болѣе на западъ; тоже было и съ Юраками и съ встрѣчающимся по Енисею вѣтвями южнаго самоѣдскаго племени.

совершенно занесенныя снѣгомъ. Внутри такъ скверно, что по стѣнамъ то течетъ вода, то превращается въ иней; ледяной вѣтеръ дуетъ въ щели стѣнъ и гнилаго пола. Во время же топки, производимой обыкновенно ночью, подвергаешься опасности или задохнуться отъ дыму, или простудиться отъ холоднаго воздуха, врывающагося въ отворенную дверь. Видя, что во всякомъ случаѣ невозможно работать при дневномъ свѣтѣ, едва-едва пробивавшемся сквозь ледъ, замѣнявшій стекла въ окнахъ, я велѣлъ закрыть сѣи послѣднія ставнями и живу въ вѣчномъ мракѣ, проводя большую часть дня по древнему финскому обычаю у печки.

Кстати о мракѣ, надо вамъ сказать, что съ половины ноября (стар. стил.) солнце исчезло и съ этого времени даетъ о себѣ знать только слабой краснотой на горизонтѣ. За то даже и въ самый полдень можно видѣть, какъ гуляетъ по небосклону мѣсяцъ, блѣдный и мрачный. Въ теченіи дня тундры облакаются большею частью въ сѣрый туманъ; съ наступленіемъ вечера туманъ исчезаетъ, и мѣсяцъ, звѣзды и всыхивающее сѣверное сіяніе обливаютъ необозримыя снѣжныя поля какимъ-то дивнымъ волшебнымъ блескомъ. Бѣднымъ странамъ сѣвера свѣтъ дается собственно ночью, потому что такъ называемый дневной свѣтъ, по крайней мѣрѣ въ Толстомъ Носѣ, такого мистическаго свойства, что, глядя на него, я всегда вспоминалъ пророчество о страшномъ султѣ.

Симъ оканчиваю я это донесеніе, извиняя скудное содержаніе его тѣмъ, что оно писано невдалекѣ отъ береговъ Ледовитаго океана.

ПИСЬМА.

1.

АССЕСОРУ РАББЕ

Туруханскъ 28 іюня (10 іюля) 1846.

Мнѣ пришло въ голову начать это посланіе, въ видѣ вступленія, разсказомъ о зырянскомъ крестьянинѣ Кирилѣ Григорьевичѣ Ротчевѣ, съ которымъ я познакомился нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ деревнѣ Ижмѣ. Кириллъ Григорьевичъ былъ однимъ изъ почтеннѣйшихъ лицъ въ деревнѣ: честный, правдивый, набожный человекъ, хотъ и не очень богатый, однакожь все-таки владѣлецъ небольшого кожевеннаго завода. Такъ какъ

онъ былъ извѣстенъ своей строгой честностью, то волость и выбрала его головою. Подъ его начальствомъ служилъ старшиною старшинный, испытанный другъ его, человѣкъ такого же образа мыслей и характера, какъ и самъ Кириллъ, но гораздо богатѣйшій его. Случилось однажды, что Кириллъ, пустившись въ какую-то смѣлую спекуляцію, запутался въ своихъ дѣлахъ до того, что никоимъ образомъ не могъ бы вынутаться съ честью, если бы другъ его, старшина, не поспѣшилъ ему на помощь и не выручилъ его изъ бѣды судою довольно значительной суммы. Векорѣ послѣ этого оба друга, разговаривая дружески, шли вмѣстѣ въ свое присутствіе. По дорогѣ Кириллъ замѣтилъ полѣнницу дровъ, складенную противузаконно на опасномъ, въ случаѣ пожара, мѣстѣ. Онъ поручилъ своему сослуживцу распорядиться очиткою этого мѣста, и наказавъ, что бы онъ непремѣнно въ тотъ же день, еще до наступленія вечера, являлся съ формальнымъ донесеніемъ объ исполненіи этого порученія, пошелъ въ присутствіе. Но день прошелъ, а о старшинѣ ни слуху ни духу. Тогда голова послалъ за нимъ своихъ разыскныхъ, и когда, по допросу, оказалось, что старшина не явился съ донесеніемъ по забывчивости и нерадѣнію, онъ велѣлъ, на точномъ основаніи закона, посадить его на три дня подъ арестъ. Когда арестованный отсидѣлъ свой срокъ, голова поспѣшилъ къ своему другу и, обнявъ его, со слезами произнесъ слова, которыя послужили мнѣ поводомъ къ этому введенію, а именно: «дружба дружбой, а служба службой». Съ перваго взгляда, пожалуй, покажется, что въ пользу дружбы Кириллъ могъ бы на этотъ разъ и поослабить нѣсколько свою ревность къ службѣ, но если принять въ соображеніе, что онъ дѣйствовалъ по крайнему своему разумѣнію и съ убѣжденіемъ, то, конечно, никто не рѣшится порицать его поступокъ. Такъ и я, касательно своей собственной особы, надѣюсь, что ни ты и никто изъ друзей моихъ, не сочтете охлажденіемъ съ моей стороны, если я, обремененный множествомъ дѣла, на сей разъ освобожу себя отъ дружеской обязанности отдать вамъ отчетъ о неважныхъ походахъ, испытанныхъ мною на пути изъ Енисейска въ пустынный Туруханскъ. Я окруженъ здѣсь Самодѣлами со всѣхъ концовъ свѣта, которые отнимаютъ у меня все время и не даютъ мнѣ заняться никакимъ другимъ дѣломъ. Они стеклись сюда изъ дальнихъ странъ для того, чтобы внести свои подати, сдѣлать кое-какія небольшія закупки и по пьянствовать. А тутъ ихъ, ни съ того ни съ сего, запраютъ съ совершенно трезвымъ человѣкомъ и заставляютъ склонять и сирягать. Само собою разумѣется, что они энергически протестуютъ противъ такого насилія и, между прочимъ, поставляютъ на видъ, что если ихъ не отпустить немедленно, то имъ съ женами и дѣтьми прійдется зимою умирать съ голоду. Жалкая наружность сѣтующихъ служить

самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что опасенія ихъ не лишены основанія. Вопючія, полувытертыя, висячія лохмотьями шубы, желтизна лицъ, глубоко ввалившіеся глаза, сильно выдающіяся скулы—все показываетъ, что несчастныя эти созданія ведутъ страшную борьбу съ голодомъ и нуждою. Если къ этому принять еще въ соображеніе, что лѣто настоящее жатвенное время ихъ, то дѣйствительно было бы въ высшей степени несправедливо отвлекать ихъ отъ ихъ промысловъ и занятій для какой бы то ни было цѣли, и потому я скорѣе рѣшусь провиниться передъ дружбою, нежели увеличивать бѣдствія этихъ несчастныхъ, и тѣмъ болѣе, что въ этой суетлѣ я едва успеваю справляться со множествомъ возложенныхъ на меня научныхъ порученій.

Кромѣ Русскихъ и ссыльныхъ разныхъ націй, по дорогѣ отъ Енисейска до Туруханска встрѣчаются еще Тунгузы, Самоѣды и енисейскіе Остяки. Тунгузы красивый, нарядный и щеголеватый народъ; ихъ, по справедливости, можно бы было назвать дворянствомъ Сибири. Они придумываютъ всевозможныя способы и средства къ украшенію своей наружности, содержатъ себя довольно чисто и опрятно, расчесываютъ и приглаживаютъ свои волосы, которыхъ не стригутъ, татуируютъ себѣ лицо и рядятся въ разные фантастическіе костюмы. Они любятъ пляску и гимнастическія упражненія, которыя придаютъ имъ ловкость и гибкость, весьма выгодно отличающія ихъ отъ неповоротливыхъ, неуклюжихъ Самоѣдовъ и Остяковъ. Изъ самоѣдскаго племени встрѣчаются между Енисейскомъ и Туруханскомъ только отдѣльныя лица и то въ весьма небольшомъ количествѣ; за то все племя, извѣстное подъ названіемъ енисейскихъ Остяковъ, сосредоточилось въ этой маленькой области. Енисейскихъ Остяковъ отнюдь не должно смѣшивать ни съ Самоѣдами, ни съ обьскими или угрскими Остяками. Кажется, они послѣдніе остатки нѣкогда многочисленнаго и могущественнаго племени, которое, въ борьбѣ противъ русскаго и татарскаго преобладанія, уменьшилось до нѣсколькихъ сотъ душъ. По характеру своему они весьма близко подходятъ къ намъ, Финнамъ: это добрый, тихій, мирный, бѣдный и нисколько не прихотливый народъ. Въ наружности ихъ монгольскія черты выступаютъ не такъ рѣзко, какъ у Самоѣдовъ или Тунгузовъ. Они ведутъ кочевую жизнь, занимаясь звѣроловствомъ и рыболовствомъ. По вѣроисповѣданію принадлежатъ къ православной церкви, они однакожь все еще придерживаются шаманства и поклоняются тремъ могущественнымъ богамъ, 1) богу неба, котораго они называютъ Эсъ, 2) богу преисподней, именуемому Имля и 3) богу земли—медвѣдю. Вотъ я и очутился въ области языческой теологіи, такъ сильно тебя интересующей; но пора сказать нѣсколько словъ и о настоящемъ мѣстѣ моего пребыванія,—Туруханскѣ.

При описаніи этого города мнѣ представляется та выгода, что я могу спрятаться за высокоуважаемый авторитетъ. Степановъ, бывшій красноярскій гражданскій губернаторъ, выражается объ немъ слѣдующимъ образомъ: «Туруханскъ лежитъ подь $65^{\circ} 54' 56''$ сѣверной широты и $105^{\circ} 12' 47''$ восточной долготы. Въ 1822 году онъ переименованъ въ посадь. Въ немъ одна кривая улица и нѣсколько домовъ, кое-какъ разбросанныхъ. Жители—казаки, мѣщане и промышленники: сѣхъ считается 305 душъ. Дурной воздухъ лѣтомъ, гнилая вода, плоское мѣстоположеніе, ветхія строения, отдаленность отъ населенныхъ мѣстъ—дѣлаютъ Туруханскъ однимъ изъ непріятнѣйшихъ поселеній». А во время Степанова городъ находился въ цвѣтущемъ еще состояніи. Тесерь здѣсь только четыре дома мало-мальски обитаемые. Одинъ изъ нихъ предоставленъ въ распоряженіе мнѣ и Бергстади, и мы были бы совершенно довольны имъ, если бы намъ только удалось какъ-нибудь уничтожить вонючій *pontus niger* оттаявшей болотной воды, подь поломъ. Впрочемъ, самый домъ хорошъ и опрятенъ, стѣны чисты, окна со стеклами; только съ сырой прохладностью его не могутъ примириться мои легкія. Надо, однакожъ, замѣтить, что эта влажная прохлада отнюдь не исключительная принадлежность дома: она господствуетъ здѣсь въ воздухѣ и поддерживается оттаивающими болотами и покрытыми снѣгомъ горами, на которыя я подь часъ поглядываю изъ окна, чтобы остудить ими разныя слишкомъ пламенные желанія. Въ настоящее время Туруханскъ ждетъ великаго торжества: прихода почты, имѣющей прибыть, по всей вѣроятности, недѣли чрезъ двѣ. Этого торжества, блескъ котораго, можетъ-быть, еще увеличится богатой свадьбою, мы съ Бергстади дождемся во всякомъ случаѣ, и за тѣмъ—на конецъ свѣта, который долженъ находиться по близости Толстаго Носа. Если пѣздка въ это Туле совершится благополучно, къ Рождеству я надѣюсь возвратиться въ Туруханскъ на собакахъ. Езисейскій гражданскій губернаторъ прикомандировалъ ко мнѣ, въ правожатые, казака, такого лихаго и отважнаго, что даже остяцкіе и самоѣдскіе князьки стоятъ передъ нимъ безъ шапокъ и величаютъ «взвшмъ благородіемъ». Итакъ за виѣшнюю мою безопасность не чего бояться, что же касается до здоровья, то надѣюсь, что и оно мнѣ не измѣнитъ.

АССЕССОРУ РАББЕ. (*)

Туруханскъ 13 (23) июля 1846.

Хотя прошло не много еще дней съ тѣхъ поръ, какъ я послалъ тебѣ письмо, собираясь, однакожь, выѣхать изъ Туруханска, не могу не поблагодарить тебя за присылку платья.

На прошедшей недѣлѣ праздновалась въ Туруханскѣ свадьба, о которой я говорилъ въ послѣднемъ письмѣ и которая, по всей вѣроятности, дастъ работу языкамъ на цѣлые полгода, потому что многіе остались ею весьма недовольны. Женщины жалуются, что имъ не объявили о днѣ ея заблаговременно; казаки обочлись на цѣлые поланкерка водки; иѣкоторыя почетныя лица города забыли пригласить. Кромѣ того, предъ вѣчаніемъ не было колокольнаго звона, отецъ невѣсты не присутствовалъ, женихъ (помощникъ полицеймейстера) былъ безъ шпаги и т. п. По всемъ этимъ причинамъ свадьбу почитаютъ незаконною и называютъ ее воровскою. — Во время свадебнаго торжества случилось другое не менѣе важное событіе: прибытіе окружнаго начальника, лицезрѣнія котораго Туруханскъ не удостоивался цѣлыя семь лѣтъ.

Самое же худшее, что я могу сказать о себѣ,—это то, что комары, жара и тупоумные Самоѣды выводятъ меня изъ всякаго терпѣнія. Вообще, благодаря Бога, я очень терпѣливъ, но, несмотря на то, случается все-таки, что какой-нибудь дурень, промучивъ меня цѣлое утро разными глуостями, доводитъ до того, что я сгоряча и съ досады выжесну ему въ лице стаканъ воды. И чтобы сохранить миръ и согласіе, всякой разъ я долженъ заглаживать это рюмкой водки, пригоршней табаку и ласковымъ словомъ. На дняхъ я подарилъ пострадавшему отъ меня Самоѣду топоръ. Это былъ такой рѣдкій и драгоценный подарокъ, что, принявъ его, бѣдняга растерялся совершенно и не зналъ, какъ выразить свою благодарность. Онъ хотѣлъ что то сказать, но не могъ произнести ни слова; пыталъ унасть мнѣ въ ноги, но узкіе штаны помѣшали. Въ отчаяніи онъ напалъ наконецъ на странную мысль—креститься на меня, и принялся креститься, но не такъ, какъ крестятся передъ образомъ, три, шесть или девять разъ: крещенію его не было конца. Въ другой разъ этотъ же самый Самоѣдъ, получивъ отъ меня пеньки на девять тетивъ,

(*) Оба письма къ ассессору Раббе, ради связи между ними, напечатаны здѣсь вмѣстѣ, хотя этимъ нѣсколько и нарушенъ хронологическій порядокъ

началъ описывать мнѣ, какъ всѣ другіе Самоѣды будутъ завидовать его счастью. «Какъ я ни бѣднѣю, прибавилъ онъ, однакожъ мои товарищи все таки прійдутъ просить у меня тетивы. А давать ли мнѣ имъ? Долженъ ли бѣдный человекъ дѣлиться съ своимъ близкимъ и потомъ самъ терпѣть нужду?» и т. д. Услышавъ этотъ монологъ, я рѣшился впредь быть не такъ щедрымъ, потому что въ Отче нашъ сказано: «и не введи насъ во искушеніе».

Р. С. Изъ Дудинки ты получишь отъ меня болѣе подробныя вѣсти, но, вѣроятно, не ранѣе декабля. — Вчера у насъ было почти 30° тепла, а нынче, 14 (26) іюля идетъ снѣгъ:

Kennst Du das Land, wo die Citronen blühen?

3

Доктору Ленроту.

Туруханскъ 28 іюня (10 іюля) 1846.

Какъ ни дорого мнѣ время, однакожъ я не могу не отвѣчать хотя нѣсколькими строками на письмо твое отъ 14 (26) апрѣля, полученное мною съ послѣднею почтою и доставившее мнѣ истинное удовольствіе. Благодарю тебя за медицинскій совѣтъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ могу сказать, что нынѣшнею весною мое здоровье гораздо лучше, чѣмъ было въ прошломъ году. Хотя холодный и сырой воздухъ Туруханска нѣсколько и тяжеловатъ для моей груди и возбуждаетъ временами сильный кашель; но кашель этотъ, если на него не обращаешь вниманія, проходитъ. Въ Туруханскѣ есть, между прочимъ, и очень хорошей врачъ, Полякъ, но я еще не имѣлъ нужды прибѣгать къ его помощи.

Въ Туруханскѣ я уже цѣлыя три недѣли. Все это время я былъ сильно занятъ Самоѣдами, которые собрались сюда со всѣхъ сторонъ для взноса податей. Такъ какъ въ Енисейскѣ я получилъ точныя свѣдѣнія о времени ихъ сборовъ и ярмарокъ, то я нарочно распредѣлилъ свои поѣздки такъ, чтобы мнѣ, какъ въ самомъ Туруханскѣ, такъ и въ другихъ лежащихъ при Енисейскѣ деревняхъ, всегда можно было заставить значительную часть разбѣяннаго по всему краю енисейскаго народонаселенія. Къ счастью всѣ Самоѣды, живущіе по отдаленнымъ и недоступнымъ рѣкамъ, говорятъ на томъ же самомъ нарѣчій, какъ и томскіе. Особенно это можно сказать о языкѣ тазовскихъ (Остяковъ-) Самоѣдовъ. По Тазу есть, впрочемъ, и другое нарѣчье, которое, однакожъ, кажется

тожественно съ обдорскимъ и можетъ быть изслѣдовано на Енисеѣ во всякое время года. Такимъ образомъ я могу вполне отдѣлаться отъ труднаго и продолжительнаго путешествія къ Тазу, если только позволить Академія. Предполагая, что съ этой стороны не встрѣтится никакихъ затрудненій, я намѣренъ, выждавъ прибытія почты, недѣли черезъ три выѣхать изъ Туруханска и продолжать свой путь внизъ по Енисею до мѣста, гдѣ найду удобнѣйшій случай для изученія сейчасъ упомянутаго тазовскаго нарѣчія. Окончивъ это, я проберусь еще далѣе, вереть за 700 или 800 ниже Туруханска, чтобы ознакомиться съ собственно такъ здѣсь называемымъ самоѣдскимъ, которое, какъ говорятъ, составляетъ совершенно особенный языкъ. Если окажется, что и этотъ языкъ можно изучить на Енисеѣ, то, можетъ-быть, я возвращусь въ Туруханскъ къ Рождеству. Что же касается до Туруханскаго края вообще, то едва ли мнѣ удастся разстаться съ нимъ ранѣе будущей весны, потому что, по инструкціи Шёгрена, мнѣ слѣдуетъ изслѣдовать и енисейско-остяцкій языкъ. Я не избавился бы отъ этого даже и въ случаѣ, еслибъ Бергстади—что было бы весьма для меня пріятно,—взялъ изслѣдованіе его на себя, потому что мнѣ, какъ отвѣтчику за эту экспедицію, все-таки нужно было бы приобрести о немъ какое-нибудь понятіе. Тунгусскимъ и якутскимъ языками въ это путешествіе я не могу заниматься, тѣмъ болѣе, что какъ письменныя, такъ и словесныя инструкціи прямо запрещаютъ мнѣ это. Миддендорфъ, какъ тебѣ, вѣроятно, извѣстно, собралъ объ этихъ языкахъ кое-какія данныя, которыя академія и передала для обработки Габеленду и Бёкингу.

Порученія твоего—подумать о значеніи финскаго двойнаго падежа, я не могъ исполнить, потому что это явленіе не встрѣчается въ языкахъ, которыми я здѣсь занимаюсь. Все, что я прежде говорилъ о *чистыхъ* и *глухихъ* (dunkeln) гласныхъ кажется, можно свести на законъ, что гласныя въ долгихъ слогахъ—чистыя, а въ короткихъ—глухія. Этотъ законъ примѣняется и къ шведскому языку, по крайней мѣрѣ относительно буквы *e*, напр. *lēva*—*жить*, и *lenna* или *lättna*—оставлять. Нѣтъ ли чего-нибудь подобнаго и въ финскомъ языкѣ.

— О Туруханскѣ нечего много говорить. Здѣсь нѣтъ ни одного купца, всего пять мѣщанъ и нѣсколько казаковъ, а изъ чиновныхъ людей: за-сѣдатель, врачъ и казацкій офицеръ. Дома почти все развалились; на улицахъ грязь по уши. Каяна (*)—столица въ сравненіи съ Туруханскомъ.

Извини, что письмо мое такъ тоще и прими въ соображеніе то, что много горячаго желѣза, которое нужно ковать.

(*) Тогдашнее мѣстопребываніе Ленрота.

СТАТСКОМУ СОВѢТНИКУ ШЕГРЕНУ.

Туруханскъ 17 (30) іюлі 1841.

Не помню, когда бы я былъ обрадованъ письмомъ такъ, какъ послѣднимъ вашимъ и пакетомъ съ деньгами отъ Академіи, полученными съ послѣднею, только что пришедшей почтою. Въ карманъ у меня оставался одинъ только рубль—вдругъ является почтальонъ и подаетъ два письма отъ моихъ финскихъ пріятелей. На вопросъ же: нѣтъ ли ко мнѣ казенныхъ пакетовъ, отвѣчаетъ отрицательно. Такой же отвѣтъ получилъ и мой казакъ въ самой почтовой конторѣ. Убѣжденный, что Академія не премѣнно отправила слѣдующую мнѣ сумму и что деньги, вѣроятно, украдены на дорогѣ между Енисейскомъ и Туруханскомъ, какъ это нерѣдко случается—я цѣлые полдня ломалъ себѣ голову надъ тѣмъ, что теперь дѣлать, и наконецъ рѣшилъ посоветоваться съ здѣшними властями. Вышедъ съ этою цѣлью изъ дому, въ самыхъ воротахъ я столкнулся съ другимъ почтальономъ, подавшимъ мнѣ бумагу—бумагу, извѣщавшую о прибытіи такъ нетерпѣливо жданныхъ денегъ. Я такъ обрадовался имъ, что цѣлый день не могъ ни ѣсть, ни работать; купилъ тотчасъ же для друзей моихъ, Самоѣдовъ, водки и табаку, подарилъ имъ топоры и тетивы, и день этотъ, будничный для другихъ, для насъ слѣзлся праздничнымъ. Кромѣ полученія денегъ меня сильно радовало и то, что вы не дѣлаете мнѣ никакихъ упрековъ, ни за мои этнографическія посылки, ни за черезчуръ уже нестрѣйный путевой отчетъ, отправленный изъ Томска, ни за мои поѣздки, ни за планы будущихъ путешествій. За послѣдніе я впрочемъ и не опасался ихъ, потому что ѣзжу не какъ литературный писатель, а какъ человѣкъ, одушевляемый цѣлю, общею и вамъ и Академіи—цѣлю изслѣдовать воиолѣ все, далеко распространенное самоѣдское племя. Къ тому же я убѣжденъ, что вы воиолѣ вѣрите и моей готовности и способности выполнить, какъ слѣдуетъ, все возложенное на меня. Несмотря однакожь на все это, я полагаю обязанностію, для успокоенія собственной совѣсти, отдавать отчетъ въ каждомъ днѣ проведенномъ мною въ Сибири, на службѣ Академіи. Такимъ отчетамъ, разумѣется, трудно придать какую-нибудь особенную занимательность—это не болѣе какъ счеты, писанные не цифрами, а словами, а потому и прошу какъ Академію, такъ и васъ об-

ращать тутъ вниманіе только на одну вѣрность счисленія. Особеннаго снисхожденія требуетъ это доносеніе, потому что, кромѣ разнообразнѣйшихъ хлопотъ приготовленія въ дорогу, мѣшаютъ не менѣ комары, страшная жара и головная боль.

Уѣзжая изъ Енисейска, я еще не рѣшилъ — сѣшпитъ ли мнѣ прямо въ Туруханскъ, нигдѣ не останавливаясь, или ѣхать не сѣша, знакомясь, мало по малу, съ енисейскими Остяками по дорогѣ. Эта нерѣшимость произошла отъ добытыхъ въ Енисейскѣ свѣдѣній, что все кочующіе въ Туруханскомъ уѣздѣ, Остяки и Самоѣды, доступны только въ лѣтніе мѣсяцы. Не трудно было тотчасъ же понять невозможность, въ теченіи одного короткаго лѣта, покончить изученіе обоихъ племенъ, но сначала я недоумѣвалъ — которымъ выгудѣ заняться прежде. Такъ какъ однакожь въ дорогѣ я убѣждался все болѣе и болѣе, что изученіемъ остяцкаго, можно заниматься и зимою, то и рѣшилъ наконецъ, послѣ долгаго колебанія, безостановочно продолжать путешествіе въ Туруханскъ, куда, какъ полагали, Самоѣды собрались уже. Только одни этнографическіе факты задерживали меня еще изрѣдка на одинъ какой-нибудь день на сборныхъ, такъ называемыхъ *суманнхъ* мѣстахъ Остяковъ. Большая часть кочевниковъ, разбившихъ свои станы на обыкновенныхъ ярморочныхъ мѣстахъ при устьяхъ Сыма, Дубчеса, Подкаменной Тунгузки и Елогуя, были Остяки и Тунгузы. — Самоѣдовъ встрѣтилъ я впервые въ верхнемъ Имбатскѣ при устьѣ Елогуя. Они называли свое племя Ирѣ-Гумъ (старые люди); сказывали: что, вмѣстѣ съ Тунгузами, владѣютъ рукавомъ Елогуя, который на ихъ языкѣ именуется Кѣльду (Köldu), — что зимою охотятся въ предѣлахъ тазовской области, — что по языку, правамъ и образу жизни, весьма сходны съ своими сосѣдями, живущими по Тазу. Все эти показанія оказались въ послѣдствіи вполне справедливыми. Превжній же планъ мой: подняться изъ Имбатска вверхъ по Елогую, и потомъ, какимъ-нибудь образомъ, пробраться къ Тазу, — я долженъ былъ оставить, узнать отъ Елогуйскихъ Самоѣдовъ, что этотъ путь рѣшительно невозможенъ, покрайней мѣрѣ лѣтомъ. За симъ я продолжалъ мое странствованіе вдоль по Енисею до Туруханска, куда и прибылъ 7 (19) іюня.

Банхинскіе или туруханскіе Самоѣды были уже тутъ; вскорѣ послѣ моего пріѣзда явились и карасинскіе и тазовскіе или тымско-караконскіе. При такомъ стеченіи народа, мнѣ, разумѣется, было довольно дѣла въ Туруханскѣ. До сихъ поръ я занимался однако по преимуществу тазовскими Самоѣдами, потому что они недоступнѣе другихъ, да и нарѣчіе ихъ, хотя въ сущности оно совершенно одно съ нарѣчіемъ банхинскихъ и карасинскихъ Самоѣдовъ, — гораздо чище. Изъ этого нарѣчія Клаиротъ сѣ-

лалъ пять особыхъ нарѣчій, означенныхъ въ его таблицахъ подъ рубриками: Мангазея, Туруханскъ, Тазъ, Карасей, и Лаакъ. Въ этомъ раздѣленіи нужно сдѣлать двѣ важныя поправки. Во первыхъ, кочующіе близъ Мангазеи Самоѣды, несмотря на его списокъ словъ, — чистые *Юраки*, потому что граница между тымско-караконскими и юракекими Самоѣдами рѣка Кудасей или самая тазовская церковь, отъ которой считается еще три дня пути до прежней Мангазеи, или такъ нынѣ называемой часовни. Во вторыхъ, Клапротъ сдѣлалъ огромный промахъ, составивши особенное племя изъ Лаакскихъ или Гусиныхъ Остяковъ, и поселивши его близъ обьскаго залива. Дѣло-то въ томъ, что названіемъ Лаакъ или Гусиныхъ-людей имбатскіе Остяки обозначаютъ вообще всѣхъ Самоѣдовъ, живущихъ по Тазу, Елогую и по притокамъ Ваха: Каралъ (Корелка), Кульюгану и Сабулу. Для объясненія же этого названія замѣчу, что какъ тымско-караконскіе, такъ и байхинскіе и карасинскіе Самоѣды распадаются на двѣ большія отрасли: Лимбель-гумъ, и Казель-гумъ; изъ коихъ (въ Тазовскомъ округѣ) первая принадлежитъ къ Караконской, вторая — къ Тымской управѣ. Названіе Казель-гумъ (Окунья люди) очевидно относится къ рѣкѣ Тыму, по самоѣдски *Kasel-ki* (Окунья рѣка), съ которой, по преданію, племя это переселилось на берега Таза. Караконскіе Самоѣды, какъ намекаетъ и самое русское названіе, пришли отъ рѣки *Káralg* или *Karol-ki* т. е. журавлиной рѣки (отъ Кага—журавль), и перемѣнили свое настоящее названіе *Karal-gum* (журавлиные люди) на *Limbel-gum* (орлиные люди). Весьма вѣроятно, что енисейскіе Остяки познакомились съ этимъ племенемъ прежде чѣмъ съ другими и назвали его *Гусиными людьми*, можетъ быть во избѣжаніе высокопарнаго названія: *Орлиные люди*, а можетъ быть и по какому нибудь другому поводу. Племя Казель-гумъ называетъ этихъ *орлиныхъ, гусиныхъ* или *журавлиныхъ* людей и *тетеревиными людьми* (*Sengel-gum*), — все это варіаціи одной и той же длинной птичьей исторіи.

По устраниеніи, такимъ образомъ, мнимыхъ нарѣчій лаакскихъ Остяковъ и мангазейскихъ Юраковъ, изъ пяти нарѣчій Клапрота, остаются еще три: тымско-караконское, байхинское или туруханское, и верхне-карасинское. Но и этого раздѣленія нельзя принять, потому что байхинскіе и карасинскіе Самоѣды пришли отъ рѣки Таза; говорятъ тѣмъ же самымъ нарѣчьемъ какъ и тазовскіе, за исключеніемъ нѣкоторыхъ вкравшихся руссизмовъ и незначительныхъ звукоизмѣненій, которыя можно встрѣтить почти въ каждой юртѣ. Всего этого Клапротъ, разумѣется, и не подозрѣвалъ, потому что большая часть указанныхъ имъ различій основаны или на опсказахъ (напр. *bese* вмѣсто *kuese*, *boggo* вмѣсто *korgo*), или на

неправильномъ сопоставленіи словъ (напр: *рука* и *указательный палецъ*), или на смѣшеніи различныхъ формъ слова.

Давнее мое предположеніе о возможной связи тазовскаго нарѣчія съ томскимъ подтверждается теперь на самомъ дѣлѣ въ гораздо болѣе степені, нежели я когда либо могъ думать. Вамъ покажется невѣроятнымъ (однакожь это вполне вѣрно), что тазовское нарѣчіе если не ближе, такъ по крайней мѣрѣ столь же близко къ нарымскому, какъ сіе послѣднее къ чулымскому. Познакомившись со всеми нарѣчіями Томской губерніи, немного найдешь уже здѣсь новаго и уклоняющагося. Несмотря на то, для большаго усовершенствованія себя въ самоѣдскомъ языкѣ, я рѣшилъ заняться здѣсь сѣвернымъ или тазовскимъ нарѣчіемъ серьезно, и занимался имъ цѣлыя шесть недѣль, ежедневно съ утра до вечера.

Черезъ нѣсколько дней всѣ находящіеся здѣсь Самоѣды уѣзжаютъ отсюда; вмѣстѣ съ ними отправаляюсь и я далѣе, внизъ по Енисею. Поѣздка къ Тазу теперь совершенно бесполезна, потому что въ Туруханскѣ я познакомился не только съ Самоѣдами живущими по берегамъ этой рѣки, но и съ живущими по отдаленнѣйшимъ ея притокамъ, каковы: Пяколы, Каралъ, Ширта, Ратта, и т. д. Правда, я не встрѣчалъ еще Юракковъ, но для нихъ однихъ не стоитъ ѣхать къ Тазу; ихъ нарѣчіе весьма сходно съ обдорскимъ, уже изслѣдованнымъ мною, да къ тому жъ его можно изучать и по Енисею, и даже съ болѣе удобными, нежели въ юракскихъ юртахъ по берегамъ Таза. Но, кромѣ неслыханныхъ трудностей и большой потеря времени, я отказался, по крайней мѣрѣ до времени, и по другимъ чисто ученымъ причинамъ, о которыхъ упомяну послѣ, отъ этой поѣздки, и вмѣсто того рѣшилъ продолжать мое плаваніе внизъ по Енисею съ цѣлю: 1.) возобновить сдѣланное уже здѣсь знакомство съ карасинскими Самоѣдами въ ихъ собственныхъ жилищахъ близъ Карасинскаго зимовья; 2.) познакомиться у Плахинскаго зимовья съ юракскимъ нарѣчіемъ; 3.) заняться собственно такъ называемымъ самоѣдскимъ въ Дудинѣ и Толетомъ Носѣ. Покончу ли занятія послѣднимъ на Енисеѣ, или потребуется еще поѣздка къ востоку—этого я еще не могу рѣшить. Во всякомъ случаѣ можете быть увѣрены, что я не пожалѣю труда, для исполненія честнымъ образомъ, даннаго мнѣ порученія.

Во все время моего пребыванія въ Туруханскѣ, здоровье мое было довольно сносно, хотя и жилъ въ сырыхъ комнатахъ, и діэтой не могу похвастаться. Я слишкомъ много ѣлъ и работалъ, и слишкомъ мало дѣлалъ движенія. Здѣшніе комары такъ докучливы, что несмотря на все желаніе, нѣтъ возможности гулять на чистомъ воздухѣ безъ сѣтки изъ лошаиныхъ волосъ, которой я просто не выношу, потому что и безъ нея страшно душно. Термометръ нѣрѣдко показываеъ отъ 25° до 30° Р.;

надобно однакожь замѣтить, что послѣ жару въ 30 градусовъ, бывшаго 13-го іюня, на другой день пошелъ снѣгъ и стало такъ холодно, что во всѣхъ домахъ затопили печи и всѣ надѣли шубы.

Занятія самоѣдскимъ языкомъ до сихъ поръ отнимали у меня столько времени, что о подробномъ путево́мъ отчетѣ мнѣ и подумать было некогда. А такъ какъ осенью едва ли можно будетъ что нибудь отправить изъ Дудинки, то я вѣроятно долгое время ничѣмъ и не обезпкою васъ.

Съ слѣдующей почтой посылаю въ Академію два ящика подъ № № 18-мъ и 19-мъ, съ разными вещами для этнографическаго Музея. Въ ящикѣ подъ № 18-мъ: тунгузскій лукъ и двѣ остяцкія стрѣлы, одна костяная, другая желѣзная. Стрѣлы я приобрѣлъ у енисейскихъ Остяковъ; онѣ, впрочемъ, ничѣмъ не отличаются отъ употребляемыхъ прочими Остяками, Самоѣдами, Тунгузами и многими другими сибирскими народцами. Въ ящикѣ подъ № 19-мъ находятся: 1) тунгузская зимняя шуба съ рѣки Сымъ; 2) якутскій лѣтній кафтанъ изъ Туруханскаго округа; точно такой же носятъ и туруханскіе Тунгузы; 3) тунгузскій нагрудникъ; 4) тунгузскія рукавицы; 5) тунгузская трубка; 6) гребень, употребляемый и Тунгузами и Остяками; 7) костяная пластинка, которой охотникъ прикрываетъ ручную кнеть, дабы при стрѣльбѣ изъ лука, тетива не повредила руки; она употребляется и Остяками, и Тунгузами, и Самоѣдами; 8) Самоѣдскіе очки; 9) гудокъ; этотъ инструментъ я встрѣчалъ только у баихинскихъ и карасвинскихъ Самоѣдовъ; 10) остяцкая шапка изъ окрестностей Имбатска: птицы наверху шапки нырки, которые у Остяковъ почитаются священными; 11) два остяцкія ящика изъ енисейской страны.

5.

Лектору Коллану.

Туруханскъ 17 (29) іюля 1846.

— Завтра я думаю пуститься въ настоящее полярное путешествіе въ сопровожденіи Бергстади и одного казака. Мы отправляемся въ Дудинку, небольшую деревушку при Енисей, верстахъ въ 500 ниже Туруханска. Тамъ я проведу всю осень въ изученіи разныхъ самоѣдскихъ нарѣчій, встрѣчающихся въ этомъ краѣ. Можно ли мнѣ будетъ возвратиться отсюда прямо сюда, или нужно еще будетъ предпринять нѣсколько поѣздокъ по тундрамъ,—этого я ни коимъ образомъ не могу опредѣлить впередъ. Во всякомъ случаѣ мнѣ предстоитъ теперь самая трудная и самая опасная

изъ всѣхъ моихъ поѣздокъ. Если, во время пребыванія моего въ странѣ енисейскихъ тундръ, вѣсти обо мнѣ будутъ доходить до васъ рѣже обыкновеннаго, то не смѣши считать меня погибшимъ, но вѣрь, какъ и я самъ вѣрю, что все кончится, какъ не лъзя лучше.

Вѣчные дорожные хлопоты не даютъ мнѣ времени наговориться съ вами на прощаньи; но надѣюсь, что ты будешь доволенъ и немногими словами, лишь бы они были сказаны отъ души. Поклонись Шнелъману и прочимъ друзьямъ.

Твой измерзшій братъ.

6

СТАТСКОМУ СОВѢТНИКУ ШЕГРЕВУ.

Дудинка, 10 (22) ноября 1846.

Отъѣзжая изъ Туруханска, я не имѣлъ времени изложить вполне, какъ бы слѣдовало, причины, побудившія меня отказаться отъ давно задуманной поѣздки къ Тазу и продолжать, вмѣсто того, странствованіе внизъ по Енисею въ Дудинку и Толстый Носъ. Кажется, я упомянулъ однакожь, что тазовскіе Самоѣды или такъ называемые Остяки пріѣзжали на лѣтнюю ярмарку въ Туруханскъ въ значительномъ числѣ, и что, въ теченіи шестинедѣльнаго занятія ихъ нарѣчіемъ, я нашелъ, что оно мало отличается отъ нарымскаго и еще менѣе отъ туруханскаго. Кажется, намернулъ также и на то, что, кромѣ Таза, Юраки живутъ и по Енисею близъ Плахиной и Толстаго Носа; что по Енисею встрѣчаются наконецъ и восточные Самоѣды (Клапротовы Тавги). Возможность изученія всѣхъ господствующихъ въ Туруханскомъ округѣ самоѣдскихъ нарѣчій на берегахъ самаго Енисея, убѣдила меня не тратить, такъ дорогаго для меня, времени на поѣздки въ сторону изъ которыхъ одна поѣздки къ Тазу взяла бы отъ 4 до 6 мѣсяцевъ. Къ томужь, въ Туруханскѣ я узналъ, что, въ язычномъ отношеніи, Самоѣды Тавги значительно отличаются какъ отъ западныхъ, такъ и отъ восточныхъ соплеменниковъ своихъ, и это заставило меня опасаться, что поѣздки къ Тазу оставитъ мнѣ слишкомъ мало времени для изслѣдованія языка Тавги. И теперь, проработавъ надъ нимъ почти три мѣсяца сряду, вижу ясно, что опасеніе это было вполне справедливо, потому что, и за устраненіемъ поѣздки къ Тазу, назначенный мнѣ срокъ пребыванія въ нижне-енисейской области слишкомъ коротокъ.

токъ. Согласно инструкціи, слѣдующимъ же лѣтомъ я долженъ начать антикварныя изслѣдованія въ Минусинскомъ округѣ. Языкъ Тавги, юракское и другія нарѣчія возьмутъ у меня все время до января или февраля; затѣмъ останется еще енисейско-остяцкое, особенности котораго потребуютъ столько времени, что мнѣ придется работать даже сверхъ силъ моихъ, чтобъ добиться возможности отправиться весною въ Минусинскъ. Переѣздъ же въ Минусинскъ весною кажется мнѣ необходимымъ какъ для успѣха самыхъ изслѣдованій, такъ и для поправленія моей груди. Прому васъ и Академію обратить вниманіе на все эти обстоятельства, и быть увѣрену, что польза науки, во всякомъ случаѣ, для меня выше всего.

Согласно съ намѣреніемъ высказаннымъ въ письмѣ изъ Туруханска, на пути въ Дудинку, я пробылъ почти цѣлый мѣсяцъ въ окрестностяхъ Плахиной и занимался юрацкимъ нарѣчіемъ, которое оказывается почти совершенно сходнымъ съ обдорскимъ.

23 августа (4 сентября) пріѣхалъ я въ Дудинку, и съ тѣхъ поръ непрерывно занимался авамско-самоѣдскимъ нарѣчіемъ или языкомъ Тавги. Теперь, почти совершенно окончивъ здѣсь мои разысканія касательно этого нарѣчія, я думаю отправиться черезъ нѣсколько дней въ Толстый Носъ, дабы познакомиться съ самыми сѣверными отраслями юракскаго племени. За тѣмъ мнѣ будетъ еще довольно работы съ енисейскими, т. е. приписанными къ городу (подгороднымъ), ниже-карасинскими и хангайскими Самоѣдами, которые не возвратились еще на тундры. Кончивъ съ этими, я возвращусь опять къ Енисейскимъ-Остякамъ. Можетъ быть мнѣ придется еще съѣздить и къ Нясной. У Хатангскаго же залива мнѣ нечего дѣлать, потому что, по увѣренію достовѣрныхъ лицъ, 19 податныхъ Самоѣдовъ, принадлежащихъ къ Хатангской волости, говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ съ авамскими.

Занимаясь Самоѣдами, я не забылъ однакожь порученія г-на Кешена относительно Долгановъ. Русскіе называютъ этимъ именемъ три небольшія якутскія племяни: 1) племя Dolgan, живущее по Хатангѣ, 2) племя Adjan, признающее и русское названіе: Жиганы, и 3) племя Dóngot, живущее, такъ же какъ и второе, въ разстояніи трехъ дней пути отъ Дудинки, близъ Нарильскихъ озеръ. Хотя эти племена и говорятъ чисто якутскимъ языкомъ, ученые и неученые, Русскіе и Самоѣды смѣшиваютъ ихъ съ Тунгузами. Сами же они ведутъ себя отъ трехъ братьевъ: Galkingá, Səkatín и Bijká, перекочевавшихъ сюда изъ якутской страны, и притомъ въ столь еще недавнемъ времени, что одинъ долганскій князь и теперь еще «курить изъ той самой трубки, изъ которой курилъ его предокъ, Галкинга». По этому позднему переселенію Самоѣды называютъ

и Долгановъ и Тунгузовъ Аііа, т. е. младшими братьями. Можетъ быть это прозваніе указываетъ и на то, что племена эти переселились сюда мирно, безъ всякой вражды съ Самоѣдами, выдающими себя за древнѣйшихъ обитателей страны и увѣряющими, что они старше даже Юраковъ, о которыхъ преданіе говоритъ, что они, въ противоположность Тунгузамъ и Долганамъ, вторгались въ предѣлы Самоѣдовъ страшной, опустошительной войною.

Но я можетъ быть возвращусь еще къ этому предмету: теперь же у меня отнимаютъ время другія, нетерпяція отлагательства заботы, къ каковымъ, между прочимъ, отношу и начатый мною пересмотръ моей недавно вышедшей Черемисской Грамматики. Я составилъ ее наскоро и вкратцѣ, и, къ несчастію, ее напечатали въ Финляндіи, прежде чѣмъ я успѣлъ просмотрѣть и исправить, отчего вкралась многія, весьма важныя опечатки пугающія читателя.

Бергстади болѣнъ нѣсколько уже мѣсяцевъ и, какъ кажется, сибирскимъ скорбутомъ. Въ послѣднее время его болѣзнь такъ усилилась, что онъ боится выходить на воздухъ. Вся надежда на одного только Бога, потому что врачебной помощи въ этой непризненной странѣ не сыщешь.

7.

АССЕССОРУ РАББЕ.

Дудинка 10 (22) ноября 1846 г.

Что я не отвѣчалъ раньше на четыре письма твои и не благодарилъ тебя за восемь пакетовъ, которые всѣ получилъ разомъ, — объясняется тѣмъ, что настоящее мѣстопробываніе мое, Дудинка, не имѣетъ никакихъ сообщений съ Туруханскомъ, который, въ свою очередь, составляетъ конецъ свѣта для почтовыхъ сообщений. И теперь я не имѣю въ виду никакой возможности отправить это письмо; но такъ какъ на дняхъ мнѣ предстоитъ довольно продолжительная поѣздка на тундры, то я оставляю здѣсь нѣсколько строкъ къ тебѣ, въ надеждѣ, что во время моего отсутствія представится какой-нибудь случай отослать ихъ въ вышеупомянутый городъ.

Есть пословица, что всѣхъ хорошихъ вещей бываетъ по три, изъ чего, кажется, слѣдуетъ, что четвертая непременно скверная. Я не имѣю однакожъ никакой причины жаловаться, хотя и нахожусь въ странѣ тундръ

четвертый уже разъ. Дудинка, настоящее мое мѣстопробываніе, лежитъ подь $69^{\circ} 40'$ сѣверной широты, 567 верстъ сѣвернѣ Туруханска. Деревня эта состоитъ изъ четырехъ маленькихъ избъ, расположенныхъ при рѣкѣ Дудинкѣ, въ пяти верстахъ отъ впаденія ея въ Енисей. Изъ числа избъ я исключаю однакожь принадлежащую къ деревнѣ каменную церковь, которая построена на берегу самаго Енисея и теперь, за неимѣніемъ священника, стоитъ безъ употребленія. Мы съ Бергстади принуждены довольствоваться старымъ сараемъ, который, при помощи печи, глины и девятнадцати образцовъ, возведенъ на степень жилого строенія. Но, къ сожалѣнію, ни печка, ни глина не защищаютъ насъ отъ суровыхъ сѣверныхъ вѣтровъ, врывающихся сквозь полъ и стѣны. По неоднократно повтореннымъ термометрическимъ наблюденіямъ оказалось, что температура на полу колеблется между $+2^{\circ}$ и $+4^{\circ}$ и никогда не поднимается выше $+5^{\circ}$, хотя бывали примѣры, что термометръ, поставленный на моемъ высокомъ письменномъ столѣ, показывалъ до $+26^{\circ}$. Не будучи врачомъ, я очень хорошо понимаю, что жизнь въ такомъ климатѣ не можетъ не повлечь за собою ревматизма и разныхъ другихъ недуговъ, а между тѣмъ, на переборъ всѣмъ теоріямъ, состояніе моего здоровья въ Дудинкѣ было на столько же удовлетворительно, какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ. Во все время моего трехмѣсячнаго уже пребыванія въ этой деревнѣ мнѣ прихворнулось только разъ, по причинамъ, которыя ты, какъ врачъ, имѣешь опредѣлить на основаніи нижеслѣдующей исторіи болѣзни.

Проживши два послѣдніе года въ болѣе мягкомъ климатѣ, я забылъ, что въ предѣлахъ полярнаго круга зима начинается уже въ концѣ сентября, и эта забывчивость была причиною, что въ нынѣшнемъ году я не запасся во-время необходимымъ даже въ комнатѣ, но довольно отвратительнымъ по своей косматости, самоѣдскимъ мѣховымъ одѣяніемъ. Между тѣмъ въ легкой европейской одеждѣ у меня безпрестанно зябли ноги и, по временамъ, чувствовалась ревматическая боль въ оконченѣвшихъ колѣнахъ, что совершенно естественно. Въ одинъ холодный октябрьскій день, сильно остудивъ ноги, я вдругъ почувствовалъ головокруженіе, головную боль и тошноту. Въ надеждѣ, что припадокъ этотъ пройдетъ, я попросилъ Самоѣда, моего учителя, набить себѣ трубку и подождать, пока я оправлюсь. Но трубка давно уже была выкурена, а я, вмѣсто оправленія, чувствовалъ себя все хуже и хуже. Въ какой-нибудь часъ времени болѣзнь одолѣла меня до такой степени, что я безъ чувствъ упалъ на полъ и пришелъ въ себя только по прошествіи четырехъ часовъ. Того, что я чувствовалъ за сѣмъ, не могу и описать: головная боль все усиливалась, началась сильная рвота и дыханіе сперло такъ, что я каждую минуту боялся задохнуться. И я самъ, и всѣ свидѣтели моихъ страданій были

увѣрены, что настала мой послѣдній часъ. Наконецъ, когда рвота прекратилась, мнѣ стало нѣсколько полегче; весь слѣдующій день пролежалъ однакожь въ постелѣ, а на другой день за тѣмъ оправился совершенно. Въ дополненіе къ этой исторіи болѣзни, могу прибавить только то, что, по мнѣнію вышеупомянутаго Самоѣда, олень, мяса котораго я переть этимъ съѣлъ довольно много, былъ вѣроятно зачумленъ.

Кромѣ этого болѣзненнаго припадка, я чувствовалъ временами какую-то слабость въ глазахъ; но это легко объяснить, и безъ всякой медицинской премудрости, тѣмъ, что четыре уже мѣсяца принужденъ работать при полусвѣтѣ, проникающемъ сквозь маленькія окна, въ которыхъ стекла замѣнены то наливовой шкурой, то слюдой, то бумагой. Здѣсь, въ Дудинкѣ, я сначала писалъ у окна, въ которое, вмѣсто рамы, вставлена была лучиная рѣшетка со вмазанными въ нее крѣ-какъ стеклянными верешечками; но, съ наступленіемъ зимы, я велѣлъ замѣнить ее, по здѣшнему обычаю, ледяными пластинками, которыя и свѣтлѣе и непродуваемѣе всѣхъ прочихъ употребительныхъ здѣсь оконныхъ снарядовъ. Конечно, и тутъ холодный вѣтеръ, распространяющійся отъ льда, имѣетъ вредное вліяніе на глаза, но въ настоящее время года это не важное неудобство, потому что почти весь день приходится работать при свѣчѣхъ и, слѣдовательно, можно занавѣшивать окна.

Вѣроятно тебѣ не безызвѣстно, что скорбутъ свирѣпствуетъ во всей сѣверной Сибири повально. Русскіе и туземцы предохраняютъ себя отъ него употребленіемъ сырой рыбы. Такъ какъ я мало вѣрю въ дѣйствіе этого лѣкарства и, кромѣ того, не привыкъ еще къ сырой пищѣ, которую Сибирякъ считаетъ лакомствомъ, то и стараюсь предохранить себя отъ этой ужасной болѣзни движеніемъ на открытомъ воздухѣ. Я думаю, что именно эти ежедневныя прогулки и поддерживаютъ до сихъ поръ мое здоровье; скверно только то, что они и въ Дудинкѣ, кажется, начинаютъ возбуждать такія же подозрѣнія, какъ и въ Устьцльмѣ. Ленивый полярный народъ никакъ не можетъ понять, зачѣмъ барину, безъ особенной, крайней нужды, ходить по тундрамъ, гдѣ нѣтъ ни дорогъ, ни тропинокъ, и гдѣ онъ въ случаѣ внезапно поднявшейся сильной непогоды неминуемо долженъ погибнуть. Не разъ меня уже и предостерегали отъ такихъ прогулокъ, пугая не только что непогодой, но и тѣмъ, что въ окрестностяхъ Дудинки водятся страшные чародѣи и чудовища. Однажды, когда мы, съ Бергстади, зашли дальше обыкновеннаго, — послали насъ отыскивать нѣсколько человѣкъ съ собаками; они возвратились, не отыскавъ насъ, и тогда вся деревня рѣшила, что мы похищены нечистымъ. Впрочемъ, въ этотъ разъ мы не подвергались никакой опасности; но нѣсколько дней тому назадъ, чародѣи тундры дѣйствительно хотѣли завлечь меня въ свои сѣти и похи-

тить. Углубившись въ размышленія, я отошелъ довольно далеко отъ дому, нисколько не обращая вниманія на направленіе, по которому шелъ. Такъ какъ день былъ тихъ и ясенъ, то мнѣ и въ голову не приходило, что могу заблудиться. Но вотъ, совершенно неожиданно, небо заволочлось тучами, поднялся сильный вѣтеръ и закрутилъ снѣгъ по тундрѣ. Удивленный, гляжу вокругъ и — не вижу ничего, кромѣ голыхъ снѣжныхъ полей. Только тутъ пробудилась во мнѣ мысль о возможности заблудиться, и я тотчасъ же рѣшилъ направить путь къ рѣкѣ Дудникѣ, въ полной увѣренности, что по ея теченію непременно доберусь до дому. Отыскать рѣку мнѣ казалось дѣломъ вовсе не труднымъ, но вскорѣ убѣдился въ противномъ и принужденъ былъ приступить къ опасной попыткѣ отыскивать дорогу къ деревнѣ по своимъ собственнымъ слѣдамъ. Само собою разумѣется, что бѣольшую часть ихъ занесло уже снѣгомъ; а слабые и безъ того трудно было разглядѣть при наступившихъ сумеркахъ. Но каждый разъ, когда я попадалъ на довольно глубокой слѣдъ, я замѣчалъ его чѣмъ-нибудь и бродилъ во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ, до тѣхъ поръ, пока находилъ другой такой же слѣдъ. Такимъ образомъ, мнѣ удалось наконецъ добратся до дому, въ чемъ я уже совершенно было отчаялся.

Дѣла, не терпящія ни малѣйшаго отлагательства, не позволяютъ мнѣ вдаваться въ статистическія и этнографическія подробности мѣста, гдѣ теперь нахожусь. Упомяну только, что здѣсь менѣе христіянъ, нежели язычниковъ, и что первые бѣольшую частью Русскіе, а послѣдніе Самоѣды, Юраки, Тунгузы, Якуты и Долганы. Изъ туземцевъ только Якуты имѣютъ жилища; прочіе же скитаются безъ крова по тундрамъ, гдѣ, говорятъ, уже вышѣшнюю осенью замерзли три несчастные Самоѣда. Какъ Русскіе, такъ и туземцы, занимаются охотою, рыбною ловлею, оленеводствомъ и торговлею; но послѣдняя, разумѣется, составляетъ монополію Русскихъ. Ею занимается и мой хозяинъ. Устроивъ огромную палатку на, еще огромнѣйшихъ, саняхъ и наполнивъ ее и, сверхъ того, еще несчетное множество другихъ саней разными мелочными товарами, онъ нынче выѣхалъ на тунды, съ тѣмъ, чтобъ возвратиться домой не ранѣе весны. Само собою разумѣется, что такія поѣздки можно предпринимать только на оленяхъ. Въ поѣздки не столь дальнія и не столь продолжительныя пускаются на собакахъ, употребляемыхъ здѣшними Русскими также для возки дровъ и для разныхъ другихъ хозяйственныхъ работъ. Лошадей къ сѣверу отъ Туруханска нѣтъ; коровъ я также не видалъ уже вѣскольکو мѣсяцевъ, а ось овцахъ и говорить нечего: онѣ нигдѣ не уживаются съ упряжными собаками. Коснувшись домашнихъ животныхъ, я долженъ еще упомянуть, что пѣтухъ кричить здѣсь въ Дудникѣ довольно прилежно, но есть ли

при немъ буры, — этого я не знаю. Вотъ все, что, на этотъ разъ, могу сообщить по статистической части.

Извини меня передъ Акиандеромъ, что я на этотъ разъ не могу отвѣчать на его письмо и благодарить его за прекрасное разсужденіе о теоріи звуковъ финнскаго языка. Миѣ хотѣлось бы передать ему нѣсколько разныхъ замѣчаній; но не могу положительно сказать, когда улучу на это время. Поклонись и другимъ друзьямъ отъ твоего затундринскаго брата.

ПУТЕВОЙ ОТЧЕТЪ.

Енисейскъ, 22 марта (3 апрѣля) 1847 г.

Толстый Носъ былъ поворотнымъ пунктомъ моего путешествія къ сѣверу вдоль береговъ Енисея. Дальше миѣ не за чѣмъ было ѣхать, потому что тамъ, въ зимнее время, не встрѣтишь уже ни одного туземца; попадаются только кое гдѣ поселенцы. Даже близъ самаго Толстаго Носа, изъ туземцевъ или такъ называемыхъ здѣсь Азіатовъ, живетъ только одинъ юракскій родъ, называющій себя Ламбай, и извѣстный у Русскихъ подъ именемъ береговыхъ Юраковъ (1). Говорятъ, что этотъ родъ перекочевалъ на Енисей изъ Обдорскаго края, гдѣ, безъ сомнѣнія, жилъ въ близкомъ сообществѣ съ тазовскими Самоѣдами. Это я вывожу изъ языка береговыхъ Юраковъ, который до малѣйшихъ подробностей сходенъ съ тазовскимъ нарѣчьемъ; отъ обдорскаго же нѣсколько уклоняется. Такимъ образомъ, такъ какъ я еще прежде проникъ уже отчасти въ таинство тазовскаго нарѣчья, зимовье Толстый Носъ представило миѣ весьма мало новаго и замѣчательнаго въ лингвистическомъ отношеніи; за то поѣздка сюда была весьма полезна въ этнографическомъ, потому что береговые Юраки сообщили миѣ подробнѣйшія свѣдѣнія о самоѣдскихъ племенахъ, которые кочуютъ близъ устья Таза и принадлежать Енисейской и Тобольской губерніямъ.

Еще въ концѣ ноября воротился я изъ Толстаго Носа въ главную свою квартиру—въ Дудинку. Здѣсь, во время моего отсутствія, собралось много Самоѣдовъ, какъ по собственнымъ, такъ и по казеннымъ дѣламъ. Съ этими

(1) Русское названіе, принятое и въ наукѣ, основано на томъ, что эти Юраки въ теченіи лѣта занимаются рыболовствомъ по берегамъ Енисея. Осенью, по общему обычаю Самоѣдовъ, они кочуютъ по тундрамъ и ловятъ песцовъ, дикихъ оленей и др., а зимою живутъ по Хетъ и Соленой, подъ защитою рѣдкаго лиственнаго лѣса, который еще растетъ по этимъ рѣкамъ.

Самодѣлами я провѣрилъ все прежде сдѣланныя мною въ Дудинкѣ замѣтки, и убѣдился вполне, что между семью самоѣдскими родами, кочующими по Пясной и еще дальше на востокъ по Таймуру, въ лингвистическомъ отношеніи нѣтъ никакого существеннаго различія. Поэтому я и счелъ себя въ правѣ освободить себя отъ давно-задуманной поѣздки къ Пясной и приступить наконецъ къ изученію языка и этнографіи Енисейскихъ-Самодѣдовъ; съ этой цѣлью я выѣхалъ въ началѣ декабря изъ Дудинки въ Лузину, а отсюда, пріисклавъ здѣсь нѣсколько хорошихъ толмачей, — въ Хантайку.

Въ Хантайкѣ я надѣялся найти жилье болѣе теплое, спокойное и здоровое, нежели въ Лузинѣ; но, къ сожалѣнію, жестоко обманулся. Хантайская изба, свѣтлая и удобная лѣтомъ, была теперь, несмотря на печь и четыре окна со льдинами вмѣсто стеколъ, почти такъ же холодна и темна, какъ самоѣдская берестяная юрта. Сырость внутри была такъ сильна, что вода текла по внутреннимъ стѣнамъ, хотя, для предотвращенія этого, наружныя и были сбиты толстыми шкурами. Я обиль стѣны подлѣ моей постели рогожами, и они такъ примерзли къ стѣнѣ, что потомъ надо было отдирать ихъ кусками. Почти такая же участь постигла и платья, которыя мы имѣли неосторожность повѣсить на стѣну. Само собою разумѣется, что отъ такой сырости въ избѣ было и угарно; но всего болѣе донималъ меня страшный дымъ во время топки печи; такъ въ ночь подъ новый годъ онъ не только, что поднялъ меня съ постели, но и выгналъ въ лѣсъ.

Въ такомъ жильѣ просидѣлъ я цѣлыя три недѣли, занимаясь при сальной свѣчкѣ, горѣвшей съ утра до ночи, двумя енисейско-самоѣдскими нарѣчіями, изъ коихъ однимъ говорятъ хантайскіе и карасинскіе, другимъ — приписыве къ городу или байскіе Самоѣды. Оба эти нарѣчія близки къ языку Тавги или авамско-самоѣдскому и различаются немногими мелочами. Оба они часто намекаютъ на сосѣдство Юраковъ или туруханскихъ Самоѣдовъ. Кроме того, байское нарѣчіе, кажется, заимствовало кое-что и изъ языка Енисейскихъ-Остяковъ.

Ислѣдованіемъ енисейско-самоѣдскихъ нарѣчій завершились мои занятія въ Туруханскомъ полярномъ краю, и я отправился назадъ въ знаменитый городъ Туруханскъ. Какъ пріятель даже звукъ слова «Туруханскъ», когда проживешь полгода на тундрахъ, не вида солнечнаго свѣта въ теченіи двухъ мѣсяцевъ! Въ Туруханскѣ солнце свѣтитъ ежедневно; здѣсь можно даже у себя въ горницѣ пользоваться дневнымъ свѣтомъ, потому что здѣсь есть по крайней мѣрѣ четыре дома со стеклами въ окнахъ. Отъ нетерпѣнія скорѣе добраться до озаряемаго солнцемъ города, я рѣшилъ, противъ своего обыкновенія, ѣхать днемъ и ночью; но это рѣшеніе было уничто-

жено въ первую же ночь, плачевнѣйшимъ образомъ. Въ потемкахъ, Самоѣдъ, везшій меня, не замѣтилъ, что Енисей далеко залитъ былъ водой, выступившей изъ-подъ льда, мѣстами растрескавагося. Въѣхавъ въ воду, олени не могли уже вытащить сани на берегъ и мы силѣли, буквально примерзшія къ рѣкѣ, безъ всякой надежды на какую-нибудь помощь и съ опасностью не только что-нибудь отморозить, но и замерзнуть совершенно. Изъ этой бѣды выручила насъ чистѣйшая случайность. Въ Туруханскъ пришло на мое имя нѣсколько пакетовъ изъ Академіи: изъ уваженія къ сей послѣдней ихъ отправили ко мнѣ съ нарочнымъ, который, какъ нарочно, наткнулся на насъ именно въ эту бѣдственную ночь. Онъ не только помогъ намъ выбраться изъ рѣки, но и проводилъ въ самоѣдскую берестяную юрту, въ которой я и провелъ остатокъ ночи, отогрѣваясь чаемъ и содержаніемъ полученныхъ писемъ. И все-таки приключеніе это не обошлось даромъ — одинъ Самоѣдъ отморозилъ себѣ ноги, а другой, посланный отыскивать помощь — пропалъ, къ величайшему моему горю, безъ вѣсти.

Вообще переѣздъ изъ Хантайки въ Туруханскъ былъ непрерывный рядъ разнообразнѣйшихъ непріятностей, затягивавшихъ путешествіе до того, что я рѣдко дѣлалъ болѣе 20 или 30 верстъ въ сутки. То обрывалась возжа, то что-нибудь ломалось въ саняхъ, то теряли слѣдъ, то олени утомлялись, и не рѣдко приходилось идти нѣшкомъ до ближайшей станціи — обыкновенно разваливагося зимовья, въ которомъ не находили ничего для подкрѣпленія силъ, кромѣ развѣ тепла, да и то не всегда (1). Можете вообразить мою радость, когда въ половинѣ января, сидя въ маленькихъ саняхъ, запряженныхъ шестнадцатью собаками, я въѣхалъ наконецъ въ Туруханскъ.

Въ Туруханскѣ я пробылъ только три дня, и не оправившись еще совершенно, чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ, потащился въ Енисейскъ. Дорогою мои занятія состояли въ изученіи двухъ нарѣчій енисейско-остяцкаго языка: имбатскаго и сымскаго. Тутъ я имѣлъ возможность убѣдиться въ справедливости писателей, утверждающихъ, что этотъ языкъ значительно уклоняется отъ языковъ финнско-самоѣдскихъ. Въ немъ есть, конечно, многія черты, общія какъ съ самоѣдскимъ, такъ и съ угреко-остяцкимъ; но я все-таки не могу не признать его отрывкомъ особеннаго семейства, сродство котораго съ финнско-самоѣдскими языками весьма дальнее. Енисейско-остяцкій языкъ нѣчто въ родѣ китайскаго, не имѣющее полной флексіи (Flexion); онъ любитъ переносить корневой слогъ

(1) Въ нынѣшнемъ году въ Туруханскомъ округѣ нищета дошла до неслыханныхъ размѣровъ, потому что казна должна была уменьшить прежнія вспомоствованія жителямъ. Цѣна на муку поднялась до того, что даже въ Енисейскѣ ее продавали по 7 р. 50 к. за пудъ.

въ конецъ слова, а когда необходима флексія, то она происходитъ сама собою въ началѣ, либо въ серединѣ слова, такъ напр. *dagafuot*, *kagafuot*, *dagafuot*—я жду, ты ждешь, онъ жлетъ (корень *fuot*, финн. *ootan*). Несмотря на простоту формъ, по безчисленности буквоизмѣненій, енисейско-остяцкій языкъ — капризистѣйшій изъ всехъ, какіе мнѣ приводилось изучать.

Степановъ упоминаетъ объ одномъ преданіи, въ которомъ говорится, что Остяки пришли на Енисей съ Таза, а можетъ быть также и съ Иртыша. Преданіе это основывается, вѣроятно, на томъ, что тазовскіе Самоѣды изъ рода Лимбель-гумъ поселились на Енисей и за тѣмъ, мало по малу, слились съ Енисейскими-Остяками. Полагаютъ, что и два другіе рода между сымскими Остяками образовались, отъ такого же сліянія. Основываясь на существующихъ преданіяхъ объ остяцкой колонизаціи — между сымскими Остяками три, а между имбатскими только два настоящіе остяцкіе рода ⁽¹⁾. Но и эти пять родовъ, по достовѣрнымъ, хотя менѣе распространеннымъ, преданіямъ, сводятся къ двумъ родамъ, изъ коихъ одинъ называется *Kanas-ket*, множ. число *Kan-djeäng* — Канскій людъ, а другой *Ulj-get*, множ. число *Ulj-djeäng* — Ульейской людъ, собственно Водяной людъ. Не трудно вывести, что подъ названіями *Kan* и *Ulj* разумѣются рѣки *Кана* и *Улукема*, впадающія въ Енисей съ права, въ верхнемъ его теченіи. Кромѣ этихъ названій, преданіе приводитъ и то, что Остяки пришли отъ истоковъ Енисея. Рассказываютъ даже о высокомъ не переходимомъ горномъ хребтѣ (Алтай), который разсѣлся, и что за тѣмъ, черезъ образовавшуюся такимъ образомъ разсѣлину, Остяки продолжили себѣ дорогу въ Сибирь.

Таковы слышанныя мною преданія; они не объясняютъ однакожь происхожденія угрскаго элемента, замѣтнаго въ енисейско-остяцкомъ языкѣ. Всего легче объяснить это предположеніемъ, что угрскіе переселенцы пришли съ Оби и слились съ Енисейскими-Остяками. На это предположеніе даетъ намъ право преданіе, по которому родъ *Chaibang* жилъ прежде на «большой рѣкѣ» (Оби или Вахѣ), въ сургутской сторонѣ». Конечно это преданіе противорѣчитъ самому себѣ тѣмъ, что родъ этотъ почитаетъ самоѣдскимъ и прямо называетъ его *Limbel-gur* ⁽²⁾; но можетъ быть противорѣчіе это происходитъ отъ какого-нибудь смѣшенія рода *Chaibang* съ родомъ *Imljaken*, пришедшимъ съ Таза.

Какъ бы то ни было, это рѣзко выступающее сродство съ угрско-

(1) По церковнымъ книгамъ, всехъ Остяковъ на Енисей 904 души, мужскаго и женскаго пола.

(2) Лимбель-гуръ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ рѣчной системѣ Таза.

остяцкимъ языкомъ, частью первоначальное, по преимуществу же возникшее отъ сляній, заставило меня заняться енисейско-остяцкимъ языкомъ подробнѣе, нежели я предполагалъ прежде. Постоянно собирая, я до сихъ поръ не могъ еще привести моихъ замѣтокъ въ систематическій порядокъ; но примусь за это тотчасъ же по прїѣздѣ въ Минусинскъ, куда отправляюсь на дняхъ, послѣ годичнаго пребыванія въ Енисейскомъ округѣ.

П И С Ь М А.

1.

Статскому Совѣтнику ШЕГРЕНУ.

Туруханскъ, 11 (23) января 1847 г.

Я прїѣхалъ сюда нѣсколько часовъ тому назадъ, и до того утомленъ, до того страдаю ревматизмомъ, зубною болью, стрѣльбой въ ухахъ и разными другими недугами, что рѣшительно неспособенъ на составленіе какого-нибудь путевого отчета. Почта отходитъ завтра, и я не знаю, удастся ли мнѣ приготовить даже и этнографическія мои посылки. Съ слѣдующей почтой т. е. черезъ мѣсяцъ, постараюсь отправить къ вамъ отчетъ о послѣднихъ моихъ странствованіяхъ. Теперь же упомяну, только мимоходомъ, что на возвратномъ пути изъ Толстаго Носа, я нѣсколько времени прожилъ въ Дудинкѣ и потомъ въ Хантайкѣ, гдѣ занимался нѣсколько недѣль отѣнками восточно-самоѣдскаго языка, которые встрѣчаются по Енисею у карасинскихъ и другихъ самоѣдскихъ родовъ. Сверхъ ожиданія, вопросъ о весьма близкомъ сродствѣ енисейскихъ нарѣчій съ авамскимъ, которое изслѣдовалъ тщательно, собралъ даже матеріалы для составленія подробной этимологіи его, — мнѣ удалось покончить скорѣе, чѣмъ предполагалъ. На дняхъ думаю выѣхать изъ Туруханска въ такое мѣсто, гдѣ бы мнѣ можно было заняться енисейско-остяцкимъ языкомъ. Онъ сильно беспокоитъ меня, потому что, кажется, отдалитъ меня отъ занятій самоѣдскимъ, и серьезное изслѣдованіе его потребуетъ больше времени, нежели сколько я могу посвятить ему. Кромѣ того, и для моего здоровья необходимо по крайней мѣрѣ къ веснѣ убраться изъ этихъ непріятныхъ мѣстъ. Итакъ не осуждайте меня слишкомъ строго, если уже въ апрѣлѣ я оставлю Енисейскую область. Во всякомъ случаѣ я сколько нибудь успѣю и въ этомъ языкѣ.

При семъ прилагается списокъ отправляемымъ въ Академію вещамъ :

Ящикъ № 1 содержитъ : 1. Два самоѣдскіе фетиша (Самоѣд. Nāhä или Nāhe), той формы , въ которой они встрѣчаются у тазовскихъ Юракъ; 2. гудокъ туруханскихъ Остяковъ-Самоѣдовъ; прошлымъ лѣтомъ я послалъ уже въ Академію экземпляръ этого инструмента ; 3. самоѣдская трубка изъ мамонтовой кости; 4. двѣ иглы для вязанія сѣтей , употребляемыя Самоѣдами и Тунгузами ; 5. самоѣдскій арканъ для оленей изъ кожи дикаго оленя ; 6. самоѣдская веревка , свитая изъ ножныхъ сухожилій оленя; 7. самоѣдскій колчанъ ; онъ одинаковъ впрочемъ у всѣхъ кочующихъ народовъ; 8. образчикъ женской одежды , которую носятъ на востокѣ отъ Енисея ; она совершенно сходна съ западно-самоѣдскою или юракскою женскою одеждою. *Примѣч.* Къ этому костюму принадлежатъ , кромѣ сапогъ, одинаковыхъ и у мужчинъ и у женщинъ, замшевыя штаны, которыя носятъ подъ мѣховыми и шьются также какъ сіи послѣднія ; 9. якутская шапка, которую они носятъ подъ калпакомъ и которая особенно служитъ для защиты подбородка; Якуты называютъ ее: sengjakaä , Русскіе — набородникомъ; 10. двѣ якутскія ложки изъ мамонтовой кости. — Въ тѣхъ подъ № 2 находятся : 1. Два якутскія калпака, которые носятъ и Долганы ; 2. верхняя (ogdoka) и нижняя (son) одежды Якутовъ и Долганавъ . *Примѣч.* Якуты и Долганы носятъ точно такой же, какъ и Тунгузы, нагрудникъ, экземпляръ котораго отправленъ уже въ Академію прошлымъ лѣтомъ ; обувь и нижнее платье Якутовъ такія же какъ у Самоѣдовъ. — Въ тѣхъ № 3 вы найдете : 1. Верхнюю одежду восточныхъ Самоѣдовъ , отличающуюся роговиднымъ остриемъ надо лбомъ; 2) другой экземпляръ , той же одежды , употребляемой въ торжественныхъ случаяхъ и сходной съ западно-самоѣдскою или юракскою шубою ; и эти части одѣянія почти совершенно одинаковы какъ у восточныхъ, такъ и у западныхъ Самоѣдовъ. — Въ тѣхъ подъ № 4 полное юракское одѣяніе , состоящее изъ : 1. верхней одежды (sauk); 2. двухъ малиць , надѣваемыхъ прямо на голое тѣло; 3. пояса съ ножемъ въ ножнахъ; 4. башмаковъ; 5. штановъ изъ замши. Въ тѣхъ подъ № 5 женскій костюмъ западныхъ Самоѣдовъ, но только безъ штановъ и обуви.

Р. С. Туруханскъ, 12 (24) января 1847 г.

Только что я отдалъ на почту мои посылки, какъ явился ко мнѣ здѣшній засѣдатель и предложилъ въ даръ Академіи тунгузское одѣяніе и нѣсколько тунгузскихъ фетишей : желѣзнаго лебедя , котораго Тунгузы чтутъ какъ божество, да два мѣдные и два деревянные пестукачика. Кромѣ

того, что онъ взялся добыть для Академіи и одѣяніе тунгузскаго кудесника, онъ составляетъ еще подробное описаніе своего путешествія къ Тунгузамъ. Судя по отрывкамъ, которые онъ мнѣ давалъ читать, въ немъ будетъ много любопытнаго о туруханскихъ Тунгузахъ.

2

Статскому Совѣтнику ШЕГРЕНУ.

Назимова, 22 февраля (6 марта) 1847 г.

Прилагаемый краткій отчетъ (о путешествіи изъ Дудинки въ зимовье Толстый носъ) написалъ еще во время моего пребыванія въ Толстомъ Носѣ и не отправленъ съ послѣднею почтою изъ Туруханска, потому что я хотѣлъ, передѣлавъ въ немъ кое-что, перебѣзить его. Этому помѣшала хворь, три уже недѣли не покидающая меня. Сибирь — страна моровыхъ повѣтрій, къ числу которыхъ народъ причисляетъ и катарральную эпидемію, свирѣпствующую теперь по Енисею какъ между людьми, такъ и между животными. Какъ катарръ, она весьма злокачественна, легко переходитъ въ другія болѣзни и нерѣдко оканчивается смертю. Недавно одинъ Остякъ, заболѣвшій ею, умеръ отъ кровотечения горломъ — дурное для меня предзнаменованіе, потому что грудь самая плохая изъ всѣхъ частей моего тѣла. Главное препятствіе къ выздоровленію — холодъ и продуваемость жилища. Ночью у меня замерзаетъ вода, и поутру термометръ обыкновенно показываетъ отъ 5 до 7° ниже нуля. Такого сквернаго жилья у меня не было даже и въ Толстомъ Носѣ. Есть здѣсь, конечно, и лучшія жилища, но они всѣ заняты золотопромышленниками. Если холода не уменьшатся — придется искать лучшаго помѣщенія въ какой-нибудь другой деревнѣ.

Во время болѣзни я, сколько могъ, занимался по-остяцки въ Верхнемъ Имбацкѣ и Бахтѣ, двухъ деревняхъ или, такъ называемыхъ, зимовьяхъ Туруханскаго округа. Я намѣревался остановиться на нѣсколько дней и въ деревнѣ Вороговой, выше Подкаменной Тунгузки, но за отсутствіемъ Остяковъ принужденъ былъ ѣхать далѣе, въ Назимову, куда и прибылъ нѣсколько дней тому назадъ. Здѣсь, еслибъ здоровье мое хоть нѣсколько поправилось, я могъ бы, конечно, заняться какъ съ сымскими, такъ и съ дубцескими и вороговскими Остяками. Впрочемъ, остяцкій языкъ бѣденъ и очень легокъ. Въ немъ особенно замѣчательно то, что въ глаголахъ личныя окончанія ставятся не въ концѣ, а либо въ началѣ, либо въ

серединѣ. Точно также и обозначеніе время и наклоненій измѣняется въ различныхъ словахъ, но объ этомъ въ другой разъ. Спутникъ мой страдалъ, во время нашего полярнаго странствованія, разными болѣзнями. На дняхъ онъ уѣхалъ въ Енисейскъ, между прочимъ и для поправленія здоровья. Мнѣ также хотѣлось бы добраться туда покрайней мѣрѣ по послѣднему зимнему пути, т. е. въ апрѣлѣ; но служба для меня главное, а сверхъ того и языкъ Енисейскихъ—Остяковъ—началъ интересоватъ меня предчувствуемымъ сродствомъ какъ съ угро-остяцкимъ, такъ и вообще съ финско-самоѣдскими языками.

Въ Туруханской области я встрѣтилъ, между прочимъ, нѣсколько ссыльныхъ Койбаловъ. Степановъ совершенно справедливо говоритъ, что они отатарились; но я надѣюсь еще какъ-нибудь добраться до настоящаго ихъ происхожденія. Отъ нихъ я добылъ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній и о Китайскихъ Сойотахъ, о которыхъ узнаю, вѣроятно, еще болѣе въ Минусинскомъ округѣ. Можетъ быть между тамошними Татарами найдется хоть одинъ, знающій ихъ языкъ. Настоящихъ же Сойотовъ удастся встрѣтить развѣ только въ Тункинскѣ, гдѣ открытый листъ мой еще будетъ имѣть силу для Китайцевъ.

Для изученія койбальскаго языка мнѣ было бы нужно имѣть подъ рукою Казембекову тюркскую грамматику — полезны были бы мнѣ и археологическіе трактаты, потому что въ Минусинскомъ округѣ придется заняться и древностями. Въ особенности желалъ бы я знать способы точнѣйшаго изслѣдованія и описанія кургановъ. Они весьма интересуютъ меня, и я занимался уже и прежде въ Финляндіи и въ Россіи ими, но до сихъ поръ болѣе въ качествѣ дилетанта, чѣмъ ученаго изслѣдователя.

3.

Доктору Лёнроту.

Назимова, 22 февраля (6 марта) 1847.

Занятый отправленіемъ огромной корреспонденціи, я могу только въ короткихъ словахъ отвѣчать на твое прошлогоднее письмо, полученное мною въ холодную январскую ночь, когда я сидѣлъ, примерзшій ко льду на Енисеѣ. Проходя молчаніемъ это неприятное событіе, сиѣшу, *primo loco*, увѣдомить тебя о счастливомъ спасеніи изъ отечества бѣлыхъ медвѣдей. Теперь я опять нахожусь въ предѣлахъ Енисейскаго уѣзда, въ разстояніи не болѣе 200 верстъ къ сѣверу отъ сего знаменитаго уѣзднаго города. Я

вотъ уже нѣсколько времени стражду упорнымъ катарромъ съ кашлемъ и другими его принадлежностями, не теряю однакожь духа и работаю ежедневно надъ енисейско-остяцкимъ нарѣчіемъ, втрѣчающимся между городами Енисейскомъ и Туруханскомъ. Въ настоящее время такъ называемыхъ Енисейскихъ-Остяковъ осталось не болѣе тысячи человекъ, но еще долго спустя послѣ завоеванія Сибири говорили объ Аринахъ, Коттахъ, Ассанахъ, Маторахъ и другихъ народцахъ, какъ о вѣтвяхъ этого племени.

Какъ о замѣчательнѣйшей особенности енисейско-остяцкаго языка, я долженъ упомянуть о томъ, что личныя окончанія глаголовъ почти никогда не бывають въ концѣ, а переносятся или въ начало или въ середину слова. И въ именахъ существительныхъ — придатки (Suffixe) принимаютъ характеръ предлоговъ (Präfixen); но какъ имена, такъ и глаголы оставляють обозначеніе лица, если слово начинается согласною буквою. Спорные звуки *i* и *e*, встѣчаются и здѣсь, и, сколько мнѣ извѣстно, произношеніе ихъ нигдѣ не имѣеть такой опредѣленности, какъ именно въ этомъ языкѣ. Впрочемъ, изученіе восточной отрасли Самоѣдовъ привело меня къ убѣжденію, что необыкновенная широта (Breite) какъ *e* и *i*, такъ и другихъ гласныхъ, въ сущности, зависеть отъ непосредственно-предшествующей имъ согласной. Впрочемъ, изслѣдованіе енисейско-остяцкаго языка я охотно предоставилъ бы Бергстади, но, не говоря уже о томъ, что самый предметъ мало его интересуеть, я боялся за его здоровье, которое сильно пострадало во время нашего полярнаго путешествія. Въ Дудинкѣ онъ пролежалъ больной все время, пока я ѣздилъ въ Толстый Носъ. Теперь, съ самаго начала февраля, онъ въ Енисейскѣ, гдѣ, вѣроятно, найдетъ и совѣтъ и врачебную помощь.

Переходя отъ филологіи къ исторіи, замѣчу, что въ Минусинскомъ уѣздѣ Енисейской губерніи есть племя, называемое Койбалами, которыхъ нѣкоторые изъ старыхъ писателей считали Енисейскими-Остяками, другіе же Самоѣдами. Въ настоящее время племя это совершенно отатарилось, но я все-таки употребляю всевозможныя старанія къ отысканію его происхожденія. Съ этою цѣлью я предполагаю по послѣднему зимнему пути отправиться въ Минусинскъ, куда и прошу адресовать ко мнѣ письма въ продолженіе всего будущаго лѣта.

— Черезъ годъ мое путешествіе окончится и тогда я, вѣроятно, возвращусь на нѣкоторое время въ Финляндію и займусь приведеніемъ въ порядокъ и разработкою собранныхъ мною матеріаловъ. Работа эта, по всей вѣроятности, займетъ меня нѣсколько лѣтъ.

АССЕССОРУ РАББЕ.

Назимова, 22 февраля (6 марта) 1847.

Нѣсколько недѣль тому назадъ я проснулся утромъ съ кашлемъ, колотьемъ и другими страданіями въ груди, и несмотря на то долженъ былъ пуститься въ трудный путь. Я ѣхалъ день и ночь при холодной, вѣтряной погодѣ, простудился и съ тѣхъ поръ слабѣ, разстроены и работаю нѣхотя. Вотъ причина, почему обѣщанное описаніе путешествія неготово еще. Другая причина — это господствующая здѣсь стужа, отъ которой и чернила и мысли превращаются въ ледъ. Какъ тебѣ покажется — термометръ въ моей рабочей комнатѣ показываетъ утромъ отъ — 5° до — 7° Р.? Въ такой трущобѣ и самъ нечистый не станетъ писать своихъ путевыхъ замѣтокъ. Еслибъ по крайней мѣрѣ была хотя капля кофею, чтобы разогрѣть имъ свои оковенѣвшіе члены, но, *proh dolor!* во время моего странствованія по Туруханскому краю у меня украли весь мой запасъ кофею, сахару и проч. — Слѣдуя твоему медицинскому совѣту, во время болѣзни я читалъ « сказанія мертвецовъ »; но, сказать правду, Донъ Кихоть нравится мнѣ гораздо болѣе. На землѣ человѣку все-таки лучше, какъ бы горестно ни было его положеніе.

Покуда я остаюсь въ деревнѣ Назимовой и по мѣрѣ силъ работаю надъ остоящимъ... Енисейскіе-Остяки обогатили мою филологическую сокровищницу премудрымъ открытіемъ, что при спряженіи глаголовъ личные окончанія можно приставлять и къ началу слова; впрочемъ, эта премудрость нѣсколько для тебя не интересна. До будущаго ноября мѣсяца я ни коимъ образомъ не доберусь до Иркутска.

Ты спрашиваешь, когда я возвращусь въ Финляндію? На это я могу отвѣчать тебѣ только то, что время академической службы моей окончится 10 марта 1848 года. Судя по этому, конечно, можно предполагать, что къ сему времени я явлюсь въ С. Петербургъ съ отчетомъ своему начальству. Но, какъ тебѣ не безъизвѣстно, я до того сумазброденъ, что вдругъ могу повернуть и въ Китай, или въ какую-нибудь другую страну, въ которой трудненько будетъ слѣдить за мной. Не будь у меня тоски по родинѣ, увѣряю тебя, что я былъ бы готовъ провести весь свой вѣкъ на Востокъ.

Поклонись Рунебергу и попроси его подумать о Кучумъ-ханѣ и его царствѣ — единственномъ финскомъ царствѣ, которое когда либо существо-

вало. Хотя Кучумъ и Турокъ, но уперство, съ которымъ онъ защищалъ свое царство противъ завоеванія Ермака и личныя отношенія обонхъ героевъ, право, стоили бы поэтической обработки. *Quantum satis!*—

5.

Статскому совѣтнику Шёгрену.

Енисейскъ, 22 марта (3 апрѣля) 1847.

Наконецъ я снова дышу воздухомъ Енисейска, но дышу гораздо труднѣе прежняго. Горловые и грудные недуги, приобрѣтенные подъ туруханскимъ небомъ, развиваются подъ енисейскимъ какъ нельзя лучше—можетъ быть вслѣдствіе самой природы ихъ, а можетъ быть и отъ содѣйствія суровости климата, плохаго жилья и чрезмѣрныхъ занятій. Я питаю впрочемъ твердую надежду, что минусинское солнце поправитъ мое здоровье и снова оживитъ истощенныя силы; скверно только то, что въ настоящее время года добраться до Минусинска не легко. Дороги уже и здѣсь стали портиться; каковы же онѣ въ Минусинскомъ округѣ! Во всякомъ случаѣ я почитаю однакожь обязанностью выбраться изъ Енисейска все-таки зимнимъ путемъ, потому что иначе не буду имѣть никакой возможности исполнить данное мнѣ порученіе въ предписанный срокъ. Кромѣ того, языкъ Енисейскихъ-Остяковъ собственно и не входитъ въ кругъ моихъ изслѣдованій: онъ составляетъ особую семью, сильно уклоняющуюся отъ финско-самоѣдскихъ языковъ. Для полнаго изученія его свойствъ и отношеній къ другимъ языкамъ потребны не мѣсяцы, а годы; для краткаго же этимологическаго обзора достаточно и собранныхъ мною матеріяловъ; требовать отъ меня большаго—было бы несправедливо, тѣмъ паче, что языкъ Енисейскихъ-Остяковъ, сверхъ всякаго чаянія, нисколько не самоѣдскаго происхожденія. По этому я оставляю его, и отнынѣ посвящаю все свое время только языкамъ самоѣдскимъ. По той же причинѣ меня не задержитъ и койбальскій языкъ, который теперь не болѣе какъ татарское нарѣчіе, но прежде, вѣроятно, составлялъ отрасль языка Енисейскихъ-Остяковъ. За то постараюсь какъ можно подробнѣе изучить языки карагаскій, казмаженильскій и сойотскій, если только они еще уцѣлѣли. Съ карагаскимъ, безъ знанія монгольскаго языка, вѣроятно мнѣ не справиться. Сверхъ того, такъ какъ въ теченіи немногихъ остающихся мнѣ

мѣсяцевъ, можетъ быть я и не успѣю покончить всѣхъ этихъ работъ, то и осмѣливаюсь спросить, чего я долженъ ожидать въ такомъ случаѣ.

Недавно, я отправилъ къ вамъ изъ Назимовой письмо и краткій отчетъ. Съ того времени жизнь моя шла весьма однообразно. Три недѣли мерзъ я въ Назимовой, потомъ поѣхалъ въ Андиферову, нашелъ тамъ хорошее помѣщеніе, но ни одного Остака—все отправились въ Енисейскъ. Я послѣдовалъ за ними и десять дней сряду сидѣлъ съ однимъ изъ нихъ, не принимая ни малѣйшаго участія въ увеселеніяхъ города, въ которомъ шампанское льется рѣкою.

О спутникѣ моемъ, кромѣ неприятнаго, я ничего не могу сообщить вамъ. Съ прошлаго лѣта онъ страдаетъ разными недугами, и потому уѣхалъ въ Енисейскъ съ тѣмъ, чтобы, въ ожиданіи моего прибытія туда, попользоваться совѣтами врачей. Но отсутствіе въ Енисейскѣ искусныхъ врачей и недостатокъ врачебныхъ средствъ принудили его ѣхать далѣе въ Красноярскъ, изъ котораго я, недавно, и получилъ отъ него письмо: онъ жалуется на усиленіе болѣзни и думаетъ оставить и Красноярскъ. Не обозначая, куда отсюда поѣдетъ, онъ общается однакожъ въ скоромъ времени дать знать о себѣ. Впрочемъ, кажется, онъ не унываетъ. Тѣмъ не менѣе я не могу не безпокоиться за него. Теперь онъ, вѣроятно, ждетъ меня въ Ачинскѣ; что какъ нельзя кетати, потому что я рѣшилъ не дѣлать огромнаго крюка на Красноярскъ, а ѣхать въ Минусинскъ прямо черезъ Ачинскъ.

Мнѣ крайне жаль, что на этотъ разъ не могу послать вамъ что-нибудь занимательнѣе прилагаемаго при семъ тощаго донесенія. Въ головѣ бродитъ множество такого, чтобы хотѣлось передать вамъ, но у меня недостаетъ необходимаго для этого—душевнаго спокойствія.

Со временемъ можетъ быть сообщу нѣсколько замѣтокъ о Енисеѣ; но пускаться въ этнографическія подробности не буду, потому что во время путешествія къ Толстому Носу у меня набралось столько матеріаловъ, что ихъ никакъ не втиснешь въ узкія рамки путевого отчета.

6.

Лектору Коллану.

Енисейскъ, 22 марта (3 апрѣля) 1847.

Вотъ уже недѣля, что я снова въ Енисейскѣ, но уже совѣмъ уложился, чтобы, можетъ-быть, еще сегодня же отправиться въ Минусинскъ.

Изъ инструкціи тебѣ извѣстно, что въ Минусинскомъ уѣздѣ я долженъ буду изучать койбальскій языкъ, составляющій теперь одно изъ тюркскихъ нарѣчій, списывать надписи со скалъ, раскапывать старыя чудскія могилы и собирать древности. Эти разнообразныя занятія, вѣроятно, займутъ у меня большую часть лѣта, особенно, если мнѣ удастся добраться до желанной китайской границы. Изъ Минусинска я возвращусь въ Красноярскъ, потомъ поѣду въ Иркутскую губернію, въ которой также надѣюсь пробраться къ Китаю. Во время этого путешествія я буду заниматься калмашенильскимъ, карагасскимъ, сойотскимъ и монгольскимъ языками. Когда кончу всѣ эти занятія, я, конечно, впередъ опредѣлить не могу. — Мнѣ разрѣшено возвратиться въ Петербургъ 10 марта 1848 года, но съ нынѣшнею почтою я послалъ запросъ, можно ли мнѣ разсчитывать на вспомошествованіе и далѣе этого срока. Я увѣренъ, что мнѣ не откажутъ въ этомъ, потому что сумма, отпускаемая на мое путешествіе, не превышаетъ адъюнктскаго жалованья, которое мнѣ предлагали, въ случаѣ, если бы я захотѣлъ остататься при Академіи. Для Академіи, какъ мнѣ кажется, будетъ гораздо выгоднѣе, а для меня пріятнѣе, если я промѣняю петербургскую пустыню на сибирскія. Несмотря на то, я охотно согласился бы оставить и обѣ пустыни, если бы только Академія назначила мнѣ пособіе на время необходимое для обработки собранныхъ мною матеріаловъ и разрѣшила мнѣ выбрать мѣстопробываніе по собственному моему благоусмотрѣнію. —

Если тебя только не слишкомъ затруднить, то напиши мнѣ, при случаѣ, нѣсколько строчекъ; ты можешь быть увѣренъ, что сдѣлаешь доброе дѣло, особенно при теперешнихъ обстоятельствахъ, когда, влѣдствіе болѣзни Бергстади, я принужденъ путешествовать одинъ. Въ такомъ горестномъ положеніи добрыя вѣсти съ родины—самое лучшее лѣкарство. Поклонись Шнелъману, о которомъ я вспоминаю почти ежедневно, и прочимъ друзьямъ въ Куоію.

7.

АССЕСОРУ РАББЕ.

Енисейскъ, 22 марта (3 апрѣля) 1847.

Приблизилось наконецъ время, когда я быстро помчусь въ Минусинскъ — страну очаровательныхъ долинъ, исполинскихъ горъ, кипучихъ рѣкъ, сборное мѣсто безчисленныхъ народовъ, которые начертили свои подписи на крутыхъ скалахъ и наметали высокіе, какъ башни, курганы. Отдыхая

подъ тѣнью кедра, или купаюсь въ струяхъ Абакана, какъ буду я жалѣть о тебѣ и о другихъ бѣдныхъ людяхъ, принужденныхъ сидѣть въ холодномъ Гельзингфорсѣ. Гарцуя на татарскомъ скакунѣ по безпредѣльнымъ степямъ, я представляю себѣ, какъ ты тащишься по улицамъ Гельзингфорса на старыхъ клячахъ, печально понурившихъ головы; не забывая однакожь, что я ишуеь по первобытной почвѣ нашихъ предковъ. Видишь—я радъ, какъ дитя, и гордъ, какъ левъ, хотя и не могу сказать, что бы не было никакихъ неприяностей, но о нихъ въ другое время.

Ты все спрашиваешь, когда я возвращусь въ Финляндію? На этотъ вопросъ я уже отвѣчалъ, что срокъ моей академической службы кончится 10 марта 1848 года. Что касается до прочихъ плановъ моихъ на будущее время, то признаюсь—я нисколько не охотникъ до составленія ихъ. Всего пріятнѣе было бы для меня поселиться частнымъ человѣкомъ въ какомъ нибудь хорошенькомъ маленькомъ городкѣ, жениться и работать; но—вѣдь это чистая галиматья. Можетъ быть мнѣ суждено быть новымъ изданіемъ «Вѣчнаго жида» и провести весь свой вѣкъ въ странствованіяхъ. Несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, то, что жизнь становится мнѣ тягостна, когда я принужденъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, не имѣя другаго утѣшенія, кромѣ доставляемаго мнѣ наукою.

Не слыхалъ ли ты чего нибудь о Бергстади? — можетъ быть онъ отправился въ Финляндію, а можетъ быть поджидаетъ меня гдѣ нибудь по дорогѣ. Мой маршрутъ ему извѣстенъ.

Письма твои отъ 18 января и 1 февраля текущаго года я получилъ неправо вмѣстѣ съ газетами. На письма Феликса и Европеуса не могу теперь отвѣчать, потому что почта сей часъ отходитъ. Кромѣ того, я и самъ їду черезъ нѣсколько часовъ, и, какъ обыкновенно, въ сопровожденіи казака. Золотопромышленники хотять удержать меня на святую недѣлю, но скоро наступитъ время распутицы, къ тому жъ и безконечные поѣллуи мнѣ нисколько не нравятся.—Въ Академію я опять отправляю небольшое, можетъ-быть, слишкомъ ученое и педантское донесеніе, которое Шёгрень, вѣроятно, доставитъ тебѣ въ свое время.

8.

Статскому совѣтнику Шёгрену.

Минусинскъ, 20 апрѣля (2 мая) 1847.

Я только что пріѣхалъ сюда, и спѣшу сообщить вамъ краткій отчетъ о моемъ послѣднемъ путешествіи, на сколько мнѣ дозволяетъ мое болѣзненное состояніе.

Изъ Енисейска я выѣхалъ вечеромъ въ день Пасхи, и послѣ четырехдневной ѣзды по узкой и ровной лѣсной дорогѣ, прибылъ въ небольшой городъ Ачинскъ, лежащій на московскомъ трактѣ между губернскими городами Томскомъ и Красноярскомъ. Моя надежда—собрать на этомъ пути какія нибудь важныя этнографическія свѣдѣнія, обманула меня. Здѣшнее русское населеніе до того поглощено торговыми дѣлами, что ему некогда даже и христосоваться и мѣняться яицами, не только что разсказывать о древней Чуди. Кромѣ Русскихъ, по дорогѣ въ Ачинскъ, близъ Чулыма и Кенчуга, есть и Татары, но они обратились уже въ христіанство, забыли свой языкъ и даже стыдятся своего татарскаго происхожденія. Слѣдовательно, этнографу мало и отъ нихъ поживы. Другихъ же народовъ онъ не встрѣчаетъ здѣсь, хотя страна эта и богата названіями мѣстностей очевидно финскаго и самоѣдскаго происхожденія.

Въ Ачинскѣ я отдохнулъ только одинъ день, и поѣхалъ дальше, по минусинской дорогѣ. Какъ пріятно было бы для меня видѣть прекрасныя долины, по которымъ идетъ дорога въ Ужуръ,—зеленѣющимъ, оживленными кроткими лучами весенняго солнца; но въ настоящее время, покрытая, отъ дождя и оттепели, отвратительной грязью, онѣ имѣли видъ топкихъ болотъ. Постоянно пасмурное небо и безпрерывный дождь дѣлали эту прекрасную страну еще непривлекательнѣе. Кромѣ того, благодаря дождю, вмѣсто того чтобы ѣхать до Минусинска въ саняхъ, я еще въ Ужурѣ долженъ былъ пересѣсть въ крестьянскую телѣгу. Тутъ же оставилъ я большую дорогу и повернулъ въ татарскія степи, гдѣ безостановочно, въ теченіи четырнадцати дней, переѣзжалъ изъ долины въ долину, изъ улуса въ улусъ, посѣтилъ двухъ башлыковъ, трехъ князей, и одного татарскаго магната, владѣльца 70 табуновъ (т. е. 3,500 коней), который угостилъ меня кониной и чаемъ изъ китайскихъ фарфоровыхъ чашекъ. Отъ Ужура я ѣхалъ прекраснѣйшей дорогой, идущей мимо Небесныхъ озеръ къ Кизильской управѣ, а отсюда до Качинскихъ форпостовъ, вверхъ по бѣлому Юсу, и потомъ снова повернулъ къ Енисею, объѣздивъ такимъ образомъ большую часть кизильскихъ и качинскихъ степей, которыя съ своими безчисленными, безлѣсными холмами и долинами, казались мнѣ моремъ, волны котораго, и по минованіи бури, не улеглись еще.

Въ степяхъ я записалъ много, часто впрочемъ противорѣчащихъ, преданій о древней Чуди. По одному, весьма распространенному между Татарами преданію, этотъ миопческій народъ, называемый многими стариками—Акаракомъ (бѣлоглазымъ), былъ первымъ обитателемъ этой страны, но оставилъ ее за долго еще до прибытія Киргизовъ; и всѣ древнѣйшіе, повсюду разбѣянные по степямъ, могильные курганы—его произведенія. Но этому преданію противорѣчатъ многія другія. Такъ Татары

разсказываютъ, что во времена Чуди въ степяхъ совсѣмъ не было березы; когда же береза или «бѣлый лѣсъ» стала на нихъ показываться (т. е. когда пришли Русскіе и начали распахивать поля) Чудь догадалась, что страной этой завладѣетъ «бѣлый царь», и, убоясь его, убралася вся въ курганы. Ясно, что первое преданіе смѣшиваетъ Чудь съ Киргизами, и приписываетъ древнѣйшіе курганы собственно симъ послѣднимъ. И дѣйствительно есть много такого, что говорить въ пользу ихъ киргизскаго происхожденія. Не ручаюсь за справедливость, но здѣшніе жители разсказывали, что нѣсколько казаковъ, раскопавши одинъ изъ большихъ кургановъ, нашли скелетъ и возлѣ самаго носа его каменную кружку съ нюхательнымъ табакомъ, довольно хорошо сохранившимся, и что, кромѣ того, находили еще разныя другія вещи весьма поздняго происхожденія. Очень можетъ быть, что все это открывали въ новѣйшихъ и именно въ татарскихъ курганахъ; во всякомъ однакожъ случаѣ не менѣе сомнительно и мнѣніе, что древнѣйшіе изъ нихъ принадлежатъ Чуди, т. е. финскимъ народамъ. Покрайней мѣрѣ, ни въ Финляндіи, ни въ Лапландіи, ни въ сѣверной, населенной финскимъ племенемъ Россіи я не встрѣчалъ ни одного подобнаго памятника. Въ особенности кажутся мнѣ совершенно чуждыми этому племени: четырехугольная форма могилъ, выведенныя изъ сланца или изъ другаго камня стѣны, разбобщенныя отдѣленія могилъ и наконецъ, колоссальныя, часто кверху заостренныя, могильныя камни, въ которыхъ я, съ перваго же взгляда, узналъ изображенія божествъ сибирскихъ народцевъ. Величина и все устройство этихъ могилъ, въ совокупности съ преданіемъ дѣлаетъ почти несомнѣннымъ, что они семейныя. Хотя Стенановъ и увѣряетъ, будто въ каждомъ курганѣ находится по одному покойнику—въ раскопанномъ мною курганѣ я нашелъ четыре человѣческіе скелета. Черепы, изъ коихъ только одинъ сохранился вполне, кажутся мнѣ весьма отличными отъ тѣхъ, которые я находилъ въ татарскихъ курганахъ; рѣшеніе, какого они происхожденія—предоставляю фізіологамъ.

Но хотя бы вышеупомянутыя чудскія могилы и были позднѣйшаго монгольскаго или киргизскаго происхожденія, чего доселѣ нельзя еще рѣшить,—преданія и многія названія мѣстностей, замѣтванныя изъ финскихъ языковъ, доказываютъ, что финскіе народы во время оно проходили черезъ эти степи. Еще болѣе слѣдовъ оставили здѣсь Самоѣды; къ немалому моему изумленію, почти всѣ родовыя названія койбальскихъ Татаръ чисто самоѣдскія; такъ я встрѣтилъ у нихъ, между прочимъ, и названіе Бай, которое приводилъ такъ часто, говоря о Елисейскихъ-Самоѣдахъ. Койбальское племя въ настоящее время совершенно отатарилось; таже участь, какъ слышалъ, постигла и немногихъ уцѣлѣвшихъ Маторовъ, между которыми, восемь лѣтъ тому назадъ, была еще одна слѣпая старуха, говорившая на

своемъ родномъ языкѣ. Многіе старые Татары разсказываютъ, что Татары и Койбалы составляли нѣкогда одинъ народъ, говорили однимъ языкомъ и находились въ близкихъ сношеніяхъ съ Сойотами, у которыхъ даже и въ новѣйшія времена брали себѣ женъ. Давно уже отатарившіеся Аринны въ настоящее время составляютъ всего одинъ улусъ изъ 60 человекъ, причисленный подъ названіемъ Ара, къ Качинской управѣ. У Татаръ сохранилось множество преданій о силѣ и богатствѣ древнихъ Аринновъ, о мѣстахъ ихъ жительства, объ ихъ битвѣ съ змѣями, и тому подобномъ. Пропускаю все это, по необходимости отвѣтить и на нѣкоторые изъ вопросовъ предложенныхъ мнѣ г. Кёппеномъ.

1. О запутанномъ и спорномъ отношеніи границъ мнусаинскихъ Татаръ надѣюсь сообщить точнѣйшія свѣдѣнія въ послѣдствіи. Здѣсь упомяну только, что качинскіе Татары соединились съ красноярскими казаками, прогнали Киргизовъ и заняли все ихъ владѣнія по обѣимъ сторонамъ рѣки Юсь. За сѣмъ, переселенцы, переходившіе сюда мало по малу изъ Томской губерніи, заняли плодоносныя степи къ сѣверу отъ бѣлаго Юса. Вслѣдствіе этого Качинскій родъ раздѣлился на двѣ вѣтви, изъ коихъ одна осталась на рѣкѣ Качѣ и въ ея окрестностяхъ, другая же, оттѣсненная Кизильцами, переместилась въ неплодную степь между бѣлымъ Юсомъ и Абаканомъ, и даже на югъ отъ Абакана въ страну Койбаловъ. Эта южная вѣтвь наибольшая изъ всехъ татарскихъ племенъ Сибири (до 9,436 душъ); сѣверная же—совершенно обрусѣла.

2. Кизильскіе Татары — смѣсь различныхъ родовъ, изъ коихъ одинъ даже калмыцкаго происхожденія, почему и называется Калмахъ. Другой именуется Камнаръ (по татарскому произношенію *Qamnar*), а также и Камларъ (*Qamlar*); это послѣднее названіе въ инструкціи г. Кёппена превращено по ошибкѣ въ Кашларъ. Оно напоминаетъ русское выраженіе «язычники Камларскаго толка»; но выраженіе это относится не къ одному Камларскому улусу, а какъ ко всемъ Татарамъ преданнымъ шаманству, такъ и къ другимъ соседнимъ народцамъ, которые и доселѣ въ официальныхъ бумагахъ раздѣляются на христіанъ и шамановъ или Камларовъ (*Kamlar*, множ. число слова *Kam*—шаманъ).

3. Качинскіе Татары, называющіе себя *Kaschlar* (множ. числ. слова *Kasch*, *Qasch*), приняли и слили съ собою, кромѣ вышеупомянутыхъ Аринновъ и разныхъ оставшихся въ этой странѣ Киргизовъ, именовъ которыхъ, на качинскомъ языкѣ, и теперь еще называется Тубинскій улусъ. Отъ этихъ Киргизовъ происходятъ разные принадлежащіе къ Ужурской волости полурусскіе, которыхъ г. Кёппенъ называетъ «осѣлыми не-русскими». Другіе же происходятъ, напротивъ, отъ качинскихъ и кизильскихъ Татаръ.

За симъ скажу нѣсколько словъ о самомъ себѣ. Провалившись нѣсколько дней, теперь я снова на ногахъ, но все еще страдаю желудочнымъ разстройствомъ, кашлю, чувствую головныя боли и лихорадочныя припадки. Вспомнивъ слова Жанъ-Поля, что человекъ бываетъ на столько болѣнъ, на сколько это ему самому хочется, я вскочилъ въ дикомъ отчаяніи съ постели, рѣшивъ не быть больнымъ. Слѣдя пословицъ: *similia similibus curantur*, постараюсь излѣчить пріобрѣтенныя моими поѣздками болѣзни и особенно гнусныя туберкулы, поѣздой за 25 верстъ въ Качинскую управу. Тамъ я располагаю приняться за обыкновенныя свои занятія, и прежде всего за койбальское нарѣчіе. Опредѣливъ его отношеніе къ самоѣдскому, начну поѣздки вверхъ по рѣкамъ Абакану, Енисею, Тубѣ, Амылу, и друг., и, не покидая филологическихъ изслѣдованій, примусь осматривать чудскія могилы и другіе памятники древности, собирать преданія и всевозможныя матеріалы, необходимыя для того, чтобы добратъся до древнѣйшихъ обитателей Минусинскаго округа.

Порученія — снабдить музей Академіи древностями изъ Минусинскаго уѣзда, — къ сожалѣнію, я не могу исполнить, потому что всякая, хотя бы самая незначительная вещь, найденная въ землѣ, отбирается начальствомъ и отсылается къ губернатору. Такъ какъ все доселѣ открытыя рѣдкости давно уже отправились этимъ путемъ, то для пріобрѣтенія новыхъ и не остается ничего, кромѣ раскапыванія кургановъ, а для этого мои средства слишкомъ недостаточны, потому что на каждый большой курганъ или такъ называемый «маякъ» потребуется отъ 50 до 100 рублей ассигнаціями. Положимъ, что я велѣлъ бы разрыть хоть только десять кургановъ—у меня не хватало бы за тѣмъ и на могилу для собственной своей особы. Въ этомъ случаѣ ко мнѣ весьма можно примѣнить латинское изрѣченіе: *ultra posse nullus obligatur*. Несмотря на то, я рѣшилъ однакожь употребить на курганы сто рублей серебромъ, и потому осмѣливаюсь спросить: будетъ ли угодно Академіи возратить мнѣ эту сумму, въ замѣнъ чего я предоставляю ей все черепа и все, что будетъ вырыто. Я предлагаю этотъ вопросъ отнюдь не изъ корысти или жажды стяжанія, но рѣшительно вълѣдствіе крайняго истощенія казны моей. Дороговизна въ этомъ краю превосходитъ всякое вѣроятіе. Въ Минусинскѣ я заплатилъ за пудъ пшеничной муки 25 рублей ассигн., за пудъ сахару 65 рублей, за фунтъ кофею 3 р. 50 коп. и т. д. А я, кромѣ самого себя, долженъ кормить еще казака, безъ котораго путешествіе по восточной Сибири рѣшительно невозможно. Ко всему этому и несчастная болѣзнь Бергстади обошлась мнѣ не дешево. Въ степяхъ я надѣюсь сдѣлать нѣкоторую экономію; но меня все-таки пугаетъ мысль: чѣмъ-то придется существовать въ Красноярскѣ и Иркутскѣ. — Если Академія не согласится

принять этой траты на себя, потому что собираніе череповъ не входило въ составъ возложенныхъ на меня порученій — я буду смотрѣть на нихъ, какъ на мою собственность, и постараюсь вознаградить убытокъ другимъ путемъ. Я получилъ уже изъ Гельзингфорса порученіе выслать череповъ въ тамошній анатомическій кабинетъ; не считаю однакожь себя въ правѣ выполнить это порученіе безъ разрѣшенія Академіи.

9.

АССЕССОРУ РАББЕ.

Миусинскъ, 22 апрѣля (4 мая) 1847.

Я нахожусь теперь въ странѣ, гдѣ каждый встрѣчный, и христіанинъ и язычникъ, спрашиваетъ меня: « ну; какъ вамъ нравится наша Италия? » Обращаюсь къ тебѣ, извѣдившему весь свѣтъ; скажи мнѣ, слѣлай милость, окружали-ль тебя въ Италиі нагія степи и песчаныя пустыни, бываетъ ли и тамъ въ концѣ апрѣля снѣгъ, вьюга и такая стужа, что по неволѣ прибѣгаешь къ шубѣ и теплымъ сапогамъ, и все-таки простужаешься, сваливаешься въ постель и подвергаешься опасности обратиться въ трупъ? Такъ началось для меня пребываніе въ этой пресловутой Италиі, послѣ того какъ, такъ счастливо отдѣлался отъ всѣхъ опасностей грозившихъ мнѣ въ пустыняхъ Самоѣдіи.

Но такъ какъ я теперь опять на ногахъ и притомъ горожанинъ, то и распорядился, что бы сапоги мои чистили каждый день и принимаю аристократію города. Самъ же рѣдко выхожу со двора и то только къ почетнѣйшимъ. Особенно въ хорошихъ отношеніяхъ нахожусь я съ моимъ хозяиномъ — весьма рьянымъ христіаниномъ изъ Цермъ. Мы въ тайнѣ составили съ нимъ планъ на погибель такъ называемыхъ скопцевъ. Мой хозяинъ того мнѣнія, что эту секту можно вполне искоренить устройеніемъ монастыря въ Миусинскѣ, и я поддерживаю это мнѣніе, потому что въ монастырѣ ученый путешественникъ всегда можетъ отдохнуть и оправиться отъ дорожныхъ непріятностей лучше, чѣмъ гдѣ нибудь.

Советѣмъ другаго рода толки происходятъ у меня ежедневно съ язычникомъ Тюркомъ или такъ, обыкновенно, называемымъ Татаринномъ. Многіе поэты были несчастны въ любви, и сей Татаринъ горько жалуясь на то, что его дражайшая убѣжала отъ него, упршиваетъ меня, чтобы я, какъ царскій уполномоченный, силою возвратилъ невѣрную въ его объятія. И я обещаю ему, потому что иначе, онъ не хочетъ жить. Конечно, я еще не

понимаю ни одного слова въ тюркско-татарскихъ пѣняхъ, но уже и въ самыхъ звукахъ языка и въ мелодіи слышится задушевная мягкость, глубоко проникающая въ сердце.

Здоровье мое во все это время плоше, чѣмъ когда. Кромѣ другихъ недуговъ, въ эту весну и грудь безпокоила меня болѣе прежняго. Несмотря на то, я располагаю поѣздить это лѣто по татарскимъ степямъ и, можетъ быть, переберусь, черезъ Саянскія горы въ китайскія владѣнія, чтобы познакомиться съ Сойотами. Въ Китай я ни въ какомъ случаѣ не отираюсь до начала іюля, и надѣюсь до тѣхъ поръ еще дать о себѣ вѣсточку.—До свиданія.

Твой тюркскій братъ.

ПУТЕВОЙ ОТЧЕТЪ.

Агульскъ, 1 (13) декабря 1847.

Городъ Минусинскъ расположенъ по рукаву Енисея, принимающему въ себя маленькую рѣчку *Минуса* ⁽¹⁾, на песчаной степной долинѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной горами. Городъ и теперь тоже, что былъ во времена Степанова—*ville champêtre*, лучшее украшеніе котораго составляетъ множество цвѣтовъ на улицахъ, на площади и даже на крышахъ. Общественныхъ строеній почти нѣтъ; городъ состоитъ большею частью изъ маленькихъ, жалкихъ домиковъ, полутатарскаго стilia, съ высокими кровлями и низкими стѣнами.—Въ этихъ хижинахъ, за исключеніемъ немногихъ чиновниковъ и нѣсколькихъ купцевъ, живутъ бѣдные горожане, которые, ни образованностью, ни образомъ жизни, не отличаются нисколько отъ простыхъ крестьянъ. Можетъ быть самое любопытное въ Минусинскѣ то, что въ хорошій, свѣтлый день отсюда можно видѣть и простымъ глазомъ, снѣжныя вершины Саянскихъ горъ.

Нѣсколько верстъ ниже города, въ Енисей впадаетъ съ лѣвой стороны значительная рѣка Абаканъ. По обѣимъ сторонамъ этой рѣки кочуетъ множество татарскихъ семействъ, а близъ самаго устья находится улусть, въ которомъ, посреди разнообразныхъ берестяныхъ юртъ, красуется пре-

(1) О происхожденіи слова *минуса* Татары разсказываютъ, что два брата древняго народа (Чуди) заспорили о земляхъ на берегу рѣки, и каждый восклицалъ при этомъ: *min usa, min usa!* Выраженіе это, говорятъ, значило по чудски: «моя часть,—слѣдовательно сходно съ финскимъ *minun osa*.

порядочный домикъ — дума старшины качинскихъ Татаръ. Кто любитъ красоты природы, тотъ охотно промѣняетъ со мною городъ Минусинскъ на этусть улусъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь въ маленькой думѣ можно найти тихій и спокойный пріютъ для ученыхъ занятій. — Въ этомъ улусѣ и прожилъ нынѣшней весною три недѣли, и занимался изученіемъ языка, обычаевъ, религиозныхъ понятій Татаръ и всего, что относится до ученой цѣли моего путешествія. Вместе съ тѣмъ я старался, сколько можно было, воспользоваться и живительными лучами здѣшняго весенняго солнца для возстановленія моихъ силъ, истощенныхъ болѣзнью и напряженными трудами.

Поправивъ нѣсколько здоровье, я выѣхалъ изъ улуса въ Духовъ день, по дорогѣ, идущей вдоль лѣзгаго берега Абакана, черезъ степи качинскихъ и сагайскихъ Татаръ. При самомъ выѣздѣ, я увидѣлъ на противоположномъ берегу Абакана многочисленное собраніе Татаръ, ходившихъ взадъ и впередъ вокругъ костра, разложеннаго на вершинѣ высокаго холма. Ямщикъ объяснилъ мнѣ, что это Татары койбальскаго племени, собравшіеся для совершенія поминковъ по одному изъ своихъ умершихъ родственниковъ. Узнавъ это, я велѣлъ остановиться, и отправился, въ сопровожденіи нѣсколькихъ Татаръ, на койбальскую тризну. По дорогѣ я началъ разспрашивать моихъ спутниковъ о похоронныхъ обрядахъ какъ Койбаловъ, такъ и другихъ Татаръ, и вотъ что узналъ отъ нихъ. При извѣстїи о чьей нибудь смерти Татары собираются во множествѣ копать могилу для покойника. Каждый Татаринъ считаетъ священною обязанностью почтить этимъ память усопшаго; родственники его не должны принимать участія въ этой работѣ. Нынѣшніе Татары хоронятъ своихъ мертвыхъ всегда на возвышенныхъ мѣстахъ, и стараются, чтобъ на общихъ кладбищахъ могильные насыпи находились въ одной линїи, а самыя могилы копались въ одномъ направленіи отъ востока къ западу; что же касается до величины, то теперешнія татарскія могилы длиною отъ двухъ до четырехъ аршинъ, и рѣдко глубже аршина. Для взрослыхъ людей въ самой могилѣ дѣлается родъ деревяннаго ящика; шамановъ же кладутъ всегда прямо въ землю, а дѣтей обернувъ только берестой (1). Самого покойника одѣваютъ по большей части въ лучшія его платья, и сверхъ того обвертываютъ шелковой или другой тонкой тканью; въ могилѣ, по теперешнему обычаю, ему даютъ лежачее положеніе, лицомъ вверхъ и съ обращенными къ востоку глазами. Для каждаго мертвеца, за весьма рѣд-

(1) Многія татарскія, самоѣдскія и финскія племена вѣшаютъ своихъ мертвыхъ и особенно дѣтей на вершинахъ вѣтвистыхъ и тѣнстыхъ деревьевъ; обыкновенно для этого выбирается листовница, которая у этихъ народовъ особенно чествуется и которой они приносятъ даже жертвы.

ками исключеніями, вырываютъ особенную могилу. Въ погн покойника кладутъ сѣдло, ставятъ водку, творогъ, мясо, масло и т. п., какъ припасы въ дорогу. Могилу засыпаютъ, какъ обыкновенно, землей и сверхъ того наваливаютъ на нее продолговатый бугоръ вышиною отъ одного до двухъ футовъ, и покрываютъ его сверху камнями.

Схоронивъ такимъ образомъ покойника, присутствующіе, большею частью родственники, устраиваютъ на могилѣ пиръ, при чемъ не жалѣютъ ни айрана, ни разныхъ яствъ. Это пиrowаніе продолжается обыкновенно три дня. На двадцатый день родственники вторично собираются на могилѣ и снова пируютъ въ память покойника. Тоже повторяется и въ сороковой день, и тутъ убиваютъ любимую лошадь покойника, которая, со дня смерти своего господина до этого дня, пользуется совершенною свободою. Лошадь съѣдаютъ, а голову ея надѣваютъ на палку, воткнутую на одномъ концѣ могилы. За сямъ празднуются еще поминки черезъ сто дней, и именно на эти-то и пошаль я въ этотъ разъ.

Тутъ собралось около сорока человекъ. Каждый принесъ съ собою айранъ, вареное и жареное мясо, сыръ, молоко, масло и другія кушанья. Но когда я подошлъ, большая часть всего этого была уже уничтожена, и многіе изъ пиrowавшихъ лежали уже пьяные. Тѣ, которые были еще на ногахъ, курили трубки и печально потряхивали опорожненными бутылками айрана. На одной изъ могилъ, крайней въ ряду, по правую сторону, сидѣли женщины и попеременно то ѣли, то пили, то курили, то плакали, то пѣли жалобныя пѣсни. Одна изъ нихъ была очевидно вдова покойника; потому что, какъ бы припоминая прежнія свои обязанности, укладывала могилу кусками сала и поливала ее айраномъ изъ большихъ чашекъ. Напротивъ ея на лѣвой сторонѣ могилы, сидѣла однихонька старая женщина, худая, съ потускившыми глазами, съ впалыми щеками, завернутая въ совершенно черное рубище и съ посохомъ въ дрожащихъ рукахъ. Это была мать покойника, 70 лѣтняя старушка, схоронившая опору своей старости, своего единственнаго, тридцатилѣтняго сына. Мудрено ли, что она сидѣла одиноко на могилѣ, и съ другимъ не пила и не ѣла. Она плакала, голосила, стучала своимъ посохомъ въ могилу, спрашивала покойника, какъ у него добтало сердца покинуть свою старую, безпомощную мать. Временами она вытягивала тощія руки, обнимала пустой воздухъ, и поднимала дикій ревъ. Разъ она упала даже безъ чувствъ на землю, и я обрадовался было, думая, что кончился ея страданіе; но она вскорѣ вскочила, бросилась на могилу, и начала сбрасывать съ нея камни, какъ будто бы силою хотѣла вырвать своего милого сына изъ нѣдръ земли. Натонецъ одинъ молодой Татаринъ сжалился надъ несчастной, посадилъ ее въ свою телѣгу и увезъ отъ мо-

глы. Но долго еще и затѣмъ раздавались по степи стenanія и жалобные вопли бѣдной матери.

Когда, мало по малу, пировавшіе разошлись, и я отправился къ своему экипажу — татарской телегѣ, такъ скверно устроенной, что изъ нея я могъ видѣть только то, что было впереди. Разсматриваемая въ этомъ направленіи степь представлялась безконечной плоскостью безъ малѣйшей неровности на ея зеленой поверхности: ни холма, ни куста, ни камня; ни одна даже травинка, казалось, не осмѣливалась перевесить свою сосѣдку. Но за то тѣмъ скорѣе бросалось въ глаза все случайное, не составляющее ея сущности: здѣсь группа старыхъ могилъ, обнесенныхъ со всѣхъ сторонъ высокими каменными стѣнами; тамъ татарская деревня или такъ называемый улусъ, состоящій изъ нѣсколькихъ берестяныхъ юртъ. Вокругъ юртъ паслись многочисленныя стада дикихъ и ручныхъ лошадей, коровъ, овецъ и козъ, и всѣ отдѣльными стадами, а лошади, сверхъ того, раздѣлялись еще на табуны (1). Пастухи развѣзжали верхомъ по степи и удерживали стада въ порядкѣ, каждый въ своемъ участкѣ.

Все это я безъ труда могъ разглядѣть изъ моего широкаго тележнаго короба; но всякій разъ, когда вылезалъ изъ него — по правую и по лѣвую сторону дороги видѣлось множество холмовъ и возвышенностей. И они были такъ же голы и безлѣсны, какъ самая степь; только на лѣвомъ измѣнномъ берегу Абакана и на безчисленныхъ островахъ, образуемыхъ этой рѣкою, поднималась кое-гдѣ роща березъ, тополей, ивъ, лиственницъ и т. п. Хлѣбныхъ полей нигдѣ невидно, потому что, по бесплодію почвы, Русскіе не селятся по Абакану, а качинскіе Татары почти всѣ безъ исключенія пастухи. Послѣдніе, изъ всѣхъ минусинскихъ Татаръ, самые богатые. « У нихъ », говорилъ мнѣ одинъ бѣдный Койбалъ, « айранъ и кумысъ водятся круглый годъ, а скотъ кишитъ вокругъ ихъ палатокъ, какъ муравей въ муравейникѣ ». Въ справедливости этихъ словъ я могъ убѣдиться въ первый же день моего путешествія по степи, понавъ случайно къ Татарину, у котораго, по его собственному показанію, было 6000 лошадей, 2000 коровъ, 1000 козъ и овецъ, да сверхъ того чистыми деньгами нѣсколько сотъ тысячъ рублей.

Хотя и милліонеръ, Татаринъ этотъ въ образѣ жизни ничѣмъ не отличался отъ своихъ соплеменниковъ; сѣдло его было даже далеко не такъ красиво и нарядно, какъ обыкновенно у всякаго Татарина. Какъ хрістіанинъ, онъ не ѣлъ конины и не пилъ кумыса, но айранъ былъ его любимымъ напиткомъ и единственнымъ лѣкарствомъ во всѣхъ болѣзняхъ.

(1) Въ каждомъ табунѣ отъ 30 до 70 кобылъ и одинъ жеребецъ.

Онъ встрѣтилъ меня въ шелковой рубашкѣ и бархатномъ кафтанѣ, опушенномъ соболемъ; но только что мы познакомились поближе — послѣдній тотчасъ же смѣнился старымъ козымъ тулупомъ. Юрта его была больше другихъ и отличалась круглымъ основаніемъ и куполообразною крышею. У минусинскихъ Татаръ бывають и конусообразныя юрты, совершенно сходныя съ горно-лопарскими и самоѣдскими; но въ этихъ, перешедшихъ, вѣроятно, отъ прежнихъ обитателей страны. — живутъ только бѣдныя семейства. Впрочемъ внутреннее устройство какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ одинаково. И въ тѣхъ и въ другихъ вмѣсто полу голая земля, вмѣсто трубы отверстіе въ крышѣ, вмѣсто печи очагъ изъ нѣсколькихъ камней, сложенныхъ на срединѣ юрты въ кружокъ. Дверь всегда на востокъ; и насупротивъ ея въ каждой юртѣ диванъ изъ мягкихъ войлоковъ — ложе хозяйина и хозяйки. На право отъ входа женское, а на лѣво — мужское отдѣленіе. Кругомъ по стѣнамъ подѣланы полки, уставленныя на мужской половинѣ ящиками и сундуками, на женской — котлами, чашками, самоварами и другой хозяйственной утварью.

Но возвратимся къ татарскому миллионеру. Нельзя не замѣтить, что въ выборѣ жены онъ былъ необыкновенно счастливъ: она молода, хороша собою, предана мужу и мастерица готовить айранъ. Когда я спросилъ его, гдѣ отыскалъ онъ такое совершенство, онъ отвѣтилъ мнѣ татарскою пословицей: «увидѣлъ хорошую личь — стрѣляй ее; встрѣтилъ красивую дѣвущку — бери ее». Пословица эта очевидно сложилась въ тѣ времена, когда Татары, какъ на охотѣ, такъ и при сватовствѣ, руководствовались однимъ закономъ — правомъ сильнаго. Этотъ законъ и доселѣ уважается еще бѣдными Татарами; но вообще на сватовство такого рода теперь смотрятъ уже какъ на воровство, и татарскій миллионеръ, приведшій съ такимъ самодовольствіемъ эту пословицу, само собою разумѣется, нисколько не слѣдовалъ ей. Напротивъ, онъ сознался за тѣмъ, что ухаживалъ за своей молодой женой цѣлыхъ два года; три раза въ годъ ѣздилъ къ ближайшимъ ея родственникамъ, возя съ собою айранъ, мясо, масло, сыръ, дорогія ткани, прекрасныхъ лошадей, словомъ: обычный калымъ. Калымъ, по теперешнимъ понятіямъ, составляетъ важную статью въ татарскихъ брачныхъ условіяхъ; онъ не требуется только, когда невѣста вдова, когда или убѣжала отъ перваго мужа, или прогнана имъ. Существуетъ еще между Татарами обычай, по которому никто не можетъ жениться въ своемъ племени, какъ бы родство ни было отдаленно, тогда какъ и ближайшее не препятствуетъ браку, если невѣста изъ другаго племени. Такимъ образомъ и нашъ хозяинъ женился на дочери своей родной сестры, слѣдуя въ этомъ случаѣ своей татарской, а не христіанской совѣсти. Но такое нарушеніе Моисеева закона не обошлось однакожь ему даромъ,

потому что недавно избранный новый племенной старшина выступил противъ него съ требованіемъ ста хорошихъ быковъ, какъ очистительной жертвы. Это требованіе заставило моего Татарина хлопотать о смѣнѣ этого старшины. Разсчитывая на мой совѣтъ и на мое содѣйствіе, онъ, не сказавъ мнѣ ни слова, созвалъ въ продолженіе ночи, пока я преспокойно спалъ, всѣхъ князей и вліятельныхъ членовъ племени. Проснувшись поутру, я тотчасъ догадался, что готовится пиръ: рѣзали барановъ, пекли яйца, хлѣбъ, наливали молоко въ большіе сосуды. На огнѣ стоялъ большой котелъ съ заквашеннымъ молокомъ. Его накрыли деревянною створчатою крышкою съ отверстіемъ на боку. Въ это отверстіе вставили деревянную, дугообразно согнутую трубочку, другой конецъ которой опустили въ желѣзную кружку, стоявшую въ ведрѣ наполненномъ горячей водою. Всѣ отверстія и щели въ крышкѣ котла и около трубочки тщательно замазали глиной. Когда молоко въ котлѣ закипѣло — черезъ деревянную трубочку, потекъ въ желѣзную кружку нектаръ-айранъ ⁽¹⁾. Остатки кислаго молока въ котлѣ были за тѣмъ обращены въ сыръ.

Пока шли приготовленія къ пиру, собралось до двадцати человекъ гостей. Вошедши въ юрту, они уѣлились вокругъ очага и, скрестивъ руки и ноги, курили свои трубки въ таинственномъ молчаніи. Взгляды ихъ были такъ же мрачны, какъ ихъ лица, волосы и одежда. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ, что возвѣстятъ наконецъ эти совѣтники. Между тѣмъ солнце поднялось такъ уже высоко, что лучи его пробрались сквозь дымовое отверстіе и освѣтили омраченныя лица Татаръ, сидѣвшихъ въ юртѣ. Вскорѣ за симъ котелъ съ айраномъ былъ снятъ съ огня, айранъ разлитъ въ бутылки, и хозяинъ вынулъ изъ сундука довольно большой, старинный серебряный кубокъ. Тутъ, въ безмолвномъ и недвижномъ совѣщательномъ собраніи, обнаружилось наконецъ нѣкоторое движеніе: члены его начали выбивать пепель изъ трубокъ, покашливать, помѣшивать огонь; каждый старался чѣмъ нибудь заявить свое присутствіе. Серебряный кубокъ пошелъ кругомъ, бутылка за бутылкой опорожнялась, вмѣстѣ съ тѣмъ исчезали и жирная баранина, и сыръ, и яйца, запеченныя до твердости камня. Но такъ какъ присутствующіе были большею частью князья, то и сохраняли нѣкоторое достоинство и не пили айрана черезъ мѣру.

По окончаніи трапезы, которая у Татаръ составляетъ первый актъ всякаго предпріятія, присутствующіе вышли изъ юрты для предварительнаго совѣщанія, оставивъ меня одного за столомъ, уставленнымъ сыромъ, яйцами и другими яствами. Черезъ нѣсколько времени нѣкоторые изъ

(1) Айранъ и кумысъ приготовляются одинаковымъ образомъ, первый изъ коровьяго, второй изъ кобыльяго молока.

заговорщиковъ вошли опять въ юрту и начали мнѣ жаловаться на несправедливости, оказываемыя племеннымъ старшиною какъ имъ самимъ, такъ и другимъ Татарамъ. Вслѣдствіе этого они рѣшили подать просьбу о смѣнѣ его и просили моего содѣйствія и ходатайства въ этомъ дѣлѣ, намекая, что вознаградятъ меня за труды парой отличныхъ лошадей. Съ своей стороны, и племенной старшина, несчастный предметъ этихъ козней, просилъ меня, за нѣсколько дней передъ этимъ, помочь ему въ томъ же дѣлѣ, обѣщая подарить казанскій тарантасъ. Такимъ образомъ я легко могъ добыть себѣ и лошадей и тарантасъ, но предпочелъ отказаться и продолжать путешествіе на наемныхъ лошадяхъ и въ наемномъ экипажѣ.

Быль уже полдень, когда я разстался съ татарскими аристократами и пустился снова въ степи. Солнце жгло; термометръ показывалъ $+27^{\circ}$, не смотря на то, что въ Саянскихъ горахъ лежали еще огромныя массы снѣга; воздухъ былъ полочъ душныхъ паровъ, развивавшихся, вѣроятно, изъ упомянутыхъ снѣжныхъ массъ, хотя Татары и увѣряли, что они порождаются крикомъ кукушки. Степь, съ виду гладкая, мѣстами поросла пикульникомъ (родъ приса), ѣзда по которому, благодаря толстотѣ стеблей его, соединена съ весьма непріятными толчками. Какъ обыкновенно, на степи видѣлось много юртъ, пасущихся стадъ и пастуховъ. Нерѣдко попадались и пьяные отъ айрана Татары, потѣвшіе подъ бременемъ овчинныхъ тулуповъ, и молодыя дѣвушки, которыя сидѣли на травѣ и шили.

Между тѣмъ какъ я погружался въ эти созерцанія, меня вскорѣ дгнали четыре татарскихъ князька, на быстрыхъ скакунахъ своихъ. Они мелькнули мимо не сказавъ ни слова, и мой вощикъ поѣхалъ слѣдомъ за ними. По уменьшенію толчковъ, я не могъ не догадаться, что князьки, замѣтивъ вѣроятно изъ юрты, что данный мнѣ возница не умѣетъ ѣздить по степи и избѣгать кустовъ пикульника, явились, чтобъ показывать ему дорогу. Вглядываясь въ нихъ, пока они ѣхали впереди меня, я убѣдился что Татаринъ держится на спинѣ лошади далеко лучше, чѣмъ на своихъ собственныхъ ногахъ, что впрочемъ замѣчалъ не разъ и прежде. Онъ ходитъ тяжело, переваливаясь: на сѣдлѣ же сидитъ такъ ловко, какъ будто бы это было естественное его положеніе. Трезвый, пьяный, бодрый, сонный — верхомъ на лошади онъ равно безопасенъ отъ всякаго несчастія. Это зависитъ отчасти отъ привычки, отчасти и отъ нѣжныхъ дружественныхъ отношеній между конемъ и всадникомъ. Почти у каждаго зажиточнаго Татарина есть любимая лошадь, которая ему дороже жены и всего на свѣтѣ, которую онъ ежедневно гладитъ и ласкаетъ, и бережетъ какъ зеницу ока. Съ своей стороны, и лошадь охраняетъ всячески своего господина, и именно въ минуты слабости. Такъ все Татары единодушно

увѣрили меня, что хорошая лошадь никогда не отойдетъ отъ своего хозяина, если онъ, ото сна или съ пьяну, свалится съ нея и заснетъ—случай чрезвычайно впрочемъ рѣдкій. Многіе убѣждены даже, что верховая лошадь знаетъ мысли, намѣренія и желанія своего ѣздока и дѣлитъ съ нимъ радости, печали и заботы. Въ старинныхъ богатырскихъ пѣсняхъ конь часто является въ минуту опасности на помощь своему господину, и если господинъ погибаетъ, то и онъ гибнетъ вмѣстѣ съ нимъ. По этому у Татаръ лошадь отнюдь не вьючное животное, а лучший другъ и спутникъ во всѣхъ походахъ.

Четыре всадника, давшіе поводъ къ этому замѣчанію, провожали меня около десяти верстъ до маленькой рѣчки Уйбатъ. Вмѣсто того, чтобъ переправиться черезъ рѣчку и ѣхать по обыкновенной дорогѣ, я своротилъ на-право и отправился отыскивать древнія надписи, которыя, по указанію Спасскаго, находятся на нѣкоторыхъ надгробныхъ камняхъ, верстахъ въ пятнадцать выше истоковъ Уйбата. Я ѣздивъ изъ улуса въ улусъ, разспрашивалъ и стараго и малаго, но никто ничего не могъ сказать объ этихъ надписяхъ. Между тѣмъ солнце закатилось уже за горы, и мнѣ пришлось остановиться на ночь въ улусѣ, въ которомъ жили три богатые брата и нѣсколько бѣдныхъ семействъ. Три брата были женаты, и каждый жилъ въ особой юртѣ, потому что, по татарскому обычаю, каждое семейство должно имѣть свое отдѣльное жилище. Женится одинъ изъ сыновей—онъ тотчасъ же оставляетъ юрту отца; точно также и женатые братья не могутъ жить подъ одною кровлею; во времена же многоженства даже и каждая жена имѣла свою юрту. Несмотря на то, всѣ члены семьи живутъ обыкновенно дружно и согласно, не дѣлятъ имущества, ѣдятъ за однимъ столомъ и ведутъ одно хозяйство. Всѣми семейными дѣлами завѣдываетъ отецъ, а по смерти его — старшій братъ. Такъ и въ этомъ улусѣ, старшій изъ трехъ братьевъ заступилъ мѣсто отца, и хотя ему было только 22 года, но вся семья и особенно женщины уважали его, какъ патріарха. Въ его присутствіи даже и жены двухъ другихъ братьевъ не смѣли выйти изъ кухоннаго отдѣленія, и по одному его мановенію всѣ женщины выбѣгали изъ юрты. Нѣсколько большою свободою пользовалась одна только его жена, шестнадцати-лѣтній ребенокъ. Она лежала за занавѣскою на диванѣ, и, поглядывая на меня украдкой, строила разныя дѣтскія гримасы. Лежа подлѣ огня, я долго забавлялся ея продѣлками. Наконецъ догорѣло и послѣднее полено, и молодая шалунья заснула близъ своего супруга, давно уже храпѣвшаго.

И мои глаза начинали уже смыкаться, какъ вдругъ, совсѣмъ неожиданно, раздался барабанный бой; черезъ минуту дверь юрты отворилась, и въ нее кто-то крикнулъ, что въ улусѣ умираетъ ребенокъ и что его
п у т . т и .

хотятъ возвратить къ жизни помощью шамана. Я изъявилъ желаніе присутствовать при этомъ лѣченіи, но получилъ отказъ. Посланный сообщилъ мнѣ однажды, что шаманъ, въ своемъ обыкновенномъ чаровническомъ нарядѣ (1), скачетъ и прыгаетъ вокругъ колыбели, бьетъ въ барабанъ и призываетъ подчиненныхъ ему духовъ.—Часто можно было слышать, что онъ выходилъ изъ юрты и, несмотря на темь, бѣгалъ по степи, барабана, свистя, крича и воя, какъ безумный. Вскорѣ къ его неистовымъ крикамъ присоединился и страшный лай, встревоженныхъ имъ собакъ, и ревъ коровъ, и громоздодобный топотъ дикихъ табуновъ, въ испугъ рыскавшихъ по степи. Эта отвратительная серенада, начавшаяся только что стемнѣло, продолжалась до полуночи (2).

На другой день, рано утромъ, я снова отправился въ степь отыскивать вышеуомянутыя надписи. Въ этотъ разъ я нашелъ на одномъ намогильномъ камнѣ нѣсколько вырѣзанныхъ фигуръ, но рѣшительно отличныхъ отъ приводимыхъ Спасскимъ, которыя едва ли и отыщутся, потому что, по всей вѣроятности, курганы разрывали уже и при этомъ засыпали камни землею. Отрывать же ихъ—потратить и времени и денегъ больше, чѣмъ я могу, а потому я и повернулъ назадъ, на обыкновенную дорогу черезъ Уйбатъ.

Перебравшись въ бродъ черезъ эту маленькую рѣчку, я замѣтилъ, что степь начинала мало по малу подыматься надъ уровнемъ Абакана. Скоро я взвѣхалъ на небольшую гору Ю-тагъ (Yu-tag), съ которой открывался обширный видъ на новую степь. Между множествомъ предметовъ, которые я на ней увидѣлъ, слѣдуетъ особенно упомянуть объ одномъ улусѣ, который значительно отличался отъ всѣхъ доселѣ мною видѣнныхъ. Въмѣсто обыкновенныхъ берестяныхъ юртъ здѣсь были войлочные и нѣсколько небольшихъ избушекъ, построенныхъ на манеръ русскихъ. Кромѣ того, виднѣлось множество загородей для скота, маленькихъ амбаровъ, большихъ стоговъ сѣна, и т. д. Удивленный такой роскошью, я началъ разспрашивать моего вощика, который и сообщилъ мнѣ, что этотъ улусъ—татарское зимовье; что качинскіе Татары мѣняютъ свои жилища, обыкновенно три раза въ годъ: весной, лѣтомъ и осенью; что имѣющіе большія стада принуждены даже и лѣтомъ нѣсколько разъ перекочевывать, тогда какъ бѣдныя семейства остаются цѣлое лѣто на одномъ мѣстѣ; что многіе не имѣютъ даже и особенныхъ весеннихъ становищъ, которыя впрочемъ ничѣмъ

(1) Чаровническій нарядъ этотъ состоитъ изъ остроконечной шапки, закрывающей глаза и большую часть лица, и изъ широкой длинной мантии съ висающими суконными лоскутами, обозначающими подвластныхъ шаману духовъ, такъ называемыхъ Айна.

(2) Чародѣйственныя церемоніи эти у Татаръ совершаются только въ ночное время.

не отличаются отъ лѣтнихъ. Какъ для лѣтнихъ, такъ и для весеннихъ становищъ избираются по преимуществу мѣста съ хорошими пастбищами; для зимовьевъ же — лѣсистыя, близъ рѣки или озера. Зимнее становище — какъ бы главная резиденція Татарина: тутъ онъ живетъ въ избѣ, или по крайней мѣрѣ въ войлочной юртѣ; тутъ у него луга, иногда и пашни; тутъ онъ строитъ не только амбары для запасовъ, но и загороди для скота. Въ этихъ загородахъ онъ держитъ однакожь скоть не всю зиму, а только въ дурную погоду или когда высадеть слишкомъ много снѣгу. Дикихъ лошадей никогда не загоняютъ въ загороди; онѣ устроиваются только для одомашненныхъ лошадей, коровъ, овецъ и козъ. Рогатый скоть, для обезопасенія отъ хищныхъ звѣрей, запираютъ въ загороди каждую ночь.

Когда я вѣхалъ въ замѣченное мною съ горы зимовье, скоть загоняли уже въ загороди. Пожилой Татаринъ пустиль меня къ себѣ на ночлежь, но заснуть не было никакой возможности. Тамъ, гдѣ собраны сотни коровъ, овецъ и козъ, неизбѣжна музыка, отъ которой, какъ говорить Вэйемойненъ, «лопаются перепонки уха и сонъ бѣжитъ прочь на цѣлыя недѣли». По счастію мой хозяинъ былъ изъ рода пѣвцевъ, и почти всю ночь занималъ меня древними сказаніями о богатыряхъ. Сказанія эти обыкновенно поются подъ звуки двухъструнной балалайки; но такъ какъ при такой передачѣ пѣвецъ почти никогда не успѣваетъ доборочить въ одну ночь ⁽¹⁾ и одной богатырской пѣсни, то я и упросилъ старика, просто разсказать мнѣ вкратцѣ содержаніе его лучшихъ пѣсней.

Татарскія богатырскія пѣсни изображаютъ смѣлыми чертами дѣянія какого-нибудь преславнаго витязя, заставляють его побѣждать не только людей, но и боговъ, и заключаютъ, обыкновенно, тѣмъ, что непобѣдимый герой добываетъ наконецъ себѣ жену и спокойно доживаетъ съ нею до глубокой старости. Сравненіе татарскихъ богатырскихъ пѣсней съ финскими и самоѣдскими, показываетъ замѣчательное сходство ихъ съ сими послѣдними, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ. Колоссальное въ представленіи — главная характеристическая черта общая всѣмъ имъ, потому что воспѣваемая финскими пѣнями природа, богатая серебромъ и золотомъ, деревья касающіяся макушкой неба, животныя покрывающія собою цѣлыя моря и земли, богатыри, отъ одного голоса которыхъ моря волнуются, земля дрожитъ и горы разсѣдаются, — все это и многое другое, почти слово въ слово, находится и въ татарскихъ богатырскихъ пѣняхъ, и, нѣсколько только въ грубѣйшей формѣ, въ самоѣдскихъ. Большое сходство между ними обнаруживаетъ далѣе и та внутренняя жизнь, которую

(1) Какъ шаманы, такъ и пѣвцы сообщаютъ свою премудрость только ночью.

пѣсни этихъ народовъ придаютъ всему существующему въ природѣ; каждая рыба, птица, кустъ, камень, каждое бревно одарено чувствомъ: и радуется, и горюетъ. Много сходнаго и въ чародѣйственныхъ представленіяхъ. Въ этомъ отношеніи и у Татаръ сила магіи, т. е. мудрость, ставится выше силы меча; такъ герои ихъ отправляются въ далекія земли за мудрымъ совѣтомъ, и не одинъ непобѣдимый побѣждается слабой женщиной только силой мудрости. Замѣчу здѣсь кетати, что, по понятіямъ Татаръ, пѣнь — высшее выраженіе мудрости, и нѣтъ въ природѣ существа, которое бы могло противустоять ей. Съ благоговѣніемъ рассказывали мнѣ Татары, какъ семь Кудаявъ сидятъ на вершинѣ облака и слушаютъ прекрасныя пѣсни, сопровождаемыя звуками арфы. Даже Айна выходитъ изъ земли по поясъ, чтобъ послушать звуки арфы и пѣнь, которой увлекаются и птицы воздушныя, и рыбы водныя, и звѣри степныя и даже самыя скалы и горы. Какъ не вспомнить при этомъ пѣсни Вѣйнемойнена, когда онъ въ первый разъ дотронулся до струнъ своей арфы, изъ шучихъ реберъ!

Татарскія богатырскія пѣсни имѣютъ, кажется, и нѣкоторую историческую важность ⁽¹⁾, но главное ихъ достоинство то, что онѣ — сокровищница мнѣологической мудрости. Изъ этихъ пѣсней между прочимъ видно, что въ древности Татары поклонялись высшему божеству подъ именами Кудая, Джіите Кудая (Djiite Kudai — семь Кудаявъ), Тоогось Кудая (девять Кудаявъ), и Тоогось Тіейень (девять Тіейеновъ). Кудай, по ихъ представленію, живетъ надъ облаками и, по одной сказкѣ, сидитъ въ шатрѣ за завѣсью и вписываетъ въ большую книгу рождающихся и умирающихъ. Кудая много хлопотъ съ землею, управленіе которой онъ ввѣрилъ храбрымъ богатырямъ-ханамъ. Надъ ними онъ поставилъ такъ называемаго Улу-хана — большаго-хана ⁽²⁾, который возвѣщаетъ волю Кудая на землѣ, изъ писанной книги. Въ одной пѣснѣ говорится о такомъ Улу-ханѣ, что онъ родился въ одно время съ свѣтомъ, что смерть и болѣзни надъ нимъ не властны, и что возрастъ его мѣняется, какъ четверти мѣсяца. Эта пѣсня упоминаетъ еще о многихъ другихъ богатыряхъ, которыхъ Кудай одарилъ также безсмертіемъ, но потомъ, когда они возмущались противъ него — въ наказаніе за ихъ дерзость — обратилъ въ камни. По этому и теперь сохранилось еще мнѣніе, что всѣ каменные изображенія, которыя

(1) Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что почти въ каждой богатырской татарской пѣснѣ упоминается о томъ, что люди, т. е. Татары, первоначально жили въ одномъ изъ угловъ земли, на берегу Блага моря, у подошвы высокой горы.

(2) Такъ называютъ Татары китайскаго императора; русскаго же называютъ Ак-кан — бѣлый ханъ.

во множествѣ встрѣчаются на Саянской степи, въ свое время были знаменитые герои и героини.

Кудай представляетъ въ татарской мифологiи доброе начало; всѣ же злыя, враждебныя Кудая существа, называются Айна. Эти живутъ подъ землею и подчинены набольшему, именуемому Ирле-ханомъ. Какъ богатыри пользуются покровительствомъ Кудая, такъ шаманы находятся въ дружественныхъ отношенiяхъ съ Ирле-ханомъ, и каждый имѣетъ въ услугахъ по нѣскольку Айнь, присутствующихъ и помогающихъ имъ при заклинанiяхъ. По существу своему Айны собственно незримые духи, но часто принимаютъ образы людей, змѣй, собакъ, птицъ и т. д. Значенiе Айнь имѣютъ, какъ мы выше замѣтили, и всѣ пришитыя къ одеждѣ шамана суконныя лоскутья, колокольчики, бубенчики и желѣзныя бляшки.

Поклонялись въ старину также и высокимъ скаламъ, святость которыхъ обозначалась намалеванными или высѣченными фигурами, — и могильнымъ курганамъ, и вышеупомянутымъ каменнымъ истуканамъ (1). Изъ деревьевъ чествуется у Татаръ лиственница, какъ у Финновъ рябина. Въместѣ со многими народами, они чтутъ змѣю и медвѣдя; почитаютъ также священными и разныхъ птицъ и изъ нихъ больше всѣхъ лебедя. Слѣдующий, всюду распространенный обычай показываетъ уваженiе ихъ къ этой птицѣ. Какъ скоро Татаринъ застрѣлилъ лебедя — онъ отправляется съ нимъ къ сосѣду и, по предварительномъ угощенiи айраномъ, даритъ его ему, за что сосѣдъ непременно долженъ отдарить лучшей своей лошадыю. Новый владѣлецъ лебедя, въ свою очередь, отправляется съ нимъ къ своему ближайшему сосѣду, и обмѣниваетъ его такъ же выгодно. Такимъ образомъ лебедь переходитъ изъ юрты въ юрту, пока придется наконецъ кому-нибудь заплатить лучшимъ конемъ за полусгнившую птицу.

Не вдаваясь однакожъ слишкомъ уже глубоко въ религiозныя таинства Татаръ, воспользуемся утренней прохладой и отправимся далѣе въ степь. Четыре дикiя лошади, запряженныя въ нашъ тарантасъ, мчатъ насъ во весь опоръ. Два возчика, управляющiе ими, сидя на нихъ верхомъ, напрягаютъ послѣднiя силы, чтобы хоть нѣсколько сдержатъ бѣгъ ихъ; но сколько они ни дергаютъ, ни натягиваютъ поводья (узды у Татаръ роскошь), кони несутся съ быстротою, отъ которой кружится голова. Степь, конечно ровна и гладка, но какъ легко, при такой бѣшеной ѣздѣ, сломаться оси, соскочить колесу. Довольно и одного слишкомъ крутаго поворота

(1) Рассказываютъ, что многiя татарскiя племена и теперь еще собираются у подошвы такой расписанной скалы, или вокругъ каменнаго истукана, для совершенiя празднествъ. О поклоненiи огню, водѣ и солнцу поговоримъ ниже.

дороги, чтобъ опрокинуться, а попадись на пути курганъ—искать другой могилы, вѣроятно, намъ уже не привелось бы. Въ такихъ пріятныхъ размышленіяхъ, я зажмурилъ глаза, ухватился крѣпко за тарантасъ и съ тоскою ждалъ, чѣмъ все это кончится. А лошади, не обращая вниманія ни на усилія верховыхъ, ни на брань и проклятія моего казака, мчалась все такъ же. Наконецъ онѣ остановились сами собою; я открылъ глаза и увидѣлъ, что мы на берегу рѣки Аскись, составляющей границу между Качинской и Сагайской степями.

При впадении этой рѣки стояло нѣсколько ветхихъ избышекъ; въ одной изъ нихъ помѣщалась канцелярія сагайскаго управленія. Такихъ канцелярій или управленій, въ Минусинскомъ округѣ три: Качинское, Койбальское и Сагайское. Каждое состоитъ подъ начальствомъ старшины племени, который наблюдаетъ за порядкомъ, судить и наказываетъ незначительные проступки и равняется «головѣ» русской волости. При племенномъ старшинѣ два чиновника, называемые заведателями, и одинъ писарь или секретарь, который обязанъ находиться въ канцеляріи безотлучно. Кромѣ того, къ татарскому чиновному персоналу принадлежатъ еще: 1.) князья, соответствующіе русскимъ старостамъ: они собираютъ подати и наблюдаютъ за порядкомъ въ каждомъ отдѣльномъ улусѣ; 2.) казначей; 3.) оспопрививатель и 4.) неопредѣленное число писарей въ улусахъ. Всѣ эти чиновники должны быть изъ природныхъ Татаръ, за исключеніемъ писарей и оспопрививателя, которые обыкновенно Русскіе и одни получаютъ жалованье. Всѣ чиновники избираются народомъ на неопредѣленное время. Только одна должность племеннаго старшины наследственна, но и онъ можетъ быть смѣненъ, и тогда Татары имѣютъ право избрать себѣ новаго.

Въ вѣдомствѣ каждаго управленія находится нѣсколько деревень, населенныхъ разными, частію родственными, частію совершенно чуждыми другъ другу родами. Значительнѣйшіе роды изъ принадлежащихъ къ Сагайскому управленію: Сагай и Белтиръ. Эти считаютъ себя первобытными жителями страны и увѣряютъ, что прежде жили по рѣкамъ Абакану и Юсѣ. Всѣ остальные роды: Томъ, Соръ, Кей, Кизиль-кая, Карга, Коби и Тайасъ, переселились въ недавнемъ времени изъ Кузнецкаго округа Томской губерніи. Всѣ сагайскіе татары увѣряютъ, что они чистые Тюрки, но это, по многимъ причинамъ, весьма сомнительно.

Подвѣдомственные Качинскому управленію Татары жили прежде по рѣкѣ Качѣ близъ Красноярска, гдѣ и доселѣ существуютъ еще немногіе остатки ихъ. Во время покоренія Сибири качинскіе Татары примкнули къ казакамъ, помогли имъ прогнать своихъ соплеменниковъ — Киргизовъ (1), и

(1) Эти въ одной царской грамотѣ именуются Кайташпакскими Татарами.

сдѣлалась за тѣмъ единственными обладателями такъ теперь называемой Качинской степи. Еще во время жительства своего по рѣкѣ Качѣ, эти Татары приняли и поглотили въ себѣ Аринновъ (¹), племя сродственное съ Енисейскими-Остяками, которое и теперь еще называетъ себя Ара, хотя въ официальныхъ бумагахъ и именуется Татешевскимъ улусомъ. По переходѣ въ минусинскую страну качинское племя умножилось присоединеніемъ къ нему нѣсколькихъ киргизскихъ семействъ и другихъ племенныхъ родовъ, каковы: Тинь, Джастекъ, Джарень, Джильтагъ, Сукарларъ и Тубаларъ или Тубинцы. Эти роды увѣряютъ, что они первобытные жители страны и что изъ нихъ роды Тинь, Джарекъ и Джильтагъ, до новѣйшихъ временъ всегда принадлежали къ Койбальскому управленію. Что касается до происхожденія этихъ родовъ, то Тинь и Дьястегъ (Остякъ?) утверждаютъ, что они сродственны Аринамъ и Койбаламъ, которые несомнѣнно происходятъ отъ Остяковъ. Всѣ остальные, безъ всякаго сомнѣнія, самоѣдкаго происхожденія. Касательно такъ называемыхъ Тубуларовъ слѣдуетъ однакожъ замѣтить, что это названіе обозначаетъ въ настоящее время не какой либо опредѣленный родъ, а всѣ племена частію самоѣдкаго, частію остяцкаго происхожденія, кочевавшія нѣкогда по рѣкѣ Тубѣ. Придавая этому названію такое обширное значеніе, трудно, разумѣется, дознать, на сколько качинскіе Тубинцы остяцкаго, на сколько самоѣдкаго происхожденія. Во всякомъ однакожъ случаѣ, по обыкновенному и первоначальному значенію, слово Тубуларъ—общее названіе Само-

(¹) До переселенія въ минусинскую страну Аринны перебирались каждое лѣто на одинъ изъ острововъ Енисея, называемый Татешевскимъ; зиму же жили вмѣстѣ съ качинскими Татарами близъ Качи, около горы Кумтлгей. По разсказамъ племени ихъ, прежде весьма многочисленное, было почти совершенно уничтожено въ одной несчастной битвѣ съ туземцами. Объ этой битвѣ сохранилось еще слѣдующее преданіе: одинъ молодой Аринъ увидѣлъ на полѣ змѣю и разрубилъ ее пополамъ. Не убитая еще этими змѣя уползла къ царю змѣй и пожаловалась на Аринна. Разгнѣванный царь змѣй собралъ всѣхъ подвластныхъ ему малыхъ змѣй и отправился мстить за нанесенную имъ обиду. Было лѣто и Аринны жили, какъ обыкновенно, на островѣ. Добравшись до противуположнаго острову берега Енисея, змѣи начали звать лодку. Одинъ старый Аринъ, услышавъ зовъ и воображая, что это кричатъ люди, поспѣшилъ къ нимъ съ лодкою. Каково же было его удивленіе, когда, переѣхавъ черезъ рѣку, увидаль, что весь берегъ кишитъ змѣями. Всѣ онѣ были сильно раздражены и разгнѣваны, особенно малыя. Каждая изъ нихъ хотѣла говорить, но царь змѣй велѣлъ имъ молчать, насажалъ ихъ въ лодку столько, сколько могло въ ней помѣститься и заставилъ старика перевезти ихъ на островъ въ нѣсколько разъ. Когда всѣ малыя змѣи были перевезены на островъ, царь змѣй влезъ и самъ въ лодку и велѣлъ перевезти и себя туда же. Во время перевоза онъ сказалъ старику: «когда ты возвратишься домой, не забудь посыпать золы вокругъ своей юрты и обвести ее пестрой веревкой, свитой изъ бѣлыхъ и черныхъ конскихъ волосъ». Старикъ не забылъ этихъ словъ; возвратясь домой, онъ сдѣлалъ такъ, какъ говорилъ царь змѣй и легъ спать. Когда же поутру проснулся, то увидѣлъ, что весь улусъ разоренъ, и всѣ жители перебиты. Одно только семейство старика было пощажено и отъ него-то и происходятъ всѣ теперь существующіе Аринны.

тдовъ, въ языкѣ которыхъ и слово tuba или чаще tebe употребляется какъ нарицательное имя въ значеніи челоѵѵка и Самоѵда. Возьмемъ еще при этомъ въ расчетъ, что Маторы, которые и донинѣ въ китайскихъ владѣніяхъ называютъ себя Тубузарами, жили издревле въ рѣчной области Тубы, то, кажется, можно будетъ безошибочно предположить, что качинскіе Тубинцы—вѣтъ Маторовъ. Это подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ 400 Маторовъ (1), кочевавшихъ прежде по правой сторонѣ Енисея, въ настоящее время, осталось только восемь податныхъ душъ.

Что же касается наконецъ до Койбаловъ, о которыхъ такъ много спорили, то они считаютъ себя, вмѣстѣ съ облеченной въ мионической шракъ Чудью, древнѣйшими обитателями этой страны. Ихъ составляютъ восемь слѣдующихъ родовъ: большой и малый Байгадо (Бай), Каигъ, Тараджакъ, Тиода, Мадоръ, Кѣль, Ингара, Бѣгѣды, Иргень, Артъя, Кѣйекъ и Кайденгъ. Въ отношеніи къ своему происхожденію эти роды, теперь совершенно отатарившіеся, распадаются на Самоѵдовъ и Енисейскихъ Остяковъ. Остяцкаго происхожденія только большой и малый Байгадо, и Кайденгъ; всѣ же остальные—самоѵдскаго. Степановъ, съ полною увѣренностью и съ видомъ полнаго знанія дѣла, выдаетъ всѣхъ Койбаловъ за природныхъ Татаръ, тогда какъ каждый изъ нихъ скажетъ вамъ, что его предки были совсѣмъ другаго племени, и говорили своимъ собственнымъ языкомъ. Есть еще нѣсколько престарѣлыхъ Койбаловъ, которые помнятъ нѣсколько словъ своего прежняго языка, и на этихъ-то словахъ и основалъ я, въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, мое мнѣніе о происхожденіи Койбаловъ.

Въ Сагайскомъ управленіи я употребилъ цѣлую недѣлю на раскапываніе древнихъ могильныхъ кургановъ, которыхъ здѣсь множество. Кончивъ эту работу, я перебрался черезъ рѣку Абаканъ, и началъ новый рядъ поѵздовъ по Койбальской степи. Степь эта распространяется вдоль праваго берега Абакана, между Енисеемъ и впадающимъ въ Абаканъ Таботомъ. Какъ племя бѣдное и угнѣтенное, Койбалы не могли воспрепятствовать переходу на свою плодородную степь значительнаго числа качинскихъ и сагайскихъ Татаръ. Кромѣ того, къ нимъ ежедневно переселяются и Русскіе, выстроившіе уже большія деревни по небольшимъ рѣчкамъ. Слѣдуя ихъ примѣру, нѣсколько бѣдныхъ койбальскихъ семействъ построили себѣ также маленькія хижины по берегу ручья Уть, отъ котораго эта койбальская деревенька и получила въ послѣдствіи свое названіе.

(1) Изъ нихъ, двѣсти семействъ, по преданію, переселились въ Китай, и живутъ тамъ доселѣ подъ именемъ Матаровъ.

Въ этой деревнѣ я прожилъ почти три недѣли и ежедневно былъ въ обществѣ Койбаловъ, которые оказывали мнѣ особенное расположеніе. Они считали особенною для нихъ честью, что я занимаюсь ихъ языкомъ и разспрашиваю о ихъ старинѣ. Одинъ старый Койбалъ сказалъ мнѣ, что всѣ прїѣзжающіе изъ Петербурга обращаютъ особенное вниманіе на Койбаловъ, вѣроятно, потому что бѣлый ханъ дорожитъ ими больше, чѣмъ всѣми другими Татарами. Многіе старики помнили еще Палласову экспедицію; но она сохранилась въ ихъ памяти, какъ весьма печальная эпоха. «Она не принесла намъ ничего, кромѣ горя», — говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ, — «потому что вскорѣ за тѣмъ вторглись къ намъ поселенцы и чума уничтожила наши стада!» — На мое замѣчаніе, что ни Палласъ, ни его спутники нисколько не виновны въ этомъ, Койбалъ возразилъ мнѣ вопросомъ: «Такъ развѣ они только для одного удовольствія проживали цѣлыя недѣли въ дремучихъ лѣсахъ, далеко отъ людей?» — Скотскій падежъ, по мнѣнію многихъ Койбаловъ и нѣкоторыхъ русскихъ поселенцевъ, былъ вызванъ Палласомъ не чародѣйствомъ, а раскапываніемъ древнихъ могильныхъ кургановъ. Несмотря на то, мнѣ не мѣшали разрывать ихъ, хотя и не мало было объ этомъ самыхъ разнообразнѣйшихъ толковъ. Говорили, между прочимъ, что изъ древнихъ чудесныхъ череповъ, я умѣю готовить декоктъ, который дѣйствительнѣе сассапарели и всѣхъ возможныхъ лѣкарствъ.

Живя въ деревнѣ *Утъ*, я ѣздилъ и въ сосѣдніе улусы. Вездѣ бѣдность и нищета; но бѣдняки показались мнѣ гораздо лучше, нежели какъ говорятъ о нихъ. Койбаловъ обвиняютъ во многихъ дурныхъ качествахъ, особенно въ воровствѣ; но послѣднее, при совершенномъ господствующемъ въ степи беззравіи, въ народѣ страшно во всемъ нуждающемся, почти неизбежно. Кстати, разскажу здѣсь случай нѣсколько объясняющій это. Одинъ бѣдный Койбалъ получилъ въ наслѣдство отъ отца барана, котораго берегъ такъ, что ночью спалъ въ полѣ, каждый разъ обматывая около руки веревку, другой конецъ которой былъ завязанъ на шеѣ животнаго, въ полной увѣренности, что такимъ образомъ совершенно обезопасилъ себя отъ всякаго хищника. На бѣду баранъ его приглянулся одному ссыльному негодяю, и вотъ, какъ только стемнѣло и простодушный Койбалъ заснулъ преспокойно, бездѣльникъ полкрался къ спящему, перерѣзалъ веревку и увелъ барана. Можно себѣ представить удивленіе и ужасъ бѣдняка, когда, проснувшись поутру, онъ увидѣлъ, что лишился послѣдняго достоянія своего. Урокъ этотъ не пропалъ однакожъ даромъ: узнавъ легкій способъ живиться чужимъ добромъ, и онъ началъ такъ же пользоваться темнотою ночи.

Разѣзжая по Койбалской степи, попалъ я однажды поздно вечеромъ

въ одинъ бѣдный улусъ; темнота и собиравшійся дождь принудили меня остановиться на почъ въ одной изъ юртъ его. Несмотря на то, что я выбралъ самую лучшую — она была страшно грязна и такъ ветха, что вѣтеръ и дождь свободно проникали сквозь бересту. Когда я вошелъ—все взрослое ея населеніе, за исключеніемъ хозяйки, лежало на полу совершенно опьяненное айраномъ. Подлѣ огня ползало нѣсколько голыхъ ребятишекъ и, плача отъ голоду, протягивали ручки къ котлу, надъ нимъ висѣвшему. Вокругъ него похаживали и собаки, сильно вилая хвостами, вѣроятно, въ надеждѣ, что изъ него выпадетъ что-нибудь и на ихъ долю. И телята, и овцы, испуганные грозой, просовывали свои головы въ дверь такъ часто, просились въ юрту такъ жалобно, что хозяйка, сначала желавшая избавить меня отъ такой компаніи, была наконецъ вынуждена отвести и для нихъ уголь.

Наконецъ котелъ снять съ огня, хозяйка, растолкала не совсемъ учтивымъ образомъ пьяныхъ, и поставила передъ ними корытцо съ мясомъ. Замѣтивъ, что, прежде чѣмъ началась трапеза, хозяйка бросила кусокъ мяса въ огонь, я спросилъ ее, что это значить, на что она отвѣчала: « И огонь вѣдь богъ ».—Кромѣ того, она сообщила мнѣ, что такое же значеніе имѣетъ и вода, вслѣдствіе чего первые куски нѣкоторыхъ кушаньевъ Татары обыкновенно бросаютъ въ рѣку, или въ озеро,—что слѣдовало бы приносить первый кусокъ всякаго кушанья въ жертву и востоку или восходящему солнцу, но что это выходитъ уже изъ обыкновенія. Всѣ эти жертвоприношенія составляютъ, по ея словамъ, обязанность хозяйки, которая за неисполненіе ихъ подвергается опасности попасть въ царство Ирле-хана и терпѣть такое же наказаніе, какъ и работающія послѣ захождения солнца, подающія гостямъ молоко разбавленное водою и т. д.

Во время моего разговора съ хозяйкой, въ юрту вошелъ Койбалъ, весь оборванный, и тотчасъ же объявилъ, что его прозвище Собакинъ и что онъ вѣреть своему прозвищу. За тѣмъ онъ началъ рассказывать свои подвиги, хвастаться наглѣйшимъ образомъ пьянствомъ, буйствомъ; показывалъ знаки побоевъ на своемъ тѣлѣ и гордился ими какъ воинъ; не скрывалъ даже и кражъ, въ особенности же тѣшплся множествомъ судѣбныхъ дѣлъ, порожденныхъ его предѣлками. Между прочимъ, указывая на трѣхъ женщинъ, бывшихъ въ юртѣ, онъ сказалъ съ величайшимъ самоудовольствомъ: « Всѣ эти твари были прежде моими женами, но я ихъ вытолкалъ за двери, одну за другой » (1). — За симъ, какъ бы нѣсколько образумившись, онъ пробормоталъ про себя: « а широкоплечую-то

(1) Что мужа выгоняютъ своихъ женъ, это у Татаръ столь же обыкновенно, какъ и то, что жены убѣгаютъ отъ своихъ мужей.

можно было бы и оставить », и, подѣвъ къ ней, спросилъ двухструнную балалайку и запѣлъ пѣсню слѣдующаго содержания:

« Былъ одинъ Татаринъ, по имени Тьенаръ-кусъ, и было у него много юрты, много народу и много скота. И было ему не мало уже лѣтъ, когда онъ взялъ себѣ жену молодую и прекрасную. Тьенаръ-кусъ любилъ ее, но она, казалось ему, не любила его, а потому онъ и рѣшился испытать ее. Вотъ онъ однажды и отправился въ степь, будто бы осматривать скотъ свой, и, отѣхавъ немного отъ юрты, свалился нарочно съ сѣдла, и лежитъ себѣ какъ мертвый. Пастухи его, видя, что господишъ ихъ лежитъ на землѣ недвижно, бросились въ юрту и рассказали о случившемся домашнимъ. Услышавъ это, жена его вскочила тотчасъ же на лошадь и, прискакавъ къ лежащему, начала надъ нимъ плакать. Но Тьенаръ-кусъ не довѣрялъ слезамъ своей жены и все лежалъ недвижно. Въ отчаяніи жена выхватила кинжалъ изъ ноженъ и сказала: « Не встанешь ты, Тьенаръ-кусъ, и я не хочу больше жить на землѣ. Никогда не скажутъ люди, что жена Тьенаръ-куса рыскала вдовою, отыскивая себѣ другаго мужа. Нѣтъ, не разстанусь я съ тобой, мой супругъ и владыка!» Тьенаръ-кусъ и тутъ не поднялся, и она, воззивъ кинжалъ себѣ въ грудь, упала подлѣ него мертвая. И стало жаль Тьенару-кусу, что онъ подозрѣвалъ ее въ холодности, и всю жизнь свою оплакивалъ онъ за тѣмъ вѣрною жену свою ».

Простимся однакожь съ презираемыми Койбалами и посѣвшимъ черезъ ихъ степь въ Азначеное, послѣднее въ русскихъ предѣлахъ селеніе на Енисеѣ. Отсюда считается отъ 40 до 50 верстѣ до саянскихъ Таскиловъ, но лѣтомъ эта дорога не проѣдна, потому что рѣка слишкомъ быстра, а берега ея, какъ и вся окрестная страна, гористы. Такимъ образомъ, не имѣя возможности подняться вверхъ по рѣкѣ, пришлось, рѣшительно противъ желанія, ѣхать внизъ по теченію. Я проплылъ около ста верстѣ въ нѣсколько часовъ, которые хотѣлось бы превратить въ дни; но рѣка мчитъ здѣсь такъ быстро, что едва успеваешь замѣтить и острова, выступающіе изъ воды роскошными цвѣтниками. Такъ же быстро мелькаютъ и скалы, круто спускающіяся въ рѣку и бросающія темную тѣнь на гладкую водную поверхность. Было время, когда народы, говорившіе различными языками, собирались здѣсь для празднованія весны, и у подошвы громадныхъ скалъ сожигали богатыя жертвы. Эго время исчезло почти изъ памяти, но и доселѣ эти скалы изумляютъ еще всякаго. Поражая своимъ величьемъ, они, сверхъ того, заинтересовываютъ путешественника и множествомъ, начертанныхъ на нихъ фигуръ. Въ этихъ фигурахъ не трудно распознать тотчасъ же слѣды различныхъ народовъ,

которых уже не встрѣтишь въ этой странѣ, покрайней мѣрѣ подъ ихъ собственными именами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что однихъ изъ этихъ народовъ были Киргизы, которымъ и приписываемъ все высѣченное на скалахъ. Это большею частью изображенія животныхъ, естественныхъ предметовъ и различныхъ орудій; много и людей, которые, какъ и все прочее, представлены въ весьма уменьшенномъ размѣрѣ. Человѣческія фигуры на скалахъ, иногда одинокія, иногда по двѣ вмѣстѣ, иногда соединенныя въ большія группы, представлены или стоящими, или идущими, или верхомъ на лошади, или стрѣляющими изъ лука въ спасающагося звѣря и т. д. Изъ четвероногихъ животныхъ, кромѣ лошадей, можно легко распознать коровъ, барановъ, дикихъ и одомашненныхъ козъ, оленей, лосей, зайцевъ, лисицъ, волковъ, медвѣдей, верблюдовъ и т. д. Кое гдѣ попадаются и змѣи, разныя птицы, деревья, и т. д. Изъ орудій я видѣлъ только луки и стрѣлы, мечъ и нагайку. Похожія же на буквы высѣченныя фигуры и знаки на скалахъ весьма рѣдки; гораздо чаще находятъ ихъ на могильныхъ камняхъ (1), или разбросанными, по всему камню, или въ непрерывномъ порядкѣ. Многія изъ этихъ Татары почитаютъ древними письменами, что весьма вѣроятно. Не вдаваясь въ подробное обозначеніе всѣхъ мѣстъ, гдѣ есть киргизскія надписи, скажу только, что высѣченныя фигуры всѣхъ возможныхъ родовъ встрѣчаются на пространствѣ отъ Азначенаго до Абаканска, какъ по самому Енисею, такъ, еще даже болѣе, и влѣво отъ него, на скалахъ и на могильныхъ камняхъ (2). Нѣсколько ниже Абаканска на енисейскихъ скалахъ начинаютъ попадаться фигуры, нарисованныя красною краскою; эти гораздо малочисленнѣе, грубой работы и представляютъ кромѣ лошадей, козъ и многихъ другихъ изображеній, также и людей, ѣдущихъ верхомъ на оленяхъ. Такъ какъ этотъ способъ ѣзды и доселѣ въ употребленіи у Сойотовъ, Камассинцевъ, Карагассовъ и соплеменниковъ ихъ, и такъ какъ эти племена жили и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчаются эти изображенія, то происхожденіе сихъ послѣднихъ и не подлежитъ никакому почти сомнѣнію. Гораздо труднѣе сказать, что либо положительное о фигурахъ, начертанныхъ черною краскою на одной скалѣ не подалеку отъ Абаканска. Эти весьма вѣроятно настоящія письмена; но, къ сожалѣнію, отъ нихъ остались теперь лишь незначительныя стрѣпки. Большую ихъ часть уничтожило время, а въ двухъ мѣстахъ они

(1) Именно это обстоятельство и даетъ право считать всѣ высѣченныя фигуры киргизскими; потому что много весьма важныхъ причинъ заставляютъ полагать, что самыя могилы непременно киргизскаго происхожденія.

(2) Въ этихъ же предѣлахъ находится и большая часть могильныхъ холмовъ, а тутъ-то именно и жили прежде Киргизы.

вырублены и увезены губернаторомъ Степановымъ. Предположенія, которыя во мнѣ возбудили немногія уцѣлѣвшія остатки ихъ, я выскажу въ другомъ мѣстѣ.

Теперь мы оставимъ енисейскіе берега и поверотимъ къ востоку, по дорогѣ, идущей изъ Минусинска вверхъ по рѣкѣ Тубѣ. Тутъ намъ попадаются мѣстности и ландшафты, нисколько не похожіе на видѣнные нами въ рѣчной области Абакана. Ровныя, безлѣсныя степи, по крайней мѣрѣ на правой сторонѣ, весьма рѣдки и не велики. Всюду тянутся возвышенности, раздѣленные одна отъ другой болѣе или менѣе широкими долинами. Какъ на горахъ, такъ и въ долинахъ видѣются прекрасныя небольшія рощи березъ, тополей, осины, ивъ и кое-гдѣ лиственницы. Роскошныя луга, рѣдкіе въ рѣчной области Абакана, стелются отъ Тубы почти непрерывно. Травы великолѣпныя, особенно на горахъ, которыя въ минусинскомъ краю вообще плодороднѣе равнинъ. Это оттого, что обычная здѣсь въ лѣтніе мѣсяцы засуха дѣйствуетъ несравненно сильнѣе на послѣднія, нежели на первыя, въ которыхъ трава и деревья сохраняютъ свою свѣжесть даже и въ это время года. Кромѣ того, равнинамъ минусинскаго края вредятъ много и ночныя морозы, начинающіеся обыкновенно еще въ августѣ. По двумъ этимъ причинамъ поселенцы пахутъ землю по преимуществу на горахъ, которыя такъ плодородны, что одно и то же поле, безъ всякаго искусственнаго удобренія, засѣвается въ теченіи болѣе двадцати лѣтъ сряду, и ежегодно даетъ обильную жатву. Не менѣе плодородны и безчисленные острова на Тубѣ, Енисей и Абаканѣ, но для земледѣлія они не такъ удобны, потому что часто заливаются и нерѣдко, черезъ нѣсколько лѣтъ, и совершенно сносятся весеннимъ половодьемъ.

Прекрасной и плодоносной страной, прорѣзываемой Тубою, владѣли некогда дикія звѣроловческія племена, бродившія по лѣсамъ съ своими оленьими стадами. Что Киргизы распространились вправо отъ Енисея весьма въ незначительномъ числѣ — это доказывается не только исторіей и преданіями, но и чрезвычайно малымъ числомъ могильныхъ кургановъ. Какъ народъ пастушескій, Киргизы, естественно должны были предпочесть лѣвую сторону Енисея, на голыхъ степяхъ которой имъ легче было пасти безчисленныя стада свои, чѣмъ въ Тубинскихъ лѣсахъ. По симъ послѣднимъ, какъ мы выше уже замѣтили, скитались частію Самоѣды, частію Остяки. Изъ нихъ въ позднѣйшія времена многіе перебрались въ Китай, на Качинскую и Койбальскую степи; оставшіеся же приняли языкъ и обычаи сперва Татаръ, а потомъ Русскихъ. Изъ отатарившихся существуютъ еще доселѣ, кромѣ упомянутыхъ восьми Маторовъ, два небольшіе остяцкіе рода, изъ коихъ одинъ (малый Байгадо) живетъ по Сальбѣ, а другой (Кайденгъ) по самой Тубѣ. За симъ все населеніе по Тубѣ со-

стоитъ изъ туземцевъ, ссыльныхъ и обрусѣлыхъ племень; вслѣдствіе плодородія почвы оно довольно здѣсь велико, тогда какъ берега большихъ притоковъ ея Амыла, Кизира и Зизима почти совсѣмъ еще не воздѣланы. Самое верхнее поселеніе во всей этой рѣчной области—Шадатскій казачій форпостъ, находящійся при большой, впадающей въ Амылъ, рѣкѣ Каратусь. Нѣсколько верстъ выше его прекращается проѣзжая дорога, и лишь узкая тропинка ведетъ путешественника вверхъ по Амылу въ Саинскія горы.

По этой-то дорогѣ, началъ я 5 іюля мое путешествіе къ Сойотамъ, въ сообществѣ золотопромышленниковъ, священниковъ, чиновниковъ и казаковъ, которые всѣ ѣхали къ Амыльскимъ золотопромывальнямъ, каждый по своему дѣлу. Какъ ни разнообразны были мои спутники по званію и состоянію, тутъ трудно было однакожь отличить слугу отъ барина, священника отъ пономаря, Русскаго отъ Татарина. Священникъ снялъ свою рясу, чиновникъ свой фракъ, золотопромышленникъ свое пальто— всѣ были въ одинаковомъ, лѣсномъ костюмѣ, т. е. въ киргизскомъ плащѣ изъ верблюжей шерсти, въ сѣткѣ изъ конскихъ волосъ, которую надѣваютъ на голову для защиты отъ комарей, въ круглой татарской шапкѣ, съ широкими полями, и т. д. Кромѣ того, всѣ казаки и нѣкоторые изъ золотопромышленниковъ были вооружены ружьями и пистолетами, и по временамъ стрѣляли изъ нихъ, для удержанія волковъ и медвѣдей въ почтительномъ разстояніи.

Все общество подвигалось впередъ длинною вереницей, потому что дорога была такъ узка, что и двумъ верховымъ невозможно было ѣхать рядомъ. Всѣ хранили глубочайшее молчаніе; каждый былъ совершенно поглощенъ заботой о собственномъ своемъ самосохраненіи, и эта забота нисколько не была излишнею, потому что опасность въ Саинскихъ горахъ встрѣчается почти на каждомъ шагѣ. Здѣсь ѣдешь по дорогѣ, которая лѣтомъ до того топка, что лошадь уходитъ чуть не по-брюхо. Хорошо еще, если ноги ея доберутся до твердой почвы: тогда всадникъ внѣ опасности и отдѣляется только тѣмъ, что страшно загрязнится. Но часто случается, что лошадь, увязивъ одну изъ переднихъ ногъ, никакъ не можетъ вытащить ее. Смирная и не дѣлаетъ тутъ никакихъ успій, а ложится тотчасъ же на бокъ, при чемъ всадникъ легко можетъ полатиться ногой, остающейся въ стремени. Горячая же лошадь напрягаетъ всѣ свои силы, чтобъ высвободить переднія ноги: бьетъ и бросается задомъ изъ стороны въ сторону, подвергая такимъ образомъ всадника опасности не только переломать руки и ноги о деревья, но и разбить голову о навѣшіе сучья. За симъ на амыльской дорогѣ много еще страшно крутыхъ подъемовъ и спусковъ. Тутъ все зависитъ отъ лошади; если она хоть мало

мальски не тверда на ногахъ—паденіе неизбежно. Надобно однакожь замѣтить, что подобные случаи чрезвычайно рѣдки, потому что жизнь не менѣе дорога и для лошади, и она избѣгаетъ опасности съ невѣроятной ловкостью и смѣлвостію. Такъ, я видалъ не разъ, что при слишкомъ крутомъ спускѣ, если она не вполне довѣряетъ своимъ ногамъ, она ложится на брюхо и передними ногами сдвигаетъ себя и всадника мало по малу внизъ. Въ подобныхъ случаяхъ, конечно, всего лучше отдаться на волю лошади; но есть много и такихъ, въ которыхъ спасеніе отъ не меньшей опасности зависитъ рѣшительно только отъ ловкости и находчивости самого всадника. Изъ множества опасностей, которымъ подвергали меня на этомъ пути моя неосмотрительность и неумѣнье ѣздить верхомъ, расскажу только одинъ случай. Дорога шла густымъ лѣсомъ и въ одномъ мѣстѣ была преграждена сломленнымъ деревомъ, которое перекинулось черезъ нее, но такъ высоко отъ земли, что ѣхавшій впереди меня пригнулся только къ лошади, и проѣхалъ благополучно. Слѣдуя его примѣру, и я пригнулся, но такъ, что грудь моя пришлась къ самой сѣдельной лукѣ; но несчастію моя лошадь была гораздо выше, и меня, разумѣется, придавило грудью къ сѣдлу. Какіе-нибудь полдойма еще—и я заплатилъ бы жизнию; во всякомъ случаѣ, и это прижатіе едва ли обойдется безъ непріятныхъ послѣдствій.

Какъ ни безпокойно, ни опасно, ни многотрудно это путешествіе; но въ немъ есть и свои свѣтлыя стороны. Вотъ, наступившая темь заставляетъ нашъ караванъ остановиться въ пустынномъ лѣсу. Лошадей рассѣдываютъ, разводятъ огонь, развѣшиваютъ надъ нимъ горшки и чайники, разстилаютъ на землю попоны и ковры, и размѣщаютъ вокругъ нихъ сѣдла, замѣняющія стулья. На накрытый такимъ образомъ столъ каждый выкладываетъ свои съѣстные припасы, изъ которыхъ самые лучшіе принадлежатъ, разумѣется, священнику и золотопромышленнику, а самые худшіе—ученому. За симъ все садятся другъ подле друга на сѣдла, и начинается настоящая лѣсная трапеза. Сыръ, водка, пироги, чай, бульонъ, мадера, рыба, мясо, шампанское, икра — все поглащается какъ попало и съ одинаковымъ аппетитомъ, потому что это и завтракъ, и обѣдъ, и ужинъ. Насытившись, старики остаются за столомъ и пьютъ, да не такъ какъ въ наше время, а какъ пивали въ старину. Морщины чела разглаживаются; щеки румянятся яркимъ пламенемъ большого костра. Между тѣмъ нѣкоторые изъ молодыхъ, покинувшихъ шумную бесѣду, затягиваютъ какую-нибудь пѣсню. Старики подхватываютъ, и лѣсъ оглашается вскорѣ громкимъ и веселымъ хоромъ. Еще нѣсколько стакановъ, и одинъ за другимъ склоняетъ голову на кочку, или къ древесному пню, и засыпаетъ

на сырой землѣ такъ крѣпко, что не чувствуетъ даже и дождя, льющаго всю ночь какъ изъ ведра.

Такая ночь выдалась намъ, если память меня не обманываетъ, черезъ два дня послѣ нашего отъѣзда изъ Шадатска. На третій день мы продолжали нашъ путь въ дождь и непогоду, лѣсомъ, называемымъ по преимуществу чернымъ. Вообще туземцы Сибири раздѣляютъ всѣ лѣса на бѣлые и черные; точно такъ же дѣлятъ они и земли, и птицъ, и рыбъ, и воды, и все, что существуетъ въ природѣ. Дѣленіе это основывается не на одномъ цвѣтѣ, или вѣншемъ видѣ, но и на внутреннихъ свойствахъ, вѣдствие чего и людей и боговъ они раздѣляютъ также на бѣлыхъ и черныхъ. *Черными* лѣсами называются всѣ хвойныя; *бѣлыми*—березовыя и всѣ лиственныя. Прилагательное: *черный*, не совсѣмъ, конечно, идетъ къ зеленому лѣсу; но лѣсъ, по которому мы ѣхали, вполне заслуживалъ это названіе, хотя и состоялъ изъ бѣлой или серебряной ели (пихты). Очень, впрочемъ, возможно, что мрачность его происходила отчасти и отъ густаго тумана, который какъ дымъ поднимался съ горъ и затемнялъ всю атмосферу. Мракъ усиливался еще и тѣмъ, что, вмѣсто просѣкъ, онъ прорѣзывался только весьма немногими, узенькими тропинками, осѣненными густыми деревьями. Мѣстами снѣгъ послѣднія стѣсняла такъ протѣтъ, что нѣкоторые изъ путешественниковъ, отличавшихся излишней тучностью, должны были слѣзть съ лошадей и идти пѣшкомъ. Утомленный трудной верховой ѣздой, я также попробовалъ пройти пѣшкомъ, но оказалось, что колѣна мои такъ одеревянѣли, что я не могъ сдѣлать и шагу. Пока я взбирался опять на сѣдло, караванъ скрылся изъ виду. Къ довершенію несчастія и узкая тропинка, по которой я ѣхалъ, вдругъ исчезла. Изумленная этой печальностію лошадь моя, понеслась, какъ безумная, цѣлкою. Колѣна мои испытали уже крѣпость саянекихъ елей, а тутъ я подвергался опасности размогнуть о нихъ и всѣ члены мои. Чтобъ спасти хоть глаза, я закрылъ ихъ правою рукою, а лѣвою, что было мочи, старался сдерживать лошадь. Весьма вѣроятно, что всѣ мои усилія остались бы тщетными, еслибъ не помогла большая лужа, передъ которой моя лошадь остановилась такъ неожиданно, что я перелетѣлъ черезъ ее голову прямо въ грязь. Но и за симъ, только что я опять вскарабкался на сѣдло, лошадь вдругъ заржала и снова понеслась по чащѣ такъ же шибко, но по другому уже направленію. По счастью это продолжалось не долго; вскорѣ она приостановила свой бѣгъ: я взглянулъ, и увидѣлъ передъ собою часть нашего каравана, а въ нѣкоторомъ разстояніи двѣ небольшія золото-промывальни.

Всѣ духовные и большая часть свѣтскихъ путешественниковъ остались здѣсь врачевать свои ушибы. А такъ какъ мои оказались, по надлежа-

щемъ осмотрѣ, нисколько не опасными, то, просушивъ мое платье въ продолженіе ночи, я и отправился въ слѣдующее же утро далѣе вмѣстѣ съ нѣсколькими казаками и золотопромышленниками. Дорога шла сначала черезъ гору Чокуръ, далеко извѣстную своими ужасными пропастями. Минувавъ ихъ безъ всякихъ особенныхъ приключеній, мы добрались къ вечеру до рѣки Амыла, и продолжали наше путешествіе вверхъ по этой рѣкѣ. Здѣсь намъ не мѣшали ни ели, ни горы; но, несмотря на то, золотопромышленники считали эту часть дороги самою трудною, потому что приходилось перебираться черезъ груды камней, имѣя постоянно въ виду весьма легкую возможность скатиться въ рѣку. Какъ ни пустыненъ этотъ берегъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я замѣчалъ однакожь, какъ мнѣ казалось, слѣды старой дороги, проложенной, вѣроятно, Маторами; потому что, по преданію, по Амылу жили нѣкогда многочисленныя семьи Маторовъ, занимавшихся звѣроловствомъ въ горахъ и рыболовствомъ въ рѣкахъ. Племя это исчезло, и путешественникъ встрѣчаетъ теперь по Амылу только рѣдкіе шалаши изъ сѣна или бересты, которые осенью даютъ пріютъ русскимъ рыболовамъ, лѣтомъ же стоятъ пустыя, а везую по большей части сносятся полою водою. На этотъ разъ три изъ нихъ были однакожь заняты казаками, расположенными по Амылу для ловли многочисленныхъ бѣглецовъ съ золотопромываленъ.

Перебравшись черезъ гору Чокуръ, мы вконецъ добрались до одного изъ этихъ казацкихъ балагановъ. Здѣсь, по обыкновенію, вечеромъ устроилась серенада; съ разсвѣтомъ же мы снова осѣдзали лошадей, и двинулись далѣе. По множеству крестныхъ знаменій, которыя православные спутники мои дѣлали передъ отъѣздомъ, я заключилъ, что намъ предстоятъ трудный день, можетъ быть вслѣдствіе бывшаго дождя и дурной дороги, а можетъ быть и потому, что намъ два раза приходилось переѣзжать черезъ Амылъ, а переправа эта считалась весьма опасною, какъ по быстротѣ, такъ и по глубинѣ его. При первомъ же бродѣ на нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ нашель такой страхъ, что они предпочли сдѣлать небольшой крюкъ и переправиться черезъ рѣку въ лодкѣ. Между тѣмъ одинъ изъ моихъ спутниковъ смѣло вѣхалъ въ рѣку; я послѣдовалъ за нимъ, и мы достигли благополучно противоположнаго берега. Такимъ образомъ я отдѣлился отъ каравана золотопромышленниковъ и продолжалъ путешествіе одинъ съ двумя казаками, которые съ самаго начала были даны мнѣ въ тѣлохранители. Смѣлые и ловкіе, они вѣхали и по крутымъ скаламъ и косогорамъ такъ быстро, какъ бы по гладкому полю. Конечно и они падали такъ же часто, какъ я; но при этихъ паденіяхъ страдали больше лошади, чѣмъ всадники. Ушибы, достававшіеся на мою долю, были,

врочемъ, для меня гораздо сноснѣе холоднаго сѣвернаго вѣтра и сильнаго дождя. Именно эта-то непогода и заставляла такъ спѣшить казаковъ, нежелавшихъ, разумеется, почевать подъ открытымъ небомъ. Мы еще до сумерекъ добрались до Николаевска, одной изъ главныхъ золотопромывальень въ рѣчной области Амыла.

Въ Николаевскѣ я располагалъ только почевать, но на дѣлѣ вышло не такъ: золотопромышленники на-отрѣзъ отказали мнѣ въ лошадяхъ, подѣтъмъ предложомъ, что до ученыхъ путешественниковъ имъ нѣтъ никакого дѣла. Такимъ образомъ, не имѣя возможности ѣхать далѣе, я, поневолѣ, оставался здѣсь до прибытія отставшаго каравана, въ которомъ ѣхало нѣсколько значительныхъ лицъ, и въ томъ числѣ Минусинскій исправникъ. Благодаря ему, мнѣ удалось наконецъ, послѣ трехдневнаго ожиданія, достать необходимое число лошадей и проводника—Татарина, который увѣрялъ, что большую часть жизни провелъ съ Сойотами. Я довѣрился этому челоуѣку и поѣхалъ вверхъ по Амылу, мѣстами страшно дикими, почти непроѣздными и совершенно безлюдными. Черезъ день мы прибыли къ устью рѣки Иртеукъ, находящемуся только въ трехъ дняхъ пути отъ Чернаго-озера (Кага кол), изъ котораго вытекаетъ Амылъ. Оставивъ Амылъ вправѣ, мы поѣхали вверхъ по Иртеуку, мѣстностью еще болѣе непроѣздной. Тутъ не было уже никакихъ признаковъ дороги, безпрестанно попадались топи, а лѣсъ былъ такъ частъ, что приходилось то прорубать себѣ путь топоромъ, то ѣхать самой рѣкой, дно которой было страшно каменисто. Несмотря на множество непріятностей, испытанныхъ нами въ продолженіи этого дня, къ вечеру мы все-таки взобрались, цѣлы и невредимы, на вершину Саянскихъ горъ или такъ называемаго Урала.

Отсюда, куда ни взглянешь, всюду видѣется дикая лѣсная страна, прорѣзанная множествомъ рѣкъ, сопровождаемыхъ большими отрогами Саянскаго хребта, который и самъ близъ Чернаго-озера раздѣляется на двѣ вѣтви или на два Урала. Одна изъ нихъ, и кажется большая, тянется на востокъ и на западъ; другая же перегибается близъ Чернаго-озера къ сѣверу и затѣмъ также поворачиваетъ на востокъ. Мы находимся теперь на сей послѣдней и почти подлѣ насъ подымается уходящій въ облака, покрытый снѣгомъ Кадеръ-таскыль. Въ нѣкоторомъ отдаленіи виднѣются другія такъ же высокія и такъ же покрытыя большими массами снѣга горныя вершины или таскыли: Коромъ-таскыль, Кырки-таскыль, Кодуръ-таскыль, Ала-таскыль и ми. др. Нашъ проводникъ—Татаринъ знаетъ почти о каждой изъ нихъ какое-нибудь древнее преданіе. Здѣсь мы приведемъ только его разсказъ объ Торосъ-таскылѣ, имѣющей, безъ сомнѣнія, историческое основаніе.

«Торосомъ назывался Сойоть, жившій за 200 лѣтъ и платившій дань китайскому императору. Чтобы избавиться отъ этой дани, Торосъ бѣжалъ въ Сибирь со всею своимъ родомъ, состоявшимъ изъ 35 человекъ. Разсерженные этимъ Сойоты пустились за нимъ въ погоню. Когда Торосъ замѣтилъ, что за нимъ гонятся по пятамъ, онъ бросился къ горѣ, прозванной его именемъ, и на-скоро проложилъ себѣ дорогу на вершину ея. Эта дорога, какъ говорятъ, видна доселѣ и называется у Татаръ дорогой Тороса. Взобравшись на самую крутую скалу, Торосъ подкатилъ нѣсколько древесныхъ пней къ самому краю ея и, укрѣпивъ ихъ тутъ веревками, навалилъ на нихъ кучу камней. Когда преслѣдовавшіе подошли къ подошвѣ скалы, Торосъ вдругъ перерѣзалъ всѣ веревки, сдерживавшіе пни и камни, и они полетѣли на стоявшихъ внизу, и перебили всѣхъ до послѣдняго, а Торосъ съ родомъ своимъ продолжалъ свой путь и добрался благополучно до рѣки Амыла, гдѣ и сталъ жить съ Маторами, въ мирѣ и согласіи».

Слушая разсказы Татарина, я и не замѣтилъ, какъ надъ нами собрались густыя тучи. Вдругъ раздался такой страшный ударъ грома, что, казалось, и самая громадная гора зашаталась подъ нашими ногами. Въ испугѣ всѣ вскочили на лошадей, и помчались внизъ по Уралу, въ Китайскія владѣнія.

П П С Ъ М А.

1.

Статскому Совѣтнику Шегрену.

Шуша, 15 (27) іюня 1847.

Возвратившись изъ Койбальской степи къ Енисею, я получилъ въ Саянскомъ форпостѣ три письма ваши, Казембекову тюркскую грамматику, свое жалованье отъ Академіи за пятое полугодіе и проч. Такимъ образомъ я всячески снабженъ къ продолженію путешествія между Койбалами и родственными имъ племенами. Хорошо, если бы Господь такъ же позаботился о моемъ здоровьѣ, какъ вы позаботились о всемъ прочемъ.

Не могу не признать справедливости вашего замѣчанія, что мое пребываніе между Енисейскими—Остяками было нѣсколько коротковато; но я все-таки вполне убѣжденъ, что поспѣшный отъѣздъ мой былъ необходимъ не только для моего весьма шаткаго здоровья, но и для самыхъ ученыхъ

изслѣдованій. Вы сами неоднократно и совершенно справедливо напомнили мнѣ о необходимости заняться, во время путешествія по Минусинскому округу, и археологіей. Археологическія же занятія возможны, разумѣется, только лѣтомъ; отправясь я изъ Енисейска во время весенней распутицы—у меня осталось бы слишкомъ мало лѣтняго времени для археологическихкихъ и, связанныхъ съ ними, филологическихкихъ изслѣдованій въ Минусинскѣ. Къ этому слѣдуетъ еще присоединить и то, весьма важное обстоятельство, что, когда я выѣзжалъ изъ Енисейска, все Остяки потянулись уже въ лѣса, а отнимать у нихъ силою время драгоценной для нихъ охоты, было бы величайшей несправедливостью. Впрочемъ я уѣхалъ отъ Остяковъ не съ пустыми руками: съ помощью Бергстади, я собралъ матеріалы для краткой этимологіи и для подробной этнографіи.— Если вы найдете, что этого недостаточно, то я могу, на обратномъ пути изъ Иркутска, сдѣлать небольшой крюкъ на Енисейскъ и, проѣздомъ, пополнить мои изслѣдованія объ Остякахъ. Но въ такомъ случаѣ мнѣ придется отправиться въ обратный путь еще въ началѣ января, потому что позже, зимою, Остяки недоступны уже. Прошу васъ сообщить мнѣ касательно этого ваше мнѣніе.—Вмѣстѣ съ тѣмъ для меня весьма важно было бы знать—могу ли я ожидать отъ Академіи пособія на обратный путь.

Послѣ отправленія моего послѣдняго къ вамъ письма я изъѣздилъ въ разныхъ направленіяхъ, находящуюся на лѣвой сторонѣ Енисея, часть Койбальской степи, и съ недѣлю тому назадъ возвратился въ Азияченую деревню на Енисей, верстахъ въ сорока отъ высшей точки Саянскаго хребта. Теперь я нахожусь въ деревнѣ Шушъ, отъ которой до Азияченой считаются 48, а до Минусинска 57 верстъ. Отсюда я думаю, отправиться къ койбальскимъ и маторскимъ племенамъ, живущимъ на правой сторонѣ Енисея, по рѣкамъ Тубъ, Салбъ, Амылу и т. д. Мнѣ хотѣлось бы также посѣтить и Сойотовъ, но не могу навѣрное сказать, удастся ли мнѣ это. Во время моего пребыванія въ Койбальской степи я написалъ длинный отчетъ о своемъ путешествіи; но, къ несчастію, нѣсколько дней тому назадъ вѣтеръ унесъ его въ окно, и онъ, вѣроятно, попалъ въ Енисей. Написать его снова я не успѣлъ еще, и потому сообщу вамъ нѣсколько отрывочныхъ замѣчаній о предметахъ, занимавшихъ меня въ продолженіи лѣта.

Въ филологическомъ отношеніи, прежде всего я долженъ упомянуть, что Койбалы говорятъ теперь почти тѣмъ же тюркскимъ нарѣчіемъ, какъ и качинскіе Татары. Но встрѣчаются еще старики, которые помнятъ нѣсколько словъ своего древняго языка, — и слова эти ясно показываютъ, что Койбалы самоѣдкаго происхожденія. Языкъ ихъ распался на нѣсколько нарѣчій, изъ коихъ Кистимское или Кольское и Кондаковское изчезли въ недавнемъ времени. Последнее, говорятъ, сохранилось еще у Камассинцевъ.

Весьма близкій къ койбальскому маторскій языкъ исчезъ совершенно, по крайней мѣрѣ по сю сторону Алтая. Увѣряють впрочемъ, что во время опредѣленія китайской границы 200 Маторовъ переебрались въ Китай, гдѣ они, вѣроятно, слились съ Сойотами, которые, какъ слышно, также утратили свой языкъ и говорятъ испорченнымъ тюркскимъ нарѣчіемъ. Самоѣдское племя, извѣстное прежде подъ именемъ Тубинцевъ, принято качинскими Татарами и составляетъ теперь такъ называемый Тубинскій улусъ, къ которому принадлежатъ также нѣсколько киргизскихъ семействъ и одно самоѣдское племя, перекочевавшее изъ Томской губерніи. Объ Аринахъ я сообщилъ уже прежде все, что было нужно.

Что же касается до моихъ антикварныхъ занятій, то я доселѣ обращалъ особенное вниманіе на курганы и изъ нихъ разкопалъ 10 древнѣйшихъ и 4 позднѣйшихъ. Въ старыхъ курганахъ я находилъ обыкновенно множество остововъ людей и животныхъ, болѣе или менѣе истлѣвшихъ, различныя мѣдныя вещи и разбитые глинныя сосуды. Человѣческіе скелеты лежали или на спинѣ, или на боку, — въ деревянныхъ или каменныхъ гробахъ. Въ каждомъ гробѣ я находилъ по большей части два скелета (мужа и жены), изъ коихъ одинъ иногда оказывался совсѣмъ разрушившимся. Скелеты въ гробахъ, находятся обыкновенно на аршинъ ниже поверхность земли. Но кромѣ этихъ находятъ часто человѣческіе скелеты и въ самыхъ курганахъ, тотчасъ подъ верхнимъ слоемъ земли. Эти весьма недавняго происхожденія, потому что у Татаръ есть обычай хоронить мертвыхъ въ старыхъ курганахъ, если нѣтъ по близости возвышенностей. Это напомнило преданіе, существующее въ Томской губерніи, о томъ, что чудскіе надгробные холмы оттого такъ необыкновенно высоки, что мертвыхъ хоронили одного надъ другимъ. Такимъ образомъ охотникъ до преданій и здѣсь можетъ сослаться на латинское двустишіе:

Non est de nihilo, quod publica fama susurrat,
Et partem veri fabula semper habet.

Позднѣйшіе курганы принадлежатъ теперешнимъ Татарамъ. Объ этихъ могилахъ и объ отношеніи ихъ къ стариннымъ я надѣюсь сообщить подробно въ одномъ изъ моихъ слѣдующихъ отчетовъ.

Въ Сагайской степи я срисовалъ нѣсколько человѣческихъ лицъ высѣченныхъ на камнѣ. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ я обращалъ особенное вниманіе на группы людей, звѣрей и различныхъ предметовъ, которые для забавы высѣкала древняя Чудъ на гладкихъ поверхностяхъ сландовыхъ скалъ. Такъ и въ настоящее время я занятъ разборомъ камня, покрытаго фигурами, весьма похожими на буквы. Къ сожалѣнію фигуры эти во мно-

гихъ мѣстахъ такъ вывѣтрились, что трудно и различить ихъ. Ссылный инженерный офицеръ помогаетъ мнѣ срисовывать. Досадно только, что предложенный Академіей методъ тутъ непримѣнимъ. По моему мнѣнію надпись эта такъ замѣчательна, что ее стоило бы выписать для этнографическаго музея и въ оригиналѣ.

Вотъ все, что на этотъ разъ я могу сообщить. Прибавлю, что мое здоровье въ странѣ, гдѣ почти каждый страдаетъ господствующими перемежающимися и катарральными лихорадками, не можетъ, разумѣется, быть въ цвѣтущемъ состояніи. При раскаиваніи одного изъ кургановъ въ Койбальской степи я добылъ себѣ жестокой катарръ, промучившій меня цѣлую недѣлю. Теперь я почитаю себя почти выздоровѣвшимъ, хотя по временамъ все еще кашляю, да и голова побаливаетъ.

P. S. 17 (29) іюня. Проработавъ цѣлую недѣлю, я срисовалъ вышеупомянутую надпись какъ нельзя вѣрнѣе. Способъ, при этомъ мною употребленный, кажется лучшей для здѣшнихъ надписей. Я обвожу каждую фигуру черною краскою, а остальные части камня покрываю бѣлою краскою и снимаю надпись на прозрачную бумагу.

2

АССЕССОРУ РАББЕ.

Деревня Шуша, 29 іюня (п. ст.) 1847.

У подошвы Саянскихъ горъ, 20 іюня, я, наконецъ, имѣлъ рѣдкое удовольствіе получить четыре письма твоей руки вмѣстѣ съ газетами. На письмахъ выставлены числа: 18 и 31 марта и 10 и 26 апрѣля. По прерванному порядку номеровъ газетъ я заключаю, что нѣкоторые изъ нихъ попали въ Туруханскъ, откуда ихъ въ свое время, безъ сомнѣнія, перешлютъ въ Минусинскъ. Благодарю какъ за полученное, такъ и за неполученное.

По отсылкѣ послѣдняго письма моего къ тебѣ я странствовалъ по степи и жилъ въ ладахъ съ Тюрками и разными язычниками, которые оказывали мнѣ по крайней мѣрѣ столько же почестей, сколько могъ бы ожидать турецкій паша. Не довольствуясь тѣмъ, что они даромъ кормили и

содержали меня,—этотъ услужливый народъ предлагалъ мнѣ иногда даже подарки или, другими словами, взятки. Само собою разумѣется, что послѣдній я отклонялъ отъ себя, но уже ни коимъ образомъ не могъ воспротивиться принесенію въ жертву нѣсколькихъ барановъ. Впрочемъ нѣсколько барановъ и не важное дѣло для минусинскаго Татарина, потому что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ отъ 5 до 6000 лошадей. Жениться на Турчанкѣ, право, несравненно выгоднѣе разсчитыванія на Кійдесъ, Меримаску и Пунгалайцію. Если однакожь во время моего отсутствія въ самомъ дѣлѣ очистится который-нибудь изъ упомянутыхъ пасторатовъ, то не забудь, пожалуйста, включить въ мой послужной списокъ и то, что я три мѣсяца исправлялъ въ Минусинскомъ уѣздѣ должность могильщика, о чемъ можетъ засвидѣтельствовать С. Петербургская Академія, куда въ скоромъ времени явится множество вырытыхъ мною череповъ.

Постарайся устроить, чтобы Лёнрота пригласили на новую кафедру финнскаго языка. Для Финляндіи будетъ вѣчнымъ позоромъ, если она допустить этого человѣка умереть отставнымъ уѣзднымъ врачомъ въ Кааинѣ. Я же соглашусь скорѣе прожить весь свой вѣкъ бѣднѣйшимъ бо-былемъ въ какой бы то ни было странѣ, нежели занять кафедру, на которую онъ имѣетъ неотъемлемое право. Ты весьма ошибаешься, полагаю, что я трушу будущности.— При всей своей скромности, и самъ Лёнротъ не можетъ не знать, что онъ единственный человѣкъ, достойный занять профессору финнскаго языка.

Поклонись другу моему Европеусу и попроси у него извиненія, что я до сихъ поръ еще не успѣлъ ничего написать для помѣщенія въ «Suomen-Tag». Академія навалила на меня тысячу порученій, и мнѣ, право, не до частныхъ дѣлъ. Притомъ же я еще не получалъ окончанія статьи о первобытныхъ Финнахъ, а вѣдь именно объ этомъ—то предметъ онъ и просилъ меня написать. Пусть до поры, до времени онъ считаетъ меня своимъ должникомъ. Кто же не понимаетъ, что юношество должно идти впередъ и что въ этомъ стремленіи слѣдуетъ поощрять его всеми мѣрами (1).— О Бергстади я еще не имѣю никакихъ извѣстій. Вѣроятно онъ теперь въ Финляндіи и занятъ поправленіемъ своего здоровья. Дай Богъ, чтобы недугъ его не имѣлъ опасныхъ послѣдствій.

При разрытіи одного изъ кургановъ я промочилъ ноги и добылъ черезъ то кашель, насморкъ и зубную боль, результатомъ которой была утрата одного изъ лучшихъ зубовъ моихъ. Теперь днѣ лучше. Я тѣмъ, пью и живу, какъ и все другіе люди. Нѣкая г-жа Кутузова кормитъ меня

(1) Ср. письмо къ Европеусу, Иркутскъ 27 февраля (10 марта) 1848.

каждый день жареными цыплятами. Что касается до моего адреса, то я, кажется, могу надѣяться получить отвѣтъ на это письмо еще въ Минусинскѣ, гдѣ полагаю пробыть до начала сентября. О задуманномъ мною путешествіи къ Сойотамъ, до сихъ поръ не могу сказать ничего положительнаго.

Р. С. Минусинскъ 18 (30) іюня.—Совершенно противъ воли, я принужденъ былъ захватить мимоѣздомъ въ дрянной городишко Минусинскѣ, чтобы запастись китайскою бумагой для сниманія надписей. Но этотъ крюкъ вознагражденъ тѣмъ, что я получилъ твое письмо отъ 15 мая нѣсколькими днями ранѣе. Отвѣта теперь писать не могу, потому что черезъ часъ отправляюсь въ степь. Откровенно говоря, мнѣ уже начинаютъ надоедать эти вѣчные разъѣзды и эта кочевая жизнь. Черезъ годъ, можетъ-быть, я возвращусь въ Финляндію.

3.

Статскому совѣтнику Шёгрёну.

Фориость Шадатскъ, 5 (17) іюля 1847

Наконецъ я принялъ твердое намѣреніе побывать въ Китайской имперіи, чтобъ познакомиться съ Сойотами. Этой поѣздки въ данной мнѣ инструкціи, конечно, не значится, да сверхъ того она, кажется, даже и воспрещается китайскимъ пограничнымъ уставомъ; но уже и одна мысль отложить розысканіе о происхожденіи Сойотовъ для меня невыносимѣе самаго плѣна у Китайцевъ. На существованіе Сойотовъ въ Иркутской губерніи я никакъ не могу разсчитывать, потому что для меня почти рѣшеное дѣло, что они шли тѣмъ же путемъ, какъ и Койбалы, Маторы, Арины, Ассаны и др. Здѣсь утверждаютъ даже, что и китайскіе Сойоты теперь совершенные Татары, — но мнѣнія въ этомъ отношеніи спорны и неопредѣленны. Чтобъ добыть положительныя и вѣрныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, столь важномъ для этнографіи и исторіи — я нынче же пускаюсь, во имя Бога и науки, въ путь къ китайской границѣ. До находящихся въ Амылской рѣчной области золотыхъ приисковъ надо ѣхать верхомъ пять сутокъ по узкой, страшно дурной дорогѣ; а отсюда придется перебираться черезъ вершины и пропасти Саанскихъ горъ уже и

безъ всякой дороги. Татары сильно жалуются на трудности этого пути; я же повторяю слова одного лопарскаго вожака: «гдѣ пробирались другіе—тамъ и я проберусь съ Божіею помощію». Меня больше озабочиваетъ то, что въ послѣднее время минусинскіе Татары грабили и разбойничали въ землѣ Сойотовъ. Нисколько не думая, чтобы Сойоты вздумали вымещать на мнѣ разбой Татарь — я все-таки могу ожидать не совѣтъ—то ласковаго приѣма. Сего ради я располагаю скрыть свое настоящее званіе и явиться къ нимъ звѣроловомъ, или искателемъ золотыхъ ринсковъ. По совѣту Татарь я запасся даже мѣхами, чтобъ отдарить Сойотовъ за гостепріимство. За симъ я вполне полагаюсь на моего будущаго толмача и путешественника—Койбала, живущаго на одномъ изъ Амылскихъ золотыхъ ринсковъ.

По всей вѣроятности черезъ мѣсяцъ я возвращусь въ Шадатскъ. Не будетъ отъ меня никакой вѣсти болѣе мѣсяца—это знакъ, что я схваченъ и отправленъ къ китайскому императору. Какъ ни интересно путешествіе въ Пекинъ, но на этотъ разъ я охотно отложилъ бы его до другаго времени. Лошади уже готовы, все уложено, спутники торопятъ, и я поневолѣ кончаю это письмо.

4

Статскому Совѣтнику ШЕГРЕНУ.

Деревня Тесь на Тубѣ, 3 (17) августа 1847.

На дняхъ я покончилъ мое, полное приключеній, путешествіе черезъ Саянскія горы въ небесную имперію его китайскаго величества. Объ этомъ путешествіи можно бы разсказать многое, но приходится отложить до другаго времени, потому что и до сихъ поръ не оправился еще отъ карабканья по узкой тропѣ, ведущей изъ Сибири въ китайское небо. Почти цѣлый мѣсяцъ, съ восхода и до заката солнца, я не слѣзалъ съ лошади, а когда саянскій іюльскій день казался мнѣ слишкомъ уже короткимъ—я удлинял его иногда и прекраснымъ мѣсячнымъ вечеромъ. Я ѣхалъ по пустыннымъ и непроѣзжимымъ стѣнямъ, черезъ крутыя скалы и достигающія до неба горы, черезъ рѣки и болота, чащами и дремучими лѣсами. За исключеніемъ нѣсколькихъ золотыхъ ринсковъ я не встрѣтилъ ни одного человѣческаго жилья, — а потому, и въ ясную и въ дождливую погоду, и въ зной и въ холодъ, и въ бурю и въ непогодь, — долженъ былъ остано-

вливаться под открытымъ небомъ, или подъ парусиною палаткой. Питался я, когда посчастливится, коровимъ, овечьимъ и козьимъ молокомъ; иногда одними кореньями (кандыкъ и сарана); по большей же части чаемъ и хлѣбомъ. Но самымъ худшимъ было частое спотыканье моею Россіяны, которое кончалось для меня почти такъ же неприятно, какъ и борьба знаменитаго Ламанскаго рыцаря съ вѣтреными мѣльницами.

Естественно, что таковое путешествіе богато по преимуществу воспоминаніями объ ушибахъ, сніякахъ, насморкахъ, зубныхъ боляхъ и т. п.; но стоить ли говорить о такихъ мелочахъ въ дѣлѣ, которое могло завершиться даже плѣномъ у Китайцевъ. Переходъ черезъ китайскую границу безъ разрѣшенія начальства — для русскаго чиновника весьма опасенъ и, кромѣ ученаго путешественника, едва-ли кто и отважится на этотъ подвигъ. Но за то наши золотопромышленники нерѣдко сходятся съ своими китайскими сосѣдями по ту и по сю сторону границы, что и навело меня на мысль выдать себя у Сойотовъ за золотопромышленника, который, долго блуждая въ горахъ, рѣшился наконецъ поискать гогеуриметва въ сосѣднемъ государствѣ. Сойотскій Дарга принялъ меня съ отверстыми объятіями, и тотчасъ же принялся разспрашивать о здоровьи «Бѣлаго Хана», о благосостояніи народа и скота въ Россіи, о процвѣтаніи травъ, о погодѣ и т. д. За симъ онъ повѣдалъ мнѣ, съ своей стороны, что и «Великій Ханъ» или его китайское величество, находится въ вождедѣнномъ здравіи, что всѣ его подданные вполне счастливы и довольны, что скотъ множится, травы растутъ, солнце свѣтитъ, — что, однимъ словомъ, Далай Лама Богъ милосердый ко всѣмъ и во всемъ. Обмѣнявшись привѣтствіями, мы затаились нѣсколько разъ изъ трубки Дарги, понюхали изъ моей табатерки и сдѣлались такими друзьями, что Дарга тутъ же подарилъ мнѣ козій мѣхъ, а я отдалъ табатеркой. Все это произошло передъ моею палаткой вскорѣ послѣ моего прибытія въ Китайскую имперію. На слѣдующій день я отиравался къ нему съ визитомъ; но онъ уже забылъ совершенно вчерашнюю нашу дружбу и грозилъ мнѣ плѣномъ, если я немедленно не возвращусь за границу. Что мнѣ было тутъ дѣлать? Я звалъ Даргу къ себѣ въ палатку и подарилъ ему кусокъ краснаго сафьяна, за что и получилъ позволеніе помедлить въ небесной области, нукуда отдохнуть мои люди и лошади. Еще до этого я нанялъ нѣсколько бѣдинокъ, которые и день и ночь были къ моимъ услугамъ и охотно разсказывали все, что мнѣ хотѣлось знать. Покончивъ съ ними, я сѣлъ на лошадь и весело поѣхалъ назадъ черезъ Саянскія горы.

Къ путешествію въ Китай меня побудило желаніе добыть какія-нибудь достовѣрныя свѣдѣнія о Сойотахъ — народѣ, который Палласъ, Клапротъ и многіе другіе, считали остаткомъ далеко распространеннаго самоѣдскаго

племени. Къ несчастію это предположеніе, столь важное для историческаго изслѣдованія, оставалось такъ долго однимъ только предположеніемъ, что Сойоты и соплеменники ихъ забыли наконецъ языкъ свой и совершенно утратили свою народность. Теперь всѣ Сойоты говорятъ почти тѣмъ же тюркскимъ нарѣчіемъ, какъ и минусинскіе Татары и весьма вѣроятно, что и въ старину большая часть Сойотовъ были чистые Тюрки или Татары. Къ этому я долженъ еще замѣтить, что слово Сойотъ или правильнѣе Солянъ (Саянъ), имѣющее у Сойотовъ значеніе родоваго названія,—у минусинскихъ Татаръ употребляется какъ собирательное, и обозначаетъ почти всѣ племена, бродяція въ Саянскихъ горахъ. Что многія изъ этихъ племенъ самоѣдкаго происхожденія, я надѣюсь доказать въ послѣдствіи яснѣйшимъ образомъ; теперь же замѣчу только немногое: 1.) что многія сойотскія названія племенъ встрѣчаются и у Самоѣдовъ; 2.) что сойотское племя Маттаръ, по преданію, происходитъ отъ извѣстныхъ Маторовъ, которые первоначально были, безспорно, Самоѣды; 3.) что другое племя, называемое Тотъ, въ старину говорило однимъ языкомъ съ койбальскимъ племенемъ Кёлларъ, сохранившимъ и до сихъ поръ нѣсколько словъ своего прежняго самоѣдкаго языка; 4.) что и въ самомъ сойотскомъ языкѣ встрѣчается много самоѣдскихъ словъ и особенностей.

До сихъ поръ я не сообщалъ вамъ о сдѣланномъ мною открытіи, что нѣкоторыя койбальскія племена—одного происхожденія съ Енисейскими—Остяками (стр. 392 и 397). Съ однимъ изъ этихъ племенъ я встрѣтился еще на Абаканѣ, но тогда и не подозрѣвалъ его остякескаго происхожденія, тѣмъ болѣе, что оно носило самоѣдское названіе Бай или Байгадо. Но на рѣкѣ Туоѣ, меня поразило племенное койбальское названіе Кайденгъ, корень котораго очевидно остякскій. Но у этого племени не осталось никакихъ воспоминаній о старинѣ, потому что оно дважды утрачивало уже родной языкъ свой и за тѣмъ обрусѣло совершенно. На рѣкѣ Салобѣ я встрѣтилъ однакожъ наконецъ нѣсколько человекъ племени Бай, помнившихъ еще кой—какія слова своего прежняго языка, и всѣ эти слова были чисто остякскія. Между тѣмъ и исторія, и преданія свидѣтельствуютъ, что часть племени Кайденгъ платила дань Китаю; тоже рассказываютъ и Енисейскіе—Остяки о многихъ племенахъ, которыя во время знаменитаго прорыва Саянскаго хребта остались по ту сторону его. Но и эти племена отатарились, и между Сойотами ихъ даже труднѣе отыскать, чѣмъ самоѣдскія. Между тѣмъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что какъ Самоѣды, такъ и Енисейскіе—Остяки, вышли изъ упомянутой горной системы. Саянскіе таскили были, кажется, родной даже и финскаго племени, если только таковой выводъ позволителенъ изъ множества названій мѣстностей.

Изъ нихъ я приведу только весьма замѣчательное названіе рѣки Маджаръ.

Въ антикварномъ отношеніи въ последнее время я приобрѣлъ нѣсколько важныхъ свѣдѣній. Такъ Сойоты рассказывали мнѣ, что ихъ Ламы и доселѣ еще дѣлаютъ на камняхъ надписи подобныя встрѣчающимся въ Минусинскомъ округѣ;—что чудскія могилы принадлежатъ ихъ древнимъ героямъ. Последнее преданіе существуетъ и у Татаръ. Необыкновенные камни, называемые Русскими—*курганами* и *майками*, а Татарами—*obalâr* или *köösälâr*, я давно уже принималъ за языческіе идолы, и въ этомъ предположеніи я убѣдился вполне у Сойотовъ, которые до сихъ поръ преклоняютъ колѣна передъ всякимъ большимъ камнемъ, передъ всякой грудой камней. Мои археологическія розысканія приводятъ меня все болѣе и болѣе къ заключенію, что древніе памятники минусинскаго округа болѣею частію монгольскаго, киргизскаго и татарскаго происхожденія и только весьма немногіе самоѣдскаго и остякскаго.

5.

АССЕССОРУ РАББЕ.

Деревня Тесь, 3 (17) августа 1847.

На этотъ разъ я хотѣлъ написать тебѣ порядочное письмо, но «злой рокъ или демонъ, который никогда не дремлетъ» устроилъ такъ, что едва я успѣлъ окончить письмо къ Шёгрёну, какъ ко мнѣ вошелъ одинъ изъ золотопромышленниковъ. Этотъ господинъ откупорилъ для меня не одну бутылку шампанскаго, слѣдовательно имѣлъ право ожидать и съ моей стороны приличнаго угощенія, потому что въ этой странѣ въ страшномъ ходу финская пословица: «подарокъ за подарокъ, или давай мой подарокъ назадъ». Вотъ ради-то сего съ этою почтою я могу послать тебѣ только письмо, назначенное Шёгрёну.

Съ благодарностью увѣдомляю тебя, что всѣ твои письма, программы и газеты дошли до меня болѣе или менѣе благополучно. Последнее письмо твое отъ 28 іюня, а я получилъ его только 13 августа — и не удивительно: вѣдь я въ 7000 верстахъ отъ Гельсингфорса, на границѣ Небесной имперіи. Скоро отправлюсь еще дальше, на берега Байкала и въ Иркутскъ. Я рассчитываю прибыть туда не ранѣе послѣднихъ чиселъ ноября, потому что мнѣ нужно еще пожить нѣсколько времени у Камассинцевъ и

Карагассовъ, двухъ племенъ, разсыянныхъ между Красноярскомъ и Иркутскомъ. Письма ко мнѣ адресуйте отнынѣ въ Красноярскъ.

Теперь я твердо рѣшился начать мое возвратное путешествіе 10 марта 1848 года, если только не встрѣтятся какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ препятствій. Постоянная хворость не позволяетъ мнѣ долѣе оставаться въ Сибири, хотя, съ другой стороны, и возвращеніе въ Финляндію безъ всякихъ видовъ на насущное пропитаніе также заставляетъ призадуматься. Конечно, на родинѣ я могъ бы найти кой-какія средства существованія, но дѣло въ томъ, что обработка и приведеніе въ порядокъ накопившихся въ семь лѣтъ замѣтокъ и записокъ, займетъ все мое время по крайней мѣрѣ на три года. — —

Болѣе писать, право, некогда, и потому остаюсь съ чувствомъ искренней дружбы твоей китайскій братъ.

6.

Статскому совѣтнику Шёгрелю.

Минусинскъ 3 (17) сентября 1847.

Письмо ваше отъ 5 іюля я получилъ въ татарской юртѣ на рѣкѣ Юбатъ, во время моихъ занятій отыскиваніемъ надписей и другихъ предметовъ, замѣчательныхъ въ антикварномъ отношеніи. Я только что возвратился въ Минусинскъ, и нынче же отправляюсь въ Абаканскъ, чтобы срисовать нѣкоторыя изъ надписей находящихся близъ этой деревни. Охотно отложилъ бы я эту поѣздку до позднѣйшей осени; но небо день ото дня становится насурнѣе, а солнечный свѣтъ и ясная погода—необходимыя условія для срисовыванія. Кромѣ того, и рисовальщикъ, принятый мною въ помощь, не соглашается ѣхать позже пятого сентября.

Хотя я и располагаю пребыть еще нѣсколько недѣль въ Минусинскомъ округѣ, но въ Минусинскъ изъ Абаканска я уже не возвращусь, и потому пользуюсь этой оцказіей, чтобъ отправить въ Академію нѣсколько ящичковъ, которые только обременяли бы меня въ дорогѣ. Чтò еще добуду для Академіи — отправлю позднѣе, изъ Красноярска. Теперь же отправляю (подъ 7-ю номерами) слѣдующее: Въ первомъ ящикѣ четыре черепя, вынутыя изъ четырехъ разныхъ могилъ позднѣйшей эпохи, и всѣ четыре татарскіе.—Во второмъ ящикѣ: а) два черепя (номера 5 и 6-ой), найденныя въ древнемъ курганѣ Качинской степи, и лежавшіе, противъ

обыкновенія, на боку; б) части черепа (№ 7) изъ того же кургана; с) верхняя часть черепа (№ 8) и нѣсколько съдѣльныхъ украшеній изъ латуни, отысканныхъ въ огромномъ курганѣ на правой сторонѣ Енисея; д) нѣсколько заржавленныхъ желѣзныхъ частицъ, вѣроятно отъ сѣдла, найденныхъ въ позднѣйшей татарской могилѣ; е) татарскій музыкальный инструментъ.—Въ третьемъ ящикѣ: а) четыре попорченные черепа (№№ 9—12) изъ одного древняго кургана, найденные въ глубинѣ значительно меньшей обыкновеннаго и потому, вѣроятно, позднѣйшаго происхожденія; б) черепъ (№ 13), найденный въ другомъ курганѣ въ глубинѣ еще меньшей; с) дѣтскій черепъ (№ 14) изъ кургана на Сагайской степи. — Въ четвертомъ ящикѣ: пять череповъ, три ножа, топоръ и различныя съдѣльныя украшенія изъ одного небольшого кургана на Сайгайской степи. Черепа подъ №№ 20 и 21, найдены въ рыхлой землѣ, а три остальные — въ каменныхъ гробахъ, въ которыхъ скелеты лежали на спинѣ.—Въ пятомъ ящикѣ: два довольно полные черепа (№№ 22 и 23) и части двухъ другихъ череповъ (№№ 24 и 25) изъ двухъ кургановъ Койбальской степи; на днѣ того-же ящика — часть одного изъ глиняныхъ сосудовъ, каковые попадаются почти въ каждомъ курганѣ. — Въ шестомъ ящикѣ: а) двадцать два желѣзные острія отъ стрѣлъ, десяти различныхъ родовъ; б) узды, стремена и другія желѣзныя вещи; с) желѣзный ковчежець; д) семь ножей, большая часть мѣдныхъ; е) три кинжала; ф) два копыя; г) желѣзная лопата; h) двѣ круглыя мѣдныя пластинки; i) швальное мѣдное кольцо; j) родъ мѣднаго топора; k) желѣзное орудіе, употреблявшееся вѣроятно для вырванія корней *кандыки* и *сараны*; l) камень похожій на печать; m) латунная человѣческая фигурка; n) три мѣдяшки; o) мѣдное рѣшето; p) мѣдный гвоздь; q) остатки кольчуги; r) родъ мѣдной съскиры; s) части мѣднаго зеркала (?); t) часть костяшки, вѣроятно, висѣвшей у пояса. Все эти вещи найдены на обѣихъ сторонахъ Енисея выше города Минусинска, и не въ курганахъ, а при распаханіи земли.—Въ седьмомъ ящикѣ: одежда татарскаго шамана, — барабанъ его и двѣ татарскія трубки; длинныя сукоинныя лоскутки на одеждѣ изображаютъ духовъ (Айна), служащихъ шаману; на барабанѣ изображены солнце и луна, лукъ и стрѣлки, змѣи, зайцы, разныя деревья, и т. д.

Нѣкоторые изъ посылаемыхъ череповъ, къ сожалѣнію, такъ гнили, что разсыпаются даже и въ рукахъ, и потому, вѣроятно, сильно попортятся отъ длинной дороги. Это тѣмъ прискорбнѣе для меня, что именно они-то и обогатили мнѣ дорожю всѣхъ прочихъ.

АССЕСОРУ РАББЕ.

Минусинскъ, 3 (17) сентября 1847.

Послѣ того какъ я такъ счастливо высвободился изъ ежовыхъ рукъ китайскаго Дарги, я велъ скучную жизнь кабинетнаго ученаго, погруженный въ размышленія о длинномъ (breite) и короткомъ (schmale) е въ тюркскомъ языкѣ, о курганахъ, чудскихъ надписяхъ, ржавыхъ топорахъ, молоткахъ, ножахъ и вилкахъ. Надоѣдала мнѣ уха въ одной деревнѣ—я отправлялся въ другую и хлебалъ тамъ пустую похлебку. Въ степь, во все это время, я ѣздилъ только одинъ разъ, и безъ всякихъ особенныхъ приключеній. Самое важное происшествіе заключалось въ томъ, что, проголодавъ трое сутокъ, я съѣхался съ нѣмцемъ-докторомъ, который подарилъ мнѣ хлѣбъ и велѣлъ сварить для меня горшокъ картофелю.—На обратномъ пути изъ степи я поѣхалъ на деревню Шушу, гдѣ прошлымъ лѣтомъ Катерина Петровна Кутузова, какъ ты еще вѣроятно помнишь, оказала мнѣ такое радушное гостепріимство. И на этотъ разъ я провелъ нѣсколько пріятныхъ дней въ ея домѣ, потому что Катерина Петровна не только отличная хозяйка, но и очень веселая дама.

Разставшись съ Катериной Петровной, я прожилъ нѣсколько грустныхъ дней въ Минусинскѣ, провонявшемъ лукомъ и водкой. Къ сожалѣнію меня задержать здѣсь еще нѣсколько дней упаковываніе и отправка въ Академію череповъ и разныхъ древностей, добытыхъ мною изъ такъ называемыхъ чудскихъ могилъ. Отсюда я отправляюсь далѣе внизъ по Енисею и надѣюсь въ концѣ этого мѣсяца быть въ Красноярскѣ. О дальнѣйшихъ планахъ моихъ ничего еще не могу сказать тебѣ на этотъ разъ.

На этомъ я остановился вчера. Между тѣмъ ночью пришла почта и привезла мнѣ твои письма отъ 3 и 9 августа съ приложеніемъ газетъ. Какъ бы тамъ ни было, а отличное дѣло, что намъ, бѣднымъ доцентамъ, сооблаговолрили удвоить срокъ. Теперь не хитрость попасть въ Пунгалайцію, потому что твердо помню еще мои 15 псалмовъ и quatuor capita. Шутки однакожь въ сторону—во всякомъ случаѣ ты можешь быть твердо увѣренъ, что я лучше соглашусь жить въ самомъ жалкомъ чуланѣ, чѣмъ пожертвую наукою. Жизнь человѣческая такъ коротка, что и при самой строгой послѣдовательности не много успеешь сдѣлать. — Мнѣ весьма

пріятно было узнать, что Бергстади благополучно возвратился въ Финляндію. Спроси его, получилъ ли онъ четыре письма мои, адресованныя въ Енисейскъ, Екатеринбургъ и Казань.

8.

Доктору Лёнроту.

Красноярскъ, 23 сентября (3 октября) 1847.

На возвратномъ пути изъ Китайской имперіи я получилъ въ окрестностяхъ Минусинска твое послѣднее письмо, за которое только теперь могу изъявить тебѣ искреннѣйшую мою благодарность. Причина, почему я не исполнилъ этого прежде, заключается въ безпрестанныхъ разъѣздахъ моихъ по татарскимъ степямъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ сообщеній. Сегодня, прибывъ въ Красноярскъ, я первымъ долгомъ поставилъ себѣ отвѣчать на твое письмо, хотя и на этотъ разъ не могу писать много.

Тебѣ, вѣроятно, не безызвѣстно, что въ теченіе послѣдняго полугода я находился въ Минусинскомъ уѣздѣ Енисейской губерніи. Главнымъ предметомъ моихъ занятій былъ койбальскій языкъ. Это одно изъ тюркско-татарскихъ нарѣчій, и притомъ безъ всякаго сомнѣнія, далеко чистѣйшее константинопольскаго. Изученіе его было для меня въ высшей степени интересно, потому что безпрестанно находилъ поразительнѣйшія аналогіи между финскимъ, тюркскимъ и самоѣдскимъ языками. Для койбальскаго языка у меня готовъ уже очеркъ этимологіи и списокъ словъ; кромѣ того я собралъ множество богатырскихъ пѣсенъ, изъ которыхъ, однакожъ, только не многія записаны по татарски.

Археологическими розысканіями я занимался не съ такимъ усердіемъ и почти только по предписанію, потому что разрытіе кургановъ оказалось слѣшкомъ дорогимъ, да притомъ, какъ мнѣ кажется, и не входитъ въ кругъ моихъ занятій, ибо такъ называемыя чудскія могилы отнюдь не финскаго происхожденія. Несмотря на то, я разрылъ однакожъ до двадцати кургановъ и найденныя въ нихъ черепы, топоры, ножи и проч. отправилъ въ Петербургъ, въ Академію.

Наконецъ, въ Минусинскомъ округѣ я скопировалъ множество надписей, изъ которыхъ большая часть, по всей вѣроятности, простыя начертанія, и только весьма немногія, судя по виду, настоящія письмена. И эти памятники нѣсколько не финскаго происхожденія.

Что касается до моего путешествія въ Китай — цѣлью его было отысканіе слѣдовъ происхожденія Сойотовъ, и оказалось, что, согласно съ предположеніемъ Палласа, они дѣйствительно отатарившіеся Самоѣды и частію, можетъ-быть, даже и Остяки. Койбалы минусинскаго округа положительно потомки какъ Самоѣдовъ такъ и Енисейскихъ-Остяковъ. Маторы — отатарившіеся Самоѣды, Арины — Остяки; но что случилось съ Ассанами и Коттами—не знаю.

Изъ Красноярска я выѣзжаю черезъ день пли черезъ два далѣе внутрь края, на покскъ Камассинцевъ, которые непременно должны оказаться гдѣ нибудь въ окрестностяхъ Красноярска. Этимъ народомъ я буду заниматься всю осень въ Красноярскомъ и Канскомъ уѣздахъ. Потомъ отправлюсь въ Иркутскъ, куда думаю прибыть въ концѣ ноября пли въ началѣ декабря (ст. ст.). Къ 10 марта, надѣюсь, буду уже совершенно готовымъ къ возвратному путешествію, потому что этимъ числомъ окончится срокъ моей академической службы. Впрочемъ, придется, можетъ быть, остаться еще здѣсь и до лѣта; но во всякомъ случаѣ, мнѣ было бы пріятнѣе какъ можно скорѣе отдѣлаться на нѣкоторое время отъ странствованій по Сибири и возвратиться въ драгое отечество.

Тамъ, какъ бы ни были недостаточны средства существованія—все-таки, съ Божіею помощію, можно какъ нибудь пробиться тѣмъ, пли другимъ способомъ. Если бы предположеніе объ учрежденіи финской профессуры и состоялось то, самую собою разумѣется, что профессуру эту слѣдуетъ предложить не мнѣ, не Готлунду и не Бекеру, а именно тебѣ. А потому твой совѣтъ, чтобъ я искалъ ея—я и принимаю за чистую шутку. Вообще я не могу рѣшиться ни на что относительно своей будущности, пока не сведу окончательныхъ счетовъ съ Академіею наукъ. Все филологическое отдѣленіе ея единогласно сбѣщало позаботиться о моей будущности, ко дѣло въ томъ, что я не хочу служить въ самой Академіи, а получить особое содержаніе съ разрѣшеніемъ жить внѣ академіи едва ли удастся. Во всякомъ случаѣ, однакожь, я полагаю твердую надежду на петербургскую Академію наукъ.—

Написавъ это, я цѣлыхъ два дня пробѣгалъ по городу, собирая свѣдѣнія о мѣстопробываніяхъ Камассинцевъ. На основаніи полученныхъ мною свѣдѣній я долженъ теперь отправиться въ Канскій уѣздъ, а оттуда въ Нижне-Удинскъ, Иркутскъ, Тункинскъ и т. д. Адресъ мой отнынѣ прямо въ Иркутскъ.

— Здѣсь, въ Красноярскѣ, я познакомился съ тремя братьями Латкиными, Зырянами по происхожденію; они занимаются золотыми промыслами. Одинъ изъ нихъ студентъ, и всѣ трое весьма образованные люди. Они

принимаютъ меня, какъ роднаго и я каждый день у нихъ обѣдаю. Впрочемъ старшій братъ старый уже знакомый; я познакомился съ нимъ въ Кольѣ,—это тотъ самый, который такъ много писалъ въ русскихъ газетахъ о моихъ походахъ въ Ижмѣ и Устьцыльмскѣ.

ПИСЬМА.

4.

Статскому совѣтнику Шёгрену.

Авдша, 11 (23) октября 1847.

Прошолъ цѣлый мѣсяць съ тѣхъ поръ, какъ я собицилъ вамъ кое-что о предполагаемыхъ розысканіяхъ въ этой горной странѣ; въ теченіе этого мѣсяца не случилось ничего замѣчательнаго, кромѣ развѣ того, что я мало по малу перебрался изъ минусинскаго округа въ канскій. Разныя дорожныя неудачи и постоянно противный вѣтеръ на Еписеѣ замедлили мою ѣзду такъ, что я попалъ въ Красноярскъ только въ концѣ сентября. Тутъ я сѣлъ въ почтовую телѣжку и ѣхалъ по большой иркутской дорогѣ, впрочемъ одинъ только день, до станціи Рыбинскъ,—откуда своротилъ къ западу на проселочную дорогу, ведущую въ камассинскія лѣса, которая вскорѣ и привела меня въ деревню Авдша, находящуюся въ 150 верстахъ отъ Канска. Въ этой деревнѣ я поджидалъ цѣлыхъ десять дней Камассинцевъ, которые въ ту пору разбрелись на охоту. Въ ожиданіи ихъ, я занялся, отъ нечего дѣлать, давно обещаннымъ, путевымъ отчетомъ, и онъ почти совсѣмъ готовъ, но, по невѣрности здѣшней почты, долженъ оставаться у меня до вѣрной оказіи.

Это же письмо я поручаю на удачу проѣзжему посланцу золотопрмышленниковъ, который взялся доставить его въ канскую почтовую контору. Онъ сейчасъ уѣзжаетъ, и потому ограничусь только однимъ замѣчаніемъ, что такъ называемые Камассинцы, судя по слухамъ, — смѣсь трѣхъ, по языку, различныхъ народовъ. Какіе эти три народа, никто не могъ мнѣ сказать ничего положительнаго. Единственный Камассинецъ, съ которымъ до сихъ поръ мнѣ привелось встрѣтиться, говорилъ чисто татарскимъ языкомъ, качинскаго нарѣчія, и увѣрялъ меня, что весь его улусъ состоить изъ потомковъ Татаръ, нѣкогда жившихъ на рѣкѣ Качѣ. Настоящіе Камассинцы, составляющіе Абаляковскій улусъ, безъ всякаго сомнѣнія, Самоѣды. Чтѣ же

касается до третьяго народа, или двадцати податныхъ душъ, принадлежащихъ къ Агульскому улусу—по моему мнѣнію, это должны быть остатки Енисейскихъ-Остяковъ. Они и теперь еще называютъ себя Канасъ-Кетъ (Канские-люди) и хранятъ преданіе, что нѣкоторые изъ ихъ предковъ переселились изъ канской области, тогда какъ прочіе остались тамъ. Если это преданіе и мое, на немъ основанное, предположеніе вѣрно, то на эту осень будетъ достаточно работы. Только бы здоровье не измѣнилось въ жилищѣ, въ которомъ вѣтеръ свиститъ сквозь стѣны и воробьи свободно влетаютъ въ окна.

Такъ какъ мои занятія Камасенидами не начались еще, то я, разумеется, и не могу сказать, какъ долго задержитъ меня этотъ тройственный народъ въ этой лѣсной сторонѣ. А потому адресуйте покамѣть письма ко мнѣ въ Канскъ, хотя я и употреблю всевозможныя старанія, чтобы выбраться изъ округа его, какъ можно скорѣе. Теперь у меня одна забота: какъ бы покончить все возложенныя на меня порученія къ началу марта. И это, не столько по экономическимъ расчетамъ, сколько по совету врачей отправиться изъ Иркутска въ Петербургъ зимою. Они уверяютъ, что телѣжная тряска и лѣтняя пыль вредны для моихъ легкихъ, справедливость чего я не разъ испытывалъ уже на самомъ дѣлѣ. Скъверно было бы кончить жизнь на большой дорогѣ, счастливо отдѣлавшись отъ всехъ опасностей пустынь.

— Такъ какъ г. Фонъ-Френъ интересуется минусинскими надписями, то я и препровождаю къ нему при семъ снимки съ двухъ. Одна изъ нихъ снята прежде-бывшимъ инженернымъ офицеромъ съ знаменитой скалы близъ Абаканска; другую снималъ я самъ съ одного курганнаго камня качинской степи. Снимокъ первой, къ сожалѣнію, не совсемъ полонъ, но несколько не отъ вины снимавашаго, а отъ того, что мѣстами она совершенно вывѣтрилась. Въ снимкѣ же второй недостаетъ нѣсколькихъ фигуръ въ началѣ и въ концѣ, также совершенно сгладившихся.

2.

АССЕССОРУ РАББЕ.

Деревня Андша, 3 (17) ноября 1847.

Голова моя въ эту минуту до того кружится, что все въ ней путается. — Вѣроятно ты еще помнишь изъ моего послѣдняго письма, что въ началѣ

сентября я отправился из минусинских степей в Красноярск для отысканія народа, который Русскіе называютъ Камасинцами, Камасами, Камашенилами. Степановъ и другіе писатели принимали этотъ народъ за Самоѣдовъ, но нѣкоторые слухи, распространенные между минусинскими Татарами, заставляли меня предполагать, что помянутые Камасинцы, равно какъ и разныя южныя ихъ соплеменники, частію уже обрусѣли, частію же отатарились. На этомъ-то предположеніи я и основывалъ, выраженную въ прежнихъ письмахъ моихъ, надежду еще въ ноябрѣ добраться до Иркутска, откуда, около половины марта, я хотѣлъ пуститься въ обратный путь въ Петербургъ. Даже и въ случаѣ, если бы Камасинцы оказались Самоѣдами, планъ моего путешествія не измѣнился бы, потому что, по приобретеннымъ уже многостороннимъ свѣдѣніямъ въ самоѣдскомъ языкѣ, какое нибудь незначительное отклоненіе одного изъ его нарѣчій нисколько не затруднило бы меня. Но случилось на бѣду, что сто податныхъ душъ, составляющихъ весь камасинскій народъ, говорятъ на трехъ совершенно различныхъ языкахъ: 1) татарскомъ, 2) самоѣдскомъ и 3) коттекомъ. Последній изъ поименованныхъ языковъ давно уже считали исчезнувшимъ, погибшимъ для науки. Степановъ, управлявшій Енисейскою губерніею около десяти лѣтъ и извѣдившій ее по всемъ направленіямъ, говоритъ въ своей извѣстной статистикѣ, что о происхожденіи Коттевъ теперь нельзя ничего сказать даже и предположительнаго. Нѣсколько десятковъ этого народа сохранилось однакожь до настоящаго времени. Правда, изъ нихъ только четыре челоѣка знаютъ языкъ своихъ отцовъ, да и тѣ замѣняются на каждомъ третьемъ словѣ, не довѣряя путемъ своему знанію. Тѣмъ необходимѣе кажется мнѣ, пока еще есть время, заняться этимъ языкомъ, такъ неожиданно возставшимъ изъ гроба, и спасти изъ него все, что можетъ быть спасено. Коттекій языкъ родной братъ енисейско-остяцкому, но искаженъ уже до такой степени, что родство это явствуетъ не столько изъ вещественной его стороны, сколько изъ духа, которымъ все еще проникнуть его высохшій остоѣвъ. Вотъ этимъ-то языкомъ я и занимаюсь цѣлый уже мѣсяцъ, и очень возможно, что пройдетъ и другой прежде, чѣмъ я рѣшусь приступить къ составленію коттекой грамматики. Затѣмъ мнѣ предстоитъ еще изученіе камасинскаго языка, которое также займетъ цѣлый мѣсяцъ, и наконецъ карагасскаго, сойотскаго и монгольскаго. Всѣ эти языки будутъ необходимы въ послѣдствіи, если я останусь вѣрнѣ пути, который предначерталъ себѣ въ моихъ филологическихъ занятіяхъ. Имѣя въ виду столь обширныя и многостороннія занятія, я еще прежде задумывалъ уже просить С. Петербургскую Академію наукъ о новомъ пособіи. Я почти увѣренъ, что Академія не откажетъ мнѣ, и все-таки рѣшаюсь на это не безъ нѣкото-

раго тревоженія. Прожить еще годъ въ Сибири—по твоему разсужденію, конечно вздоръ; но я держусь финской пословицы: «опытный все знаетъ, а бѣдный все испытываетъ».

Кромѣ литературныхъ заботъ у меня есть еще другія заботы, которыя, по всей справедливости, могутъ быть причислены къ «заботамъ Мары», потому что касаются только моей матеріальной особы. Дѣло въ томъ, что я живу теперь въ жалкой татарской лачугѣ и питаюсь только козлятиной, да картофелемъ. Кто же не знаетъ, что козлятина ствратительно-воиющее мясо, а картофель пища далеко не сытная? Какъ бы то ни было—вотъ уже цѣлыхъ 90 дней, что я довольствуюсь только двумя этими блюдами, начиная свой обѣдъ козлятиной и оканчивая его картофелемъ, вмѣсто десерта, или, на оборотъ, начиная картофелемъ и оканчивая козлятиной. По соеѣдству, есть конечно золотопромышленникъ, который, какъ говорить, отлично кормитъ гостей своихъ; но сибирскіе золотопромышленники составляютъ особую касту, отъ которой я совершенно отстранился...

Чуть было не забылъ сказать тебѣ, что я живу теперь въ Канскомъ уездѣ Енисейской губерніи, въ 250 верстахъ къ югу отъ Красноярска. Въ Иркутскъ я понаду не ранѣе послѣднихъ чиселъ января или начала февраля, и оттуда, не останавливаясь, проберусь за Байкаль. По этому ты имѣешь полное право отнынѣ называть меня твоимъ забайкальскимъ другомъ.

Р. С. Пришли мнѣ при первой возможности календарь на слѣдующій годъ и манджурскую грамматику Габеленца, или какого иибудь другаго автора, да кетати и газеты слѣдующаго года.

3.

Статскому совѣтнику ШЕГРЕНУ.

Агульскъ, 1 (13) декабря 1847.

Послѣ двухъ-мѣсячнаго пребыванія въ Канскомъ округѣ, сообщаю вамъ наконецъ нѣсколько самыхъ общихъ результатовъ, добытыхъ по преимуществу лингвистическими розысканіями у такъ называемыхъ Камассицевъ.

На основаніи кой-какихъ разсказовъ, я сообщилъ вамъ въ послѣднемъ письмѣ мое предположеніе, что Камассицы—смѣсь трехъ различныхъ народовъ. Это предположеніе вполне подтвердилось въ послѣдствіи розысканіями, и уди-

вительно, какъ такое важное обстоятельство не было замѣчено ни Степановымъ, ни другими путешественниками. Или и они смотрѣли на національности такъ же, какъ одинъ епископскій чиновникъ, который, на вопросъ о національности Самоѣдовъ, Тунгузовъ, Остяковъ и Якутовъ, отзывался такъ: «Да хоть бы они тамъ и говорили себѣ разными языками, а все-таки всё они—одна Чудь!»—Но чтò таковое воззрѣніе на Камасинцевъ было далеко не общепринятое—доказываетъ даже и самое раздѣленіе ихъ на три улуса, изъ коихъ каждый совключаетъ въ себѣ свою особенную націю. Названія этихъ улусовъ: 1) Угумáковъ, 2) Абалáковъ и 3) Агульскій. Объ этихъ-то улусахъ я и сообщу теперь нѣсколько свѣдѣній, потому что для подробнаго отчета рѣшительно не имѣю времени.

Чтò касается, во первыхъ, до Угумáковского улуса, то всё его жители принадлежать къ тюркскому или татарскому племени; это остатокъ народа, жившаго нѣкогда на берегахъ рѣки Качи, близъ города Красноярска. Какъ я упоминалъ уже выше, (стр. 375 и 390) многіе изъ этихъ Татаръ помогали казакамъ противъ Киргизовъ,—за чтò и получили позволеніе занять оставленныя Киргизами земли между рѣками Юсомъ и Абаканомъ. Другіе же не ходили противъ Киргизовъ,—и остались на родинѣ, гдѣ мало по малу ихъ одолѣли русскіе переселенцы; они слились съ ними, хотя и доселѣ еще имѣють свое особенное управленіе и нѣкоторыя права и преимущества, дарованныя имъ съ незапамятныхъ временъ. При учрежденіи Красноярской губерніи многіе изъ этихъ послѣднихъ Татаръ были переведены, по ихъ желанію, изъ Красноярскаго въ Канскій округъ, и причислены къ Камасинцамъ подъ именемъ Угумáковского улуса. Нѣкоторые изъ нихъ поселились на рѣкѣ Манѣ, на ея притоцѣ Колбѣ и на впадающихъ въ Колбу рѣчкахъ Шинъярь и Шалбеѣ; другіе же разсѣялись въ канской рѣчной области по Одѣ, Рыбной и по многимъ небольшимъ рѣчнымъ рукавамъ. Всѣ Татары Канскаго округа называютъ себя Djáse-djon (степной народъ); лѣсные Камасинцы называютъ ихъ Nu (множ. Nusang), а Русскіе—степными Камасинцами. Въ отношеніи къ образу жизни эти Камасинцы распадаются на два рода; на 1.) хлѣбонашцевъ, имѣющихъ постоянныя жилища, и 2.) пастуховъ, которые лѣтомъ живутъ въ переносныхъ шатрахъ, а зимою въ маленькихъ избушкахъ. Первые советѣмъ обрусьли, вторые сохранили еще языкъ своихъ отцевъ, и доселѣ совершенно сходный съ качинскимъ нарѣчіемъ Минусинскаго округа. Они всё крещены и, по свидѣтельству духовенства, даже тѣ изъ нихъ, которые сдѣлали наименѣе успѣховъ въ христіанствѣ, непременно хотя одинъ разъ въ годъ ставятъ свѣчку передъ иконою Николая Чудотворца.

Абалáковскій улусъ совключаетъ въ себѣ лѣсныхъ Камасинцевъ, какъ называютъ ихъ Русскіе; сами же они называютъ себя Kagmáshe (множ.

Kagmashesang). Это названіе заимствовано у Татаръ, которые какъ себя, такъ и вѣхъ другихъ Камассинцевъ называютъ иногда Kamgadje-djon (чародѣйственные люди). Прежде, кажется, и лѣсные Камасинцы назывались Кальмашенильми; это названіе—очевидно искаженіе Kagmäsche и, сколько мнѣ извѣстно, употребляемое только грамотными. Лѣсные Камасинцы — по происхожденію Самоѣды, и единственная самоѣдская отрасль, доселѣ еще живущая въ южной части Енисейской губерніи. Хотя они весьма малочисленны, однако раздѣляются на 5 разныхъ родовъ: 1.) Njeg, 2.) Mador, 3) Bögöshä, 4) Baiga, 5) Sela.—Родовыя названія: Mador, Bögöshä (Bögödji) и Baiga (Bai, Baigado) встрѣчаются и у Койбаловъ, и съ нѣсколькимъ измѣненнымъ выговоромъ, по крайней мѣрѣ два изъ нихъ— у туруханскихъ Самоѣдовъ. Уже и изъ одного этого можно заключить, что сѣверо-восточные Самоѣды—колонія, вышедшая изъ Саянскихъ горъ; но это доказывается гораздо положительнѣе близкимъ сродствомъ языковъ. Отдѣлите отъ камассинскаго нарѣчія все заимствованное отъ Татаръ— не останется ни одного слова, ни одной грамматической формы, которыхъ бы не нашли въ нарѣчіи сѣверо-восточныхъ Самоѣдовъ. Сродство это такъ велико, что и самыя незначительныя звуковизмѣненія — одинаковы въ обоихъ нарѣчіяхъ. Но только языкомъ и ограничивается сродство это. По религіи—лѣсные Камасинцы христіане, а въ бѣльшей части другихъ отношеній — Татары. Они носятъ татарское платье, держатся татарскихъ обычаевъ и даже въ чертахъ лица обнаруживаютъ помѣсь съ Татарами. Самоѣдскаго въ нихъ осталось только то, что занимаются оленеводствомъ и лѣса предпочитаютъ степямъ. Лѣтомъ они живутъ близъ истоковъ рѣкъ Каны и Маны, гдѣ «бѣлыя горы», доставляютъ вхъ оленямъ не только прохладу, но и кормъ. Оставаясь все лѣто на одномъ мѣстѣ, какъ только осеннія вѣтры освежать воздухъ и прогонять комаровъ — лѣсные Камасинцы снимаютъ шатры свои и отправляются на охоту за дикими оленями, которые лѣтомъ укрываются отъ комарей въ недоступныхъ чащахъ, осенью же возвращаются къ прохладнымъ горамъ. Ловля дикихъ оленей производится и до снѣговъ, но преимущественно по первому выпавшему снѣгу. За тѣмъ начинается ловля соболей и продолжается отъ половины сентября до ноября. Въ продолженіи этого времени лѣсной Камасинецъ перемѣщается въ степь, потому что глубокіе снѣга мѣшаютъ ему охотиться въ лѣсной сторонѣ. Тутъ большую часть зимы онъ отдыхаетъ, или охотится, по близости, за козами, бѣлками, лосями и т. п. Съ началомъ весны онъ снова уходитъ въ лѣса и преслѣдуетъ соболей, покуда держитъ его замерзшая снѣжная кора; но какъ только снѣга начнутъ таять—онъ снова возвращается на цѣлое лѣто къ своимъ любимымъ горамъ. Таковъ образъ жизни лѣснаго Камасинца — бродячая, многотрудная жизнь звѣро-

лова, которая, несмотря на величайшія усилія, едва-едва прокармливаетъ. Прежде лѣсные Камасинцы были въ цѣлой Сибири самымъ счастливымъ звѣроловческимъ народомъ; но теперь, даже и у богача рѣдко болѣе двадцати оленей; соболинный же промыселъ уменьшается и здѣсь, какъ и вездѣ. Голодь и болѣзни уменьшили это, нѣкогда многочисленное, племя такъ, что теперь его составляютъ не болѣе 150 душъ мужескаго и женскаго пола.

Третій или Агульскій улусъ составляли прежде два рода: Пантыковскій, на рѣкахъ Агуль и малой Канѣ, и Шалашкиевскій на рѣкѣ Кунгузѣ, впадающей въ Агуль. Въ каждомъ родѣ считалось, какъ говорятъ, до 400 человекъ; но оспа и другія заразительныя болѣзни дѣйствовали на нихъ такъ смертоисно, что, въ настоящее время, все это племя составляютъ 20 человекъ платящихъ подать, или всего на все—76 душъ. Изъ всѣхъ свѣдѣній, собранныхъ мною объ этихъ Камасинцахъ видно, что и они, какъ лѣсные Камасинцы, въ старину были звѣроловы, но потомъ перебрались въ степи, и долгое время оставались на той же степени культуры, какъ и Татары. Какія нибудь десять лѣтъ тому назадъ они жили еще въ юртахъ изъ коры и бродили по степи съ своими небольшими стадами, состоявшими изъ лошадей, коровъ, овецъ и козъ. Въ послѣднія шесть лѣтъ, оба улуса соединились и основали на рѣкѣ Агуль деревню, которая теперь состоитъ изъ девяти дворовъ. Деревня эта прозывается Агульскимъ улусомъ или Агульской заемкою; жителей же ея русскіе крестьяне называютъ разнo: и степными Камасинцами, и степными Татарами. Имѣя постоянныя жилища, агульскіе Камасинцы, занимаются нынѣ земледѣіемъ. Они христіане и совершенно обрусѣли. Являясь черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ новый Степановъ съ новой статистикой Енисейской губерніи, — и онъ обвинить во лжи всякаго, кто только осмѣлится увѣрять, что агульскіе Камасинцы были когда-то совсемъ не Русскіе. Несмотря однакожь на опасность подвергнуться такому обвиненію, ради истины, я все-таки объявляю торжественно, что выше-помянутые Камасинцы не только не Русскіе, но и не Самоѣды и не Татары, а остатки древнихъ Коттовъ. Доказательствомъ этому служить: 1.) что выше-упомянутые Камасинцы съ незапамятныхъ временъ живутъ въ той же области, какъ и Котты; 2.) что они называютъ себя *Kottu* (множ. *Kottuan*) и извѣстны подъ этимъ названіемъ не только лѣснымъ Камасинцамъ, но и Татарамъ; 3.) что они говорятъ нарѣчіемъ языка енисейско-остяцкаго. Последнее доказательство самое сильное; должно однакожь замѣтить для всѣхъ будущихъ статистиковъ, что въ настоящее время только четыре или вѣрнѣе шесть человекъ могутъ говорить другъ съ дру-

гомъ на языкѣ своихъ отцевъ, но что даже и они, въ продолженіи послѣднихъ 20 лѣтъ, едва ли пользовались этой возможностью.

Вотъ все, что я, на-скоро, могу теперь сказать о камассинской тройственности. Что же касается до Карагасовъ, то мнѣ рассказывали, что они не все Татары, и говорятъ почти тѣмъ же тюркскимъ нарѣчіемъ, какъ и качинскіе Татары, языкъ которыхъ, въ свою очередь, во всемъ сходенъ съ койбальскимъ, который я подробно изслѣдовалъ. Если это справедливо, то я могу покончить все возложенныя на меня ученныя порученія къ назначенному сроку. Если же, какъ увѣряютъ многіе ученые, Карагасы — Самоѣды, то мнѣ придется поневолѣ пробить въ восточной Сибири до лѣта. Въ обоихъ случаяхъ, получавшагося до сихъ поръ вспоможенія ни какъ не хватитъ на возвращеніе въ Петербургъ. Ученныя изслѣдованія заставили меня прожить почти два года въ Енисейской губерніи — для жизни, можетъ-быть, самой дорогой изъ всехъ странъ свѣта. Средства мои истощились здѣсь до того, что придется остаться въ Сибири, если, по вашему ходатайству, Академія не поможетъ мнѣ выбраться отсюда. Найдеть Академія возможнымъ назначить мнѣ хотя только самое необходимое пособіе — я обязуюсь, на возвратномъ пути, обращать вниманіе на все, что есть въ южной Сибири замѣчательнаго въ антикварномъ, этнографическомъ и топографическомъ отношеніи. Главнѣй же моею цѣлью будетъ древнѣйшая этнографія верхнихъ областей рѣчныхъ системъ Оби и Иртыша. Для этого было бы весьма не лишнимъ разрыть все чудскія могилы — но это такъ дорого, что я даже и не осмѣливаюсь просить пособія и на сей предметъ. Во всякомъ случаѣ я соберу всевозможныя преданія, займусь опредѣленіемъ происхожденія и этимологія названій мѣстностей, сборомъ статистическихъ свѣдѣній о туземцахъ и т. д. Можетъ-быть мнѣ удастся сдѣлать и болѣе этого, но честному человѣку не подобаетъ обѣщать болѣе того, что онъ навѣрное можетъ сдержать. Покажутся мои обѣщанія Академіи и вамъ слишкомъ ничтожными, не заслуживающими пособія — я покорюсь судьбѣ спокойно и безропотно, и этому обѣщанію я не измѣню уже ни въ какомъ случаѣ.

Перехожу отъ этой меланхолической статьи къ дѣламъ настоящаго мгновенія. По отправленіи къ вамъ моего послѣдняго письма, я пробылъ нѣсколько времени въ Андшѣ и окрестныхъ деревняхъ. Теперь я живу въ вышеупомянутомъ Агульскомъ улусѣ и оканчиваю мои разысканія относительно коттскаго языка. Черезъ недѣлю думаю съѣздить въ Каискъ за деньгами, посланными мнѣ Академіей. Кромѣ того, необходимо поторопиться къ Карагасамъ, которые къ этому времени собираются около Нижнеудинска, и черезъ недѣлю разойдутся по недоступнымъ лѣсамъ. Чтобы попасть къ нимъ въ пору, я работалъ съ Камассинцами день и

ночь, не обращая вниманія на здоровье, которое отъ этихъ чрезмѣрныхъ усилій не советѣмъ возжелѣнно. Если, по дорогѣ въ Удинскъ, я услышу что-нибудь объ Асанахъ, то мнѣ будетъ необходимо, по окончаніи моихъ занятій съ Карагасами, возвратиться къ Усолкѣ и Оиѣ; впрочемъ, по весьма достовѣрнымъ извѣстіямъ, Асаны подверглись точно такой же участи какъ Койбалы и Арины. Здѣсь, въ деревнѣ, есть одинъ Котгъ, который жилъ нѣкоторое время въ окрестностяхъ Усолки, и не слыхивалъ объ Асанахъ. Вѣроятно, что они давно уже исчезли; иначе Котты что-нибудь да знали бы объ нихъ, какъ знаютъ многое о Енисейскихъ-Остакахъ.

Отчетъ о минусинскомъ путешествіи я посылаю прямо къ вамъ, потому что не имѣю времени писать къ секретарю. Человѣкъ, который везетъ этотъ пакетъ въ Канскъ, впился въ меня какъ клещъ—торопить меня немилосердно.

4.

Статскому совѣтнику Шёгрену.

Нижнеудинскъ, 14 (26) января 1848.

Это письмо я долженъ пачать неприятнымъ увѣдомленіемъ, что, пріѣхавъ въ Нижнеудинскъ, я заболѣлъ ревматической лихорадкой, которая, въ продолженіи трехъ недѣль, не выпускаетъ меня изъ комнаты и доселѣ тревожитъ еще мои легкія. Болѣзнь эту я захватилъ отъ ночной ѣзды, въ холода и непогоду, на пути изъ Канскаго въ Нижнеудинскій округъ. Переездъ этотъ, совершаемый многими въ 24 часа, взялъ у меня почти цѣлую недѣлю, потому что, смотря по обстоятельствамъ, я сворачивалъ съ большой дороги въ разныя стороны. Прочитавъ у Клаирота, что Асаны живутъ по рѣкамъ Анѣ (Она) и Усолкѣ, я рѣшился съѣздить изъ Канска въ Устьянскую волость, которая обнимаетъ часть двухъ упомянутыхъ рѣчныхъ областей. объѣздивъ эту обширную область, я нашелъ нужнымъ продолжить поѣздку вдоль Усолки до Тасеевской волости. Доѣхавъ до устья Усолки, я поворотилъ назадъ, но не прямо въ Канскъ — я разѣзжалъ еще нѣсколько времени по Устьянской волости, и за тѣмъ уже, по узкой, почти непроѣздной тропинкѣ, выбрался опять на большую дорогу.

Во время этихъ разѣздовъ я освѣдомлялся въ каждой деревнѣ объ Асанахъ и другихъ туземцахъ, но почти безъ всякаго успѣха. По Усолкѣ

живутъ одни Русскіе, которые, какъ ни мало знаютъ о своей старинѣ, никакъ однакожь не допускаютъ, чтобы предки ихъ были Асапы, и выдаютъ себя за потомковъ ссыльныхъ и казаковъ. Никто не запомнитъ, что бы когда-нибудь показывались здѣсь какіе-нибудь туземцы, кромѣ вездѣ бродящихъ Тунгузовъ; если же въ незапамятныя времена и были здѣсь какіе либо другіе туземцы, то они или вымерли, или перекочевали къ другимъ рѣкамъ, но никакъ не обрусѣли. Такимъ образомъ, даже и по Усолкѣ память объ Асапахъ совершенно исчезла; точно такъ же и по низовьямъ Аны, принадлежащимъ къ Устьянской волости. Здѣсь я встрѣтилъ впрочемъ два русскія семейства, про которыя говорили, что они потомки коренныхъ обитателей страны; но они, безъ сомнѣнія, тунгузскаго происхожденія, хотя и увѣряли сами, что не помнятъ своихъ предковъ.

Что касается до верхней части Аны, обыкновенно называемой Бирюзью, то и по ней въ настоящее время нѣтъ туземцевъ остяцкаго племени; но, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Клапротъ, въ недавнемъ еще времени въ этой рѣчной области жили Котты, близкіе соплеменники Асановъ, получившіе потомъ приказаніе переселиться на рѣку Уду, гдѣ они и живутъ нынѣ вмѣстѣ съ Бурятами, въ деревнѣ Бадарановкѣ, въ 30 верстахъ ниже Нижнеудинска. Еще живучи на Бирюзѣ, Котты промѣняли свой родной языкъ, не слишкомъ, кажется, отклонявшійся отъ агульского нарѣчія, — на бурятскій. Теперь они, какъ и самые нижеудинскіе Буряты, полу-Русскіе, полу-Монголы. Всѣхъ этихъ Коттовъ, въ настоящее время только 11 податныхъ душъ; они называютъ себя по-русски Котовцами, а по бурятски — Котопъ. Карагасы же зовутъ ихъ Кодегзаръ — татарскимъ названіемъ канскихъ Коттовъ и еще одного сойотскаго племени въ Китаѣ.

Необходимо еще замѣтить, что нѣсколько обрусѣвшихъ Коттовъ я встрѣтилъ около Канска, въ деревняхъ Анзирѣ, Барнаулѣ и Еланскѣ. Эти Котты выдавали себя за остатки такъ называемаго Багиновскаго улуса, нѣкогда находившагося на рѣкѣ Поймѣ, впадающей въ Ану. О нихъ упоминаетъ и Клапротъ (*Asia Polyglotta* стр. 169), и при этомъ говоритъ еще о другихъ Коттахъ, называвшихся Конгроичами. Сія послѣдніе, вѣроятно, слились съ Койбалами и отатарились. Что же касается до названія: Конгроичи или Конгороичи, то имъ обозначается собственно не самое котское развѣтвленіе, а вообще всѣ Татары, платящіе подать въ Красноярскѣ, который по татарски называется Конгорой, то есть мѣсто, въ которомъ звонятъ въ колокола.

Вотъ все существенное, что я узналъ объ Асапахъ и Коттахъ на пути въ Нижнеудинскѣ. Въ самомъ Нижнеудинскѣ я, сколько могу, занимаюсь монгольскимъ и карагаскимъ языками. Монгольскій языкъ мнѣ необходимъ для

разъзнанія номъсей, произшедшихъ отъ столкновенія Бурятъ съ самоѣдскими и остякскими племенами. Ограниченіе извѣстнымъ срокомъ, вѣроятно, не дозволить мнѣ прослѣдить это такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось: во всякомъ случаѣ постараюсь разузнать: дѣйствительно ли здѣшніе Кодеглары, какъ говорятъ, настоящіе Буряты, и не обнаружится ли какими-нибудь особенностями языка ихъ настоящей происхожденіе. Съ тою же цѣлью займусь нѣсколько времени и двумя другими бурятскими родами, живущими въ Нижнеудинскомъ округѣ: родомъ Карагасъ или Мальдьеръ (Maldjer) и родомъ Ульюгугъ (Uljugut), о которыхъ все говорятъ, что прежде они были Карагасы, что отчасти очевидно уже и изъ названія перваго. Именно ради этихъ-то изслѣдованій я и началъ заниматься монгольскимъ языкомъ, который въ будущемъ будетъ мнѣ полезенъ во многихъ отношеніяхъ. Бурятскимъ же займусь съ упомянутыми родами, какъ только кончу съ Карагасами, которымъ теперь посвящаю все свое время, потому что они скоро разбредутся по лѣсамъ.

О Карагасахъ съ давнихъ поръ господствуетъ мнѣніе, что они самоѣдскаго происхожденія и находятся въ близкомъ сродствѣ съ своими сосѣдями—лѣсными Камассинцами. Еще въ недавнемъ времени это мнѣніе было высказано г. Баеромъ, который, по физиологическому изслѣдованію одного карагасскаго черена, открылъ въ немъ самоѣдскій типъ. Въ самомъ дѣлѣ, даже и при поверхностномъ взглядѣ замѣчаются въ нѣкоторыхъ Карагасахъ черты, свидѣтельствующія самоѣдское ихъ происхожденіе; но, если не ошибаюсь, у бѣльшей части какъ фізіономія, такъ и тѣлосложеніе — совершенно татарскія. Татарскаго же происхожденія и бѣльшая часть обычаевъ и нравовъ Карагасовъ: ихъ шамаство и религіозныя понятія, и многое въ образѣ жизни, въ одеждѣ и проч. Но въ тоже время, во всемъ этомъ замѣчается и такое, что несомнѣнно составляетъ наслѣдіе отъ Самоѣдовъ. Къ послѣднему относится, между прочимъ, и общеупотребительное обыкновеніе, въ зимнее время ставить покойниковъ въ грубо-сколоченныхъ гробахъ поверхъ земли. Приводимое и усомнѣнное г. Баеромъ свидѣтельство Георги, что Карагасы зарываютъ покойниковъ въ землю, относится только къ лѣтнимъ похоронамъ: лѣтомъ вообще и все Самоѣды хоронятъ своихъ покойниковъ въ землю; зимою же они этого не дѣлаютъ просто по неимѣнію орудій для раскапыванія замерзшей земли. — Въ доказательство самоѣдскаго происхожденія Карагасовъ можно привести также и то, что они звѣроловы и занимаются оленеводствомъ, а такого образа жизни не ведетъ, сколько мнѣ извѣстно, ни одно чистое, не смѣшанное татарское племя;—что у нихъ, также какъ и у Самоѣдовъ, зимнія юрты изъ оленьихъ шкуръ, а лѣтнія изъ бересты и, какъ самоѣдскія, остроконечной формы и т. д. Кромѣ того, въ языкѣ Карагасовъ попадаются самоѣдскія слова, и даже нѣкоторые рода ихъ обозначаются самоѣдскими названіями,

как напр: 1) *Irgä*, койбальск. *Yrgen*, сойотск. *Irgit*; 2) *Tarak*, койбальск. *Taradjak*, сойотск. *Taremdjak* (прэзвище); 3) *Tjogde*, койбальск. *Tjoda*, сойотск. *Tjode*; 3) *Bogosche*, койбальск. *Bögödjü*, камасс. *Bögöshü*, карасс. *Mogadji* или *Mungandji*. Впрочемъ послѣдній родъ Карагасы не признаютъ своимъ, и говорятъ, что онъ, вмѣстѣ съ двумя другими родами: *Tulaj* и *Tjertej*, выселился изъ Тункинской области. Тоже рассказываютъ Буряты о двухъ меньшихъ родахъ: *Tjogde* и *Kara Tjogde*, которые, по ихъ мнѣнью, произошли отъ двухъ Сойотовъ, переселившихся вмѣстѣ съ нѣсколькими Монголами.

Эти переселенія, какъ очевидно уже и изъ преданій, произошли въ весьма позднія времена. Въ раннѣйшія же времена какъ Карагасы, такъ и Койбалы, были, по всей вѣроятности, только сойотскіе выселенцы. Доказательствомъ этому могутъ служить весьма многія преданія, разныя родовыя названія, общія всемъ тремъ названнымъ народамъ и *Nomen gentile*, которое у одной части Койбаловъ было, а у Сойотовъ и теперь еще—*Туфа*, у Карагасцевъ же *Туфа*. Ко всему этому присоединяется еще—и сходство языка. Опредѣляя теперешній языкъ и національность Карагасовъ по нѣкоторымъ только вѣроятностямъ, дѣйствительно легко принять ихъ за Монголовъ, такъ какъ они живутъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Бурятами и до позднѣйшихъ временъ находились подъ бурятскимъ господствомъ. И въ самомъ дѣлѣ, многіе изъ нихъ свободно говорятъ по монгольски; но настоящій языкъ ихъ—тюркскій, того самаго нарѣчія, къ которому, кромѣ карагасскаго, можно причислить и качинское, и койбальское и сойотское. Между карагасскимъ и сойотскимъ родство такъ велико, что ихъ можно принять за одну разность (*Varietät*). За тѣмъ карагасское примыкаетъ ближе къ койбальскому и отклоняется наиболѣе, хотя и не существенно, отъ качинскаго.

Я сей часъ сказалъ, что родство языка—доказательство одного общаго происхожденія Карагасовъ, Койбаловъ и Сойотовъ. Но сказавъ это, я разумѣю ни какъ не болѣе того, что три поименованные народа преобразовывали свою національность подъ однимъ общимъ вліяніемъ, и что это преобразование происходило отчасти въ то время, когда Койбалы и Карагасы жили еще въ близкихъ сношеніяхъ съ Сойотами. Иначе невозможно объяснить упомянутого выше родства въ языкѣ, особенно касательно Карагасовъ, которые, со времени переселенія ихъ въ Нижнеудинскій округъ, не были ни въ какихъ сношеніяхъ съ татарскими племенами. А такъ какъ тѣмъ не менѣе они Татары и говорятъ тѣмъ самымъ тюркскимъ нарѣчіемъ, которымъ говорятъ Сойоты, то изъ этого и слѣдуетъ прямо, что въ старину они жили въ близкихъ связяхъ съ Сойотами, или по крайней мѣрѣ тогда уже заимствовали языкъ ихъ. Тоже самое

должно сказать и о Койбалахъ; такъ какъ извѣстно, что многіе роды ихъ говорили по турецки задолго еще до того времени, когда пришедшіе отъ Красноярска Татары сдѣлались ихъ сосѣдями. Несмотря на то, нельзя однакожь не допустить, что большая часть Койбаловъ отатарилась на теперешнихъ своихъ жилищахъ, между тѣмъ какъ почти все карагасскіе роды были уже Татарами и во время своего переселенія.

Такъ какъ койбальская, карагасская и сойотская діалектная разность примыкаетъ всего болѣе къ качинскому нарѣчію, то и нельзя не предположить, что именно качинскіе Татары и уничтожили небольшіе самоѣдскіе и остягскіе народцы, извѣстные подъ именами: Койбаловъ, Карагасовъ и Сойотовъ. Предположивъ это, можно предположить, что и качинскіе Татары также вышли изъ Монголіи, и еще тамъ начали ту самую роль антропофаговъ, которую играли до новѣйшихъ временъ. Предположеніе это оправдывается многими важными доводами; но я ограничусь здѣсь только говорящими въ его пользу сходными названіями. Извѣстно, что качинскіе Татары называютъ себя *Kasch*; такъ называютъ ихъ и все другія татарскія племена. У Карагасовъ *Kasch* встрѣчается какъ родовое названіе, и мнѣ рассказывали, что въ Тункинскомъ округѣ есть татарскій народецъ (вѣроятно Сойоты), который здѣшніе Буряты называютъ *Kasch*. Далѣе карагасскаго рода *Kasch* существуетъ еще значительная вѣтвь, которая называетъ себя *Sarey-Kasch*—желтымъ Кашемъ; другія же племена называютъ ее *Kara-Kasch*—чернымъ Кашемъ, и это названіе Русскіе перенесли на все племя *Tufa*. Наконецъ именемъ *Kargas* (сокращеніе *Kara-kas* или *Kara-kasch*) называется одинъ сойотскій родъ, кочующій въ предѣлахъ Китая, по лѣвую сторону Улу-кема. Все эти желтые, черные и безцвѣтные роды *Kasch*, вѣроятно, малые остатки главнаго качинскаго рода.

Какъ скоро здоровье мое поправится и мои занятія въ Нижнеудинскѣ кончатся, я отправлюсь въ Тункинскъ. Но передъ тѣмъ, заверну на нѣсколько дней въ Иркутскъ, за необходимыми документами, которые и здѣсь, въ Нижнеудинскѣ, весьма были бы мнѣ нужны, и чтобъ посоветоваться съ докторами на счетъ моего здоровья. Начну ли я мое возвратное путешествіе изъ Тункинска, или проберусь далѣе въ Забайкалье—зависитъ отъ обстоятельствъ, которыхъ теперь нельзя предвидѣть. Вѣрно только то, что не окончу возложеннаго на меня порученія въ предписанный срокъ. Время пребыванія моего въ Сибири совершенно зависитъ отъ отвѣта на мою просьбу о пособіи. Еслибъ я получилъ ваше письмо отъ 4 октября во время, я попросилъ бы продолжить получаемое мною вспоможеніе еще на полгода, не обращая вниманія на грудь, которая лѣтомъ и не подвергается особеннымъ непріятностямъ, потому что не рѣдко при-

ходится ъхать вдоль рѣкъ, большихъ переѣздовъ не дѣлаю и часто оста-
навливаюсь.

Р. С. Нижнеудинскъ 20 января (1 февр.) 1848. — Хворь моя еще
продолжается; но занятія идутъ своимъ чередомъ. Теперь я занимаюсь
Коттами. Они конечно Буряты, но языкъ ихъ, какъ и языкъ здѣшнихъ
Бурятъ, такъ сильно уклоняется отъ монгольскаго, что я не могу оста-
вить его безъ изслѣдованія.

5.

АССЕСОРУ РАББЕ.

Нижнеудинскъ, 6 (18) января 1848.

— Теперь слѣдуетъ другая глава, которую стоило бы обвести черной
каемкой, потому что она содержитъ въ себѣ исторію теперешней моей
болѣзни. На пути изъ Канска въ Нижнеудинскъ я своротилъ въ сторону
съ большой иркутской дороги, на поискъ пропавшаго племени Ассановъ.
Но чтобы поспѣть во время къ собравшимся въ Нижнеудинскъ Карага-
самъ, я долженъ былъ торопиться, и потому ъхалъ день и ночь въ силь-
нѣйшіе зимніе холода. Слѣдствіемъ этой чрезмѣрной торопливости была
простуда, которая свалила меня, вскорѣ по прибытіи въ Нижнеудинскъ,
въ постель, которой и не покидаю цѣлыхъ четырнадцать дней. Меня лѣ-
читъ фельдшеръ, не знающій никакихъ лѣкарствъ, кромѣ камфоры и яла-
пы—пачкутъ, который, вѣроятно, давно уже отиравилъ бы меня на тотъ
свѣтъ, если бы я неполнилъ всѣ его предписанія, какъ напр. пить кислое
молоко, ѣсть кислый солдатскій хлѣбъ и т. п. При осторожномъ употреб-
леніи его средствъ, я все-таки надѣюсь однакожь скоро оправиться и
тогда снова примусь за обыкновенныя свои занятія.

Впрочемъ, и въ продолженіе болѣзни, я занимался, сколько позволяли
силы, карагасскимъ и бурятскимъ языками, изъ коихъ первый тюркское,
а послѣдній монгольское нарѣчіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, за неимѣніемъ другаго
чтенія, я ежедневно читалъ монгольскія книги и возсылалъ молитвы на
монгольскомъ языкѣ къ «наисвятѣйше-совершеннѣйшему Буддѣ». Это за-
нятіе, при всей своей недостаточности, убѣдило однакожь меня достаточно,
что между финнскимъ и монгольскимъ языками есть родственное отноше-
ніе, хотя и довольно дальнее. Гораздо значительнѣе сродство монгольскаго
языка съ тюркскимъ, а въ бурятскомъ я тотчасъ открылъ много точекъ
соприкосновенія съ самоѣдскимъ. Хотя и трудно сказать впередъ, къ ка-

кимъ результатамъ можетъ привести изслѣдованіе этихъ языковъ, однакожь я считаю весьма вѣроятнымъ, что тюркскіе, финскіе и самоѣдскіе народы составляютъ посредствующее звено или, пожалуй, посредствующую расу между монгольской и кавказскою. Съ мнѣніемъ же нѣкоторымъ фізіологовъ, принимающихъ гиперборейскую или полярную расу, нельзя согласиться съ историческо-филологической точки зрѣнія, потому что какъ финское, такъ и самоѣдское племя не сходили съ ледяныхъ горъ Урала, а переселились, и то и другое, изъ степей средней Азіи. Сверхъ того, ни въ какомъ уже случаѣ нельзя причислить къ гиперборейской расѣ Тюрковъ, а они, если принять свидѣтельство языка, въ весьма близкомъ средствѣ какъ съ Финнами, такъ и съ Самоѣдами.

Отъ этого ученаго отступленія возвращаюсь опять къ моимъ частнымъ дѣламъ. Если здоровье мое скоро поправится и занятія мои кончатся, какъ хотѣлось бы, я отправлюсь еще до истеченія этого мѣсяца въ пресловутый городъ Иркутскъ, до котораго отсюда считаютъ не болѣе 500 верстъ. На этомъ пути, я не предвижу никакихъ занятій, которыя могли бы задержать меня въ дорогѣ долѣе двухъ недѣль. Такимъ образомъ, я надѣюсь отпраздновать въ Иркутскѣ лишній день высокосаго года, въ который, по прошлагоднему календарю, какъ разъ приходится мой именины. Но такъ какъ собственно въ городѣ мнѣ нечего дѣлать, то я думаю тотчасъ же продолжать путешествіе къ китайской границѣ. Посмотримъ, поспѣю ли я еще во время къ знаменитой чайной ярмаркѣ въ Кяхту, гдѣ я желалъ бы побывать не ради чая, а для того, чтобы присутствовать при многочисленныхъ празднествахъ, бывающихъ у Китайцевъ во время этой ярмарки.

На счетъ возвращенія моего, я все еще не знаю ничего положительнаго. Академію я просилъ не о продолженіи выдаваемого мнѣ пособія, а только о деньгахъ на проѣздъ до Петербурга, при чемъ обязался продолжать на обратномъ пути свои розысканія по мѣрѣ средствъ, которыя ассигнуеть мнѣ Академія. Частнымъ образомъ я узналъ, что члены Академіи были бы не прочь оставить меня въ Сибири до будущей осени, но такъ какъ я не изъявлялъ на это своего согласія, то она и не назначить мнѣ ничего, или, много-много, прогачныя и суточные деньги отъ Иркутска до С. Петербурга, т. е. всего какихъ-нибудь 300 рублей серебромъ. Въ послѣднемъ случаѣ я выѣду изъ Иркутска не позже мая; но если, сверхъ ожиданія, мнѣ назначать значительнѣйшее пособіе, то я сочту своею обязанностью остаться въ Сибири до осени.

— Мой запасъ истощенъ, остается только пожелать тебѣ всякаго благополучія.

Твой другъ, поклонникъ Будды.

Р. С. Нижнеудинскъ 20 января (1 февр.) 1848. Болѣзнь и труды не по силамъ довели меня въ последнее время до такого плачевнаго состоянія, что я до сихъ поръ не могъ отправить къ тебѣ этого письма. — Впрочемъ, не имѣю сообщить тебѣ ничего новаго, кромѣ того, что я углубился теперь еажень на пятнадцать въ монгольскую премудрость.

6

Статскому Совѣтнику ШѢГРЕВУ.

Иркутскъ 1 (13) марта 1848.

Полубольной, полудоровый, выѣхалъ я въ началѣ февраля изъ Нижнеудинска и черезъ нѣсколько дней прибылъ въ Иркутскъ. Нѣсколько оживившись этимъ путешествіемъ, я не считалъ нужнымъ оставаться для леченія въ Иркутскѣ, и посѣлилъ въ Тункинскую слободу, т. е. верстъ за 200 отъ Иркутска. По приѣздѣ въ Тунку, я тотчасъ же началъ заниматься тамошними Сойотами, которыхъ теперь всего одинъ родъ *Иркимъ*, состоящій изъ 57 податныхъ душъ. По предацію эти Сойоты жили нѣкогда въ Верхнеудинскомъ округѣ, на рѣкѣ Сикирь, откуда перешли въ Тунку, и здѣсь раздѣлились на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна жила въ горной сторонѣ по рѣкамъ *Окъ*, *Гаргань*, *Хальби* и *Хоншунъ* (Honschun); другая же—на равнинѣ въ бурятскомъ улусѣ Буха-Горхонъ. Такъ какъ тункинскіе Сойоты составляли только одинъ родъ, то они и принуждены были брать себѣ бурятскихъ женъ, и черезъ то усвоили себѣ нравы и образъ жизни Бурятовъ. Степные Сойоты въ настоящее время чистые Буряты; горные же сохранили еще кое-что изъ нравовъ и обычаевъ отцовъ своихъ. Всѣ Сойоты теперь поклонники Ламы и говорятъ по-бурятски. Увѣряютъ однакожъ, что горные Сойоты въ недавнемъ еще времени говорили тѣмъ же самымъ тюркскимъ нарѣчіемъ, которымъ говорятъ Карагассы; но теперь это нарѣчіе въ Тункинской области не существуетъ уже. Въмѣстѣ съ языкомъ, Сойоты утратили почти и всякую память о старинѣ своей. Но какъ здѣсь, такъ и въ Нижнеудинскомъ округѣ все знаютъ, что Сойоты древнѣйшіе обитатели страны и одного происхожденія съ Карагассами; что прежде они платили дань Китаю, и что нѣкоторые роды ихъ пришли въ Нижнеудинскій округъ и соединились съ Карагассами.

О самоѣскомъ же происхожденіи ихъ не помнить никто, и хотя оно несомнѣнно, но для подтвержденія его я мало нашелъ новаго въ Тункинской области.

Окончивъ свои дѣла въ Тункѣ, и хотѣлъ объѣхать Байкаль, побывать въ Кяхтѣ и потомъ возвратиться въ Иркутскъ черезъ Селенгинскъ. Но, сообразивъ трудности этого путешествія и мое разстроенное здоровье — я передумалъ, и возвратился въ Иркутскъ, гдѣ и живу теперь уже два дни, приготовляясь къ переѣзду черезъ Байкаль. Эту поѣздку я почитаю рѣшительно необходимой для моихъ ученыхъ цѣлей, хотя данная мнѣ инструкція и не обызываетъ меня къ этому.

По прибытіи въ Иркутскъ, я получилъ ваше письмо, съ извѣстіемъ, что Академія назначила мнѣ 500 р. сер. Сумма эта, какъ вамъ извѣстно, превзошла всѣ мои ожиданія, и слѣдовательно, тѣмъ болѣе чувствую я себя обязаннымъ какъ въ отношеніи къ Академіи, такъ и въ отношеніи къ вамъ за это пособіе, и, употребляю все, чтобъ эти деньги пошли на пользу науки. Деньги эти можно пока и не высылать, или переслать въ Омскъ — главную станцію на моемъ обратномъ пути. Весьма вѣроятно, что я не миую Томска и Красноярска, хотя и хотѣлось бы добраться кратчайшимъ путемъ до Кузнецка и Барнаула, которые весьма интересны въ антикварномъ отношеніи. Говорятъ, что въ Кузнецкомъ уѣздѣ есть даже какія-то особенныя чудскія могилы; но едва ли я рѣшусь разрывать ихъ, потому что это сопряжено съ такими расходами, которыхъ Академія, вѣроятно, не приметъ на себя, тѣмъ болѣе, что нѣтъ надежды найти въ этихъ могиллахъ что-нибудь, кромѣ череповъ. Само собою разумѣется, что я не пожалю на это своихъ собственныхъ средствъ, но на нихъ многого не сдѣлаешь, особенно при здѣшней дороговизнѣ. Въ лѣтнее время поденщикъ стоитъ здѣсь 2 р. 50 к. асс.

Съ отходящею почтою посылаю въ Академію два ящика и три тюка, всего пять нумеровъ, изъ коихъ № 1 принадлежитъ Академіи, а остальные моя собственность—въ нихъ мои собранія. Повѣрить сибирской почтѣ плоды семилѣтнихъ трудовъ, конечно не совѣтъ—то безопасно; но и на пять подводъ не легко.—Въ ящикѣ, принадлежащемъ Академіи—два костюма, общіе Бурятамъ, Татарамъ, Карагассамъ и Сойотамъ. Мѣхъ дикой козы, изъ котораго сдѣланы шубы и одна шапка, употребляется всѣми этими народами. Кромѣ этихъ костюмовъ, въ немъ же нѣсколько старинныхъ вещей изъ Минусинскаго округа, и въ томъ числѣ отломокъ огромнаго лома, вѣроятно употреблявшагося для ломки бурганскихъ камней.

Ко всему вышесказанному, мнѣ остается прибавить только то, что всю зиму я постоянно хворалъ. Кромѣ лихорадочныхъ припадковъ, и кашель

усиливался и горло часто болело. Несмотря на то, я не унываю и занимаюсь своимъ дѣломъ, какъ обыкновенно. Съ Божіею помощью удастся, можетъ-быть, перенести и весну, которая всего опаснѣе.

7

АССЕССОРУ РАББЕ.

Иркутскъ 27 февраля (10 марта) 1848.

Сообщаю тебѣ только, что я второй уже разъ нахожусь въ Иркутскѣ, что путешествіе въ Тункинскія горы благополучно окончено и что теперь я помышляю о поѣздѣ въ Кяхту и другія мѣста по ту сторону Байкала. Можетъ-быть тебѣ уже извѣстно, что С. Петербургская Академія назначила мнѣ еще 500 рублей серебромъ на продолженіе моего путешествія. Несмотря на то, я въ маѣ же оставляю Иркутскую губернію, потому что западная Сибирь представляетъ гораздо обильнѣйшее поле для моихъ изслѣдованій. Здѣсь мнѣ собственно остается только изученіе манджурскаго языка, къ которому давно и приступилъ бы, если бы только получилъ ожидаемую изъ С. Петербурга граматикъ Габеленца.

Иркутскъ, сколько я его до сихъ поръ видѣлъ, весьма приличный городъ и безъ великаго сравненія лучшій изъ всѣхъ сибирскихъ городовъ. Высокихъ домовъ нѣтъ, но строенія вообще довольно красивы, и во многихъ я видѣлъ окна изъ зеркальныхъ стеколъ. Роскошь въ одеждѣ и экипажахъ доходитъ до невѣроятнаго. Шампанское льется рѣкою. По вечерамъ почти во всѣхъ домахъ играютъ въ преферансъ. Костюмы, моды, фасоны—все это à la Pétersbourg. Но какъ вообще въ Сибири, такъ и въ Иркутскѣ, люди такого свойства, что ихъ, по всей справедливости, можно бы было причислить къ особой расѣ, отличающейся холодной кровью, узкостью сердца и т. п. По этой причинѣ, я скучаю въ самомъ Иркутскѣ и рвуся въ какой-нибудь бурятскій или тунгусскій улусъ. Къ счастью еще, я встрѣтилъ здѣсь барона Сильфергельма, земляка, который заботится о моемъ матеріальномъ благосостояніи; но вѣдь человѣку для жизни недостаточно одного насущнаго хлѣба, да притомъ же и здоровье мое теперь такъ разстроено, что мнѣ, по настоящему, слѣдовало бы питаться однимъ овсянымъ супомъ.

Всѣ твои письма и посылки, отправленные до 16 января, исправно по-

лучены мною въ Иркутскѣ. На будущее время мнѣ трудно назначить какой-нибудь опредѣленный адресъ: но такъ какъ, на обратномъ пути, мнѣ нельзя будетъ миновать Омскъ, то я полагаю, что всего вѣрнѣе было бы посылать письма ко мнѣ въ этотъ городъ. Въ «Morgonblad» я читалъ, что у финскаго литературнаго общества есть Видеманнова черемисская грамматика. Постарайся непременно переслать эту книгу въ Омскъ, потому что лѣтомъ я имѣю намѣреніе заняться черемисскимъ языкомъ.

«Русскій Инвалидъ» сообщаетъ совершенно свѣжую новость, что Рокоссовскій назначенъ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ Россіи онъ извѣстенъ за весьма дѣльнаго человѣка, да и въ Сибирь имя его повсюду произносится съ величайшимъ уваженіемъ. Въ послѣднее время онъ служилъ начальникомъ топографовъ въ Екатеринбургѣ.

8.

Студенту Европеусу (1).

Иркутскъ 27 февраля (10 марта) 1848.

Прежде нежели приступлю къ отвѣтамъ на каждый изъ твоихъ вопросовъ по одиночкѣ, скажу тебѣ нѣсколько словъ о газетѣ «Suometar». Нельзя не сознаться, что эта газета, по усердію къ дѣлу, основательности и послѣдовательности убѣжденій, ясности изложенія и чистотѣ языка, была одной изъ лучшихъ когда либо издававшихся въ Финляндіи на отечественномъ языкѣ. Издаваясь самыми юными и самыми жаркими приверженцами такъ называемой финноманіи, она не обнаружила однакожь ни какой маніи, постоянно сохраняла надлежащее спокойствіе и тѣмъ пристыжала издѣвавшихся надъ отечественнымъ. Если можно въ чемъ-нибудь упрекнуть эту газету, то развѣ только въ томъ, что руководящія статьи были слишкомъ однообразны, слишкомъ переполнены филологією, что въ языкѣ иногда было замѣтно гонянье за классичностью, необыкновенными словами, формами словъ и оборотами, отъ которыхъ слогъ становился тяжелъ и натянутъ.—

За снѣмъ отступленіемъ, возвращаюсь къ твоимъ вопросамъ и постараюсь отвѣчать, по крайней мѣрѣ, на важнѣйшіе изъ нихъ.

(1) Одинъ изъ издателей финской еженедѣльной газеты «Suometar».

1) «Гдѣ древнѣйшая родина Финновъ?»—Этотъ вопросъ, собственно, не входитъ въ область моихъ изслѣдованій, потому что дѣятельность моя съ самаго начала была направлена только на то, чтобы прослѣдить переселенія финскихъ племенъ до Алтайскихъ горъ и при этомъ дознать родственныя отношенія между финскими и алтайскими народами. Въѣтъ съ тѣмъ, я отыскивалъ, какъ въ Россіи, такъ въ Сибири, древніе памятники, собиралъ преданія, названія мѣстностей и все то, что могло служить къ объясненію исторіи переселеній финскихъ племенъ. Вотъ нѣсколько общихъ и неопровержимыхъ результатовъ изслѣдованій, произведенныхъ мною до сего времени.

а. Финскіе языки болѣе или менѣе сродны съ языками всѣхъ народовъ, живущихъ въ Алтайскихъ горахъ, или отсюда вышедшихъ. Нашъ языкъ подходитъ ближе всего къ самоѣдскому и тюркскому, но, въѣтъ съ тѣмъ, обнаруживаетъ и рѣшительное сродство съ языками монгольскимъ и тунгусскимъ.

б. Изъ этого сродства языковъ можно вывести положительное заключеніе, что Финны нѣкогда жили на Алтаѣ. То же самое подтверждается и настоящимъ распространеніемъ финскаго племени, равно какъ и многими встрѣчающимся у Алтая названіями мѣстностей — явно финскаго происхожденія. Сверхъ того, у сибирскихъ Татаръ есть много преданій о «бѣлоглазой» Чуди; трудно только рѣшить—коренныя ли это преданія, или заимствованныя отъ Русскихъ. Многочисленные памятники, встрѣчаемые въ южной части Сибири, по всей вѣроятности, не финскаго происхожденія.

в. Какъ, въ отношеніи языка, Финны всего ближе подходятъ къ народамъ западной Сибири, такъ къ востоку отъ Енисея всѣ прочіе слѣды становятся все рѣже и рѣже. Я имѣю полное основаніе предполагать, что самыя многочисленныя свидѣтельства о Финнахъ въ Сибири находятся въ предѣлахъ верхне-иртышской области; но изслѣдованія по этому предмету я отложилъ до своего возвращенія, потому что намѣренъ держаться какъ можно ближе къ сибирской границѣ, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ Тобольской губерніи.

д. Во внутренней части Россіи, какъ ты уже вѣроятно замѣтилъ, есть много названій мѣстностей, заимствованныхъ изъ финскаго и другихъ одинаковаго съ нимъ происхожденія языковъ. Карты же, вопреки твоему ожиданію, будутъ для тебя въ этомъ отношеніи весьма недостаточнымъ руководствомъ, потому что большая часть названій деревень и другихъ мѣстностей въ Россіи измѣнена въ новѣйшее время. Прекраснымъ пособіемъ для такихъ изслѣдованій могутъ служить нѣсколько старинныхъ

межевыхъ книгъ (Grundbücher), недавно напечатанныхъ въ Москвѣ. У меня есть почти полное изданіе этого труда.

2) «Нѣтъ ли въ настоящее время финскихъ племенъ во внутренней Азій?»—На этотъ вопросъ можно съ полною увѣренностью отвѣчать: нѣтъ. Тебѣ вѣроятно не безызвѣстно, что Венгерецъ Csoma de Kötös долгое время жилъ въ Тибетѣ и другихъ азіатскихъ странахъ съ цѣлью отыскать родственныя Венгерцамъ племена, но нашелъ рѣшительно не то, чего искалъ, хотя розысканіи его, вѣроятно, были не безплодны для науки. — — —

ПУТЕВЫЙ ОТЧЕТЪ.

Иркутскъ 10 (22) августа 1848.

Солнце бросало послѣдніе лучи на золотыя главы церквей Иркутска, когда я (1 марта 1848), на тройкѣ лихихъ лошадей, запряженныхъ въ сани, выѣхалъ изъ этого города. У байкальской заставы часовые продержали меня цѣлые полчаса. Между тѣмъ смерклося, и когда я наконецъ добрался до Ангары — невозможно уже было ничего различить, кромѣ темныхъ очерковъ гористыхъ береговъ ея. Лишенный такимъ образомъ возможности дѣлать какія-нибудь путевыя наблюденія во время ѣзды по Ангарѣ, я слушалъ веселыя пѣсни и бесѣды съ самимъ собою моего ямщика. Вскорѣ мы пріѣхали на ближайшую станцію, и за долго еще до полночи были уже у Байкала, находящагося въ шестидесяти верстахъ отъ Иркутска.

Хотя на обыкновенныхъ почтовыхъ станціяхъ рѣдко можно рассчитывать на спокойный ночлегъ, я остался однакожь здѣсь до разсвѣта, рассчитавъ что гораздо благоразумнѣе пуститься на Байкальское море (1) — утромъ. Какой-то господинъ, выдававшій себя за военнаго, былъ такъ любезенъ, что большую часть ночи занималъ меня правдивыми разказами о своихъ дуэляхъ и другихъ событіяхъ своей жизни; эта любезность заключилась однакожь просьбою денежнаго вознагражденія. Что онъ дѣйствительно нуждался въ пособіи, объ этомъ достаточно свидѣтельствовала его обо-

(1) Байкаль обыкновенно называется моремъ, по бурятски *talai*. Слово Байкаль монгольскаго происхожденія и значить собственно — «богатая рѣка». — Если это производство правильно, то въ основаніи его два монгольскія слова; *baian* — богатый, и *ghool* — рѣка. — У Зинангъ Зет-зена, въ «Исторіи восточныхъ Монголовъ» стр. 56 и другихъ мѣстахъ, озеро это называется *baighal mureu* (потокъ).

рванная одежда, и все-таки просьба его подѣйствовала на меня такъ не-пріятно, что я тотчасъ же приказалъ закладывать лошадей и выѣхалъ еще до восхожденія солнца.

Сумракъ и густой туманъ покрывали Байкаль и Ангару. Утро началъ было тихо, но съ восходомъ солнца подулъ сильный восточный вѣтеръ и закрутилъ снѣгъ по всему узкому морю. Напрасно напрягалъ я зрѣніе, чтобы измѣрить высоту горъ, которыя, какъ мнѣ сказывали, идутъ по обѣимъ сторонамъ моря: отъ сильной мятели, едва видѣлась даже и крутая скалистая стѣна, вдоль которой шла дорога. Ямщикъ рассказывалъ между тѣмъ, что въ хорошей ясной день отовсюду видны горы, высящіяся на сѣверной и на южной сторонахъ Байкала, но что къ востоку ничто не останавливаетъ взора. О самыхъ же берегахъ говорилъ, что ихъ вездѣ составляютъ бесплодныя скалы, отчего русскіе переселенцы, не имѣя возможности здѣсь основаться, и предоставили ихъ Бурятамъ и дикимъ тунгузскимъ племенамъ. И дѣйствительно: берега Байкала до того непроѣзжны, что и до сихъ поръ не могли проложить лѣтней дороги отъ Иркутска до Кяхты и Верхнеудинска. Поэтому и почта, и все проѣзжающіе, не рѣшающіеся лѣтомъ доврѣться бурному морю, должны пѣлыя семь станцій ѣхать верхомъ; зимою же нельзя и придумать дороги лучше той, которая идетъ отъ Иркутска черезъ Байкаль, въ Верхнеудинскъ. Безпрестанныя бури сметаютъ съ моря почти весь снѣгъ, и по гладкому льду ѣдешь удивительно быстро. Хотя непогода нѣсколько и задержала насъ — черезъ четыре часа мы были уже на другомъ берегу; все же байкальское путешествіе (около 130 верстъ) взяло не болѣе десяти часовъ.

Какъ скоро Байкаль остался у меня назади, мѣстоположеніе сдѣлалось несравненно пріятнѣе. Горы не исчезли еще, но онѣ были не такъ мрачны и обрывисты, какъ на берегахъ Байкала. Кромѣ того, вездѣ видѣлись и большія и малыя долины и на нихъ множество деревень, которыя своимъ цвѣтущимъ видомъ свидѣтельствовали о плодородіи почвы. По большой дорогѣ жители все Русскіе; но по сторонамъ, говорятъ, преобладаетъ бурятское населеніе. Тунгузовъ и Сойотовъ въ этихъ мѣстахъ нѣтъ.

О древнѣйшихъ, исчезнувшихъ народахъ изустныхъ преданій нѣтъ; изъ письменныхъ же памятниковъ видно, что Монголы, хотя и живутъ здѣсь съ незапамятныхъ временъ, нисколько однакожь не древнѣйшіе обитатели байкальской страны. Рассказываютъ, что первое монгольское переселеніе, пришло, подъ предводительствомъ Бурте Чино, къ «великой байкальской рѣкѣ» и нашло по близости ея народъ, называвшійся *Bute*. Объ этомъ народѣ, я не узналъ никакихъ давніѣйшихъ подробностей; но многіе ученые и неученые Буряты, высказывали мнѣ предположеніе, что народъ *Bute*

были Киргизы, т. е. тюркское племя ⁽¹⁾. Название *Бите* уже исчезло из памяти народной, но, что Киргизы жили в этой странѣ до пришествія Монголовъ, объ этомъ есть по крайней мѣрѣ преданіе, весьма распространенное по рѣкѣ Селенгѣ.—Многочисленные каменные холмы или курганы, встрѣчающіеся на Селенгинской степи, приписываются именно Киргизамъ, и на самомъ мѣстѣ, особенно на западѣ отъ Селенги, называются *Kirgit-ür*, т. е. киргизское жилище. Если даже эти остатки и не киргизскаго происхожденія, все же упомянутое преданіе подкрѣпляется множествомъ мѣстныхъ названій, взятыхъ изъ тюркскаго языка, какъ напримеръ: *Куда*, *Кудай*, *Кударей* (отъ *Кудай*—богъ), *Тура*—названіе многихъ горъ и рѣкъ, явно тюркскаго происхожденія и т. д.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ передать все изустныя и письменныя свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ Бурятами для объясненія бывшихъ некогда въ Байкальской сторонѣ передвиженій народовъ. Замѣчу только мимоходомъ, что у Бурятъ нѣтъ своихъ преданій о *Чуди*; все ихъ разказы объ этомъ знаменитомъ народѣ древности, заимствованы отъ Русскихъ поселенцевъ. Вообще въ Байкальскомъ краю трудно указать слѣды какого-нибудь другаго народа, кромѣ Тюрковъ, Монголовъ и Тунгузовъ. Множество названій мѣстностей какъ бы намекаетъ однакожь, что въ глубокой древности здѣсь жили финскіе и самоѣдскіе племена. Хотя эти названія не всегда означаютъ что либо, но какъ самые звуки, такъ и нахожденіе ихъ въ тоже время въ странахъ обитаемыхъ финскими и самоѣдскими племенами даютъ мнѣ право приписывать имъ финско-самоѣдское происхожденіе. Таковы между прочими названія: *Уда* (самоѣд. рука), *Утъ*, *Конда*, *Бахта* или *Бохта*, *Хазуй* (самоѣд. сухой), *Нарымъ* (ост. болото), *Пурья*, *Ага*, *Селенга*, *Каренга*, *Янга*, *Карга*, и т. д.

Послѣ этого краткаго отступленія, возвратимся снова къ моему путешествію. Отъ береговъ Байкала я ѣхалъ не останавливаясь до Верхнеудинска, и оттуда, вверхъ по Селенгѣ, до городка Селенгинска. Близъ послѣдняго, 4-го марта, совершенно неожиданно я былъ изумленъ обнаженной землей и пыльными дорогами. Скотина паслась по степи, пастухи разбѣжались верхомъ, наблюдая за порядкомъ въ своемъ четвероногомъ войскѣ, состоявшемъ изъ коровъ, лошадей, овецъ, козъ и верблюдовъ. Все это имѣло весенній видъ; но трава была еще сѣра, стекла въ окнахъ замерзлы и Реомюровъ термометръ показывалъ—20°. Ясно, что поля обнажились не отъ чрезмѣрнаго тепла, а отъ недостатка снѣгу; недостатокъ

(1) Это названіе, которое читается также *Буда*, относится къ Монголамъ; (см. Клапротъ, *Asia polyglotta* стр. 258 и слѣд. *Кастренъ*. Сравни. — Зананъ Зетценъ и примѣчаніе I. I. Шмидта.

же его происходить, какъ увѣряютъ, частію отъ солончаковаго свойства стени, частію отъ безлѣсности и незащищенности ея отъ бурныхъ вѣтровъ. По этимъ же причинамъ снѣга не бываетъ даже и зимою въ Кяхтѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ Забайкалья, гдѣ морозы нерѣдко доходятъ до 30 и даже до 40° Реом.—Земледѣль весьма радъ этому, потому что возможность круглый годъ пасты стада на степи, избавляетъ его отъ тягостной необходимости большихъ запасовъ сѣна; но всякому другому, конечно, пріятнѣе были бы поля покрытыя снѣгомъ, нежели эти пещельно-сѣрые стени съ ихъ бурными вѣтрами, поднимающими облака песку и пыли. Покрайней мѣрѣ для меня продолженіе отъ Селенгинска моего путешествія въ лѣтнемъ экипажѣ, было до того непріятно, что я почелъ за величайшее счастье, когда, проѣхавъ верстъ 30, Гусино-озерскій бурятской храмъ, далъ мнѣ предлогъ остановиться здѣсь на нѣсколько дней. Такъ какъ этотъ храмъ или Датзангъ, состоитъ подъ вѣдѣніемъ бурятскаго первосвященника (Бандида-Хамба), то мнѣ и казалось не лишнимъ обратить на него особенное вниманіе.

Гусино-озерскій Датзангъ помѣщенъ весьма выгодно на берегу большаго озера (Гусинаго озера), въ степи, окруженной красивыми возвышенностями. Храмъ составляетъ довольно большое деревянное строеніе съ двумя пристройками съ боковъ, какъ у нашихъ крестовидныхъ церквей. Спереди и сзади храма по небольшому выступу; въ переднемъ—притворъ, въ заднемъ—самое святилище. Передъ притворомъ находится еще навѣсъ, утвержденный на множествѣ столбовъ, и съ безчисленными украшеніями въ азіатскомъ вкусѣ. Этотъ навѣсъ соединяется съ крышей храма, выгибающейся надъ различными отдѣлами его почти волнообразно. Она весьма высока, тогда какъ стѣны скорѣе низки. На самомъ верхѣ крыши возвышается множество большихъ и маленькихъ башенокъ, обитыхъ жестью, отчего, при солнечномъ свѣтѣ, Датзангъ блеститъ и сіяетъ. Крыша выступаетъ далеко за стѣны и поддерживается рядомъ столбовъ, опирающихся на досчатый помостъ, идущій снаружи вокругъ всего храма въ ровень съ его фундаментомъ. По словамъ провожавшаго насъ Ламы, по этому помосту, процессіи жрецовъ тихо обходятъ храмъ, читая молитвы. Подлѣ самаго Датзанга, находятся не менѣе 16 маленькихъ часовенъ (Sume), стѣсненныхъ въ небольшую группу. Нѣкоторыя изъ нихъ четырехъ—другія — осми-угольныя; но всѣ съ небольшой острой башенкой и окружены, какъ и Датзангъ, деревяннымъ палисадомъ. Въ этихъ часовняхъ богослуженіе происходитъ въ особенные праздничные дни. Въ часовняхъ сохраняются книги, писанные и литые образа или бурханы, принесенныя жертвы и различная утварь, необходимая для будистскаго богослуженія и. т. п. Въ одной изъ этихъ часовенъ показывали мнѣ колесницу, запряженную

деревянными конями, предназначенную для приёма мессіи или Майдера (Maitrejä), который долженъ придти послѣ Шигимуна (Şakjamuni).

Обозрѣвъ вскользь многочисленныя принадлежашія храму зданія—взойдемъ, съ позволенія Хамба-Ламы, въ самый храмъ. Не пугайтесь разверстыхъ пастей и воинственного вида двухъ львовъ, стрегущихъ входъ: нашъ Лама увѣряетъ, что «они изъ глины и не сдѣлаютъ намъ никакого вреда». Въ первомъ отдѣленіи храма, то есть въ притворѣ, стѣны увѣшаны мечами и панцырями, львиными, медвѣжьими, волчьими и росомахими шкурами, принесенными въ жертву бурханамъ. По срединѣ находится ковчегъ, устроенный такъ, что можетъ вертѣться, при чемъ раздается звонъ привѣшенныхъ къ нему колокольчиковъ. Ковчегъ этотъ называется у Бурятъ *Курда*, и наполненъ *Мани* ⁽¹⁾ и другими молитвами, которыя тысячи и тысячи разъ написаны и переписаны. Всякій, кто входитъ въ храмъ, повертываетъ Курду, прочитывая свою *Мани*; этимъ душа его, какъ увѣряютъ жрецы, очищается отъ грѣха.

Изъ притвора узкій проходъ проводитъ насъ черезъ весь настоящій храмъ. По обѣимъ сторонамъ прохода тянутся ряды скамей параллельно длинѣ храма. Впереди каждаго ряда стоятъ нѣсколько стульевъ покрытыхъ краснымъ сукномъ для Хамба-Ламы, Ширету и другихъ важныхъ духовныхъ особъ; скамьи же во время богослуженія занимаются низшимъ духовенствомъ ⁽²⁾. Внутри храма много колоннъ, а съ потолка висятъ безчисленное множество бѣлыхъ и желтыхъ шелковыхъ полосокъ; на стѣнахъ много картинъ, изображающихъ разныхъ бурхановъ; у двухъ переднихъ рядовъ скамей, на полу и на самыхъ скамьяхъ лежатъ трубы, литавры, дудки, флейты, бимбалы, и другіе громкозвучные инструменты. Въ храмѣ и въ ясный день — постоянный полумракъ, потому что окна малы, да сверхъ того и столбы и множество шелковыхъ полосокъ мѣшаютъ проникновенію свѣта.

Когда мы вошли въ храмъ, около 40 жрецовъ занимали два передніе ряда скамей, по обѣимъ сторонамъ прохода. Они сидѣли, сложивъ на крестъ руки и ноги, въ ярко-красныхъ и желтыхъ одеждахъ, такъ же неподвижно, какъ самые бурханы, которыхъ они прославляли пѣсню далеко не благозвучною, но все-таки полною глубоко-религіознаго чувства. Судя по мелодіи, пѣніе это способно, отнюдь не къ умиротворенію и вознесенію души изъ земной юдоли, а только къ наполненію сердца грѣшника тоской и страхомъ. Мы высказываемъ этимъ, разумеется, не наше соб-

(1) Здѣсь разумеется известная формула: *Om mani padme hum.*

(2) Міряне присутствуютъ при богослуженіи стоя у дверей храма, частью внутри его, частью и наружѣ.

ственное чувство; но вотъ, у дверейъ стоитъ бѣдный Бурятъ: онъ дрожитъ всѣмъ тѣломъ, слушая это пѣніе. Вдругъ раздается звукъ трубъ, и всѣ дудки, литавры, барабаны и кимвалы поднимаютъ такой шумъ, какъ будто насталъ послѣдній день. Бѣдный Бурятъ падаетъ ницъ лицомъ, и все показывается, что его состояніе нисколько не притворное, что сердце дѣйствительно глубоко потрясено мощнымъ гласомъ вседержителя.

Войдемъ теперь черезъ отверзтый входъ въ самое святилище. Взоры наши поражаются здѣсь ослѣпительнымъ блескомъ. Здѣсь не только стѣны увѣшаны писанными бурханами, но въ глубинѣ находится еще алтарь, уставленный блестящими латунными, отчасти вызолоченными. Посрединѣ, на алтарѣ сидитъ высокій Покровитель жрецовъ (Лама Чодбо) и наслаждается куреньями въ честь его сожигаемыми. На право отъ него находится небольшое изображеніе Майтрея (Maitreja), а подлѣ этого цѣлый дворецъ, въ которомъ, какъ объяснили мнѣ, заключенъ бурханъ Аръябала (Arjabala). На лѣвой сторонѣ алтаря стоятъ точно такія же литыя изображенія шестнадцати Найденовъ, Сакьямуни и другихъ великихъ бурхановъ. Передъ этимъ сонмомъ божествъ находится зеркало и множество латунныхъ блестящихъ сосудовъ, наполненныхъ священою водою, хлѣбнымъ зерномъ и другими жертвоприношеніями. Кромѣ того, на алтарномъ коврѣ лежатъ еще различныя жертвы, состоящія по большей части изъ масла и другихъ съѣстныхъ припасовъ. Передъ бурханами горитъ множество лампадь, и облака епііама поднимаются изъ курильницъ.

Подробное описаніе храма Ламы требовало бы изложенія буддистскихъ религіозныхъ ученій, а потому, изъ боязни слишкомъ большаго отступленія, оставимъ храмъ и пойдемъ за нашимъ проводникомъ къ Хамба-Ламѣ, жилище котораго находится за длиннымъ деревяннымъ палисадомъ, отдѣляющимъ всѣ храмовыя строенія отъ жилищъ жрецовъ. Эти жилища—большею частью бѣдныя, низенькія лачуги, построенныя въ бурятскомъ стилѣ. Жилище Хамба-Ламы составляетъ однакожь блестящее исключеніе: оно выстроено гораздо лучше и двухъ-этажное. Хамба-Лама живетъ въ нижнемъ этажѣ, и кабинетъ его — храмъ въ миниатюрѣ. И здѣсь есть алтарь, уставленный точно такъ же, какъ въ святилищѣ; и здѣсь передъ алтаремъ горитъ множество лампъ и присутствующіе жрецы низшаго разряда время отъ времени жгутъ куренія передъ бурханами.

Хамба-Лама, какъ подобаетъ, занимаетъ въ комнатѣ главное мѣсто. На немъ красная мантия; онъ сидитъ на креслѣ, обтанутомъ красною шелковою тканью, и поглядываетъ вокругъ себя такъ гордо, какъ будто бы онъ само божество. Въ почтительномъ отдаленіи стоятъ разные низшіе жрецы и внимательно слушаютъ велѣнія главы своего. Хамба-Лама не слишкомъ силенъ въ русскомъ языкѣ и потому говорилъ со мною черезъ перевод-

чика, которымъ служилъ одинъ изъ жрецовъ. Разговоръ шель о превосходствѣ будистской религіи передъ всѣми другими. Превосходство это Хамба-Лама основывалъ на глубокой древности буддизма, на богатой литературѣ и на строгой нравственности поклонниковъ этого ученія. Съ жаромъ и весьма велерѣчиво доказывалъ онъ, что покрайней мѣрѣ Бурятамъ, живущимъ по ту сторону Байкала, христіанство въ настоящее время нисколько не полезно, потому что, по незнанію языка, они никакимъ образомъ не могутъ понять христіанскаго ученія; тогда какъ единовѣрцы его въ точности исполняютъ предписанія религіи и питаютъ глубокое отвращеніе къ грѣху. Да и самые жрецы будистскіе, по его мнѣнію, далеко превосходятъ христіанскихъ, какъ познаніями, такъ и религіозной жизнью. «Отъ христіанскаго священника, говорилъ онъ, требуется только поверхностное знаніе немногихъ Евангелій и посланій, нѣсколькихъ псалмовъ и молитвъ,—монгольской же Лама долженъ знать Ганджуръ, Данджуръ и многія другія книги, чтò вмѣстѣ составляетъ сотни томовъ (1). Книги эти читаются у насъ на тибетскомъ языкѣ, и все, чтò изъ нихъ нужно для богослуженія, нашъ жрецъ долженъ знать наизусть, ибо при богослуженіи не употребляютъ книгъ. Кроме того, будистскій жрецъ необходимо долженъ еще знать астрономію, медицину, каллиграфію, книгопечатаніе, приготовленіе жертвъ и т. д. При всемъ этомъ, каждый желающій поступить въ духовное званіе долженъ поклясться передъ жрецами, что день и ночь будетъ мыслить о богѣ, читать Мани, носиться, молиться, и исполнять всѣ заповѣди, коихъ для вышнихъ духовныхъ лицъ 253».

Такъ распространялся Хамба-Лама большую часть вечера о превосходствахъ своего сакьямунскаго ученія; но только однихъ внѣшнихъ его предписаній, старательно избѣгая всего, касающагося основныхъ положеній. Туже осторожность соблюдалъ онъ, когда заходила рѣчь объ астрономіи и медицинѣ. Объ историческихъ же предметахъ говорилъ весьма свободно: разсказалъ много чудесъ о Чингисханѣ; повѣдалъ и о камнѣ Китайскаго императора, который предсказалъ, что Бѣлый Ханъ завоюетъ Китайское царство до Пекина, и т. д. Когда случайно разговоръ коснулся до Тибета, Хамба-Лама приказалъ отыскать старинную рукопись одного бурятскаго богомольца, который ходилъ на поклоненіе къ Далай-Ламѣ, около 1770-го года. Изъ этой рукописи Хамба сообщилъ мнѣ слѣдующія свѣдѣнія:

«Въ Тибетѣ два духовные наибольшіе: Далай-Лама и Богдо Банчинъ, изъ коихъ первый живетъ въ землѣ *Дуйба*, послѣдній — въ Санба.

(1) Уже и два собранія «Ганджуръ» и «Данджуръ» — совокупляютъ въ себѣ болѣе 330 томовъ.

Прежде Далай-Лама имѣлъ высшую какъ духовную, такъ и свѣтскую власть надъ цѣлымъ Тибетомъ, но съ 1713-го года, когда это государство сдѣлалось подвластнымъ Китаю, Далай-Лама почти совершенно утратилъ свою свѣтскую власть, и даже въ церковномъ отношеніи подчиненъ Богод Банчину (†). Несмотря на то, онъ пользуется въ Тибетѣ величайшимъ уваженіемъ, какъ величайшей святой церкви. Далай-Лама живетъ во дворцѣ, въ которомъ 999 комнатъ и который построенъ изъ камня горы Будады. Въ полуверстѣ отъ дворца возвышается знаменитый храмъ Джу (Dschou), откуда распространилось будистское ученіе на весь Тибетъ. Въ новый годъ, въ этотъ храмъ собираются жрецы изъ всѣхъ другихъ храмовъ и молятся здѣсь въ продолженіе двадцати одного дня и ночи. Ихъ собирается иногда четырнадцать, иногда шестнадцать и даже восьмнадцать тысячъ, и всѣ они во все это время содержатся на счетъ Далай-Ламы, подъ вѣдомствомъ котораго находится храмъ Джу. Въ десяти дняхъ пути отъ Джу есть другой значительный храмъ, въ которомъ постоянно служатъ 3000 жрецовъ. Этотъ храмъ подъ вѣдѣніемъ Богод Банчина. Кромѣ того, есть много еще и другихъ большихъ и великолѣпныхъ храмовъ. Одинъ изъ нихъ называется Балданъ-Брайбуунъ и при немъ 7000 жрецовъ. При другомъ, называемомъ Спре—5000 жрецовъ; при третьемъ (Кеганъ)—3500. Наконецъ, есть еще значительный храмъ, который древнѣе всѣхъ вышепоименованныхъ; при немъ 2500 жрецовъ, и храмъ этотъ называется «Сампо».

Услышавъ съ удивленіемъ слово, которое въ финскихъ рунахъ имѣетъ такое важное значеніе, я прервалъ чтеніе рукописи и спросилъ жрецовъ, не могутъ ли они сказать мнѣ что-нибудь о происхожденіи и этимологій этого слова. Мнѣ отвѣчали, что слово *Сампо*, какъ его произносятъ Монголы, произносится Тибетянами *Самфу* и означаетъ «тайный источникъ» (всякаго благополучія), отъ слова *sangwa*—тайный (въ финскомъ *sala*) и *fu* — «источникъ, начало» (въ финскомъ *rää*). Это изъясненіе увеличило еще болѣе мое удивленіе, ибо въ Калевалѣ *Сампо* воспѣвается именно, какъ неизчерпаемый источникъ благоденствія:

« Тамъ пашуть и сѣють,
Тамъ всяческое произрастеніе,
Тамъ неизмѣнное благоденствіе... »

(1) Это показаніе противорѣчитъ всему, что я знаю изъ другихъ источниковъ, повѣствующихъ, что Далай-Лама глава какъ церкви, такъ и государства; хотя въ политическомъ отношеніи и руководствуется двумя китайскими генералами.

ность Вэйзмойненъ въ Калевалѣ (1) о финнекомъ Сампо. Если принять къ этому въ соображеніе, что Пойола (Pohjola) финскаго мифа по мѣстности совпадаетъ, какъ и доказывали уже, съ городомъ Холмогоры, то весьма вѣроятно и предположеніе, что Сампо Калевалы — также храмъ, и именно храмъ Юмалы, воспѣваемый исландскими сагами. Какъ ни кажется мнѣ это предположеніе вѣроятнымъ—далѣе я однакожь объ немъ не распространяюсь, потому что безъ историческихъ розысканій это совершенно бесполезно.

Да и пора ужъ намъ проститься съ Хамба-Ламою и съ его ученымъ духовнымъ синклитомъ при Гусиномъ озерѣ. Отсюда, черезъ небольшую степь, мы заѣхали, по дорогѣ, къ далеко знаменитому Буряту Ньендакъ Банпилову. Изъ автобіографіи, сочиненной самимъ Ньендакомъ, явствуетъ, что онъ въ седьмомъ колѣнѣ происходитъ отъ знаменитаго монгольскаго владѣльца Барасъ Багатуръ Тайдша Тзакира, что онъ чиновникъ 12-го класса, глава всѣхъ Бурятъ Селенгинскаго округа и корреспондентъ Казанскаго университета,—что онъ на свой собственный счетъ построилъ великолѣпный Датзангъ, — что, за многочисленныя его заслуги отечеству вообще и Бурятамъ въ особенности, онъ удостоенъ золотой медали и другихъ наградъ, изчисленіе которыхъ занимаетъ цѣлый листъ. Все это можно узнать только изъ бумагъ, потому что самъ Ньендакъ—олицетворенная бурятская скромность. Онъ не гордится своими семью предками, своими семнадцатью титулами, не величается своими заслугами, занимаясь весьма серьезно упроченіемъ своего хозяйства и бдительнымъ надзоромъ за табунами. Какъ и всѣ другіе Буряты, онъ ходитъ въ овчинной шубѣ, и только по праздникамъ и въ торжественныхъ случаяхъ надѣваетъ на нее шелковый халатъ. Жилище его то шатеръ, то обыкновенная бурятская хижина; но для пріема знатныхъ гостей, рядомъ съ своей низенькой хижиной, онъ построилъ красивое зданіе. Вполнѣ преданный обычаямъ и вѣрѣ своихъ отцевъ, Ньендакъ хорошо знакомъ съ монгольской литературой, составлялъ себѣ отличное собраніе монгольскихъ религіозныхъ сочиненій, и собраніе это доступно всякому любителю словесности.

Я пользовался этими литературными сокровищами цѣлыя двѣ недѣли и затѣмъ снова отправился въ однообразныя степи. До Кяхты оставалось только нѣсколько станцій, но дорога эта, во страшной безлюдности, показалась мнѣ довольно длинной. Изрѣдка попадались бурятскіе улусы, но такого рода, что видъ ихъ нисколько не радовалъ взора. Буряты жили

(1) Руна XX. V. 223. слѣд.

Siin'on kvntö, sünä kylwö,
Siinä kasw' kaikenlainen,
Sünäpä ikuinen onni.

еще въ своихъ зимнихъ жилищахъ; у болѣе зажиточныхъ были маленькія русскія избы, у бѣдныхъ же болѣею частью войлочные юрты, сходныя съ татарскими (1). Кромѣ того, у менѣе зажиточныхъ я замѣтилъ деревянныя постройки, составлявшія нѣчто среднее между юртой и избой. Это—осьмиугольныя юрты съ низкими стѣнами и высокою крышей. Какъ у юрты, крыша и въ этихъ постройкахъ утверждается на четырехъ столбахъ; печи нѣтъ, огонь разводится посреднѣ, а дымъ выходитъ въ отверстіе въ крышѣ, которое служить вмѣстѣ и окномъ. По обѣимъ сторонамъ мѣста для огня лежатъ нѣсколько досокъ, представляющихъ полъ. Напротивъ двери—скамья, или диванъ и передъ нимъ собраніе бурхановъ. Налѣво отъ входа—обыкновенно скамейки, сундуки или ларцы; на право же—почти всегда полки съ чашками, котлами, берестяными плетушками и т. п. Какъ въ войлочныхъ юртахъ, такъ и въ этихъ постройкахъ живутъ по большей части лѣтомъ; зимою же они служатъ кухней. Впрочемъ, слишкомъ уже бѣдныя семейства и зимою живутъ въ нихъ, или даже и въ шалашахъ изъ бересты, хворосту и сѣна. Для скота строится иногда особая закута, но обыкновенно ограничиваются простой непокритою загородью. Для съѣстныхъ припасовъ строятся нерѣдко небольшія анбары изъ досокъ и на колесахъ; — они такъ легки, что во время перекочевокъ пара воловъ везетъ ихъ совершенно свободно. Нѣкоторые изъ этихъ подвижныхъ анбаровъ служатъ маленькими часовнями и наполняются бурханами, священными книгами и т. п.

Хотя Буряты и научились уже теперь возводить жилища разнаго рода, но войлочные юрты все-таки по прежнему остаются ихъ любимымъ жилищемъ. Въ нихъ устрояются они съ большимъ вкусомъ и большимъ изяществомъ, нежели въ зимнихъ избахъ и въ лѣтнихъ юртахъ. У богатаго Бурята вся лѣвая сторона отъ входа уставлена драгоценными, стоящими другъ на другѣ сундуками, въ которыхъ хранятся соболы, дорогія ткани, праздничныя платья, и т. п. На правой сторонѣ пестрыхъ сундуковъ гораздо меньше: здѣсь ближайшая къ двери часть стѣны занята полками, уставленными блестящими самоварами, кострюлями, кофейниками и другою кухонною посудой, которая стоитъ тутъ только для показу. Противъ двери—диванъ изъ мягкихъ войлоковъ, покрытый краснымъ сукномъ или другою богатой матеріей. Передъ диваномъ красуется сонмъ будистскихъ божествъ, съ достоудожными трубами и лятаврами. По обѣимъ же сторонамъ дивана я видалъ иногда сѣдла украшенныя серебромъ,

(1) Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что войлочная юрта—обыкновенное жилище Татарина зимою, замѣняемое лѣтомъ берестяной; Буряты же, напротивъ, и лѣтомъ живутъ въ войлочныхъ юртахъ, поднимая только войлоки выше на вершокъ, чтобы дать свободный доступъ воздуху.

старыя ружья съ обитыми серебромъ прикладами, мечи съ серебряными рукоятками, серебряныя кружки, изукрашенные луки и стрѣлы, панцири и т. п. Въ нѣкоторыхъ юртахъ я замѣчалъ, къ немалому удивленію, что столбы, поддерживающіе крышу и ежедневно покрывающіеся копотью отъ дыма во время топки, выкрашены синею краскою и, сверхъ того, убраны тонкой серебряной работою.

Само собою разумѣется, что Буряты, которые такъ заботятся о своихъ жилищахъ, не пренебрегаютъ и одеждою. Въ будни, и богатый и бѣдный довольствуются козымъ или бараньимъ тулупомъ; но въ торжественныхъ случаяхъ—едва ли на комъ увидишь такой черной соболь и такую богатую шелковую матерію, какъ на грубомъ Бурятѣ. Въ женскомъ нарядѣ—въ особенности поражаетъ множество разноцвѣтныхъ камней, жемчуга, золотыхъ и серебряныхъ украшеній, которыя не только покрываютъ шею и руки, но и висятъ во множествѣ вездѣ, гдѣ только можно прицѣпить ихъ,—и за тѣмъ весьма широкое, доходящее до пятъ платье изъ шелковой, или другой какой дорогой китайской матеріи. Платье это не опоясывается и не зашнуровывается, а застегивается спереди. Иногда, особенно при верховой ѣздѣ, на это платье надѣвается плотно обхватывающій шпензерь безъ рукавовъ. На головѣ, и мужчины, и женщины носятъ острую шелковую шапку, съ собольей опушкой и съ краснымъ шелковымъ кружкомъ на макушкѣ. На пальцахъ блестятъ золотыя и серебряныя кольца, на поясѣ висятъ длинныя ножи въ блестящихъ ножнахъ; но китайская мѣдная трубка—*non plus ultra* убранства.

Такъ и у Бурятъ, богатый окружаетъ себя блескомъ и великолѣпіемъ, тогда какъ бѣдный влечитъ бремя жизни въ трудахъ и заботахъ, со слезами и воздыханіями. Бѣдный Буряты живетъ обыкновенно въ дымной дырявой войлочной юртѣ, плохо защищающей его отъ зимнихъ непогодъ. Въ этой юртѣ движимое имущество его составляютъ нѣсколько черныхъ деревянныхъ сундуновъ, горшковъ, кадокъ, берестяныхъ плетушекъ, ветхихъ войлоковъ, и т. п. Но и у самаго бѣднаго—почти всегда есть нѣсколько коровъ и овецъ, потому что безъ нихъ ему нечего было бы ѣсть, не во что одѣться, и ему пришлось бы идти въ ненавистное для него батрачество. Точно также и верховая лошадь считается важнымъ домашнимъ животнымъ, но безъ нея все-таки можно обойтись: въ случаѣ неизмѣнія ея — Буряты, или ходитъ пѣшкомъ, или садится на вола, на долгоногаго верблюда. Что же касается до одежды, то бѣдный Буряты, ограничивается и зимой и лѣтомъ, и въ жаръ и въ холодъ, и въ дождь и въ ясную погоду, однимъ овчиннымъ тулупомъ. Если жаръ слишкомъ уже сильно печетъ—Буряты какъ и Татаринъ, снимаетъ тулупъ и передаетъ голое тѣло свое въ жертву комарамъ, мухамъ, оводамъ и осамъ.

Достоинно замѣчанія, что пища и приготовленіе ея какъ у богатыхъ, такъ и бѣдныхъ Бурятъ почти совершенно одинаковы. Главную ихъ пищу составляетъ монгольской (кирпичный) чай, вскипяченный на молокъ и приправленный масломъ. Это блюдо получило право гражданства и у живущихъ здѣсь Русскихъ; они говорятъ, что его питательная сила исцѣляетъ болѣзни легкихъ.—Послѣ чая, у Бурятъ молоко занимаетъ первое мѣсто. За тѣмъ идутъ сыръ, масло и лѣтомъ *айранъ* или молочная водка. Хотя многіе Буряты занимаются хлѣбопашествомъ, но рѣдко ѣдятъ хлѣбъ; даже мясо не составляетъ ежедневнаго блюда, а рыба—почти никогда. Словомъ, чай—единственное, круглый годъ ежедневное кушанье, и это равно какъ у бѣдныхъ, такъ и у богатыхъ.

Этимъ чаемъ потчивали и меня въ каждомъ улусѣ, покуда я не добрался до большой дороги. По ней не было улусовъ—вездѣ только голая степь, сосновыя кустарники, да ряды песчаныхъ холмовъ. По счастью, она была не слишкомъ длинна и черезъ нѣсколько станцій, я пріѣхалъ въ знаменитый торговый городокъ Кяхту на китайской границѣ.

Кяхтою собственно называется маленькая рѣчка, впадающая въ Селенгу, но этимъ именемъ называютъ обыкновенно и русскій городъ Троицкосавскъ съ его предметами: Торговой Слободой и Усть-Кяхтою и съ Китайскимъ торговымъ мѣстечкомъ Маймачиномъ. Всѣ эти мѣстечки сами по себѣ незначительны, но для русской торговли они имѣютъ огромную важность. На всей сибирской границѣ Кяхта единственная точка, на которой сходятся для торговли Россія и Китай. И торгъ идетъ здѣсь въ въ колоссальныхъ размѣрахъ, потому что въ Кяхтѣ Россія получаетъ всѣ свои чаи, а сама сбываетъ въ Китай свои сукна и мѣха, ежегодно на сумму до пятидесяти милліоновъ ассигнаціями. Китайцы жалуются на высокую цѣну русскихъ суконъ и грозятъ ограничиться торговлею съ Англичанами, но кажется, что для сѣверныхъ областей Китая и Монголіи торговля съ Россіей все-таки выгоднѣе.

Но предоставимъ это обезужденію статистиковъ и съѣздимъ лучше изъ Троицкосавска въ китайскій торговый городокъ. Проѣхавъ съ верету, мы передъ таможенной заставой торговой слободы. Шлагбаумъ опущенъ, и нѣсколько русскихъ чиновниковъ принимаются суетливо осматривать нашъ экипажъ и пропускъ. За симъ шлагбаумъ поднялся, и дрожки наши быстро пронеслись черезъ торговую слободу, къ воротамъ китайскаго города. Здѣсь нѣтъ никакихъ караульныхъ, и паспорта никто не спрашиваетъ, но кучеръ все-таки остановился передъ воротами, потому что по улицамъ Маймачина въ обычаѣ ходить пѣшкомъ.

Ворота, ведущія въ Небесный городъ, весьма узки, но за то весьма высоки; кромѣ того, что и самый сводъ довольно уже высокъ, съ сере-

длины его поднимается еще высокая башня, съ колоссальными изваяніями святыхъ по бокамъ. Въ городѣ, имѣющемъ форму четырехугольника, такихъ воротъ восемь, по двое на каждой сторонѣ. Сверхъ того, и каждая часть города соединяется съ другой такими воротами, которыя вечеромъ всегда запираются, а утромъ снова отворяются. Эти ворота и деревянные заборы, обнимающіе городъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, придаютъ ему видъ крѣпости, или тюрьмы.

Внутри города взоръ нашъ останавливается съ удовольствіемъ на прямыхъ и чистыхъ, хотя и слишкомъ уже узкихъ улицахъ. По обѣимъ сторонамъ улицы тянутся строенія, составляющія почти одну сплошную стѣну, прерываемую только воротами. Почти всѣ строенія, выходящія на улицу, или амбары, или магазины, и они не выше двухъ сажень, обмазаны снаружи глиной, а вмѣсто рамъ въ окнахъ только желѣзныя рѣшетки, что на Европейца производитъ довольно непріятное впечатлѣніе. Съ перваго взгляда видно, что Китаецъ не любитъ улицъ, и въ Маймачинѣ онѣ совершенно безлюдны. Только по множеству лошадей и верблюдовъ, стоящихъ, и внѣ города, и на улицахъ почти у каждыхъ воротъ, можно догадаться, что тутъ происходитъ обширная и дѣятельная торговля.

Но всего болѣе на улицахъ Маймачина обращаютъ на себя вниманіе любопытнаго путешественника великолѣпныя галлерей: высокія своды ихъ покоятся на прекрасныхъ столбахъ и сверху украшены множествомъ глиняныхъ изображеній выкрашенныхъ черною краскою и представляющихъ, вѣроятно, китайскихъ святыхъ. Кромѣ того, подъ сводами находится цѣлое собраніе рисованныхъ и вырѣзанныхъ изъ дерева изображеній, кои даютъ весьма выгодное понятіе объ искусствѣ Китайцевъ. Наконецъ, на сводѣ каждыхъ воротъ—одна или нѣсколько тщательно выведенныхъ надписей: изъ нихъ однѣ—простыя обозначенія владѣльцевъ, другія — изрѣченія, избранныя хозяевами домовъ, какъ напр. «спокойствіе и согласіе», «строжайшая честность», «честность—лучшій источникъ богатства», «процвѣтать наследственнымъ добродѣтелями», «постоянный барышъ отъ счастливыхъ предпріятій», «постоянная улыбка счастья». Черезъ ворота вступаешь на дворъ, который, если судить по Маймачину, великолѣпнѣе китайскаго города. У Китайцевъ дворъ отнюдь не мѣсто для саней, повозокъ, ушатовъ, и другихъ домашнихъ принадлежностей; напротивъ, это мѣсто для прогулки или, вѣрнѣе—гостинная. Частію онъ открытъ, частію же защищенъ высокимъ сводомъ, который въ зной доставляетъ пріятную и прохладную тѣнь. Съ трехъ сторонъ дворъ ограничивается сплошными строеніями, составляющими жилые покои и амбары. Передъ ними вокругъ всего двора тянется рядъ столбовъ, выкрашенныхъ дорожными красками.

Выходящія на дворъ стѣны большею частію покрыты лакомъ, и сверхъ того украшены живописью, надписями, рѣзбою, и т. п.

Въ жилыхъ комнатахъ еще больше чистоты и изящества, нежели на дворѣ. Стѣны красуются прекрасными обоями и картинами. Вся передняя часть каждой комнаты занята широкимъ диваномъ, покрытымъ драгоценными коврами. За тѣмъ вдоль всѣхъ стѣнъ стоятъ полированные столы, стулья, комоды, и другая мебель, по большей части русскаго издѣлія. Печей не видно, потому что топка производится снизу; окна, или со стеклами, или съ бумагой вмѣсто стеколъ, всегда очень малы, отъ чего въ комнатѣ довольно темно. Почти каждая комната имѣетъ свой особый входъ со двора, а кухня всегда отдѣлена отъ жилыхъ покоевъ.

О домашней жизни Китайцевъ нельзя получить въ Маймачинѣ настоящаго понятія, потому что большая часть жителей живетъ здѣсь по дорожному и холостяками (1). А потому, не распространяясь объ этомъ предметѣ, упомяну только о необыкновенномъ гостепрѣимствѣ, съ которымъ Китайцы принимаютъ здѣсь всякаго посѣщающаго ихъ иностранца. Кромѣ праздниковъ новаго года, когда оно достигаетъ своей апогеи, вась примутъ чрезвычайно ласково и во всякое другое время: угостятъ чаемъ, табакомъ, китайскими плодами и сладостями и т. д. Какъ бы ни былъ занятъ Китаецъ — онъ все таки приметъ и угоститъ незваныхъ гостей, хотя бы они пришли къ нему изъ одного любопытства. При всей своей національной гордости, онъ вѣжливъ съ иностранными посѣтителями и никакъ не даетъ имъ замѣтить убѣжденія въ своемъ мнимомъ превосходствѣ; но за это и съ ихъ стороны онъ требуетъ, и весьма справедливо, точно такой же вѣжливости. Если же многіе путешественники и жалуются на грубость маймачинскихъ Китайцевъ, то можно предположить почти навѣрное, что они вызвали ее собственною своею невѣжливостью. Что касается до меня, то я могу жаловаться развѣ только на излишнюю уже вѣжливость.

Заключительное примѣчаніе. Что эти замѣтки, писанныя во время жестокой перемежающейся лихорадки, кончаются почти тамъ же, гдѣ начались, — это недостатокъ, или вѣрнѣе достоинство, которое слѣдуетъ приписать не мнѣ, но моему врачу, который почитаетъ нужнымъ, чтобы я впредь, до разрѣшенія, воздерживался отъ всякаго занятія, напрягающаго голову. Иркутскъ 10 (22) августа 1848.

(1) Говорятъ, что въ Китаѣ есть законъ, по которому ни одна женщина не должна переступить черезъ границу Имперіи, даже въ Монголію, которая состоитъ подъ китайскимъ владычествомъ.

ПИСЬМА.

4.

АССЕССОРУ РАББЕ.

Кяхта, 22 марта (3 апрѣля) 1848.

Вотъ я снова въ предѣлахъ Китая; но уже не какъ перебѣжчикъ, а съ надлежащимъ видомъ отъ Троицкавскаго таможеннаго начальника. Дня два бродилъ я по улицамъ торговаго китайскаго города Маймачина и глазѣлъ то на то, то на сѣ, а когда мнѣ это надоѣдало, пользовался приглашеніемъ какого-нибудь Китайца выпить у него чашку чаю, рюмку вина, выкурить трубку табаку, и т. д., и сидѣлъ гостемъ то у знатнаго купца изъ Пекина, то у варвара изъ Ханзи, то у многоопытнаго доктора медицины, то у столяра, кузнеца, башмачника, и т. д. Вездѣ встрѣчалъ я веселыя лица и радушный пріемъ. Никто не сирավлялся ни о чинѣ, ни о доходахъ моихъ; я вполне пользовался моими человѣческими правами, и въ маленькомъ китайскомъ городѣ мнѣ было необыкновенно привольно. Еслибы дорога была открыта, какъ охотно прогулялся бы я въ Пекинъ, до котораго отъ южнѣйшей границы Сибири всего нѣсколько дней ѣзды. Но такъ какъ это было рѣшительно невозможно, то и пришлось довольствоваться гостепріемствомъ сибирскихъ Бурятъ. Это, если и уступаетъ, въ матеріальномъ отношеніи, китайскому, — все-таки гораздо лучше, нежели я воображалъ. Чашка кирпичнаго чаю на молоко, нога жареной баранины, сыръ и молоко готовы для всякаго въ каждой юртѣ. Можно разсчитывать и на еще лучшее угощеніе у Ламъ, а Ламы встрѣчаются здѣсь на всѣхъ углахъ и перекресткахъ. Вычислено, что изъ селенгинскихъ Бурятъ почти четвертый человѣкъ духовнаго званія. Можно было бы, пожалуй, сказать, что это ужъ и черезъ-чуръ много; но пока образованность будетъ исключительной принадлежностью Ламъ—почти нельзя не пожелать, чтобъ и всѣ были духовные. Скверно только то, что въ такомъ случаѣ монгольское племя могло бы подвергнуться совершенному уничтоженію, потому что Сакъямуни положительно воспрещаетъ Ламамъ брачное сожителство. Правда, что, несмотря на это, небо именно бурятскихъ-то жрецовъ и благословляетъ многочисленнымъ потомствомъ; но, при теперешнихъ обстоятельствахъ, имъ не трудно сваливать вину этого на мірянь. Когда же всѣ буддисты сдѣлаются жрецами, какъ знать, что станетъ съ Монголами, Бурятами, Тибетянами и ихъ единовѣрцами.

Говоря о бурятских жрецахъ, не могу умолчать объ ихъ учености и свѣдѣнiяхъ. Отъ хорошаго буддистскаго жреца требуется, чтобы онъ былъ какъ бы дома и въ Ганджурѣ и въ Данджурѣ — двухъ книгахъ болѣе чѣмъ въ 200 томовъ, въ которыхъ излагается богословіе, нравственное ученіе, философія, астрономія, и многое другое (1). Сверхъ того, бурятскіе жрецы имѣютъ еще другія священныя книги, преимущественно легенды о святыхъ. У нихъ есть и свѣтскія сочиненія различнаго содержанія, но любимѣйшее чтеніе ихъ составляютъ историческія рассказы всякаго рода, особенно жизнеописанія знаменитыхъ государей. Въ наибольшемъ ходу тибетскія книги; потому что тибетскій языкъ и доселѣ еще религіозный языкъ какъ здѣсь, такъ и въ Монголіи. Каждый Лама обязанъ знать этотъ языкъ, а ученѣйшіе, сверхъ того, и санскритскій. Къ такой многосторонней учености, они присоединяютъ еще теоретическія и практическія свѣдѣнiя въ медицинѣ. Врачебную мудрость черпаютъ они изъ тибетскихъ источниковъ, а лѣкарства выписываютъ изъ Пекина. Знаменитѣйшіе изъ этихъ врачей имѣютъ небольшія клиники, въ которыхъ преподаютъ медицину ученикамъ своимъ. Какъ ни недостаточно это преподаваніе, бурятскіе врачи пользуются однакожъ всеобщимъ довѣріемъ и къ помощи ихъ прибѣгаютъ и образованные и необразованные, и Русскіе и туземцы.

Въ составъ образованія Ламъ входятъ наконецъ и нѣкоторыя искусства: каллиграфія, рисованіе и книгопечатаніе. Въ каллиграфическомъ отношеніи я никогда не видывалъ ничего прекраснѣе рукописей здѣшнихъ Ламъ; нѣкоторыя съ золотыми и серебряными буквами цѣнятся въ нѣсколько тысячъ рублей серебромъ. Въ книгопечатаніи Ламы далеко не такъ искусны; но уже и самое существованіе его въ этой варварской землѣ весьма замѣчательно. Умѣніе вырѣзывать деревянныя доски, готовить краску для печатанія и оттискивать вырѣзанное на доскахъ—обязанность Ламъ. Тѣмъ не менѣе, я полагаю, что напечатанныя здѣсь книги—величайшая рѣдкость.

Съ этой-то, по своему образованной, жреческой кастой я намѣренъ сблизиться, на сколько это только возможно. Можетъ статься мнѣ посчастливиться найти у Ламъ какую-нибудь драгоценную рукопись, а изъ разговоровъ почерпнуть какія-нибудь свѣдѣнiя о древнихъ, темныхъ временахъ Сибири. Во всякомъ случаѣ, я надѣюсь на ихъ пособіе въ изученіи монгольскаго языка, рѣшительно для меня необходимаго.

(1) О Ганджурѣ смотри весьма интересную статью барона Шиллинга фонъ Каппштадта въ Bulletin hist. phil. T. IV, № 22; а о Данджурѣ—тамъ же №№ 18 и 19, статью «über die logischen und grammatischen Werke in Tandjur».

Отправляясь на этихъ дняхъ на востокъ отъ Кяхты, я думаю сначала ѣхать вдоль китайской границы и потомъ свернуть на большую дорогу, ведущую изъ Иркутска въ Нерчинскъ. Еще не знаю, доѣду ли до нерчинскихъ рудниковъ; далѣе же ихъ не поѣду. Возложенное на меня Академіей порученіе теперь буквально исполнено, и я жажду покончить мое семилѣтнее скитаніе. Твой другъ Забайкальской.

P. S. Во время моего пребыванія въ Забайкальскомъ краю, вѣроятно, я не получу ни писемъ, ни посылокъ, потому что почта задерживается теперь распутицей. Здоровье мое плохо; но я надѣюсь, что бурятскіе жрецы возстановятъ его своими небесными снадобами.

2.

Статскому совѣтнику Шёгрёну.

Главный Нерчинскій рудникъ, 18 (30) мая 1848.

Когда, въ началѣ марта, я отъезжалъ изъ Иркутска, то совѣтъ не былъ намѣренъ оставаться до лѣта въ пограничной Забайкальской странѣ; рассчитывалъ, напротивъ, возвратиться черезъ Байкаль еще зимнимъ путемъ. Но вотъ рассказываютъ мнѣ въ разныхъ мѣстахъ, что въ Селенгинской степи, не вдалекѣ отъ крѣпости Харачайской живутъ десять сойотскихъ племенъ, — надо удостовѣриться въ дѣйствительномъ существованіи ихъ. Пріѣхавши въ Селенгинскъ, узнаю, что изъ этихъ племенъ, извѣстныхъ у Бурятъ подъ общимъ названіемъ *Соисъ*, быть-можетъ, очень не многіе происходятъ отъ Сойотовъ, теперь же — чистѣйшіе Буряты. Этимъ бы и покончились мои дѣла въ Забайкальи, еслибы дорогою не провѣдалъ, что забайкальская страна въ особенности богата курганами и другими остатками древности, которые, по данной мнѣ инструкціи, я обязанъ былъ излѣдовать. Во время пребыванія моего въ Селенгинской степи, мнѣ посчастливилось быть свидѣтелемъ драгоценной находки, хозяинъ которой готовъ уступить ее Академіи за дешевую цѣну. Въ надеждѣ добыть что-нибудь для археологій и въ то же время расширить мое этнографическое и лингвистическое изученіе — я рѣшилъ проѣхать еще далѣе на востокъ, излѣзть Забайкалье въ различныхъ направленіяхъ.

Съ этой цѣлью я выѣхалъ изъ Селенгинска въ половинѣ марта. Пробывъ, благодаря радушному приему Китайцевъ, нѣсколько дней въ Кяхтѣ — изъ нея отправился я въ Кударейскую степь, славящуюся множествомъ каменныхъ холмовъ или кургановъ. Мнѣ хотѣлось разрыть одинъ изъ

нихъ — но скорѣ долженъ былъ отказаться отъ этого, потому что земля не оттаяла еще, а у набранныхъ для сей цѣли Бурятъ не было и самыхъ необходимыхъ орудій. Къ тому же, суевѣрные Буряты боятся кургановъ, на бѣду мою, въ самомъ началѣ работы, поднялась страшная непогода — и все они разбѣжались въ разные стороны съ такой быстротой, какъ будто души усопшихъ вышли изъ могилъ своихъ и преслѣдуютъ ихъ по пятамъ.

Проученный неудачей первой посылки, я отложилъ раскапываніе кургановъ до времени, когда земля немного пооттаеетъ. Впрочемъ, за симъ они и не вводили уже меня въ искушеніе, потому что, по выѣздѣ изъ Кударейской степи, они попадались все рѣже и только весьма незначительные. Какъ эти, такъ и другіе остатки древности встрѣчаются здѣсь только въ мѣстахъ привольныхъ, а таковыхъ на моемъ пути было очень мало. Для того, чтобы перебраться на Нерчинскую сторону, я долженъ былъ ѣхать изъ Кударея по сѣверовосточному направленію до Петровскихъ рудниковъ и отъ нихъ все далѣе, до Хоринской степи. Все это пространство большею частью — горы, лѣса, болота и топкія низменности. Не представляя большой поживы для археологій, оно точно также бесплодно и въ этнографическомъ отношеніи, потому населено по преимуществу русскими раскольниками. На всемъ длинномъ пути изъ Кударея до Хоринска, я нашелъ только одинъ благовидный предлогъ для остановки, и это — знаменитый бурятскій храмъ въ Ара-Киретю. Здѣсь около ста Ламъ приняли меня съ церемоніей, подобающей, по монгольскимъ религіознымъ обычаямъ, только Сакьямуни и другимъ Бурханамъ. При вѣсти о моемъ прибытіи, Ламы облачились въ свои богатые служебныя одежды и, вооружившись различными инструментами; употребляемыми во время буддистскаго богослуженія, выстроились въ рядъ въ храмовой оградѣ. Лишь только я вѣхалъ въ ворота — сотни трубъ и литавръ, подняли такой страшный громъ, что мои полуобъѣзженные бурятскіе кони перепугались, сломали повозку, разшибли бы и меня, еслибъ я заблаговременно не выпрыгнулъ изъ нея.

По прибытіи въ Хоринскую степь, я остановился въ бѣднѣйшей, столѣтней лачугѣ волостнаго правленія, гдѣ едва не лишился жизни отъ оторвавагося съ потолка желѣзнаго бруса въ полпуда вѣсу, конецъ котораго оцарапалъ мнѣ високъ. Послѣ этого *temento mori*, я уложилъ мои бумаги и отправился вверхъ по рѣкѣ Анѣ, въ недалекую степь, гдѣ англійскіе миссіонеры, нѣсколько лѣтъ тому назадъ выстроили домъ, въ которомъ, со времени удаленія ихъ, если и нельзя было достать ни куска хлѣба — покрайней мѣрѣ не подвергалась никакой опасности жизнь моя. — Не въ далекѣ отъ этого дома находится скала съ нѣсколькими весьма вывѣтрившимися надписями, которыя, не знаю почему, навели миссіонеровъ

на предположеніе, что на южной сторонѣ скалы зарыты семь котловъ съ червонцами. Нисколько не разсчитывая на эти котлы, я велѣлъ разрыть одинъ изъ кургановъ, находящихся подъ этими надписями и нашелъ, не семь котловъ, но четверть лота самаго чистаго золота.

Пробывъ нѣсколько дней въ Анинской степи, я пустился дальше по большой дорогѣ, ведущей къ Нерчинскимъ рудникамъ. Дорога эта довольно безпокойна, потому что идетъ черезъ лѣса, горы и болота. Близъ истоковъ Уды, степь вдругъ превращается въ дикую горную страну. Это Яблонный хребетъ, обнимающій своими гигантскими отрогами большую часть Нерчинской области. Я вступилъ въ эту горную страну въ весьма неблагоприятную пору. Наканунѣ еще радовался я чистымъ, яснымъ небомъ, зеленѣющимъ полемъ, распускающимся цвѣтами и другими предвѣстниками весны и вотъ — небо заволокло черными тучами, забушевалъ бурный вѣтеръ и черезъ нѣсколько часовъ земля находилась уже подъ толстымъ снѣжнымъ покровомъ. Я вхалъ въ открытой телегѣ, и потому мнѣ страшно хотѣлось гдѣ-нибудь укрыться отъ непогоды; но, по несчастію, по дорогѣ не было ни одной деревни, ни даже бурятскаго улуса. Станціи же, кромѣ страшной ветхости, состояли большею частію изъ одной комнаты, биткомъ набитой пьяными ямщиками. Какъ ни непріятна была эта компанія—я предпочелъ ее однакожъ не меньшей непріятности провести всю ночь подъ открытымъ небомъ.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня я былъ уже въ Читѣ, бывшей прежде крѣпостью и ссылочнымъ мѣстомъ, а теперь—простою деревнѣ. Не вдалекѣ отъ нея течетъ рѣка Ингадѣ, ваюминающая своими островами, скалами и утесами Енисей и его притоки Абаканъ, Тубу, Сиду и др. Дорога шла по бесплоднымъ пустырямъ, по лѣсистымъ и безлѣснымъ возвышенностямъ и полямъ, до самой китайской границы. Я часто сворачивалъ съ нея въ разныя стороны, потому что мнѣ хотѣлось познакомиться съ нерчинскими Тугузами, какъ въ этнографическомъ, такъ и въ лингвистическомъ отношеніи, собрать преданія ихъ, осмотрѣть надписи и другіе остатки старины. Все это взяло столько времени, что только въ половинѣ мая добрался я до главнаго нерчинскаго рудника, гдѣ теперь и нахожусь.

Хотя я и не намѣренъ входить въ подробности о нерчинскихъ рудникахъ, однакожъ не могу не сказать нѣсколькихъ словъ о сосланныхъ сюда каторжныхъ рабочихъ. Вообще положеніе ихъ не такъ дурно, какъ воображаютъ. Обыкновенный работникъ получаетъ отъ казны 2 пуда муки и 1 р. 97 коп. ассигнаціями въ мѣсяцъ; столары же, кузнецы, пильщики, каменщики и другіе, необходимые при казенныхъ работахъ ма-

стеровые—такой же паякъ и по 15 коп. ассигн. за каждый рабочій день. Этого, конечно, не хватает на все его расходы, потому что ни одежды, ни квартиры от казны онъ не получаетъ; но прилежный и хорошій работникъ всегда имѣетъ возможность зарабатывать еще на сторонѣ. Въ этомъ отношеніи рудокопамъ, освобождаемымъ каждую третью недѣлю отъ казенныхъ работъ, лучше прочихъ. Но если принять въ соображеніе нездоровый воздухъ въ рудникахъ и постоянно грозящую опасность обвала шахтъ, то имъ, конечно, гораздо хуже мастеровыхъ; послѣдніе, хотя по закону, и должны работать ежедневно, но имъ задается на каждый день опредѣленный урокъ, по окончаніи котораго они могутъ располагать остальнымъ временемъ, какъ имъ угодно. Всего труднѣе работы при плавильныхъ печахъ и при промываніи золота, потому что при первыхъ уроки невозможны, а при послѣднихъ содержаніе не соответствуетъ труду.

Извѣстно, что, по прибытіи въ Нерчинскъ, преступники освобождаются отъ оковъ и получаютъ полную свободу. Единственные оковы — это работа; но прослужившіе казнѣ двадцать лѣтъ честно освобождаются и съ нея, и пользуются всеми преимуществами сельскихъ. Къ числу этихъ преимуществъ принадлежитъ, между прочимъ, право воздѣлывать землю безъ платы податей. Слѣдуетъ каторжнѣ въ Нерчинскѣ какое-нибудь довольно важное преступленіе — его заставляютъ работать нѣкоторое время въ кандалахъ. Замѣчательно, что изъ находящихся здѣсь Финновъ я не видѣлъ ни одного закованнаго въ кандалы. Какъ вездѣ, Финны и здѣсь сльвуть тихимъ, кроткимъ и работающимъ народомъ, и пьянство — единственный порокъ, въ которомъ упрекаютъ ихъ. Меня увѣрили, что въ теченіе 20 лѣтъ ни одинъ Финнъ не былъ наказанъ за какое-нибудь важное преступленіе. Сами Финны со слезами на глазахъ увѣрили меня, что они отреклися отъ своихъ грѣховныхъ помысловъ, и горько жаловались, что въ несчастномъ положеніи своемъ совершенно лишены религіознаго утѣшенія. Случается, правда, что черезъ годъ или черезъ два заѣдетъ въ Нерчинскіе рудники протестантскій пасторъ; но и его пріѣздъ всегда бесполезенъ для нашихъ земляковъ, потому что ни одинъ изъ этихъ пасторовъ не знаетъ ни слова ни по-шведски, ни по-фински. Къ сожалѣнію, здѣсь нѣтъ также ни библій, ни молитвенниковъ и вообще никакихъ душеспасительныхъ книгъ на этихъ языкахъ. При такихъ обстоятельствахъ нельзя не дивиться ихъ нравственной жизни, тѣмъ болѣе, что нравственность и не пользуется здѣсь особеннымъ почетомъ.

Кромѣ недостатка попеченія о душѣ, горестное положеніе финскихъ каторжниковъ въ Сибири усиливается еще болѣе постоянной тоской по роднѣ. Хотя они во всехъ отношеніяхъ поставлены лучше осужденныхъ на крѣпостные работы, однакожъ я увѣренъ, что всякій финскій пре-

стунникъ охотно промѣнялъ бы Нерчинскъ на Свеаборгъ, изъ-за того только, чтобы дышать воздухомъ своей родины. По собственному признанію преступниковъ, тоска, овладѣвающая ими вдали отъ родины, отъ друзей и родныхъ, всего болѣе смягчаетъ ихъ доселѣ закостѣлая души. Эта же самая тоска обыкновенно бываетъ причиною и ранней смерти Финновъ въ нерчинскихъ рудникахъ. Изъ множества Финновъ, сосланныхъ въ Нерчинскъ, только одинъ, по имени Экмапъ, пережилъ двадцатилѣтній срокъ каторжной работы. Всѣ прочіе частію умерли отъ тоски, частію бѣжали на родину и пропали безъ вѣсти на дальнемъ пути. Можетъ-быть, непривычный климатъ и непривычная пища также отчасти содѣйствуютъ сокращенію жизни финскихъ каторжниковъ. — —

Дорожные хлопоты заставляютъ меня прекратить на этомъ мои отрывочныя путевыя замѣтки.

3.

Статскому совѣтнику Шёгрёну.

Чита., 3 (13) іюля 1848.

Отъ главнаго Нерчинскаго рудника идутъ множество большихъ и малыхъ дорогъ въ Верхнеудинской округѣ. Желая, какъ можно лучше изучить во многихъ отношеніяхъ замѣчательную Нерчинскую область, я разѣзжалъ съ конца мая по всѣмъ этимъ дорогамъ, между Китайской границы и большой почтовой московской дорогой. Я объѣхалъ многіе изъ русскихъ форпостовъ, осмотрѣлъ большую часть заводовъ и рудниковъ и часто останавливался въ русскихъ деревняхъ и тунгузскихъ улусахъ. Въ казацкой деревнѣ *Кондуевской* напала на меня лихорадка и продержала въ постелѣ цѣлыя три недѣли. Нѣсколько оправившись, 20-е іюня я пустился снова въ путь черезъ Агинскую бурятскую степь, далеко и широко распространяющуюся по обѣимъ сторонамъ рѣки *Олонъ*. Въ этой степи лихорадка схватила меня опять, и еще сильнѣе, чѣмъ въ Кондуевской. Во время пароксизмовъ, возобновлявшихся черезъ день, а иногда и всякой день, — и принужденъ былъ лежать, то подъ открытымъ небомъ, то въ бурятскомъ улусѣ, то въ бѣдной русской лачугѣ. Какъ только пароксизмъ кончался — я сбѣжалъ далѣе, въ надеждѣ найти гдѣ-нибудь,

если не врачебное пособіе, то покрайней мѣрѣ спокойное и удобное помѣщеніе. Такъ тащился я цѣлыхъ шесть дней, и наконецъ, въ концѣ іюня добрался, совершенно изнуренный, до деревни Читы, на иркутской дорогѣ. Тутъ пролежавши нѣсколько дней въ постелѣ, я освободился отъ лихорадки, но силы мои такъ истощены, что едва ли можно будетъ вытхать отсюда въ скоромъ времени.

Несмотря на болѣзнь, я не оставлялъ ученыхъ розысканій ни въ Кондуевской, ни по дорогѣ въ Читу. Главными предметами ихъ были филологія, этнографія, статистика и топографія. вмѣстѣ съ тѣмъ, я обращалъ вниманіе и на все, что казалось мнѣ достойнымъ вниманія въ антикварномъ отношеніи. Такъ, напримѣръ, въ Кондуевской я осмотрѣлъ нѣсколько древнихъ развалинъ, которые Буряты почитаютъ остатками Ченгисъ-ханова дворца; хотя гораздо болѣе вѣроятія, что это остатки бурятскаго храма, съ принадлежащими къ нему часовнями. На Агинской степи я разрылъ нѣсколько древнихъ кургановъ, въ которыхъ, какъ обыкновенно, ничего не нашель замѣчательнаго. Касательно происхожденія этихъ памятниковъ здѣсь, и во многихъ другихъ мѣстахъ, есть преданіе, что они монгольскіе, и еще другое приписывающее ихъ Киргизамъ, влѣдствіе чего они и называются *Kirgis-ür*. Не обращая вниманія на эти противорѣчащія другъ преданія, можно предположить съ полнѣйшей достовѣрностью, что большая часть здѣшнихъ кургановъ—могилы, въ коихъ покоится пепель Бурятъ, не буддистскаго, а шаманскаго толку. Между прочими доказательствами, въ пользу этого говорить и тройная каменная ограда кургановъ, которою Буряты и до сихъ поръ обносятъ могилы своихъ шамановъ. Въ подтвержденіи бурятскаго происхожденія этихъ кургановъ, служить и видѣнное мною золотое украшеніе, найденное въ одномъ изъ нихъ: на немъ нѣсколько фигуръ, очевидно изображающихъ монгольскихъ Бурхановъ.

Хотя изъ этого и несомнѣнно, что Буряты воздвигали нѣкогда курганы; но въ послѣднее время я открылъ нѣсколько фактовъ, ясно намекающихъ на то, что въ Забайкальѣ жили и племена тюркскаго происхожденія, или такъ здѣсь называемые Киргизы; а изъ этого прямо слѣдуетъ, что и преданіе, утверждающее, что часть кургановъ тюркскаго происхожденія—также справедливо. Я не привожу доказательствъ этого частію по крайней слабости послѣ болѣзни, частію и потому, что розысканія мои не совсѣмъ еще окончены.

Изъ Иркутска я перешлю къ вамъ всѣ теперь не нужныя мнѣ книги и бумаги, равно какъ и вещи купленныя для Академіи.

Настоящее положеніе моего здоровья не позволяет мнѣ задумывать большихъ предиріятій на будущее время; могу только сказать, что оправившись, навѣрное оставлю тотчасъ же восточную Сибирь и переберусь въ Омскую область.

4.

АССЕСОРУ РАББЕ.

Читá, 3 (15 іюля) 1848.

Три мѣсяца тщетно ждалъ я вѣстей съ дорогой родины. Наконецъ, нѣсколько дней тому назадъ, почта привезла мнѣ твои письма и газеты отъ января до начала апрѣля. Меня колотила въ это самое время лихорадка; но не успѣлъ я прочесть перваго письма, извѣщающаго о смерти моей матери, несчастнаго брата и незамѣнимаго Нервандера, какъ вдругъ меня бросило въ жаръ, пароксизмъ кончился, и за тѣмъ уже не возвращался. Несмотря однакожь на то я сильно изнемогаю, а медицинскаго пособія, разумѣется, здѣсь не найдешь. О, если бы я былъ уже въ предѣлахъ Финляндіи! Мнѣ кажется, что тамъ даже и смерть добрѣе добрѣйшаго человѣка въ Сибири.

Хвораю я собственно съ первыхъ чиселъ мая, лихорадочные же припадки появились позднеѣ. Въ половинѣ мая ѣздилъ въ главный нерчинскій рудникъ между прочимъ и для того, чтобы посоветоваться съ живущимъ тамъ польскимъ врачомъ, по все безолезно. Сижу спокойно на мѣстѣ — здоровье мое обыкновенно поправляется; но лишь только протрясуеу нѣсколько дней въ телегѣ — показывается лихорадочный жаръ, которому теперь постоянно предшествуетъ ознобъ. Кажется, придется пожить нѣсколько времени въ Иркутскѣ и полѣчиться серьезно; но ты адресуй ко мнѣ письма все таки въ Омскъ. При всемъ моемъ горѣ меня утѣшаетъ по крайней мѣрѣ то, что отнынѣ каждый шагъ мой будетъ приближать меня къ Финляндіи. Сдается однакожь, что ранѣ Рождества я не успею оставить за собою 10,000 верстъ, которыя, по составленному мною маршруту, отдѣляютъ меня отъ отечества. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что, если лихорадочные пароксизмы возвратятся — лѣтнимъ путемъ я не доберусь далѣе Омска.

Ты опять пишешь мнѣ, чтобы, по возвращеніи въ Финляндію, я поселился въ Гельзингфорсѣ и старался пріютиться при университетѣ. Я

же съ своей стороны увѣренъ, что мнѣ будетъ покойно и весело даже въ самомъ отдаленномъ уголкѣ Финляндіи.

Тяжелымъ камнемъ лежитъ у меня на совѣсти, что я, сколько ни собирался, до сихъ поръ не собрался написать нѣсколько строкъ профессору Тенгстрѣму. Часто вспоминаю я объ этомъ достойнѣйшемъ человѣкѣ и каждый разъ скорбѣю о несчастіи, постигшемъ его на старости лѣтъ (1). Но высказать ему это у меня не хватаетъ духа. Я боюсь, что участие мое, при всей своей искренности, покажется неумѣстнымъ или, по крайней мѣрѣ, лишнимъ для человѣка, испытавшаго столько презрѣностей въ жизни. Однакожъ, все-таки, передай ему изъясненіе искреннѣйшаго моего уваженія.

На письмо Европеуса мнѣ теперь нельзя, да и не хочется отвѣчать. Въ послѣднемъ письмѣ я отвѣтилъ уже ему на всѣ вопросы, которые онъ снова дѣлаетъ мнѣ. Поклонись ему и всѣмъ друзьямъ отъ твоего брата забайкальскаго.

5.

Статскому совѣтнику Шѣрену.

Иркутскъ, 12 (24) августа 1848.

Вмѣсто того, чтобы представить вамъ научные результаты моего послѣдняго путешествія, я, на этотъ разъ, къ сожалѣнію, не могу сообщить ничего лучшаго, кромѣ продолженія исторіи моей болѣзни. Избавившись, наконецъ, отъ невыносимыхъ лихорадочныхъ припадковъ въ Читѣ, я прожилъ еще двѣ недѣли въ этой деревнѣ и только въ половинѣ іюля пустился въ Верхнеудинскъ. На пути туда я предполагалъ раскопать нѣсколько кургановъ, но лишь только я выѣхалъ на большую дорогу, какъ небо покрылось тучами и пошелъ дождь, который почти безпрерывно продолжался цѣлую недѣлю. Этотъ проклятый дождь не только уничтожилъ всѣ мои планы относительно работъ, но и не замедлилъ вызвать снова припадки моей болѣзни. Несмотря на то, я и тутъ продолжалъ свой путь до Верхнеудинска по Хоринской степи, такъ же точно, какъ еще недавно продолжалъ его по Агинской, потому что мнѣ не хотѣлось лежать больному въ бурятской избѣ, безъ всякой врачебной помощи. При-

(1) Смерть единственнаго сына доцента философіи, Іоанна, Роберта Тенгстрѣма, умершаго въ Парижѣ 13 ноября 1847 года на 25-мъ году отъ роду.

бывъ въ Верхнеудинскѣ, я узналъ, къ немалому прискорбію, что хотя въ этомъ городѣ и есть три врача, но нѣтъ лѣкарствъ. Въ утѣшеніе мнѣ дали благой совѣтъ собрать послѣднія силы и дотащиться какъ-нибудь до Иркутска, гдѣ есть и аптека и врачи. Я послушался и пустился далѣе. Дорогой лихорадка усилилась, къ ней присоединились еще жесточайшія боли въ нижней части живота. Почти безъ сознанія добрался я до южнаго берега Байкала, гдѣ меня посадили на пороходъ и въ бурную ночь переправили черезъ озеро. За симъ оставалось еще 60 верстѣ до Иркутска, которыя я проѣхалъ въ дрянной мужицкой телегѣ при невыносимѣйшихъ страданіяхъ. Въ Иркутскѣ, врачъ объяснялъ, что я страдаю кровавымъ поносомъ и ежедневною лихорадкою, что, конечно, я очень хорошо зналъ и безъ него. Вскорѣ, ко всему этому присоединился еще скорбутъ. Положеніе мое было такъ скверно, что сначала я почти совсѣмъ потерялъ надежду на выздоровленіе: но когда бѣсъ кроваваго поноса покинулъ меня совершенно—я снова приободрился, и Эскулапъ мой началъ увѣрять, что дней черезъ восемь мнѣ можно будетъ пуститься и въ дальнѣйшій путь.

Слабость моего здоровья не разъ наводила меня даже на мысль пробыть осень въ Иркутскѣ и ѣхать въ Петербургъ, когда станетъ зимній путь. Но всякій разъ я бросалъ эту мысль преимущественно потому, что здѣсь я не могъ найти дѣльнаго занятія, а жертвовать своею скудною казною, безъ всякой пользы для науки, мнѣ, разумѣется, не хотѣлось. Помогли мнѣ, Господи, добраться только до Омска—тамъ и жизнь дешевле, и занятія найдутся.

Пользуясь короткими, свободными отъ лихорадки промежутками, я написалъ, во время моего пребыванія въ Иркутскѣ, нѣсколько скудныхъ путевыхъ замѣтокъ, которыхъ, однакожь премудрый врачъ мой не позволилъ мнѣ докончить. Я полагаю, что для биолетеня онѣ не будутъ годиться и потому прошу васъ переслать ихъ въ такомъ случаѣ къ ассессору Раббе въ Гельсингфорсъ.—Съ слѣдующею почтою я вышлю на имя академіи 8 тюковъ, подъ № 39—46, съ вещами принадлежащими частію мнѣ, частію академіи.

6.

АССЕССОРУ РАББЕ.

Иркутскъ 12 (24) августа 1848.

Опять я цѣлыя двѣ недѣли пролежалъ больнои, страдая въ одно время ежедневною лихорадкою, кровавымъ поносомъ и скорбутомъ. Разумѣется, что здѣсь, въ Иркутскѣ, я не имѣлъ недостатка въ медицинскомъ посо-

би; боюсь только, что здѣшніе Эскулапы слишкомъ уже усердно потчивали меня опіемъ и что я не скоро отрезвлюсь отъ произведеннаго имъ опьяненія. Всѣ члены разслабли, а голова тяжела и кружится. Чтобы избавить меня отъ этихъ припадковъ, врачи запретили мнѣ всѣ занятія напрягающія мыслительныя способности и въ особенности всякое писательство, а потому будь доволенъ на этотъ разъ и симъ немногимъ.

При теперешней хвори моей, конечно, всего умнѣе было бы остаться до зимы въ Иркутскѣ; но атмосфера этого города до того тѣсна, что я уже давно рвуся отсюда. Мнѣ хотѣлось бы добраться хоть до Омска, но лихорадка рѣшительно мѣшаетъ определять что-нибудь заранѣе. Во всякомъ случаѣ, адресуй по прежнему всѣ письма и посылки въ этотъ городъ. Тамъ вѣроятно уже лежатъ нѣсколько пакетовъ отъ тебя, потому что послѣднія, полученныя мною отъ тебя письма писаны еще въ началѣ апрѣля. Если бы мнѣ пришлось остаться въ Омскѣ до зимы, то во всякомъ случаѣ, о литературныхъ занятіяхъ не можетъ быть и рѣчи, потому что, за исключеніемъ начала остякской грамматики, всѣ мои книги и бумаги отправляются съ нынѣшнею почтою въ С. Петербургъ. Въ настоящую минуту у меня только одна цѣль — возвратиться живымъ въ Финляндію, и этого слишкомъ уже довольно для моихъ слабыхъ силъ, особенно въ такое время, когда во всей землѣ Рюриковой, отъ Петербурга до Тобольска, свирѣпствуетъ холера. Неужели «вѣчный жидъ» не возвратился еще въ Финляндію? —

Р. С. Въ прилагаемомъ извлеченіи изъ письма къ Шёгрёну ты найдешь подробныя свѣдѣнія о моей послѣдней болѣзни. Съ этою же почтою посылаю и подробное донесеніе.

7.

Статскому совѣтнику Шёгрёну.

Красноярскъ 3 (15) ноября 1848.

Печальное происшествіе помѣшало мнѣ писать вамъ о моихъ послѣднихъ приключеніяхъ. Какъ ни ничтожны они сами по себѣ, зная однакожь участіе, которое вы во мнѣ принимаете, приступаю къ горестному повѣствованію моихъ страданій, въ продолженіе послѣднихъ двухъ мѣсяцовъ.

На пути изъ Иркутска въ Красноярскъ, въ августѣ мѣсяцѣ, я прибылъ однажды поздно вечеромъ въ деревню Балай, Канскаго уѣзда, вер-

стахъ въ 80 отъ Красноярска. Въ этой деревнѣ я рѣшился переночевать не столько ради отдыха, сколько потому, что ожидалъ пароксизма лихорадки, которая съ самаго отъѣзда изъ Иркутска, посѣщала меня аккуратно черезъ день. Противъ всякаго ожиданія пароксизма на этотъ разъ не было, и я легъ спать въ пріятной надеждѣ, что на слѣдующій день мнѣ можно будетъ продолжать свой путь въ Красноярскъ, принявъ однакожь на всякій случай, изъ предосторожности, чтобъ пароксизмъ не развился ночью, лѣкарство, прописанное мнѣ знаменитымъ врачомъ въ Иркутскѣ. Какъ ни было невинно это лѣкарство, но оно всякій разъ возбуждало кашель и боль въ груди, а потому я и пересталъ принимать его; но въ Балаѣ мнѣ вздумалось прибѣгнуть къ нему снова и еще въ послѣдній разъ. Какъ прежде, такъ и теперь, поднялся тотчасъ же невыносимый кашель, но на этотъ разъ вмѣстѣ съ тѣмъ хлынула еще горломъ кровь, да такъ сильно, что и я самъ, и все окружавшіе меня думали, что пришелъ послѣдній часъ мой. Такъ какъ мнѣ было извѣстно, что въ подобныхъ случаяхъ помогаетъ кровоусканіе, то я напрягъ все свои силы, чтобы какъ нибудь отворить себѣ кровь, но никакъ не могъ. Видя, что безплодныя мои успія только увеличиваютъ кровохарканіе, я вѣрилъ свою судьбу провидѣнію, а между тѣмъ старшина деревни послалъ, безъ моего вѣдома, въ Красноярскъ рапортъ о случившемся со мною и просилъ тамошняго губернатора о немедленномъ доставленіи медицинскаго пособія.

Въ продолженіе ночи приступъ кровохарканія повторился и съ такою же силою. Послѣ этого я впалъ въ глубокій сонъ, который продолжался 20 часовъ сряду и, по всей вѣроятности, продолжался бы еще долѣе, если бы не былъ прерванъ прибытіемъ членовъ волостнаго правленія. Ихъ было пятеро, подъ предводительствомъ писаря, который прочелъ мнѣ данный отъ волости приказъ, уполномочивавшій ихъ описать все мое имущество и вскрыть мое тѣло. Для явшаго вразумленія приказъ этотъ былъ прочтенъ мнѣ троекратно, а уполномоченные поглядывали, между тѣмъ, съ величайшею пѣжностью на мои часы и другія лежавшія на виду вещи. Когда наконецъ голосъ писаря умолкъ, члены правленія объявили мнѣ, что они тотчасъ же приступаютъ къ составленію описи. Вскрытіе тѣла отложили, разумѣется, до моей кончины; а если бы, вопреки всякому вѣроятію, она въ теченіе 24 часовъ не послѣдовала, располагали возвратиться въ волость, поручивъ наблюденіе за моимъ тѣломъ старшинѣ. Мнѣ казалось, что тотъ же старшина могъ бы принять на себя попеченіе и объ остающемся послѣ меня имуществѣ, но члены суда никакъ не хотѣли отказаться отъ этого дѣла, вѣроятно потому, что оно обѣщало имъ болѣе выгоды.

Пока шли еще толки объ этомъ, являлась другая деуугація, но уже безъ всякаго приказа. Во главѣ ея былъ чѣловѣкъ преклонныхъ лѣтъ, который тотчасъ же пустился въ краснорѣчивыя разсужденія о смертности челоуѣка, о бренности всего земнаго, и вѣячески старался склонить меня, чтобы я послалъ за священникомъ и покаялся ему въ грѣхахъ своихъ. Между прочимъ, снѣ намекнулъ мнѣ и на то, что умирающіе обыкновенно отказываютъ въ подобныхъ случаяхъ церкви и ея служителямъ коровъ и другія болѣе или менѣе цѣнныя вещи.

Не успѣлъ этотъ ораторъ кончить своей рѣчи, какъ раздался звонъ курьерскаго колокольчика и стукъ подъѣхавшаго къ крыльцу тарантаса. Въ слѣдъ за тѣмъ въ избу вошли три челоуѣка, изъ которыхъ одинъ рекомендовался мнѣ, какъ врачъ, другой — какъ фельдшеръ, а третій — какъ исправляющій должность исправника. Красноярскій губернаторъ прислалъ ихъ въ Балай для того, чтобы они приняли меня на свое попеченіе. Врачъ, который, въ настоящемъ случаѣ былъ главнымъ лицомъ, тотчасъ же велѣлъ пустить мнѣ кровь и прописалъ разныя лѣкарства для внутренняго и наружнаго употребленія; не могъ однакожь предъотвратить новаго кровотеченія, показавшагося въ третій разъ въ тотъ же день и въ обычный часъ лихорадочныхъ пароксизмовъ. Пустили еще кровь, и въ этотъ разъ съ успѣхомъ, потому что горловое кровотеченіе остановилось тотчасъ же.

Въ теченіе слѣдующихъ двухъ дней меня перевезли въ Красноярскъ безъ всякихъ новыхъ сѣдъ и приключеній. По прибытіи въ городъ, врачу моему посчастливилось предъотвратить сильнѣйшее развитіе болѣзни; но кровохарканье все еще продолжалось и скоро снова появились лихорадочныя пароксизмы, которые прекратились было на нѣкоторое время. Двѣ недѣли лѣчили меня отъ обѣихъ болѣзней — лихорадки и кровохарканья, и за тѣмъ, до послѣдняго времени, строжайше воспрещали всякое движеніе и занятіе, потому что я все-таки постоянно чувствовалъ легкую боль въ груди. Боль эта, какъ полагаютъ, по крайней мѣрѣ отчасти, геморроидальнаго происхожденія. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ врачей даже такого мнѣнія, что болѣзнь, которую я страдалъ въ Иркутскѣ, и отъ которой меня лѣчили опіемъ, какъ отъ кроваваго поноса, была не что иное, какъ геморрой и что этотъ геморрой, насильственно остановленный, бросился на грудь, и, вмѣстѣ съ лихорадкою, тряскою по дурнымъ дорогамъ и проч., былъ главною причиною обнаружившагося у меня кашля съ кровохарканіемъ.

Вѣрна или невѣрна эта геморроидальная теорія, во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что мое настоящее состояніе заставляетъ меня сильно при-
пут. т. II.

задумываться. Пуше всего страшитъ меня предстоящій мнѣ въ скоромъ времени дальній путь,—я разумю путешествіе въ С. Петербургъ, которое, если не остановятъ новые припадки болѣзни, думаю начать по первому зимнему пути, т. е. въ началѣ декабря мѣсяца. Легко можетъ быть, что хворь моя задержитъ меня въ Красноярскѣ и долѣе. Во всякомъ случаѣ, раньше весны я никакъ не доберусь до С. Петербурга.

Слабость не позволяетъ мнѣ вдаваться въ подробности о моей послѣдней болѣзни и другихъ сопряженныхъ съ нею обстоятельствахъ. Слѣшу изъявить вамъ глубочайшую благодарность за письмо ваше отъ 20 сентября, доставленное мнѣ вчерашній день. Въѣтъ съ нимъ, я получилъ и статью г. Кешпена объ этнографическихъ отношеніяхъ Финляндіи, на которую предполагаю сообщить кой-какія замѣчанія, и именно на счетъ такъ называемыхъ Квеновъ (Quepen),—теперь же долженъ ограничиться покорнѣйшею просьбою, чтобы вы приняли на себя трудъ поблагодарить его отъ меня за присылку этой статьи. Съ особенномъ удовольствіемъ прочелъ я и извѣстіе объ исправномъ прибытіи отправленныхъ мною изъ Иркутска посылокъ. На дняхъ отправлю отсюда еще двѣ небольшія посылки подъ №№ 50 и 51.

Р. S. Наконецъ я получилъ и манджурскую грамматику Габеленца. Отнынѣ мой адресъ—въ Екатеринбургъ.

8

АССЕССОРУ РАББЕ.

Красноярскъ, 3 (13) ноября 1848.

Изъ прилагаемаго письма къ Шёгрёну ты можешь приблизительно видѣть, въ какомъ положеніи находится твой забайкальскій другъ. Въ Красноярскѣ увѣраютъ, что я пью и что моя болѣзнь происходитъ отъ нетрезвой жизни, но ты достаточно знаешь, что это клевета. Во всѣ четыре или пять лѣтъ, которыя я прожилъ въ Сибири, я выпилъ нѣсколько рюмокъ вина и никогда даже и не отвѣдывалъ никакихъ волокъ; и потому хоть я и не Мовитъ (1), обо мнѣ все-таки можно сказать: «чахотка, чахотка сведетъ тебя въ могилу». Я очень желалъ бы, чтобы усталыя

(1) Mowits, лицо извѣстное изъ писемъ Бельмана.

кости мои легли на вѣчный отдыхъ въ дорогѣ отечествѣ, но кто знаетъ, чтѣ еще можетъ случиться на долгомъ и трудномъ обратномъ пути.

Я еще не прощаюсь съ тобою на вѣки, но если бы, сверхъ чаянія, со мною случилось что-нибудь неожиланное, то будь такъ добръ и окажи мнѣ послѣднюю дружескую услугу — прими на свое попеченіе все, что послѣ меня останется. Большую часть я уже отправилъ въ С. Петербургъ на сохраненіе частію къ Шёгрёну, частію къ пастору Сирену. Въ моемъ чемоданѣ осталось только нѣсколько книгъ и рукописей, восемь соболей, множество аквамариновъ и другихъ камней, разныя золотыя и мѣдныя древности, часы, серебряная табакерка, епотова шуба, нѣсколько сотъ рублей серебромъ и т. д. Кромѣ того, есть еще мои деньги у пастора Сиренъ, но сколько именно — не знаю. Я желалъ бы, чтобы все остающееся послѣ меня имущество было предоставлено въ видѣ пособія тому, кто возьметъ на себя трудъ съѣздить къ Самоѣдамъ, изучить ихъ языкъ, нравы, религію и проч. и потомъ издать мои труды, которые въ настоящемъ своемъ видѣ не могутъ быть напечатаны. Мою остиающую грамматику могъ бы обработать Бергстади, не предпринимая для этого особаго путешествія. Матеріалами же, собранными мною по части языковъ турецкаго, монгольскаго, манджурскаго и т. д. Академія можетъ распорядиться по своему благоусмотрѣнію.

Хотя все это и смахиваетъ нѣсколько на духовное завѣщаніе, ты не воображай однакожь, чтобы я уже совершенно отчаявался въ земномъ своемъ существованіи. Напротивъ, я въ полной надеждѣ, что здоровье мое поправится и что я увижу солнце любезной родины. И такъ до свиданія!

твой другъ М. А. К-нъ.

Р. S. Увлечшись своими фантазіями, чуть было не забылъ поблагодарить тебя за твои письма, которыя, послѣ многихъ странствованій, наконецъ, дошли до меня здѣсь, въ Красноярскѣ. Последнее кажется отъ 19 сентября. Виредь совѣтую тебѣ адресовать свои письма въ г. Екатеринбургъ. Надѣюсь, что ты пришлешь мнѣ календарь на будущій годъ и кромѣ того рѣчь Цигнеуса о Нервандерѣ. Если Бергстади въ Гельзингфорсѣ, то извини меня, что я до сихъ поръ не могу отвѣтить на его письмо; я получилъ его только въ концѣ октября. Да кстати, попроси, чтобъ онъ писалъ ко мнѣ, если это не будетъ ему въ тягость.

АССЕСОРУ РАББЕ.

Омскъ, 2 (14 декабря) 1848.

Нѣсколько часовъ тому назадъ я прибылъ въ Омскъ, и такъ какъ черезъ нѣсколько часовъ оставляю его, чтобъ ѣхать далѣе, то и могу написать тебѣ на этотъ разъ не болѣе семи словъ, да и тѣ, къ сожалѣнію, будутъ не такъ утѣшительны, какъ бы я желалъ. Хотя кровохарканіе и прекратилось уже давно, но въ лѣвомъ легкомъ такъ горитъ, такъ клочечетъ и хрипитъ, что я серьёзно начинаю опасаться новаго кроваваго изверженія. Поэтому я путешествую съ ланцетомъ въ карманѣ, съ парюю фонтанелей на рукахъ и съ Полякомъ, слугою, замѣняющимъ отчасти фельдшера. А такъ какъ дорога идетъ все по безлюднымъ стѣнямъ, заболѣть на которыхъ положительно страшно, то я и мчусь по нимъ со всевозможною быстротою, проѣзжаю отъ 250 до 300 верстъ въ сутки, и останавливаюсь только для того, чтобы выпить стаканъ чаю, или бульёну, который, для сбереженія времени, готовится на спиртѣ. Такимъ образомъ изъ Красноярска я добрался въ двѣнадцать дней до Омска. Конецъ этого пути, отъ Томска до Омска, составляющей около 1000 верстъ, я сдѣлалъ въ трое сутокъ съ половиною. Почти во столько же времени надѣюсь я посетить и въ Екатеринбургъ, до котораго отсюда считается также около 1000 верстъ. Въ этомъ городѣ я, наконецъ, отдохну недѣли двѣ; точно также и въ Казани и въ Москвѣ. Слѣдовательно, даже при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, я не могу быть въ С. Петербургѣ ранѣ послѣднихъ чиселъ февраля. Останусь ли я тамъ, или возвращусь въ Гельсингфорсъ,—этого, пока, я еще и самъ не рѣшилъ себѣ.

Прибывъ въ Омскъ, я подѣхалъ прямо къ почтамту и тотчасъ же получалъ твое письмо отъ 31 октября съ пріятнымъ извѣстіемъ — —

Въ Томскѣ я встрѣтился съ землякомъ Юаинномъ Нордквистомъ изъ Улеборга. Онъ былъ отличный малый и одинъ изъ моихъ старыхъ школьныхъ товарищей. Теперь онъ часовщикъ и живетъ очень хорошо. Здѣсь, въ Омскѣ, я познакомился съ другимъ превосходнымъ Финномъ, барономъ Адольфомъ Зильфергельмомъ, братомъ иркутскаго. Говорятъ, что здѣсь есть еще Финнъ, какой-то офицеръ, Маттенъ. Я слышу поспѣтить этихъ господъ и потому заключаю свои семь словъ извѣщеніемъ, что на будущее время не могу сказать тебѣ никакого адреса, а потому ты лучше ужъ и не пиши ко мнѣ болѣе, или посылай свои письма въ

Петербургъ, и за тѣмъ желаю тебѣ провести праздникъ Рождества какъ можно веселѣе.

твой братъ барабинскій.

Р. С. Противъ чаянія я долженъ былъ прожить въ Омскѣ днемъ долѣе, нежели предполагалъ. Причиною этого промедленія было необыкновенное радушіе, съ которымъ меня приняли баронъ Адольфъ Зильфергельмъ и его жена, очаровательная Польшка. Наконецъ сегодня я отправляюсь въ путь, но не черезъ Екатеринбургъ, а, вѣроятно черезъ Петропавловскъ, Златоустъ и Уфу, въ Казань. Эта дорога хотя нѣсколько подлиннѣе, но за то гораздо пріятнѣе и дешевле дороги на Екатеринбургъ. Теперь отправляюсь къ барону Зильфергельму, который обѣщалъ приготовить мнѣ маршрутъ и пригласилъ меня на прощальный обѣдъ. Этимъ я долженъ заключить свое письмо, писанное въ Барабинской степи, въ городѣ Омскѣ, лѣта 1848, декабря 3 (15) дня.

Статскому совѣтнику Шёгрёну.

Уфа, 24 декабря 1848 (2 января 1849).

Нѣсколько дней тому назадъ я прибылъ въ Уфу съ больною грудью и нестерпимою болью въ желудкѣ. Я тотчасъ же послалъ за врачомъ, и ему удалось уничтожить желудочную боль, но, какъ кажется, на счетъ груди, которая теперь опять въ такомъ жалкомъ положеніи, что я по временамъ отхаркиваю мокроту, смѣшанную съ кровью. Въ такомъ положеніи всего благоразумнѣе было бы, конечно, остаться здѣсь и дать легкимъ успокоиться; но, къ сожалѣнію, врачи здѣсь такъ ненадежны, что я не рѣшаюсь ввѣряться имъ, и принужденъ, если это только будетъ возможно, продолжать путь до Казани, гдѣ, надѣюсь, не будетъ недостатка въ рациональномъ медицинскомъ пособіи. Впрочемъ, само собою разумѣется, что я не могу и подумать тронуться съ мѣста, пока будетъ показываться кровь въ мокротѣ.

Изъ Красноярска я выѣхалъ раньше, чѣмъ предполагалъ, и такъ неожиданно, что не могъ даже увѣдомить васъ объ этомъ. Въ Омскѣ, отъѣзжая оттуда, я оставилъ у своего хозяина нѣсколько писемъ и въ томъ числѣ одно, адресованное къ вамъ. Изъ Златоуста я опять хотѣлъ написать вамъ нѣсколько строкъ, но холерическая боль въ желудкѣ, кото-

рал и здѣсь еще продолжала меня мучить, помѣшала мнѣ исполнить это намѣреніе. При всемъ моемъ несчастіи, я долженъ считать за счастье, что эта боль не превратилась въ настоящую холеру, потому что въ Златоустѣ эта эпидемія все еще свирѣствовала, хотя уже и не такъ жестоко какъ прежде. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ, если оно только дошло до васъ, я выразилъ надежду отыскать въ Петропавловскѣ священника Вологодскаго. Къ сожалѣнію, онъ уже умеръ чахоткою, а семейство его, какъ мнѣ сказали, выѣхало оттуда, и неизвѣстно куда. Объ остицкомъ словарѣ я ни отъ кого не могъ добиться положительныхъ свѣдѣній. Можетъ-быть стоило бы того, чтобы Академія сдѣлала запросъ Тобольскому архіерею относительно этого рѣдкаго труда.

Такъ какъ, по болѣзненному состоянію, я не могу собственноручно привѣтствовать пастора Сирена и выразить ему мою благодарность за радужное предложеніе его — пріютить меня въ своемъ домѣ по возвращеніи моемъ въ С. Петербургъ, то позволяю себѣ покорнѣе просить васъ принять этотъ трудъ на себя.

ДОНЕСЕНІЕ ВЪ ИМПЕРАТОРСКУЮ АКАДЕМІЮ НАУКЪ.

Возвратившись изъ четырехлѣтняго путешествія по Сибири, совершеннаго на счетъ Императорской Академіи Наукъ, я почитаю первымъ долгомъ представить въ Академію краткій отчетъ какъ о самомъ путешествіи, такъ и о важнѣйшихъ результатахъ его. Кстаги упомяну мимоходомъ и о путешествіи, предшествовавшемъ этому, которое хотя и сдѣлано мною нѣсколько не по порученію Академіи, находится однакожъ въ весьма близкой связи съ послѣднимъ. О другихъ же, еще раннѣйшихъ поѣздкахъ, которыя я предпринималъ частью на собственный счетъ, частью на счетъ финскаго литературнаго общества, скажу только, что лѣтомъ 1838 года и ѣздилъ въ финскую пограничную Лапонію для изслѣдованія сродства языковъ финскаго и лапонскаго.

Съ этою же цѣлью, въ 1841 году, предпринялъ я вмѣстѣ съ докторомъ Лейротомъ новое путешествіе, и въ этотъ разъ не ограничился финскою Лапоніею, но объѣхалъ часть норвежской и русской. Во время этого путешествія я получилъ отъ г. статскаго совѣтника Шёгрена приглашеніе принять участіе въ экспедиціи, которую въ то время снаряжала Императорская Академія Наукъ въ Сибирь. Г. Шёгрень писалъ, что въ случаѣ согласія на меня возложится главнѣйшимъ образомъ сколько возможно точнѣйшее изученіе, живущихъ въ Сибири Самоѣдовъ въ лингвисти-

ческомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Важность этого изученія была сознаана уже и въ Финляндіи: еще въ 1838 году мы съ Лёнротомъ распозагали пробраться и къ ближайшимъ къ намъ европейскимъ Самоѣдамъ; но должны были оставить это намѣреніе по недостатку средствъ и по другимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ. Понятно послѣ этого, съ какимъ удовольствіемъ принялъ я, во время втораго моего путешествія въ 1841 году, предложеніе г. Шёгрена, столь неожиданно открывавшее мнѣ обширное поприще, на которомъ я могъ предаться своимъ любимымъ занятіямъ. Но мнѣ хотѣлось достойнымъ образомъ оправдать лестное для меня довѣріе, и потому я просилъ отсрочить поѣздку въ Сибирь, дать мнѣ время познакомиться прежде, какъ слѣдуетъ, съ языкомъ и съ этнографіей европейскихъ Самоѣдовъ и тѣмъ облегчить дальнѣйшее изученіе ихъ въ Сибири. Г. Шёгрень, по своей благосклонности, выхлопоталъ мнѣ отсрочку, а средства на проѣздъ къ европейскимъ Самоѣдамъ я получилъ изъ финляндскаго казначейства.

За снѣгъ, осенью 1842 года, я выѣхалъ изъ Архангельска и направилъ путь мой въ Мезень. Отсюда я постоянно ѣхалъ на сѣверъ, по тундрамъ кавишскихъ Самоѣдовъ. Доѣхавъ до Каппа-Носа, я повернулъ на востокъ къ тиманскимъ Самоѣдамъ и продолжалъ свое странствованіе берегомъ Ледовитаго моря до устья Печоры. Отсюда я думалъ ѣхать дальше, по Большеземельской тундрѣ въ Колву; но туземцы единогласно увѣрили меня, что этотъ путь рѣшительно невозможенъ, потому что санная ѣзда, благодаря наступающей веснѣ, векорѣ прекратится, да и Самоѣды собираются уже оставить тундры. Вслѣдствіе этого я повернулъ къ югу, и вверхъ по Печорѣ пробрался въ Усть-цѣльмскъ и въ Ижемскъ, гдѣ всю весну занимался зырянскимъ языкомъ. Какъ только прошелъ ледъ и открылись водныя сообщенія, я поѣхалъ дальше. Небольшое рыбацье судно, шедшее изъ Ижмы вверхъ по Печорѣ въ Усу, перевезло меня въ село Колву находящееся на Большеземельской тундрѣ и населенное Зырянами и Самоѣдами. Тутъ цѣлое лѣто 1843 года изучалъ я Самоѣдовъ, и только 4 (16) сентября сѣлъ снова на лодку и поплылъ съ нѣсколькими зырянскими крестьянами вверхъ по Усѣ до ея истоковъ, близъ конхъ, въ ожиданіи зимняго пути, мы поселились въ небольшой рыбацѣй зачугѣ. Это несносное, во всѣхъ отношеніяхъ, ожиданіе продолжалось цѣлый мѣсяць. Мы тронулись не раньше послѣднихъ чиселъ октября, и лишь въ ноябрѣ я пріѣхалъ въ небольшое торговое мѣстечко Обдорскъ, находящееся уже въ предѣлахъ Сибири. Отсюда-то и должно было начаться мое путешествіе по порученію Академіи. Изъ Обдорска я долженъ былъ ѣхать вдоль береговъ Ледовитаго моря до устья Енисея; но, по несчастію, все, что я доселѣ вынесъ въ дорогѣ до того разстроило мое здоровье, что мнѣ не-

возможно было и думать о такомъ многотрудномъ путешествіи, и въ январѣ 1844 года я свернулъ въ Березовъ за врачебной помощью. Тамъ одинъ искусный врачъ посоветовалъ мнѣ оставить на нѣкоторое время холодныя тундры и всякія ученые занятія. Велѣдствіе этого совѣта, весною 1844 года я выѣхалъ изъ Сибири, и черезъ Тобольскъ, Верхотурье, Соликамскъ, Великій Устюгъ и Петрозаводекъ возвратился въ Финляндію.

На родинѣ я началъ лѣчиться, и былъ такъ счастливъ, что черезъ полгода врачи дозволили мнѣ отправиться снова въ Сибирь. Въ началѣ 1845 года, я явился въ С. Петербургъ и, получивъ отъ Академіи полную инструкцію, поѣхалъ въ Казань. Здѣсь, въ ожиданіи лѣтняго пути, я занимался черемисскимъ языкомъ; и выѣхавъ въ первыхъ числахъ мая, въ концѣ его былъ уже въ Тобольской губерніи, гдѣ должны были начаться возложенныя на меня Академіею занятія. По инструкціи, настоящимъ ихъ предметомъ должно было быть самоѣдское племя; но такъ какъ Самоѣды въ разныхъ частяхъ Сибири смѣшиваются съ Остяками, то, для точнѣйшаго различенія ихъ, я счелъ необходимымъ заняться также и остяцкимъ языкомъ и этнографіей ихъ. Для этого я провелъ все лѣто 1845 года въ остяцкой области по Оби и Иртышу. Къ осени я переехалъ вверхъ по Оби, въ Нарымскій округъ Томской губерніи, и занялся изученіемъ живущаго здѣсь самоѣдскаго племени, которому прежде несправедливо приписывали остяцкое происхожденіе. Это изученіе взяло у меня всю осень и всю зиму. Весною 1846 года я перенесъ свою дѣятельность въ рѣчную область Енисея, продолжая пока изученіе вышеупомянутаго самоѣдскаго племени, многочисленные вѣтви котораго встрѣчаются здѣсь въ разныхъ мѣстахъ, особенно въ Туруханскомъ краю. Покончивъ эти занятія, я отправился лѣтомъ 1846 года къ самоѣдскимъ племенамъ, живущимъ по нижнему теченію Енисея и принадлежащимъ къ двумъ большимъ племенамъ: къ западно-самоѣдскому или юрацкому и къ восточно-самоѣдскому или Тавги. Такъ какъ первое было тщательно изучено мною еще прежде, то я и могъ заняться почти исключительно однимъ только племенемъ Тавги. Занятіе это взяло однакожь у меня все время отъ конца іюля 1846 до начала января 1847 года, проведенное мною въ полярной странѣ въ зимовьяхъ Плахиной, Хантайкѣ, Дудинкѣ, Толстомъ-Носѣ и др. За симъ я снова отправился на югъ къ Енисейскимъ-Остякамъ и изучалъ ихъ въ теченіи всей остальной зимы. Весной 1847 года я былъ уже въ Миусинскомъ округѣ, и занимался тутъ изученіемъ разныхъ уже отатарившихся остяцкихъ и самоѣдскихъ племенъ. Въ то же время шли сезонъ чередомъ и археологическія изслѣдованія: я раскапывалъ курганы, срисовывалъ надписи, собиралъ всякаго рода старинныя вещи и проч. Лѣтомъ я переехалъ, черезъ Саянскія горы, въ Монголію, и нашелъ

тамъ отатарившіяся племена, какъ Остяковъ такъ и Самоѣдовъ въ особенности. Осенью я переѣхалъ изъ Миусинскихъ степей въ Канскую область, гдѣ почти все остальное время 1847 года изучалъ Татаръ, Котовъ и Самоѣдовъ (Камасицевъ). Зимой 1848 года сначала я жилъ въ Нижнеудинскѣ у Карагасовъ, потомъ посѣтилъ тункинскихъ Самоѣдовъ и къ веснѣ перебрался за Байкалъ. Тутъ, въ Селенгинской уже степи исчезли все слѣды Самоѣдовъ, и по инструкціи я могъ бы закончить свои странствованія; но такъ какъ Забайкалье представляло много интереснаго какъ въ археологическомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ, то я и рѣшился проѣхать до Нерчинска, откула, прошлымъ лѣтомъ, и началъ наконецъ свое возвратное путешествіе, такъ затянувшееся разными развивавшимися въ дорогѣ болѣзнями.

Обозначивъ такимъ образомъ съ возможною краткостью направленіе моихъ почти восемь лѣтъ продолжавшихся странствованій, постараюсь съ такой же краткостью изложить и результаты ихъ, хотя они и состоятъ во множествѣ не приведенныхъ еще въ порядокъ матеріаловъ. Но если какія нибудь внѣшнія препятствія не помѣшаютъ—я непременно представлю на разсмотрѣніе Академіи одно за другихъ нѣсколько сочиненій преимущественно этнографическаго и лингвистическаго содержанія. А такъ какъ, согласно инструкціи, я занимался въ то же время и исторіей, и мѣологіей, и археологіей, и статистикой, и топографіей, то и по этимъ частямъ надѣюсь принести свою ленту наукъ. Я повсюду собиралъ и тщательно записывалъ пѣсни, сказанія и устные преданія. Собиралъ также и древніе историческіе документы, но о достоинствѣ ихъ до сихъ поръ еще ничего не могу сказать рѣшительнаго. Тоже долженъ замѣтить и о собранныхъ мною древностяхъ, рукописяхъ, этнографическихъ предметахъ всякаго рода и т. п.

Самымъ важнымъ для науки матеріаломъ я считаю мои лингвистическія замѣтки о самоѣдскомъ языкѣ. Языкъ этотъ, какъ обозначено и въ отдѣльныхъ моихъ отчетахъ, распадается на три главныя нарѣчія: 1) сѣверозападное или юракско-самоѣдское, 2) сѣверовосточное или тавги-самоѣдское и 3) южное или остячко-самоѣдское. Каждое изъ нихъ, въ свою очередь, представляетъ большее или меньшее число разностей или оттѣнковъ. Такъ къ юракско-самоѣдскому можно причислить слѣдующія пять діалектныхъ оттѣнковъ: 1) канинскій и тиманскій, 2) ижемскій, 3) большеземельскій и обдорскій, 4) кондинскій или казымскій, 5) юракскій. Нарѣчіе тавги-самоѣдское имѣетъ также пять оттѣнковъ: 1) авамскій, 2) хантайскій, 3) карасинскій, 4) байскій, 5) камасинскій. Наконецъ остячко-самоѣдское нарѣчіе имѣетъ два оттѣнка: томскій и туруханскій, которые, въ свою очередь, заключаютъ въ себѣ много еще меньшихъ оттѣнковъ, (см. мои отчеты). О всѣхъ этихъ нарѣчіяхъ и ихъ различныхъ разно-

стях, скопилось у меня множество весьма важных, но еще не приведенных въ порядокъ замѣтокъ. Я предполагаю составить для каждаго изъ этихъ трехъ главныхъ нарѣчій особую грамматику, болѣе или менѣе полный словарь, и сверхъ того, покрайней мѣрѣ для юракско-самоѣдскаго, краткую хрестоматию. Можетъ быть понадобится составить особую этимологию со словаремъ и для камасинскаго діалектнаго оттѣнка, значительно уклоняющагося отъ прочихъ восточно-самоѣдскихъ. Остальные же не требуютъ особой обработки; имъ можно будетъ коснуться въ сочиненіяхъ о главныхъ нарѣчійхъ.

Изъ языковъ, которые, кромѣ самоѣдскаго, занимали меня во время путешествія, первое мѣсто принадлежитъ финскому. О немъ написано и представлено уже мною нѣсколько небольшихъ сочиненій, а именно: зырянская и черемиская грамматика съ разсужденіемъ о вліяніи акцента въ лапонскомъ языкѣ, не говоря о диссертациі «*de affinitate declinationum in lingua Fennica, Esthonica et Lapponica*», вышедшей еще въ 1839 году послѣ моего перваго путешествія по Лапоніи. Для лапонскаго языка у меня есть еще много неприведенныхъ въ порядокъ замѣтокъ относительно системы гласныхъ, различія нарѣчій и т. д. Касательно же финскаго, въ особенности богатъ я замѣтками объ угро-остяцкомъ языкѣ. Этотъ языкъ распадается также на три главныя нарѣчія, изъ коихъ одно господствуетъ по Иртышу, другое по верхней, а третье по нижней Оби. Я изучалъ впрочемъ только два первые и нѣкоторыя изъ оттѣнковъ ихъ; третьимъ же—не имѣлъ случая заняться, да и почиталъ ненужнымъ, потому что г. Регули жилъ между обдорскими Остяками довольно долго и занимался языкомъ ихъ. Мои замѣтки объ угро-остяцкомъ нарѣчійхъ уже обработаны: я составилъ по нимъ этимологию и словарь.

Подъ именемъ Остяковъ живетъ и на берегахъ Енисея племя, состоящее изъ нѣсколькихъ сотъ душъ. По языку оно не обнаруживаетъ однакожъ близкаго сродства ни съ угрскими Остяками, ни съ остяцко-самоѣдскимъ племенемъ и еще менѣе съ другими извѣстными народцами Сибири.

По данной мнѣ инструкціи, я занялся языкомъ и этого племени, на сколько позволяли мнѣ время и силы мои. Равнымъ образомъ обратилъ я вниманіе и на коттское нарѣчіе, которое имѣетъ сродство съ енисейско-остяцкимъ, и которымъ въ настоящее время говорятъ только нѣсколько семействъ (1). Хотя моими замѣтками объ этихъ нарѣчійхъ я и не

(1) Въ последнее время Котты, какъ настоящее, такъ и обрусѣвшіе соединились въ одно небольшое поселеніе на рѣкѣ Агуль, какъ будто для того, чтобъ воскресить древній языкъ свой.

удовлетворенъ вполне, полагаю однакожь достаточными для составления этимологии и словаря обоихъ нарѣчій.

Розысканія о происхожденіи Самоѣдовъ и Енисейскихъ—Остяковъ завели меня въ область языковъ тюркскаго и монгольскаго. У древнѣйшихъ писателей упоминается, что по верхнему теченію Енисея и по притокамъ его—Абакану, Тубѣ, Кану, Манѣ и проч. разбѣяны самоѣдскія племена подъ именами Койбаловъ, Маторовъ, Ариновъ, Асановъ Камасинцевъ, Карагасовъ, Сойотовъ и т. д. А такъ какъ это показаніе г. Степановъ опровергаль рѣшительно, то Академія и поручила мнѣ добратся до истины и порѣшить этотъ спорный вопросъ окончательно. По моимъ розысканіямъ оказалось, что старинное показаніе, хотя во многомъ неопредѣленное, неполное и запутанное,—въ сущности вѣрно. Но чтобы добратся до этого результата, я долженъ былъ пріобрѣсти свѣдѣнія въ тюркскомъ и монгольскомъ языкахъ, ибо народы, о коихъ шелъ споръ, почти все приняли эти языки, удержавъ впрочемъ нѣкоторые идиотизмы и особенности языковъ остяцкаго и самоѣдскаго. Въ мои занятія тюркскимъ и монгольскимъ нарѣчійми входили нѣсколько различныхъ нарѣчій, которыми говорили эти народцы остяцкаго и самоѣдскаго происхожденія. За мѣтокъ о тюркскомъ или татарскомъ нарѣчій у меня набралось столько, что со временемъ я надѣюсь составить татарскую грамматику, съ хрестоматіей и словаремъ. Почти столько же собрано мною и для нарѣчій монгольскаго и бурятскаго.

Говоря о филологическихъ собраніяхъ своихъ, упомяну еще, что и для тунгусскаго языка, я собралъ достаточно матеріаловъ для этимологии и словаря по нерчинскому нарѣчій. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это нарѣчій нѣсколько обурятилось уже; но такъ какъ языкъ Тулгузовъ кочующихъ по Сибири, доселѣ совершенно неизвѣстенъ еще, то все-таки труды мои хоть чѣмъ-нибудь да будутъ полезны.

Но богатѣйшее изъ всехъ моихъ собраній матеріаловъ какъ въ филологическомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніи касается Самоѣдовъ. Я прослѣдилъ это племя на всемъ его протяженіи, отъ Алтая на югъ до Ледовитаго моря на сѣверѣ, и отъ Енисея на востокъ до Бѣлаго моря на западѣ, и предполагаю выдать полное этнографическое описаніе его или вдругъ, или постепенно, выпусками. Но за эту работу я могу приняться только за тѣмъ, какъ приведу въ нѣкоторый порядокъ мои лингвистическія замѣтки.

Хотѣлось бы также выдать этнографическое описаніе и Енисейскихъ—Остяковъ и родственныхъ имъ Коттовъ. Въ это описаніе могло бы войти кое-что и объ Арвахъ, Асаныхъ, Койбалахъ, Сойотахъ и о другихъ отатарившихся вѣтвяхъ того же дерева. Угрскихъ же Остяковъ я описалъ бы отдѣльно. Изъ прочихъ сибирскихъ народовъ особенно занимали меня минусинскіе

Татары, какъ правами и обычаями, такъ и религіозными ихъ понятіями. Этнографическое описаніе ихъ также одно изъ моихъ предположеній; оно кажется мнѣ даже необходимымъ, потому что минусинскіе Татары значительно отличаются отъ остальныхъ сибирскихъ соплеменниковъ своихъ. Собралъ я этнографическія свѣдѣнія и о Бурятахъ и о Тунгузахъ, но эти свѣдѣнія такъ отрывочны, что могутъ быть употреблены только какъ приложенія къ другимъ болѣе полнымъ трудамъ.

Пѣсни и сказки собралъ я преимущественно между Самоѣдами и минусинскими Татарами. Онѣ записаны частію на ихъ языкѣ, частію въ переводѣ. Первые я предполагаю приложить къ задуманнымъ грамматикамъ; и сверхъ того, издать въ переводѣ цѣлое отдѣльное собраніе самоѣдскихъ, татарскихъ, бурятскихъ пѣсенъ и сказаній.

По части археологіи я обращалъ вниманіе главнѣйшимъ образомъ на многочисленныя могилы и надписи минусинскаго округа. Изслѣдовалъ, по въ меньшемъ объемѣ, и находящіяся по ту сторону Байкала. Не хочу хвалиться заранѣе, но мнѣ кажется, что я почти навѣрное опредѣлялъ происхожденіе большей части этихъ остатковъ древности и что этимъ мнѣ удастся нѣсколько разсвѣтать глубокій мракъ, покрывающій старину южной Сибири.

Не говоря о собранныхъ мною мифологическихъ, историческихъ, статистическихъ и топографическихъ матеріалахъ, которыхъ не успѣлъ еще также привести въ порядокъ, упомяну еще о томъ, что я постоянно имѣлъ въ виду этнографическій Музей Академіи и старался обогатить его всею, что открывалъ въ курганахъ и разными другими древностями, одежками различныхъ народовъ, ихъ орудіями, утварью и проч. Изъ этихъ предметовъ у меня осталось еще кое-что, и если Академія пожелаетъ, я готовъ уступить ей эти вещи. Точно такъ же Академія можетъ располагать и нѣсколькими добытыми мною въ бурятскихъ степяхъ монгольскими рукописями, если только ихъ нѣтъ въ азіатскомъ Музее.

Этимъ и заключаю краткій отчетъ о моей дѣятельности въ продолженіи путешествія на счетъ Академіи. Покажутся кому-нибудь результаты этой дѣятельности слишкомъ незначительными — попрошу строгаго судію припомнить, что я обрабатывалъ трудное и неблагодарное поле, что и тѣ плоды, которые удалось собрать, стоили и здоровья и лучшихъ жизненныхъ силъ моихъ. Какъ бы то ни было, я вполне увѣренъ, что покрайней-мѣрѣ въ моемъ честномъ усердіи всякій убѣдится и самъ, когда, приведши въ порядокъ и обработавъ, мнѣ удастся издать мало по малу все мои болѣе или менѣе богатые собранія.

С. Петербургъ, 8 (20) февраля 1849.

Александръ Кастренъ.

П Р И Л О Ж Е Н І Е .

Енисей въ своемъ теченіи отъ Енисейска до Ледовитаго моря.

Енисей (1) отъ г. Енисейска до Ледовитаго моря протекаетъ около 2000 верстѣ, измѣняясь на этомъ протяженіи весьма разнообразно. Въ началѣ теченія онъ очень быстръ, но безъ водопадовъ, безъ опасныхъ скалъ или шхеръ, хотя дно рѣки, какъ говорятъ, весьма неровно и каменисто. Имѣя почти вездѣ одинакую ширину, при низкой лѣтней водѣ отъ одной до двухъ верстѣ, — весною онъ разливается версты на четыре и болѣе. Отъ устья Ангары или верхней Тунгузки до устья Сыма онъ течетъ въ сѣверозападномъ направленіи, не образуя ни одного значительнаго острова, или рукава (2). Лѣвый берегъ рѣки очень низокъ, глинистъ, и представляетъ болота, луга и густые лиственные лѣса. Эту сторону Русскіе около Енисейска называютъ *польскою* (отъ слова поле), дальше внизъ *наволочною* (отъ слова наволокъ, низменная коса), а еще ближе къ устью — *юрацкою*, т. е. стороною обитаемой Юраками. Правая сторона вездѣ извѣстна подъ названіемъ *каменной* т. е. гористой; она очень безплодна и покрыта преимущественно хвойными лѣсами: елью, сосной, кедромъ, лиственницей и такъ называемой пихтой (*Abies picea*) и т. п. Съ этой стороны, вдоль Енисея, тянется цѣль горъ, которая то подходит къ самой рѣкѣ, то отдаляется отъ нея на 2—6 верстѣ, то совершенно исчезаетъ изъ виду, какъ близъ г. Енисейска, ниже деревни Анциферовой и т. д. Горы эти не высоки, похожи болѣе на рядъ возвышенностей и Русскіе называютъ ихъ обыкновенно *хребтомъ*; но основаніе ихъ каменисто и мѣстами твердыя горно-каменные породы. Въ полую воду Енисей ограничивается съ обѣихъ сторонъ крутымъ берегомъ, такъ называемымъ *яромъ*; по сбытіи же весеннихъ водъ — оба берега представляютъ далеко простирающіеся скаты, устьянные частію мелкимъ камнемъ, частію большими валунами, извѣстными у русскихъ подъ названіемъ: «*коры*». Песчанья берега встрѣчаются часто только по нижнему теченію рѣки. Какъ

(1) Енисейскіе Остяки называютъ его *Нук* или *Кук*, Тунгузы — *Ioandesi*, патско-пумнокольскіе — Самоды *Njandesi*, туруханскіе — *Kold*, тазовскіе — *Njakal kold*.

(2) На пути изъ Енисейска въ Усть-сыма я замѣтилъ только 12 острововъ, изъ которыхъ два, самые большіе, говорятъ, имѣютъ до 8 верстѣ въ длину, остальные же не болѣе 1—3 верстѣ.

правый, такъ и лѣвый берегъ заселены Русскими и Остяками; но на пространствѣ, о которомъ теперь идетъ рѣчь, оба упомянутые народа занимаютъ преимущественно лѣвую сторону; на правой же живутъ болѣе Тунгузы.

При устьѣ Сыма Енисей дѣлаетъ довольно крутой поворотъ на востокъ и сохраняетъ это направленіе до устья Подкаменной Тунгузки. Въ этой части своего теченія, въ нѣсколькихъ верстахъ ниже устья *Дубчеса* или при устьѣ *Тоговы*, онъ расширяется въ довольно значительный заливъ—первый ниже Енисейска. При деревнѣ *Вотиной* онъ нѣсколько снова суживается, и за тѣмъ, между деревнями Вороговой и Осиновой расширяется опять въ гораздо еще болѣшій заливъ, который, какъ говорятъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣетъ до десяти верстъ ширины. Безчисленные острова, косы и бухты этого залива представляютъ весьма живописный видъ. Горы, по прежнему, тянутся по правой сторонѣ рѣки, по востокъ и на лѣвой показывается цѣпь довольно значительныхъ возвышенностей, идущихъ къ Енисею по направленію рѣчки Кахеловой и потому называемая Кахеловой горой. Хребты эти тянутся по обѣимъ сторонамъ Енисея въ дугообразномъ направленіи и сходятся наконецъ такъ близко, что издали и не видно узкой горной тѣснины, ведущей изъ прекраснаго, подобнаго озеру залива. Проходъ этотъ съ обѣихъ сторонъ сжатъ исполненными скалистыми стѣнами, между которыми вода прорывается пѣнящимися круговоротами, не образуя, однакожь, настоящаго водопада. Тотчасъ за этой тѣснинной Енисей принимаетъ въ себя огромный притокъ. Подкаменную Тунгузку, сворачиваетъ на сѣверозападъ и течетъ незначительными изгибами до устья Елогуя. На этомъ пространствѣ быстрота его начинаетъ уменьшаться; онъ образуетъ глубокіе заливы, шириною отъ 2—4 верстъ, раздѣляемые выдающимися косами и мысами. Берега съ обѣихъ сторонъ высоки, песчаны, мѣстами голы, но большею частію покрыты хвойнымъ лѣсомъ. Цѣпь горъ, видѣвшаяся прежде на лѣвой сторонѣ, оканчивается мысомъ при деревнѣ Сумароковой, послѣ чего эта сторона принимаетъ опять свой изменный, глинистый, болотный характеръ. По обѣимъ сторонамъ все еще видѣются однакожь и каменистые берега, а при деревнѣ Козьминой есть мысъ, который по каменистому свойству своему, называется *Каменимымъ мысомъ*. При этой же деревнѣ я замѣтилъ островъ, имѣющій, какъ говорятъ, 8 верстъ длины; другой, въ 10 верстъ длины, находится при деревнѣ Бородиной. Впрочемъ острова и на этомъ протяженіи малочисленны и незначительны. Ниже деревни Сумароковой начинаются такъ называемыя зимовья, которыя до Туруханска, за немногими исключеніями, расположены по правой сторонѣ рѣки.

За устьемъ Елогуя Енисей поворачиваетъ на СВ. и продолжаетъ течь въ этомъ направленіи, съ нѣкоторыми небольшими изгибами, до Ледовитаго

моря. Въ началѣ этого длиннаго пути Енисей сохраняетъ свой прежній характеръ; только что извращеніе его прямѣе и заливы смѣняются не такъ часто, какъ прежде. Число и величина острововъ становится значительны. На лѣвой сторонѣ рѣки, за исключеніемъ хребта при Долгомъ островѣ, видны только низкіе наволоки (косы); на правой же часто возвышаются весьма крутые мысы. Около 12 верстѣ выше зимовья Мірофдинка совершенно неожиданно начинается крутая скалистая стѣна, которая тянется почти непрерывно по правому берегу еще верстѣ на 10 ниже помянутой деревни до мѣста, находящагося противъ устья нижней Тунгузки. Принявъ въ себя эту рѣку, Енисей расширяется весьма значительнымъ заливомъ, но скоро опять суживается и потомъ течетъ нѣсколько сотъ верстѣ, измѣняясь въ ширинѣ отъ 2—4 и отъ 5—6 верстѣ. При зимовьѣ Лузино онъ расширяется на 7 верстѣ, при Самыловой—на 8, а при Верхне-Крестовой—на 10 верстѣ. Ниже Крестовой Енисей раздѣляется на нѣсколько рукавовъ, которые все вмѣстѣ при Селякиной занимаютъ 20, а при Толстомъ Носѣ 35 верстѣ. Чѣмъ болѣе расширяется рѣка, тѣмъ тише становится ея теченіе, и ниже Туруханска быстрота ея вообще весьма незначительна. На этомъ протяженіи замѣчается множество острововъ у праваго берега отъ Ермаковой до Карасиной и до Игарскаго, и еще больше ниже Крестовой. Правый берегъ удерживаетъ свою возвышенность еще на 200 верстѣ ниже Толстаго Носа, но за тѣмъ начинаетъ понижаться. На лѣвой сторонѣ ниже Ангутихи берегъ то понижается, то снова возвышается. Растительность уменьшается почти съ каждымъ шагомъ. Ель не распространяется за Туруханскъ; осина, черемуха и пихта прекращаются около Курейки, кедръ ниже Плахиной не встрѣчается уже; сосна и низкорослая береза рѣдки уже и около Дудники; лиственница оканчивается въ окрестностяхъ Верхне-Крестовой, при рѣкахъ Хетъ и Соленъ, а близъ Толстаго-Носа растетъ только низкій внякъ. Не смотря на бѣдность природы, русскіе поселенцы попадаютъ по этой рѣкѣ еще на протяженіи 350 верстѣ ниже Толстаго-Носа; въ прежніе времена, говорятъ, они селились и еще далѣе къ сѣверу. Зимовья ихъ находятся болѣею частію на правой сторонѣ рѣки; но есть нѣсколько и на лѣвой, и именно между городомъ Туруханскомъ и деревнею Хантайкой.

Енисей чрезвычайно богатъ разной и притомъ весьма вкусной рыбой. Въ немъ водится: осетръ (*Acipenser sturio*), стерлядь (*Acipenser ruthenus*), костерка (Ср. Pallas, Zoogr. Ross. III, стр. 92), муксунъ (*Salmo Muxsun*), пельма (*Salmo Njelma*), чирь (*Salmo Nasutas*), таймень (*Salmo Taimen*), пельйедка (*Salmo Peljet*), омуль (*Salmo Omul*), сигъ (*Salmo Lavaretus*), хариусъ (*Salmo Thymallus*), сельдь, пискаръ (*Cyprinus Gobio*), елецъ (*Cyprinus Dobula*), не говоря уже о шукѣ, окунѣ, налимѣ, ершѣ

и разныхъ озерныхъ рыбахъ, какъ наприм. карась, линь, кунжъ (*Salmo Cundsha*), чебакъ (*Cyprinus lacustris*) и т. д. Все эти рыбы раздѣляются жителями страны на два рода: на 1) *красную* рыбу, подъ которой разумѣютъ три вида осетра: собственно осетра, стерлядь и костерку, и 2) *бѣлую* рыбу, къ которой относятъ все прочія породы рыбъ. Говорятъ, что красная рыба выходитъ весною въ огромномъ количествѣ изъ Байкала и перебирается Ангарой въ Енисей, какъ бы съ цѣлью прогуляться лѣтомъ къ морю; но что эту длинную прогулку совершаетъ одинъ осетръ, стерлядь же доходитъ только до зимовья Крестова, а костерка—до Загубскаго зимовья, т. е. не далѣе 80 верстъ за Толстый Носъ. Осенью вся эта рыба возвращается въ свои зимовья, гдѣ и проводитъ холодное время года въ глубокихъ ямахъ. Часть ея остается однакожь въ Енисей; по замѣчанію туземцевъ, возвращающаяся въ самый Байкалъ бываетъ лѣтомъ жирнѣе и темнѣе зимующей въ Енисей. Идетъ она обыкновенно стадами (юрами), и такъ большими, что нерѣдко и одно тянется два три дни и за тѣмъ нѣсколько дней не показывается ни одного осетра. Внизъ по рѣкѣ осетръ идетъ очень тихо и всегда головою противъ теченія. Кромѣ того, онъ часто останавливается и отдыхаетъ въ глубокихъ ямахъ рѣки.

Что касается такъ называемой бѣлой рыбы, то она во многихъ отношеніяхъ ведетъ совершенно противоположный образъ жизни. Она любитъ преимущественно море и въ продолженіе лѣта слишкомъ далекихъ странствованій вверхъ по рѣкамъ не дѣлаетъ. Всѣхъ раньше поднимается чирь: онъ начинаетъ свое странствованіе, какъ только тронется ледъ, и къ Петрову дню доходитъ до Туруханска. Въ одно время съ чиромъ пускается въ путь и сигъ и идетъ большую часть лѣта. Потомъ показывается нельма, которую, начиная съ первыхъ чиселъ августа въ продолженіи двухъ или трехъ недѣль, ловятъ около Туруханска. За нею слѣдуютъ многочисленныя виды, извѣстныя у Русскихъ подъ названіями муксуна, таймена, омуля и т. д.; все эти виды показываются у Туруханска въ половинѣ и въ послѣднихъ числахъ августа. Послѣ всѣхъ поднимается сельдь, которая во всю осень доходитъ не далѣе Подкаменной Тунгуски. Точно такъ же и чирь, и муксунъ и даже нельма. Нельма попадаетъ еще впрочемъ при Шадриной въ Енисейскомъ уѣздѣ; изъ всѣхъ же остальныхъ поднимающихся изъ моря рыбъ только сигъ и тугунъ ловятся выше Подкаменной Тунгуски. Красная рыба ловится напротивъ гораздо больше выше Подкаменной Тунгуски, нежели ниже ея. Все роды бѣлой рыбы въ теченіе всей осени до самаго декабря идутъ обратно къ морю.

Ловъ помянутыхъ родовъ рыбы производится въ разныхъ мѣстахъ разными способами. Между Енисейскомъ и Шадриной такъ называемая красная рыба ловится только крючками, а бѣлая—небольшими сѣтями и цено-

дами. Большія же сѣти и невода въ этихъ мѣстахъ не годятся, потому что рѣка здѣсь слишкомъ быстра, дно ея неровно и берега неудобны для вытаскиванія. Близъ деревни Шадриной для ловли нельмы употребляются сѣти во 100 — 150 сажень длины. Въ деревнѣ Ярцовой, въ 8 верстахъ выше устья Сыма, красная рыба ловится также сѣтями отъ 100 — 150 сажень длины; эти сѣти называются *поплавнями*: ихъ закидываютъ при помощи двухъ лодокъ, по одной на каждый конецъ, тащутъ, спускаясь внизъ по теченію и вытаскиваютъ на самой рѣкѣ. Этотъ способъ ловли не употребляется ниже Подкаменной-Тунгуски; здѣсь красная рыба ловится крючьями, а другіе рода рыбы большими неводами. Къ сѣверу отъ Туруханска употребляется сѣть, похожая на такъ называемыя поплавни, имѣющая предъ ними то преимущество, что ее можно закидывать при помощи одной лодки. Эти рыболовные снаряды употребляются только лѣтомъ, за исключеніемъ обыкновенныхъ неводовъ, которыми и осенью производится ловъ какъ красной, такъ и бѣлой рыбы подо льдомъ. Вообще на Енисей далеко не такъ усердно занимаются рыболовствомъ, какъ на Оби. Причина этого заключается, независимо отъ быстрого теченія рѣки ниже Подкаменной Тунгуски, въ дурномъ сбытѣ рыбы въ Туруханскомъ краѣ. Во все прошлое лѣто въ Дудинку и Толетый-Носъ пришли изъ Енисейска только три торговые судна, да и тѣ пробыли здѣсь не далѣе іюля. Вся рыба, которая ловится послѣ этого времени, уже не находитъ покупателей и употребляется жителями частію для собственнаго продовольствія, частію на кормъ собакамъ. Да и сбываемая торговцамъ, большой выгоды не доставляетъ, потому что торговцы, сверхъ красной рыбы, покупаютъ только муксуна и нельму и платятъ за нихъ отъ 20—30 копѣекъ. Этимъ можно объяснить себѣ, какимъ образомъ и посреди величайшаго изобилія поселенецъ терпѣть нужду въ насущномъ хлѣбѣ и требуетъ казеннаго содержанія.

За симъ скажу еще нѣсколько словъ о многочисленныхъ притокахъ, впадающихъ въ Енисей на протяженіи отъ Енисейска до Ледовитаго моря. Притоки эти: А. съ правой стороны: 1) *Питъ*, по-остячки *Фитъ*, 2) *Кій*, 3) *Кисъ*, по-ост. *Тисъ*, 4) *Подкаменная Тунгуска*, по-ост. *Холь*, 5) *Бахта* 6) *Фатълиниха*, 7) *Сухая Тунгуска*, 8) *Нижняя Тунгуска*, по-ост. *Боніоль*, 9) *Курейка*, по-ост. *Кулейга*, 10) *Дудинка*. В. съ лѣвой стороны: 1) *Кель*, 2) *Касъ*, 3) *Сымъ*, 4) *Дубчесь*, 5) *Елогуй*, 6) *Туруханъ*, 7) *Хета*, 8) *Солена*. Рѣки, впадающія въ Енисей съ правой стороны, вытекаютъ изъ горъ и текутъ все по странамъ гористымъ; по этой причинѣ онѣ быстры, обильны водопадами или такъ называемыми *порогами* и потому въ высшей степени не удобны для судоходства. Несмотря однакожь на то, золотопромывальни вызвали

весьма дѣятельную жизнь по Нпту и Тнеу. Подкаменную Тунгуску въ иные годы посѣщаютъ сумароковскіе Остяки, поднимающіеся вверхъ по ней на зимовку въ гористыхъ странахъ. Тунгузы также жили прежде по этой рѣкѣ, но потомъ переехали все на Елогуи. Кромѣ того, осенью Остяки ловятъ рыбу съ огнемъ, какъ въ обѣихъ вышепоименованныхъ рѣкахъ, такъ и въ Бахтѣ, Сухой Тунгускѣ и Фатьяннхъ; три послѣднія рѣки вытекаютъ изъ небольшихъ озеръ и лѣтомъ никѣмъ не посѣщаются. По Нижней Тунгускѣ живетъ нѣсколько Тунгузовъ и изъ Туруханска ежегодно отправляются вверхъ по ней восемь барокъ съ казенною мукою для туземцевъ. Казаки, которымъ поручается доставка этой муки, остаются на Тунгузкѣ до весны и живутъ въ маленькихъ избахъ, построенныхъ только для этой цѣли. Кромѣ ихъ, по этой рѣкѣ нѣтъ никакихъ русскихъ поселенцевъ. На Курейкѣ также только одинъ казенный магазинъ для карасинскихъ и имбатскихъ Остяковъ, и для Тунгузовъ, живущихъ при большомъ озерѣ Мундушкѣ, изъ котораго выкатеть рѣка того же имени, впадающая въ Курейку. Курейка судоходна только на 100 верстѣ отъ устья; дажѣ большой водонадѣ дѣлаетъ судоходство невозможнымъ. При устьѣ Дудинки находится самое большое изъ всѣхъ зимовьевъ ниже Туруханска; берега же самой рѣки совершенно пустыни и необитаемы.

Рѣки, впадающія въ Енисей съ лѣвой стороны, выходятъ изъ обширныхъ болотъ и медленно текутъ по странамъ низменнымъ. Онѣ очень извилисты въ своемъ теченіи, большею частію широки и вмѣстѣ съ тѣмъ мелки, вслѣдствіе чего судоходство по нимъ затруднительно. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ, наприм., въ Сымѣ и Касѣ парусное судоходство затрудняется еще такъ называемыми *ломами*; это нѣчто въ родѣ мостовъ, которые образуются изъ деревьевъ вырываемыхъ и паносимыхъ во время прохожденія льда. По тихому теченію и ровному дну, рѣки лѣвой стороны удобнѣе для рыболовства, нежели рѣки правой стороны. По этой причинѣ почти все рѣки, впадающія съ лѣвой стороны, посѣщаются какъ лѣтомъ, такъ и зимою значительнымъ числомъ туземцевъ. По Сыму, Касу и Дубчесу живутъ только сымскіе Остяки. Елогуи, впадающій въ Енисей девятью устьями, посѣщается какъ имбатскими Остяками, такъ и Самоѣдами и Тунгузами. По Турухану и его притокамъ живутъ туруханскіе Остяки-Самоѣды и имбатскіе Остяки. На верхней Бахтѣ есть также казенный магазинъ и русское зимовье. Хета и Солена посѣщаются зимою только Юраками Толетаго-Нсса.

К о н е ц ь .

ОГЛАВЛЕНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЛАПЛАНДІЮ, ВЪ 1838 ГОДУ

Страницы.

I. Путешествіе отъ Торнео въ Кирёби, въ Эварскомъ округѣ пограничной Лапоии.

Залача жизни.—Начало путешествія 23 іюля; Аава Сакса.—Переѣздъ черезъ полярный кругъ.—Пребываніе въ Муоніониски.—Деревня Пельдовуома; проводники Эрикъ и Іессіо.—Сказанія о родѣ Пэйвио и Лаурукраиненъ.— Сейдаерви и многія меньшія озера.—Ивалойки; плаваніе внизъ по рѣкѣ.—Рыбакъ и колдунъ; волшебныя преданія.—Дикость и величавость природы; кипучіе пороги, достигающія до облаковъ горы.— Прекрасный видъ, Кирёби. 3—22

II. Путешествіе отъ Кирёби до Утсѣйоки.

Томасъ Киро; финскіе поселенцы; гостепрѣмство.—Озеро Энаре.—Лапонская деревня Юуутуа; лапонскія избы; одежда Лопарей.—Лопарь-рыбаки, горные и лѣсные.—Образъ жизни Лопарей; рыболовство; охота за оленями.—Путешествіе по пустыи; приходъ Энаре, деревни, избы.—Міерашлуръ. 23—34

III. Возвратный путь изъ Утсѣйоки въ Кемі.

Домъ пастора въ Утсѣйоки; пасторъ и его семейство.—Возвратный путь 9 августа; рѣка Утсѣйоки; Расте Кайзе; непогода; путешествіе пѣшкомъ; пребываніе при церкви Энаре и въ Кирёби; христіанство Лопарей.—Память язычества; Сейды.—Переходъ черезъ скалу Сомбіо.—Рѣка Луиро; нищета жителей; хлѣбъ изъ соломы.—Колонія Тангуа.—Разказы о змѣяхъ Содакилы.—Кемитраскъ, Рованьеми и Кемі; жители этихъ приходовъ и ихъ происхожденіе.—Путешествіе внизъ по рѣкѣ Кемі. 35—48

ПОѢЗДКА ВЪ РУССКУЮ КАРЕЛІЮ ЛѢТОМЪ 1839 ГОДА.

Цѣль путешествія въ Карелію; отѣздъ изъ Гельсингфорса въ Куопіо.—Посѣщеніе финскихъ Карель; преданія и пѣсни.—Мальчикъ и Маналайненъ—Посѣщеніе Лёпрота въ Каявъ.—Переходъ черезъ рус-

скую границу.—Погостъ Репола; деревня Минноа; неприятное приключе-
 ніе.—Деревни Аконлати въ Вуокканьеми.—Лапонскія кучи и могилы.—
 Преданія и сказанія въ Русской Карелии; волшебныя руны.—Деревня
 Латваарви; пѣвецъ рунъ Архипъ.—Деревня Вуониненъ; вариантъ первой
 рунъ Калевалы.—Большая деревня Утува; историческія саги; Найколай-
 зетъ.—Кивекаетъ.—Прибытіе въ Куусамо.—Возвращеніе въ Гельсинг-
 форсъ.

49—62

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЛАПЛАНДІЮ, СѢВЕРНУЮ РОССІЮ И СИБИРЬ.

1841—1844

I. Путешествіе изъ Кеми въ Энаре.

Планъ путешествія; отъѣздъ изъ Кеми, 13 ноября, въ сообществѣ Лен-
 рота.—Деревня Салла въ Куолаерви; непредвидѣнная помѣха.—Поѣздка
 отсюда въ Энаре на оленяхъ; Корваненъ, усадьба въ Соданкильскомъ
 округѣ.—Праздникъ Рождества на снѣжныхъ скалахъ Лапландіи и на
 озерѣ Энаре.—Приходъ Энаре.—Поѣздка въ Карасйоки; Штокфлетъ.—
 Искурасъ-тунгури; путешествіе по горамъ.—Возвратная поѣздка въ Эна-
 ре; появленіе солнца 18 января. Письмо къ Шегрену; новый, обширѣй-
 шій планъ путешествія.

63—71

II. Путешествіе изъ Энаре въ Колу.

Базарная площадь въ Энаре; отъѣздъ въ февралѣ.—Древнее идоло-
 служеніе Лопарей.—Деревня Патсйоки.—Возможность прекращенія коче-
 вой жизни въ Энаре.—Большая образованность энарскихъ Лопарей или
 Лопарей-рыболововъ.—Горные Лопари меньше образованы какъ въ ре-
 лигіозномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи.—Перевалъ черезъ рус-
 скую границу въ деревню Синьель.—Вышняя жизнь русскихъ Лопарей
 и проч.—Ихъ религія, суевѣрія и колдовство.—Лопарскій и финскій
 народный характеръ. Дальнѣйшее зимнее путешествіе на оленяхъ; олени
 и способъ ѣзды на нихъ; озеро Нуотъ.—Прибытіе въ Колу.

72—92

III. Путешествіе изъ Колы въ Архангельскъ.

Масляница; люди и жизнь въ Колѣ.—Перевѣна въ направленіи путе-
 шествія; отъѣздъ въ Архангельскъ.—Мурманцы; странствованія ихъ.—
 Деревня Маанселькя.—Старишныя финскія или карельскія переселенія
 въ русскую пограничную Лапландію.—Русско-лапландскій языкъ и его
 нарѣчія.—Станція Разноволокъ.—Лапландская природа; перевалъ озера
 Имандра; сѣверное сіяніе.—Кандалаки, русская деревня.—Дорога въ Ке-
 ми; русское народонаселеніе.—Исчезновеніе Финновъ или Кареловъ съ
 береговъ Бѣлаго моря и причины этого.—Различіе финскаго народнаго
 характера отъ характера русскаго. Городъ Кемь.—Соловецкій монастырь;
 перевалъ въ него въ маѣ на лодкѣ.—Архангельскъ; Лейротъ возвра-
 щается.

93—107

IV. Путешествіе во Бѣлому морю въ Терскую пограничную Лапландію.

Отъѣздъ изъ Архангельска въ лодѣ; хворь. — Корабельщикъ и его экипажъ. — Терскій берегъ. — Буря 6 июля. — Зимнія горы. — Новыя непріятности на морѣ и на сушѣ; деревня Куя. — Возвращеніе въ Архангельскъ; пребываніе здѣсь и въ деревнѣ Уймѣ; изученіе самоѣдскаго языка. — вспоможеніе изъ финскаго казначейства. 108—113

V. Путешествіе изъ Архангельска въ Мезень.

Отъѣздъ изъ Архангельска въ концѣ ноября. — Городъ Холмогоры; древняя крѣпость и древній храмъ Біармцевъ. — Городъ Пинега; Чудской городокъ; жена полицмейстера финляндка. — Мезень, крайній городокъ цивилизованнаго міра. — Деревня Сомжа; канинскіе Самоѣды; ихъ пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ. — Самоѣдскій Тадибей или колдунъ въ Мезени. — Раздѣленіе Мезенскихъ тундръ. 116—121

VI. Путешествіе изъ Мезени въ Пустозерскъ.

Отъѣздъ 19 декабря 1842. — Еще разъ въ Сомжѣ. — Чародѣйство Самоѣдовъ; Тадибей; Тадебцинъ. — Кое что о языческой мифологіи Самоѣдовъ; Нумъ или Илибеамбаертъ; Хахе и Съяден; присяга; жертвоприношеніе. — Путешествіе на оленяхъ по Канинской тундрѣ. — Самоѣдскій чумъ. — Деревня Несъ; Канинская церковь; обращеніе Самоѣдовъ въ христіанство въ 1823 году. — Рождество; жена священника; самоѣдскіе учителя. — Самоѣдская свадьба; одежда; малица. — Отъѣздъ изъ деревни Несъ 19 января; Канинъ-нось. — Рѣка Пѣша; церковь Тиманской тундры. — Кочующіе по тундрамъ Русскіе и Зыряне; грабительства и угнетеніе туземцевъ; царскій уставъ. — Тиманскіе Самоѣды; характеръ Самоѣдовъ и ихъ особенности вообще. — Непогода на тундрѣ; гора Чайцынъ; рѣка Ивлига. — Исполнѣе Уріеръ. — Самоѣдскій аристократъ. — Деревня Сула; Пустозерскъ. 122—133

VII. Пребываніе въ Пустозерскѣ и путешествіе отсюда въ Ижемскъ и Колву.

Пустозерскъ большое русское село; кругомъ пустыня; бури. — Сборное мѣсто Самоѣдовъ какъ Большеземельскихъ, такъ и другихъ тундръ; торговля, языкъ, обычаи, религія Самоѣдовъ. — Отъѣздъ въ апрѣлѣ вверхъ по Печорѣ; никакихъ слѣдовъ растительности; охотники за бѣлыми куропатками. — Усть-Цыльмскъ, старая русская деревня; жители ея; ихъ суевѣріе и нетерпимость. — Ижемскъ, большая зырянская деревня; пребываніе въ ней и занятія. — Народный характеръ Зырянъ; угнетѣніе женщины. — Двѣ зырянскія свадебныя пѣсни. — Продолженіе путешествія зъ іюлѣ водою, сперва внизъ по Ижмѣ и потомъ вверхъ по Печорѣ и Усѣ. — Среднее теченіе Печоры и красивые берега ея. — Колва бѣдная самоѣдская деревушка; церковь Большеземельской тундры. — Составленіе зырянской грамматики. 134—163

VIII. Путешествіе изъ Колвы въ Обдорскъ.

Раздѣленіе Большеземельской тундры; зырянское завладѣніе оленями и пастбищами Ижемскихъ Самоѣдовъ; торговля поѣздки Зырянъ въ Сибирь.—Въ ихъ сообществѣ начинается и мое путешествіе въ Азію; отъѣздъ изъ Колвы 16 декабря. — Плаваніе по Усѣ на *каюкъ*; попутный вѣтеръ.—Рѣка Хыръ-моръ; гора Алакъ; природа измѣняется.—Возможность культуры на берегахъ средней Печоры и нижней Усы. — Рѣка Хузморъ или Роговой. — Самоѣдская колдунья; ея рассказы. — Поѣздка Уріера на небо.—Ниръ на пустынномъ берегу Усы. — Оправданія Зырянъ противъ обвиненій Самоѣдовъ.—Рѣка Лемва.—Мѣсяцъ въ жалкой лачугѣ на берегу Усы въ 40 верстахъ отъ Урала. въ ожиданіи зимы; кругомъ тундра.—Отъѣздъ отсюда въ саяхъ въ концѣ октября; *аржиги*; растахъ.—Князь Урала. — Проектированный каналъ для соединенія Оби съ Печерой.—Переѣздъ черезъ Уралъ и Обь.—Прибытіе въ Обдорскъ 2 ноября 1843. 164—177

IX. Пребываніе въ Обдорскѣ.

Деревня Обдорскъ; зырянскіе и русскіе поселенцы.—Остатки настоящіе туземцы.—Обдорская ярмарка; торговля.—Казакъ изъ Березова; его рассказъ о Меньшиковѣ.—Чиновникъ изъ Тобольска. Управленіе, религія, нравы и образъ жизни Обдорскихъ Остяковъ. 178—196

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ СИБИРЬ

1843—1849.

I. Путешествіе изъ С. Петербурга въ Тобольскъ.

Путевыя замѣтки. Отъѣздъ изъ С. Петербурга въ понедѣльникъ 12 (24) марта 1843. Петербургская, Новгородская, Тверская, Московская, Владимірская, Нижегородская и Казанская губерніи; необозримыя равнины, Валдайскія горы, берега Волги.—Города Новгородъ, Тверь, Москва, Владимір, Нижній-Новгородъ.—Прибытіе въ Казань.—О жителяхъ Казанской губерніи. Булгары вымершее финское племя первоначальные жители; движеніе народовъ, Татары и Русскіе.—Татары смѣсь Турокъ и Монголовъ; спорныя объ этомъ мнѣнія.—Еще существующіе финскіе народцы: Чуваши, Черемисы и Мордва южнаго волжскаго племени; Вотяки сѣвернаго пермскаго; теперешнія мѣста ихъ жительства, число ихъ.—Важное значеніе финскихъ племенъ въ древней исторіи культуры восточной Россіи; ихъ земледѣліе и торговля; Великая Пермія (*Vjargmland*) и Великая Булгарія.—Фиологическія замѣтки касательно происхожденія названій различныхъ финскихъ народцевъ отъ рѣкъ или отъ слова «вода».—Тоже относительно названій двухъ вымершихъ финскихъ народцевъ Мери и Муромы. 199—207

Письмо къ Штѣгрену. Казань 31 марта (12 апрѣля). Прибытіе въ этотъ городъ. 208—209

Изъездъ въ Риббе. Казань 29 апрѣля (11 мая). Пребываніе въ Казани; Казанскій университетъ и преподаваніе въ немъ восточныхъ языковъ.—Важность сихъ послѣднихъ для финскаго языка и финской исторіи. 209—214

Путевыя замѣтки. 1) Отъездъ изъ Казани 1 (13) мая. — Дурныя дороги въ это время года; пространныя равнины и безлѣсныя возвышенности; Татары и татарскія деревни.—Разнообразная природа въ Вятской губерніи озера, лѣса, болота; Вотьяки.—Пермская губернія; городъ Пермь и его жители.—2) Отъездъ изъ Перми; перѣздъ черезъ Уралъ. — Разность Урала близъ Обдорска, близъ Верхотурья и близъ Екатеринбурга.—Тюмень.—3) Отъездъ изъ Тюмени.—Земля и люди въ Сибири.—4) Тобольскъ; раздумье о предстоящемъ направленіи путешествія по инструкціи и тройственное раздѣленіе его: на сѣверное или самоѣдское, среднее или остяцкое и южное или монгольско-татарское. — Планъ путешествія къ сѣвернымъ Самоѣдамъ по Тауу и Енисею оставляется.—Рѣшеніе держаться въ продолженіе лѣта Иртыша и Оби и заниматься преимущественно остяцкимъ языкомъ. 214—220

II. Путешествіе изъ Тобольска въ Самарову.

Путевой отчетъ. Отъездъ изъ Тобольска 23 мая (6 іюня); станція Брошкова.—Плаваніе внизъ по Иртышу; его теченіе, рукава, острова, берега.—Демьянскъ и Д. нышкова.—Три недѣли въ Цингалинскихъ юртахъ; занятія остяцкимъ. — Пребываніе въ Самаровой.—Нѣсколько замѣтокъ касательно Иртыша: его глубина, подъемъ и пониженіе воды, разлитія; новое и старое русло, *полуи* и *старуцы*; гористость праваго берега и низменность лѣваго; рыба и рыболовство. — Остяки по Иртышу; вліяніе Русскихъ; рыболовство и звѣроловство.—Остякая юрта; внутренность ея, утварь, печь, окна; характеръ и вишній видъ Остяка.—Одежда женщины.—Дурное обращеніе съ женщиной; обыкновенная лѣва жены; похищеніе женъ.—Разказы старика о Чуди; Чудской городокъ. — И доселѣ сохранившееся у Остяковъ чествованіе медвѣдя. 220—233

Изъездъ въ Риббе. Самарова 24 іюня (6 іюля). Самарова большая русская деревня; предположеніе съѣздить на самоѣдскую и остяцкую ярмарку въ Силарское. 234—235

III. Путешествіе изъ Самаровой въ Сургутъ.

Путевой отчетъ. Поѣздка въ Силарское откладывается; плаваніе по рѣкѣ въ деревню Торопкову.—Открытіе нѣсколькихъ доселѣ неизвѣстныхъ небольшихъ самоѣдскихъ родовъ или племенъ.—Пребываніе въ остяцкой деревнѣ Чебаковой на верхней Оби.—Возвращеніе въ Торопкову. Поѣздка въ Силарское и въ недалекаіа отъ него Балынскія юрты; изученіе самоѣдскаго языка.—Сродство самоѣдскаго съ финскими языками.—Сродство финскаго или такъ называемаго Уральскаго племени съ Алтайскимъ.—Выходъ Финновъ изъ Алтайскихъ горъ.—Разлитіе Оби въ іюль; бѣдствія въ это время окрестныхъ жителей.—Плаваніе изъ Балъ въ Сургутъ по Оби; покрытые тиной, пу тынные берега ея. Недостаточность населенія; на протяженіи 200 верстъ только т. и русскія деревни и нѣсколько жалкихъ лѣтучихъ

остяцкихъ юрты или рыбацкихъ шалашей. — Въ этой области и Остяки рѣдко живутъ постоянно на берегахъ Оби; большая часть, по окончаніи рыболовства возвращается къ небольшимъ притокамъ ея, мѣстамъ ихъ постояннаго жительства; боязню ихъ всякой цивилизаціи. — Важнѣйшіе въ этнографическомъ отношеніи притоки Оби Салымъ; Ляминъ-соръ; Пымъ и его наносы — *ломы*; Бальикъ; Юганъ; Три-Юганъ и впадающая въ него Агань. — По всѣмъ этимъ рѣкамъ живутъ Остяки, за исключеніемъ Ляминъ-сора и истоковъ Агани, по которымъ живутъ Самоѣды. 235—246

Письмо къ Шёгрёну. Торонкова 4 (16) іюля. 246—247

Письмо къ Раббе. Чебакова 25 іюля (6 августа). 247—249

Письмо къ Шёгрёну. Сургутъ 12 (24) августа. 249—250

Письмо къ нему же. Сургутъ 28 августа (9 сентября). 250—251

IV. Путешествіе изъ Сургута въ Нарымъ.

Путевой отчетъ. Сургутъ прежде остяцкая крѣпость, во время завоеванія Сибири — сильный казачій городъ, теперь — жалкое мѣстечко съ однимъ только названіемъ города. — Плаваніе вверхъ по Оби изъ Сургута въ Нарымъ, около 800 верстъ. — Берега Оби постоянно пустыни и безлюдны. — Русская деревня Лохосова; предвѣстники зимы. — Тамъ и здѣсь остяцкія лѣтнія юрты изъ бересты; сибирская непогода. — Устье Магіона. — Устье Ваха; его притоки и остяцкое населеніе. Воскресенье и праздничная одежда Остяковъ. — Деревни Нижній и Верхній Лумпокольскъ; русская церковь и школа для дѣтей Остяковъ; жалобы Остяковъ. — Остяцкая деревня Пирчина; граница Томской губерніи. — Остяцкое племя многочислѣннѣйшее изъ туземцевъ Тобольской губерніи; распространеніе его къ сѣверу до Обьской губы, къ югу до рѣкъ Демьянки и Васъ-югана и раздѣленіе на три области: Иртышскую, Верхне и Нижне Обскую. — Различія языка, — сургутское нарѣчіе чистѣйшее; различныя ступени культуры — иртышскіе Остяки образованнѣйшіе, обдорскіе — болѣею частью и не крещены еще. Честность и другія хорошія качества всѣхъ Остяковъ; общія имъ недостатки — пьянство и лѣность. — Управленіе, свои законы, привилегіи. — Остяцкіе округи или волости и число населенія ихъ въ Деньчиковскомъ, Сургутскомъ, Кондинскомъ и Обдорскомъ отдѣлахъ Тобольской губерніи. — Продолженіе путешествія въ Томской губерніи; жители — Самоѣды, хотя и именуются Остяками и похожи на послѣднихъ какъ внѣшностію, такъ и обычаями; устье Тима и русская деревня Тимскъ. — Большая русская рыболовня. — Устье Васъ-Югана; рѣчная область его заселена, за исключеніемъ Чежабки, Остяками. — Прибытіе въ Нарымъ 25 сент. (7 окт.). 252—272

Письмо къ Лёпроту. Нарымъ 1 (13) ноябля, Остяцкая грамматика кончена. — Новооткрытыя самоѣдскія нарѣчія 272—273

Письмо къ Коллану. Нарымъ 4 (16) ноябля. Завлѣтъ остяцкимъ и самоѣдскимъ. 273—275

Письмо къ Шёгрёну. Нарымъ 1 (13) декабря. Отчетъ о путешествіи изъ Тобольска въ Нарымъ. — Самоѣдское населеніе и языкъ его въ Томской губерніи, отчасти невѣрно принимаемый за остяцкій; ошибка Клапрота. — Замѣчаніе касательно названій самоѣдскихъ племенъ. 275—279

Письмо къ Раббе. Нарымъ 1 (13 декабря). Средство Финновъ съ Китайцами. — Поѣздка въ деревню Тогуръ, въ 110 верстахъ отъ Нарыма. 279—280

Письмо къ нему же. Тогурь 11 (23) января 1846. Плохое состояніе здоровья; предполагаемая поѣздка въ Туруханскъ 280—281

V. Путешествіе изъ Нарыма въ Томскъ.

Письмо къ Шёгрёну. Томскъ 5 (17) марта. По отъѣздѣ изъ Нарыма трехмѣсячное пребываніе между томскими Самоѣдами, изученіе языка ихъ и различныхъ его нарѣчій въ деревняхъ Тогурь и Молчановкѣ на Оби.—Татарское племя Бушта въ окрестностяхъ Томска; преданіе о князкѣ его Тоянѣ 281—284

Письмо къ Раббе. Томскъ 3 (17 марта). Переѣздъ изъ Нарыма въ Томскъ 470 верстъ. — По дорогѣ трехмѣсячное пребываніе въ лѣсныхъ странахъ у Самоѣдовъ; ихъ жалкая жизнь; Барабинскія болота.—Рождество и новый годъ въ русской деревнѣ Тогурь; необыкновенно искусный и говорливый Самоѣдъ. — Масляница въ деревушкѣ Молчановой; страшно распространенное пьянство въ Сибири какъ между мужчинами, такъ и женщинами.—Близъ Томска Татары; ихъ гостепримство и благодушіе 284—287

Письмо къ Шельману. Томскъ 3 (17 марта). Сродство Финновъ съ Тунгузами, Манджурами и Монголами.—Возраженіе противъ различій Кавказской и Монгольской расъ какъ съ физиологической, такъ и преимущественно съ филогической 287—291

Путевой отчетъ. Самоѣды Томской губерніи. Главное народонаселеніе въ сѣверныхъ частяхъ этой губерніи, отъ Тыма до Чулыма, за исключеніемъ Васьюганской рѣчной области—самоѣдское. — Общій обзоръ распространенія остяцкихъ и самоѣдскихъ племенъ въ сѣверозападной Сибири и по границамъ ея.—Языкъ, религія, образъ жизни томскихъ Самоѣдовъ.—Языкъ ихъ и три его нарѣчія: 1) нижнее, 2) среднее или кетское и 3) верхнее. — Ихъ міеологія; Нумъ и подчиненные ему духи Лохеты и Лосеты; шаманы и фетиши; заклинанія и чары.—Сходство ихъ богатырскихъ пѣсней съ финской Калевалой; содержаніе двухъ самоѣдскихъ богатырскихъ пѣсней; пѣсни лирическаго содержанія; старыя преданія о чудскихъ могилахъ.—Одежда и образъ ихъ жизни теперь не многимъ отличается отъ жизни и одежды иртышскихъ и сургутскихъ Остяковъ; сильное вліяніе на нихъ Русскихъ.—Промыслы и ежедневныя занятія лѣсныхъ Самоѣдовъ, живущихъ по притокамъ Оби; поѣздки зимою на охоту въ маленькихъ саняхъ, *партяхъ*; охотничьи снаряды и звѣри; рыболовство лѣтомъ и зимою 291—311

VI. Путешествіе изъ Томска въ Енисейскъ

Письмо къ Лёпроту. Енисейскъ 20 марта (1 апрѣля) 1846. Прибытіе въ Енисейскъ. — Филогическія замѣчанія о языкахъ остяцкомъ и самоѣдскомъ.—Небезопасность дорогъ 312—313

Письмо къ Раббе. Енисейскъ 20 марта (1 апрѣля) 313—314

Письмо къ Шёгрёну. Маковская 2 (14) апрѣля. Маковская — деревня въ 90 верстахъ къ западу отъ Енисейска; намѣреніе остаться въ этой лѣсной сторонѣ, чтобъ разрѣшить спорный вопросъ о Натско-пумнокольскихъ Остякахъ.—Кое что о путешествіи изъ Томска въ Енисейскъ;

населеніе по всей этой дорогѣ русское, за исключеніемъ Татаръ въ вѣ- которыхъ мѣстахъ.—Койбалы и различныя мифыя объ этомъ татарскомъ племени.—Р. С. Пумпокольскіе Остяки—чистые Самоѣды; Клапротъ пе- правъ, Степановъ правъ	315—318
Письмо къ Раббе. Маковская 3 (13) апрѣля	318—319
Письмо къ Коллану. Енисейскъ 8 (20) мая. Возвращеніе изъ Ма- ковской.—Бергстади въ деревнѣ Андиферовой	319—320
Письмо къ Шёгрёну. Енисейскъ 16 (28) мая. Еще кое-что о Нат- ско-пумпокольскихъ Остякахъ	321—322

VII. Путешествіе изъ Енисейска въ Туруханскъ и Тол- стый—Носъ.

Путевые отчеты: 1) Отъѣздъ изъ Енисейска, 18 (30) мая 1846, въ небольшой лодкѣ внизъ по Енисею; по берегамъ льдины; окрестности дики и однообразны. — Въ началѣ, въ златоносной Енисейской странѣ встрѣчаются еще деревни, Андиферова, Назимова и друг.; разнообраз- ность населенія; Енисейскіе-Остяки.—Устье Сыма, ярмарка, берестяныя юрты; стапы князьковъ Тунгузскаго и Остяцкаго. — Физиономія, одеж- да, характеръ, маеры и игры Тунгузовъ. — Добродушіе остяцкаго князька и его семейства; крайняя бѣдность его; старина и мифология Енисейскихъ-Остяковъ; стрѣльба изъ луговъ и плевка.—Крайняя нище- та какъ Русскихъ, такъ и Остяковъ ниже Сыма. — Ссылные разныхъ націй и вѣръ.—Устье Нижней-Тунгузки; монастырь; дровяна Мангазея, легенда. — Прибытіе въ Туруханскъ; мрачная наружность города, дома, улицы и проч. — Ярмарка и сборъ податей съ туземцевъ этой страны; Енисейскіе-Остяки, Байхисскіе, Тазовскіе и Каразинскіе Самоѣды и ихъ князьки.—Промыслы и дикость живущихъ по Енисею Остяковъ-Самоѣ- довъ, Тунгузовъ и т. д. Отъѣздъ въ деревню Дудинку.—Трудность пла- ванія въ лодкѣ, тѣснотой внизъ по Енисею собаками.—Пустынность бе- реговъ.—Трехпедальное пребываніе въ зимовьѣ Плахинѣ и восьмиднев- ное—въ зимовьѣ Хаитъ-йка	322—337
---	---------

2) Отъѣздъ изъ Дудинки, послѣ трехмѣсячнаго въ ней пребыванія, въ Толстый-носъ въ такъ называемомъ <i>балокѣ</i> (родъ оленьихъ санокъ).— Зимовья Замылово, Зелякино, Казацкое и др.; всѣ они полны Енисей- скими-Самоѣдами, возвращающимися съ приморскихъ тундръ; ихъ раздѣ- леніе на три рода: Хантайскихъ, Карасинскихъ и Подгорныхъ или Бай- хисскихъ. — Прибытіе въ зимовье Толстый-носъ. — Солнце исчезло; вмѣсто его мѣсяцъ, звѣзды и сѣверное сіяніе.	338—341
--	---------

Письмо къ Раббе. Туруханскъ 28 іюня (10 іюля).— Въ извиненіе маленькая повѣсть о честномъ зырянскомъ крестьянинѣ Кириллѣ въ Ижмѣ; усиленныя занятія бѣдными Самоѣдами всѣхъ странъ міра.—Тун- гузы—дворянство Сибири; такъ называемые Енисейскіе-Остяки совершен- но особенное племя, сосредоточенное между Енисейскомъ и Турухан- скомъ.—Городъ Туруханскъ, съ 1822 г. жалкое мѣстечко.	341—344
--	---------

Письмо къ Раббе. Туруханскъ 13 (23) іюля. Свадьба въ Туру- ханскѣ; прибытіе въ городъ окружнаго начальника.	343—346
---	---------

Письмо къ Шёгрёту. Туруханскъ 28 іюня (10 іюля).	346—347
---	---------

Письмо къ Шёгрёну. Туруханскъ 17 (29) іюля. Отчетъ о путеше- ствіи изъ Енисейска въ Туруханскъ. — Туруханскъ полонъ Самоѣдовъ;	
--	--

заявіе въ продолженіи шести недѣль по преимуществу тазовскимъ нарѣчіемъ.—Важныя поправки Кларотовыхъ таблицъ въ отношеніи этого нарѣчія и Лаанскихъ Гусиныхъ-Остяговъ.—Этнографическія посылки.	348—352
Письмо къ Коллану. Туруханскъ 17 (29) іюля.	332—333
Письмо къ Шёгрёну. Дудинка 10 (22) ноября. Причины, почему вмѣсто того, чтобъ отправиться къ Тазу отправился сюда. — Занятія со времени пріѣзда въ Дудинку, 23 августа (4 сент.), языкомъ Тавги или Авамско-самоѣдскимъ.—Долганы, три небольшіе якутскіе племена.	333—335
Письмо къ Раббе. Дудинка 10 (22) ноября. Опять въ области тундръ. — Ежедневныя прогулки по тундрамъ, ради здоровья; чуть не заблудился.—Статистика; люди и животныя.	333—339

VIII. Обратное путешествіе изъ Толстаго-Носа въ Енисейскъ.

Путевый отчетъ. Толстый-Носъ поворотный пунктъ путешествія къ северу; туземцы — Юраки.—Возвращеніе въ Дудинку, Авамскіе Самоѣды. — Зимовье Хантайка; трехнедѣльное занятіе Енисейско-самоѣдскими нарѣчіями.—Обратная поѣздка въ Туруханскъ; прибытіе въ него въ серединѣ января въ саняхъ, запряженныхъ 16 собаками.—На пути изъ Туруханска въ Енисейскъ изслѣдованіе двухъ енисейско-самоѣдскихъ нарѣчій: имбаккаго и сымскаго.—Преданія и предположенія о происхожденіи и колонизаціи Енисейскихъ-Остяговъ.	349—363
Письмо къ Шёгрёну. Туруханскъ 11 (23) января 1847. Прибытіе въ Туруханскъ. Нѣсколько словъ объ обратномъ путешествіи изъ Толстаго-Носа и о занятіяхъ во время этого путешествія.	363—365
Письмо къ Шёгрёну. Назимова 22 февраля (6 марта). Занятія, несмотря на болѣзнь, Енисейскими-Остяками въ деревняхъ Верхне-Имбака и Бахтѣ и потомъ въ Назимовой.—Койбалы и Сойоты.	365—366
Письмо къ Лёйроту. Назимова 22 февраля (6 марта). Возвращеніе изъ полярной страны.—Енисейскіе-Остяки; ихъ языкъ и особенности.—Еще о Койбалахъ	366—367
Письмо къ Раббе. Назимова 22 февраля (6 марта).	368—369
Письмо къ Шёгрёну. Енисейскъ 22 марта (3 апрѣля).	369—370
Письмо къ Коллану. Енисейскъ 22 марта (3 апрѣля). Приготовленія къ поѣздкѣ въ Минусинскъ: цѣль этого путешествія.	370—371
Письмо къ Раббе. Енисейскъ 22 марта (3 апрѣля)	371—372

IX. Путешествіе въ Минусинскомъ округѣ до Китайской границы.

Письмо къ Шёгрёну. Минусинскъ 20 апрѣля (2 мая). Отъѣздъ изъ Енисейска въ городъ Ачинскъ; отсюда по большой дорогѣ въ Ужуръ; конецъ зимняго пути. — Четырнадцати-дневная ѣзда по степямъ казынскихъ и качинскихъ Татаръ, вверхъ по Бѣлому-Юсу мимо Небесныхъ-озеръ. — Преданія о Чули и древнихъ могилахъ или курганахъ; сомнительное происхожденіе ихъ.—Отвѣтъ на вопросы г. Кёшнена о различныхъ татарскихъ племенахъ. — Дороговизна въ этой странѣ.	372—377
Письмо къ Раббе. Минусинскъ 22 апрѣля (4 мая).	377—378
Путевый отчетъ. Минусинскъ.—Занятія въ домѣ качинскаго степнаго управленія при устьѣ Абакана татарскимъ языкомъ. — Поѣздка въ	

Качинскую и Сагайскую татарскія степи на лѣвой сторонѣ Абакана.—Койбалъское погребеніе; погребеніе вообще Татаръ.—Однообразіе степи; тамъ и сямъ курганы, татарскія деревни или улусы. стада и табуны, пастуи и пастушки.—Посѣщеніе богатаго качинскаго Татарина; его красивая жена; ширъ и совѣтъ; айранъ. — Опять въ степи; лошадь любимое животное Татарина.—Отысканіе древнихъ надписей по рѣкѣ Уйбать.—Ночлегъ у трехъ женатыхъ братьевъ.—Татарское зимовье у горы Ю-тагъ; хозяинъ пѣвецъ.—Богатырскія пѣсни Татаръ; сходство ихъ съ финскими и самоѣдскими; могущество пѣсни.—Мифологическія повѣя: Кудай—высочайшее божество и доброе начало, и его ханы; Айна—злое начало, и Прлз-ханъ; чествованіе скалъ, каменныхъ истукановъ, деревьевъ и различныхъ животных.—Поѣздка далѣе до рѣки Аскизи; при впаденіи ея Сагайкой управленіе. — Управленіе Минусинскаго округа. — Татарскія племена принадлежащія къ каждому изъ нихъ; происхожденіе ихъ частью отъ Тюрковъ и Киргизовъ, частью отъ Самоѣдовъ. Енисейскихъ—Остяковъ, Ариновъ и Маторовъ; преданіе объ Аринахъ.—Разрываніе кургановъ.—Новыя поѣздки по Койбалъской степи вдоль праваго берега Абакана.—Около трехъ недѣль въ деревнѣ Уть и окрестныхъ улусахъ между Койбалъями; печальныя воспоминанія объ экспедиціи Палласа; русскіе поселенцы. — Ночь въ бѣдной койбалъской юртѣ; пѣсня о Тьенаръ—Кусѣ и его женѣ. — Плаваніе вязизъ по Енисею отъ деревни Азначеное; многочисленныя фигуры, высѣченныя изъ скалахъ киргизскаго происхожденія.—Поѣздка на востокъ вдоль берега Тубы.—Шадатскій форпостъ; отсюда путешествіе въ Саянскія горы верхомъ. — Гора Чокуръ.—Николаевскій золотой пріискъ. — Высокія, покрытыя снѣгомъ вершины или Таскыли; преданія о нихъ.—Китайская граница. 378—403

Письмо къ Шѣгрелю. Шуша 13 (27) іюня. Причины скорого оставленія Енисейскихъ-Остяковъ. — Языкъ Койбаловъ, Маторовъ и Тубинцевъ, прежде самоѣдскихъ племенъ.—Древніе курганы. — Высѣченныя на камняхъ фигуры и знаки. 403—406

Письмо къ Раббе. Шуша 17 (29) іюня. 406—408

Письмо къ Шѣгрелю. Шадатскъ 5 (17) іюля. 408—409

Письмо къ нему же. Деревня Тесь на Тубѣ 3 (17) августа. Возвращеніе изъ полаго приключеній путешествія черезъ Саянскія горы.—Посѣщеніе Небесной имперіи; Сойотскій Дарга или князь.—Сойоты большею частью чистые Татары, частью же самоѣдскаго происхожденія.—Какъ Самоѣды, такъ и Енисейскіе-Остяки вышли изъ Саянской горной системы 409—412

Письмо къ Раббе. Деревня Тесь 3 (17) августа. 412—413

Письмо къ Шѣгрелю. Минусинскъ 3 (17) сентября. 413—414

Письмо къ Раббе. Минусинскъ 3 (17) сентября. — Еще разъ въ деревнѣ Шушѣ.—Опять въ Минусинскѣ. 413—416

Письмо къ Лѣнтроту. Красноярскъ 23 сент. (3 окт.). 416—418

X. Путешествіе въ Канскомъ округѣ до Иркутска.

Письмо къ Шѣгрелю. Андша 11 (23) октября. Андша деревня въ Канасинскихъ лѣсахъ, около 150 верстъ отъ Канска. 418—419

Письмо къ Раббе. Андша 3 (17) ноября. Камасинцы говорят тремя языками: татарскимъ, самоѣдскимъ и коттскимъ; я занимаюсь послѣднимъ. 419--421

Письмо къ Шёгрёну. Агульскъ 1 (13) декабря. Камасинцы три разныя націи и раздѣляются на три улуса: Угумаковъ, Абалаковъ и Агульской. —Первый составляютъ по происхожденію качинскіе Татары, частью земледѣлы, частью пастухи и называются степными-Камасинцами. —Второй—такъ называемые Кальмашенилы или лѣсные-Камасинцы, по происхожденію Самоѣды—единственные изъ оставшихся въ южной части Енисейской губерніи: ихъ около 130 душъ пяти различныхъ родовъ: они бѣдны, занимаются звѣроловствомъ, языкъ очень похожъ на языкъ сѣверо-восточныхъ Самоѣдовъ. —Третій—остатокъ Коттовъ; этихъ 76 душъ; языкъ—нарѣчіе Енисейскихъ-Остяковъ; по образованію—Русскіе. — Карагасы. 421—426

Письмо къ Шёгрёну. Нижнеудинскъ 14 (26) января 1848. Болѣзнь.—Рѣчныя области Авы и Усолки; даже и память объ Асанахъ исчезла въ этихъ странахъ; единственные туземцы—Тунгузы.—Разсѣянные остатки Коттовъ или Котовцевъ, на половину Русскихъ, на половину Бурятъ, по близости Нижнеудинска; Конгроичи близъ Канска.—Занятія въ Нижнеудинскѣ монгольскимъ и карагасскимъ.—Карагасы татарское племя; по многому намекаетъ на ихъ самоѣдское происхожденіе.—Общее происхожденіе Карагасовъ, Койбаловъ и Сойотовъ; ихъ языки только діалектныя разности тюркскаго и качинскаго. 426—431

Письмо къ Раббе. Нижнеудинскъ 6 (18) января. Занятіе карагасскимъ и бурятскимъ; сродство монгольскаго съ тюркскимъ, самоѣдскимъ и финскимъ. 431—433

Письмо къ Шёгрёну. Иркутскъ 1 (13) марта. Отъѣздъ изъ Нижнеудинска въ Иркутскъ, а отсюда въ Тунку.—Находящіеся здѣсь Сойоты, теперь одинъ только родъ, по языку и обычаямъ Буряты, а по религіи поклонники Ламы; всякое воспоминаніе о ихъ самоѣдскомъ происхожденіи исчезло. Возвращеніе въ Иркутскъ. 433—433

Письмо къ Раббе. Иркутскъ 27 февраля (10 марта). Второй разъ въ Иркутскѣ; это лучший городъ Сибири; роскошь и пербургскія моды. 433—436

Письмо къ Европеусу. Иркутскъ 27 февраля (10 марта). 436—438

XI. Путешествіе въ Кяхту и Нерчинскъ.

Путевый отчетъ. Отъѣздъ изъ Иркутска, въ саняхъ по Ангарѣ.—Переѣздъ по гладкому льду черезъ Байкаль.—За Байкаломъ многочисленныя деревни; населеніе Русскіе и Буряты; разсказы о древнихъ исчезнувшихъ народахъ и, между прочимъ, о народѣ Бите; названія мѣстностей финско-самоѣдскаго происхожденія. —Верхнеудинскъ.—Селенгинскъ.—Бурятскій храмъ при Гусиномъ-озерѣ.—Посѣщеніе Хамба-Ламы въ его жилищѣ; разговоръ съ нимъ о будистскомъ ученіи.—Отрывокъ изъ рукописи о Далай-Ламѣ, Богодо-Бачинѣ и храмахъ Тибетскихъ; Сампо.—Бурятскій чиновникъ.—Бурятскіе улусы; деревянныя избы и войлочные юрты; фетиши.—Одежда богатыхъ и бѣдныхъ Бурятъ; пища.—Прибытіе въ Кяхту.—Маймачинъ.—Наружный видъ его; улицы, ворота, жилища, дворы.—Гостепріимство Китайцевъ. 438—431

Письмо къ Раббе. Кяхта 22 марта (3 апрѣля).—Посѣщеніе Маймачина.—Прѣбываніе у Бурятъ; ученость, медицинскія и другія познанія ихъ замъ	432—434
Письмо къ Шёгрёну. Нерчинскій главный рудникъ 18 (30) мая. Отчетъ о Забайкальскомъ путешествіи.—Прибытіе въ Кяхту; поѣздка въ Кударейскую степь. Поѣздки въ Хоринскую и Анинскую степи; бурятскій храмъ въ Ара-Киретю.—Яблонный хребеть.—Деревня Чита; поѣздки отсюда по всѣмъ направленіямъ, чтобъ познакомиться съ нерчинскими Тунгузами.—Прибытіе въ Нерчинскъ.—Каторжники	434—438
Письмо къ нему же. Чита 3 (13) іюля. Три недѣли въ русской деревнѣ Кондуевской, по причинѣ болѣзни; отсюда по Агинской степи въ Читѣ.—Занятія здѣсь, несмотря на болѣзнь; разныя преданія о происхожденіи здѣшнихъ кургановъ	438—460
Письмо къ Раббе. Чита 3 (13) іюля	460—461
Письмо къ Шёгрёну. Иркутскъ 12 (24) августа. Продолженіи исторіи болѣзни	461—492
Письмо къ Раббе. Иркутскъ 12 (24) августа	462—463

ХІІ. Возвратное путешествіе изъ Иркутска въ С. Петербургъ.

Письмо къ Шёгрёну. Красноярскъ 3 (13) ноября. Отъѣздъ изъ Иркутска и прибытіе въ деревню Балай.—Сильное горловое кровотеченіе.—Волостные чиновники; врачъ изъ Красноярска.—Меня перевозятъ въ Красноярскъ: запрещеніе всякаго движенія и занятія	493—465
Письмо къ Раббе. Красноярскъ 3 (13) ноября	465—467
Письмо къ нему же. Омскъ 2 (14) декабря. Перѣздъ изъ Красноярска въ Омскъ, съ ланцетомъ въ карманѣ, въ 12 дней.—Встрѣча какъ въ Томскѣ, такъ и въ Омскѣ земляковъ	468—469
Письмо къ Шёгрёну. Уфа 21 декабря (2 января 1849 г.).—Разное о путешествіи изъ Красноярска сюда.—Холера въ Златоустѣ.—Священникъ Вологодскій	469—470

ДОНЕСЕНІЕ ВЪ ИМПЕРАТОРСКУЮ АКАДЕМІЮ НАУКЪ.

Упомянутое о прежнихъ путешествіяхъ: въ финскую и русскую пограничную Лапландію, въ сѣверную Россію и Сибирь въ 1841—1844 годахъ.—Краткій обзоръ путешествія въ Сибирь 1843—1848 годовъ; изслѣдованія самоѣдскаго племени, по инструкціи—главная цѣль послѣдняго путешествія.—Плоды этихъ восьмилѣтнихъ путешествій—масса, болѣею частью неприведенныхъ въ порядокъ матеріаловъ, преимущественно филологическихъ и этнографическихъ. Важнѣйшіе изъ нихъ—лингвистическія замѣтки о самоѣдскомъ языкѣ, его трехъ главныхъ нарѣчійхъ и многихъ діалектныхъ разностяхъ.—Обнародованныя уже сочиненія о финскихъ языкахъ; замѣтки о угро-остяцкомъ языкѣ и его двухъ главныхъ нарѣчійхъ, частью уже обработанныя.—Замѣтки о енисейско-остяцкомъ и сродномъ съ нимъ котскимъ, о татарскихъ и бурятскихъ нарѣчійхъ, принадлежащихъ прежнимъ остяцкимъ и самоѣдскимъ племенамъ, извѣ-

ствымъ подъ различными названіями, и наконецъ матеріалы для тунгусскаго языка по перчинскому нарѣчію. — Этнографическія матеріалы для описанія Самоѣдовъ; матеріалы касающіяся Енисейскихъ-Остяковъ и Котловъ съ замѣтками объ Аринахъ, Асанахъ, Койбалахъ, Сойотахъ и т. д.; касающіяся Угрскихъ-Остяковъ, минусинскихъ Татаръ, Бурятъ и Тунгузовъ. — Пѣсни и сказки, особенно Самоѣдовъ и минусинскихъ Татаръ. — Въ археологическомъ отношеніи обращалось преимущественное вниманіе на курганы и надписи въ Минусинскомъ округѣ и въ Забайкальѣ. —
 Заключение. 470—476

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Енисей въ своемъ теченіи отъ Енисейска до Ледовитаго моря. 477—482

РИСУНКИ.

Портретъ Кастрена.

Портреты Самоѣдовъ.

